

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Кафедра иностранных языков инженерной академии
ШКОЛА ДИДАКТИКИ ПЕРЕВОДА Н.Н. ГАВРИЛЕНКО**

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННЫЙ
ПЕРЕВОД:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных трудов

Выпуск 17

**Москва
Российский университет дружбы народов
2022**

УДК 82.03(063)
ББК 81.1
П84

У т в е р ж д е н о
*РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов*

Под редакцией
Н.Н. Гавриленко

П84 **Профессионально ориентированный перевод:
реальность и перспективы** : сборник научных трудов /
под ред. Н. Н. Гавриленко. – Москва : РУДН, 2022. –
512 с. : ил. – (Вып. 17).

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 82.03(063)
ББК 81.1

ISBN 978-5-209-11392-8

© Школа дидактики перевода
Н.Н. Гавриленко, 2022
© Оформление. Российский университет
дружбы народов, 2022

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор –
руководитель Школы «Дидактика перевода», д-р пед. наук,
проф. каф. иностранных языков инженерной академии РУДН
Н.Н. Гавриленко;

Зам. ответственного редактора –
зав. каф. иностранных языков инженерной академии РУДН,
доц., канд. пед. наук *С.В. Дмитриченкова,*
sw.wd@mail.ru;

декан переводческого факультета МГЛУ, канд. филол. наук,
доцент *Е.А. Похолкова, pf@linguanet.ru;*

директор Проектного офиса международного сотрудничества
МГЛУ, профессор *О.Г. Егорова, o.egorova@linguanet.ru;*

декан факультета иностранных языков ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского, канд. филол. наук, доцент
Е.Д. Малёнова, malenova@mail.ru;

заведующий кафедрой языкознания и переводоведения
ИИЯ МГПУ, канд. филол. наук, доцент
К.С. Карданова-Бирюкова, kardanova81@yandex.ru;

руководитель секции «Переводоведение и подготовка
кадров» Союза переводчиков России, к.ф.н.,
доц. Школы иностранных языков НИУ ВШЭ
И.В. Убоженко, iubojenko@hse.ru;

президент Ассоциации преподавателей перевода,
доцент кафедры перевода РГПУ им. А.И. Герцена
Н.В. Нечаева, nechaevanata@bk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		9
Андрющенко И.С.	Specific features of proper name	
Корзин А.С.	translation.....	11
Шалеева Е.Ф.		
Анищенко А.В.	Тифлокомментирование	
Санжарова И.Э.	в межкультурном и социальном посредничестве (дидактический аспект)	29
Басова П.В.	Возможности использования и методы обучения реверсивному переводу для сохранения культурного и языкового многообразия башкирского языка	43
Болотова Р.Ш.	Об учебно-исследовательской работе студентов, обучающихся английскому языку на неязыковых факультетах	53
Брега О.Н.	Реализация	
Круглякова Г.В.	персонализированного обучения при подготовке переводчиков (на примере работы переводческого проекта в университете).....	62
Ведерникова Ю.В.	Цифровой инструментарий на занятиях по английскому языку при обучении будущих переводчиков	76
Волкова Я.А.	Перевод образовательной	
Шалеева Е.Ф.	документации с русского языка на английский	91

Гавриленко Н.Н.	Критерии оценки сформированности профессиональной компетенции отраслевого переводчика.....	100
Гакова Е.В.	Геймификация как мотивационный ресурс при обучении иностранным языкам..	124
Гибкий П.В.	Обучение использованию способов адекватной передачи металингвистического значения полусуффиксов 了 (LE) и 过 (GUÒ) при переводе с китайского языка на русский ..	134
Гульдеева А.В. Скворцов А.В.	Разбор по непосредственным составляющим как ключ к переводу танских стихотворений на примере «Песни о боевых колесницах» Ду Фу	148
Должич Е.А. Villegas S.M.A. Villegas S.R.J.	Заимствования в испанском академическом дискурсе.....	171
Егорова О.Г. Липачева А.А.	Цели устойчивого развития ООН: роль и место переводчика в их реализации	176
Еремина А.Д.	Обучение художественному переводу: сопоставительный анализ коммуникативных и симптоматических кинем в английском и русском языках (J. Galsworthy «The Forsyte Saga» vs Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).....	187
Канунникова А.С.	Межъязыковая передача творческих нарушений в речи персонажа-ребенка.....	196

Королькова С.А. Новожилова А.А. Наумова А.П.	Машинный перевод и постредактирование: дидактический аспект.....	206
Кучкина А.С.	Стратегии передачи отрицательных конструкций в художественном переводе: дидактический аспект.....	218
Леонова А.К.	Творчество в оригинале и переводе (на примере юмора в сериале «Тед Лассо»).....	227
Митягина В.А.	Дискурсология в теоретической подготовке переводчика.....	237
Моралова Л.В.	Языковые и культурные особенности перевода кинокомикса с русского на английский язык.....	247
Новикова Т.Б.	Интерпретация как реализация творческого мышления переводчика.....	256
Новикова Э.Ю.	Устный специальный перевод на примере садоводческого дискурса: вопросы дидактики.....	263
Онал И.О.	Обучающий и мотивирующий потенциал конкурса письменного перевода общественно-политического текста.....	276
Парина И.С. Салаев П.В.	Инструменты создания автоматизированных глоссариев для подготовки устных переводчиков в специальных областях.....	290
Ряховская А.Ю. Ряховская Я.О.	Особенности юридического перевода с учетом реалий Великобритании.....	302

Скворцов А.В. Кондратова Т.И.	Анализ параллелизма, изобразительно-выразительных средств и новый художественный перевод произведения Ду Фу «Песнь о том, как осенний ветер разрушил мою камышовую хижину».....	313
Усачев В.А. Усачева Г.М. Усачев О.А.	Анализ фразеологических сочетаний слов английского языка.....	332
Федотова К.И.	Образовательный потенциал сопоставительного анализа метафоры в тексте оригинала и перевода (на материале романа «Щегол» Д. Тартт).....	341
Черепихина Р.Д.	Проблема перевода аллюзии в современной литературе.....	356
Шелестюк Е.В.	Лингвокультурный перенос при переводе, связанный с различием стилей и жанров языков (на примере текстов газетно-публицистического стиля).....	363

Испанская секция

Dra Carmen Rodríguez Wangüemert	Crónicas periodísticas: relatos e inmigración.....	378
Dra Estela Maris Palis	La globalización y la modernización del sistema educativo. El papel de los medios de comunicación en la rioja, Argentina.....	396

Dr. Daniel Cohen	La importancia del radioteatro en Argentina.....	416
Dr. Eduardo Dalmaso	El cimiento de una sociedad justa...	427
Dr. Efraín Molina	Economía informacional: impacto sobre el crecimiento, desarrollo tecnológico y la competitividad en América Latina.....	444
Dr. Jorge Adino De Bernardo	Covid 19: Mensaje de la naturaleza?.....	465
Dr. Ricardo Del Barco	La democracia en Argentina.....	470
Sánchez P.Y. Шабанова А.Ю.	El enfoque creativo en la enseñanza y el aprendizaje del español como lengua extranjera.....	494
Sánchez P.Y. Шабанова А.Ю.	Эволюция методов и способов обучения иностранным языкам.....	499

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос устойчивого развития поднимается уже давно. Наиболее часто это понятие определяют как *«такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, и что мне кажется важным, не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»*.

Одна из 17 целей, предусмотренных ООН стратегией устойчивого развития до 2030 года: *«Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»*.

На сайте ЮНЕСКО отмечается: *«Чтобы люди могли научиться вести ответственную жизнь и решать сложные проблемы мирового значения, образование должно поощрять развитие критического мышления и качеств, позволяющих прогнозировать ход событий в будущем и совместно принимать решения. Для этого необходимы новые подходы к обучению, развитие динамичных и экологических обществ и экономики, а также воспитание глобальной гражданской ответственности»*.

Для достижения этих целей чрезвычайно важным представляется процесс подготовки переводчиков – специалистов в области межкультурного и межъязыкового общения. Нам важно представлять, какое место в глобальном образовательном пространстве занимает подготовка специалистов в области перевода и можем ли мы участвовать в образовании в целях устойчивого развития?

Мы провели нашу конференцию и надеемся, что вопросы, поднимаемые нашими участниками, помогут найти ответы на поставленные вопросы.

Дидактика переводческой деятельности – это педагогическая дисциплина, изучающая обучение и воспитание будущих переводчиков. Устойчивое развитие дидактики переводческой деятельности представляет собой непрерывный процесс обучения, исследования и развития специальных умений и навыков переводчика, формирование его жизненной позиции и ценностей. В основе лежит целостный подход, характеризующийся готовностью действовать и жить в быстроменяющихся условиях, участвовать в планировании социального развития, учиться предвидеть последствия предпринимаемых действий.

SPECIFIC FEATURES OF PROPER NAME TRANSLATION

*Andryushchenko¹ Irina Stanislavovna,
Korzin² Andrey Sergeevich, Shaleeva³ Elena Fedorovna*

*¹Senior teacher, RUDN University, ² assistant, RUDN University,
³Senior teacher, RUDN University*

Abstract. This article is devoted proper names translation. As far as significance of intercultural communication has greatly increased at the present stage of development of the society, with the circumstances given, representatives of different professions have to deal with a huge number of proper names in their work: these are names, surnames, names of geographical objects, organizations, works of art.

Keywords. Proper names, translation, Graphic transfer method, Explication method, Transposition method, Traditional transmission of proper names.

The article deals with different methods of proper name translation, its advantages and disadvantages, and also offers a lot of examples.

The significance of intercultural communication has greatly increased at the present stage of development of the society, with the circumstances given, representatives of different professions have to deal with a huge number of proper names in their work: these are names, surnames, names of geographical objects, organizations, works of art. According to the statement made by I.I. Ubin "It is more difficult to find that area of human activity where proper names do not occur or do not play an important role."

In this regard, the problem of transferring proper names from one language into another becomes vital. However, up to date, this issue has not received sufficient attention. There are no

uniform orderly rules for the transfer of proper names established in our country. Such an attitude can (and does) lead to the appearance of discrepancies, inaccuracies in the transfer of proper names into the target language, as well as the appearance of discordant or unpronounceable words.

According to Gilyarevsky R.S. the theory of proper names "is characterized by the apparent simplicity of problems, in the solution of which, nevertheless, one has to face difficulties." When studying it, a large number of questions arise: what should be attributed to proper names, what are the criteria for choosing a method of transmission, when should the meaning be conveyed, and when can they be translated literally, and does this concept even exist - "translation" of proper names?

Many philologists and linguists, such as V.S. Vinogradov, L.V. Shcherba, R.S. Gilyarevsky, A.I. Rybakin, D.I. Ermolovich and others, were engaged in the development of the problems of onomastics (the science of proper names). Despite this, many issues remain poorly studied, "there is no detailed system of principles and priorities that allows us to objectively weigh the significance of all elements of the form and content of proper names in real contexts and build correspondences for them based on more or less ordered criteria" (Ubin I.I. "With a name - Ivan, without a name - a fool").

The object of this work is proper names, **the subject** is methods and problems of transferring proper names into the target language.

The aim is to compile the study and available literature on the transfer of proper names.

Proper names

Translation of proper names is believed to be a relatively easy task that does not cause any difficulties. In addition, this can be called translation rather conditionally, since the main methods of transmitting proper names are transliteration and transcription.

In modern linguistics, proper nouns are often defined as naming lexical units, in contrast to common nouns, which are considered denoting units. D.I. Ermolovich in his book "Methodology for interlingual transmission of proper names" says: "A proper name serves to identify a person or an object, therefore, its form is of increased importance in communication. Ideally, a proper name should not undergo any changes during the transition to a new language environment".

In other words, for proper names, the nominative function comes to the fore – naming – giving the name in order to distinguish objects of the same type from each other, in contrast to common names, the main function of which is to name in order to convey meaning. In the work of B.C. Vinogradov "Introduction to Translation Studies" is defined as follows: "A **proper noun** is a noun denoting a word or phrase intended to name a specific, well-defined object or phenomenon, distinguishing this object or phenomenon from a number of similar objects or phenomena. A proper name is opposed to a common noun".

In this context the meaning of a proper name can be determined only after the object that it means has been determined.

The proper name is the reality of the language. In speech, it names both a real and a fictional object of thought, a person or a place, one of a kind and unrepeatable.

"Each such name usually contains information about the local and national identity of the object it designates." ¹

In the internal form of a proper name (and by this the following is meant "the semantic structure of the word, the ratio of the values of the components"²) that makes up the word, you can trace the process of its formation, however, it can be obvious, for

¹ V.S. Vinogradov Introduction to translation studies (general and lexical issues). – M.: Publishing house of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education, 2001, p. 224.

² V.S. Vinogradov Introduction to translation studies (general and lexical issues). – M.: Publishing house of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education, 2001, p. 224.

example, river Uzb, town Oryol, The Rocky mountains; or unobvious, like city Chita, Skhodnya River, Chicago.

In everyday communication and in any contexts where proper names perform their usual functions, the internal form of these words, as a rule, is not important and therefore is not perceived. Even when the meaning of this form is clear, it is neglected because it is not important for the communication process. By naming an individual or an object, a proper name thereby distinguishes it from others of the same type.

From the perspective of grammatical properties and functions, proper nouns are nouns, this also applies to those cases “when they are designed as adjectives and act as definitions; they, together with the words to which they refer, form a single group that functions as a noun”³. For instance:

Ruza reservoir, The Rocky mountains.

The peculiarity of names and titles is that when they are transmitted into another language, they basically retain their sound appearance, since the sound shell becomes the primary objective. This happens because they designate individual objects directly, bypassing the stage of representation or general concept (referent). For example, Solnechnogorsk does not mean "Solnechnogorsk" in general (meaning the city of the Sun) but this particular city.

Proper names are analyzed by the science of Onomastics. **Onomastics** - from the Greek onomastike “the art of giving names” - is a branch of linguistics that studies proper names, the history of their origin and transformation as a result of long-term use in the source language or in connection with borrowing from other languages of communication. In a narrower sense, onomastics are proper names of various types (onomastic vocabulary). It is closely related to geography, history, logic and philosophy.

³ R.S. Gilyarevsky, B.A. Starostin Foreign names and titles in the Russian text. – M.: Higher school, 1985, p. 303.

As verbal signs, proper names can be treated from different aspects and on different levels - a content level and a level of expression. At the same time, their content level is narrowed (this is the name of a person, animal, geographical name), and the level of expression is wide (phenomena and relationships are sometimes very far from the content of the named object). "Due to the difficulty of describing and interpreting the plan of the content of a proper name and its relation to the level of expression (form) is considered by scientists from a variety of positions, often mutually exclusive"⁴.

Referential theories: The reference of a verbal sign is its relation to the designated object of reality. Theories of this direction see the reference in the reference of the name to the object of reality. Representatives: J. Mill, S. Kripke, G. Evans and others.

Asemantic theories are based on the fact that a proper name does not matter. Representatives: A. Gardiner, J. Hintikka.

Metalinguistic theories: believe that a proper name is a lexico-morphological unit X, defined as an entity (with an appropriate set of differential features), represented in speech in the form of Y, and Z in the written form. Representatives: J. Algeo, Gressel

Descriptive theories: are seen as a hidden, disguised definition. Representatives: G. Frege, B. Russell.

Types of names (compiled on the basis of the classifications proposed by R.S. Gilrevsky and D.I. Ermolovich)

Proper names, in particular, can be divided into the following types:

Personal names (anthroponyms)

- **personal name** - name at birth
- **patronymic** - naming by father, grandfather, etc.
- **surname** - generic or family name
- **nickname** – an informal name for someone or something

⁴ *D.I. Ermolovich* Proper names: theory and practice of interlanguage transmission. – M.: R.Valent, 2005, p. 416.

- **pseudonym** - individual or group
- **kryptonim** - hidden name
- anthroponyms of literary works (literary anthroponymics)
- **eponym** - (from the Greek eponymos, "giving a name") god, hero or person who gave the name to the city, community or year
- **ethnonym** - names of nations, peoples, nationalities
- **theonyms** - names of gods
- **zoonyms** – names of animals

Geographic names (place names/toponyms)

Among the toponyms, various classes stand out, such as:

- **Oikonims** (from the Greek oikos - dwelling, a place to live) - the names of inhabited places: cities, towns, villages, parking lots.
- **Hydronyms** (from the Greek. Hydros - water) - the names of water bodies: sea, river, source, lake.
- **Oronyms** (from the Greek oros - mountain) - the names of mountains.
- **Urbanonyms** (from the Latin Urbanus - urban) names of intracity objects.
- **Hodonims** (from the Greek. Hodos - path, road, street, channel) - street names.
- **Agoronyms** (from the Greek agora - area) - names of squares.
- **Dromonyms** (from the Greek. Dromos - running. Movement, way) - the names of communication routes.
- **Microtoponyms** (from the Greek mikros - small) - the names of small unpopulated objects.
- **Horonims** - the names of large areas, countries, vast spaces.

Other names

- names of unique artificial objects and structures (cinema "Moscow");
- names of unique natural phenomena (hurricane Katrina);

- names of companies and institutions (Moscow State University, Kristall manufacturer) and their abbreviations;
- titles of works of art (films, books, songs);
- names of goods and brands;
- names of astronomical objects.

Isolation of an object from a series of similar ones by assigning a proper name to it is called **individualization**. In addition, the assignment of a proper name “immediately places the object in a number of contexts (linguistic, psychological, social). This should be taken into account when translating names in works of fiction, where individualization with the help of a proper name serves as a very frequent technique that creates the appropriate psychological, geographical or historical context”⁵.

Proper names have a definite form when writing, distinguishing them from the whole group of common nouns. So, in European languages, proper names are written with a capital letter, sometimes they are highlighted with quotation marks. In addition, they may reflect outdated language norms or norms of another language.

Graphic transfer method:

A proper name, ideally, should not undergo through any changes when transferred from one language to another. Keeping this in mind, the graphic transfer method can serve as an ideal method, i.e. "Spelling a proper name in the translation text with the same symbols as in the original text."⁶ All controversial issues of the transfer with the direct inclusion of a foreign name on its graph in the text automatically disappear. But another difficulty appears: how to preserve the pronunciation of the name? In some cases, this leads to the fact that the name becomes pronounced only for those

⁵ *Гиляревский Р.С., Старостин Б.А.* Иностранные имена и названия в русском тексте - М.: Высшая школа, 1985, 303 с.

⁶ *Ермолович Д.И.* Методика межъязыковой передачи имен собственных. – М.: Р-Валент, 2009, 86 с.

who already know its pronunciation in the source language - this is the main and very significant disadvantage of this method.

However, the graphic transfer method also has its positive aspects: the name is immediately recognized, also it stands out in the surrounding text, which is very important for proper names.

This method is used in most countries where Latin script is widely spread. It is most commonly used in medical literature, where the names of scientists and doctors are usually indicated, *whose works the author refers to in the text*. For example, "as Richards thinks ...".

Various Russian language newspapers, magazines, Internet publications may sometimes contain the original names of other periodicals, firms, trademarks in their informational, commercial and advertising texts. This happens due to the fact that the reader may need this information for further search, business correspondence and other needs.

This method can also be applied to the names of products and developments, in the field of information technology (operating systems, programs, etc.)

The graphic transfer is widely applied to the names of bands, songs, etc.

This method is not recommended to be used in works of art and official business documents.

Explication method

In the case when a proper name is included in text in Russian using the method of graphic transfer, its role in the structure of the statement relative to other members of the sentence may be unclear and indefinite. The explication method is used to eliminate it. "It means that the lexical unit is introduced to the text which explicitly denotes the subject category of a proper name. Such words, in addition to indicating the class of the referent of a proper

name, take on the function of expressing syntactic relations in a sentence. "7 for example:

«Переговоры касались вопроса о предоставлении банком Paribas кредита фирме Thomson».

Transposition method

The principal of the method is “using a proper name from the onomastic fund of the receiving language, which has a common etymology with the original proper name»⁸.

Consider examples below:

George – Георгий

Den – Денис

Andrew – Андрей

Mary – Мария

Catherine – Екатерина

In modern translation theory, this method is considered unreasonable, because it violates the principle of reflection of national and linguistic affiliation. This method is appropriate when transferring the names of some works of art, as well as while maintaining traditional correspondences.

Traditional transmission of proper names:

A deviation from the accepted procedure for transcribing a foreign proper name into Russian is traditionally transmitted. This is not a translation, not a transcription or transliteration, it is a kind of special way of transmission. “Its principal lies in the fact that there is no correspondence between the borrowed name (or part of it) and the form of it (or part of it) in the borrowing schedule, which would be associated with any currently valid or mandatory rules»⁹.

⁷ Ермолович Д.И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. – М.: Р-Валент, 2009, 86 с.

⁸ Ермолович Д.И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. – М.: Р-Валент, 2009, 86 с.

⁹ Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. – М.: Высшая школа, 1985, 303 с.

Consider examples below:
Henry – Генрих,
the English Channel – Ла-Манш.

Examples

1. *Tenet* – Довод.

The plot of the movie revolves around the notion of travelling in time both forwards and backwards, which coincides with the title being a palindrome. Likewise, the translation falls under the same term. Therefore, it cannot be called solely a lexical replacement since the graphic form of the word in the source language (palindrome) is preserved in the target language.

2. Среди них [последних обновлений] были, например, коды двухфакторной аутентификации для учетных записей **Google** (1), коды для трекинга отправлений **Amazon** (2), временные пароли для интернет-банкинга, коды для сброса учетной записи **Microsoft** (3) и другая аналогичная информация.¹⁰

Graphic transfer method was used in all 3 cases (1-3) in order to clarify the reference to the companies mentioned.

3. В одном из последних обновлений **iOS** (1) компания **Apple** (2) добавила более 70 эмодзи, в том числе и эмодзи бейгла — толстого бублика из заварного теста, который стал своеобразным символом **Нью-Йорка** (3)¹¹.

Graphic transfer method was employed in the first case (1) as there is no appropriate equivalent in Russian, while in the second explanation method was adopted to allow transition from the complement to subject by adding extra word simultaneously placing a Russian word between to English ones, which in turn makes the

¹⁰ Национальный корпус русского языка / [Электронный ресурс].
– Режим доступа: URL: www.ruscorpora.ru.

¹¹ Ibid.

sentences easier to read. In addition, as far as traditional transmission of proper names is concerned, 'New York' has a customary way of translation which is spelled differently in Russian (it is hyphenated).

Case studies

1. *Google*. Consider the examples below.

a) Настоящий договор об оказании рекламных услуг (далее — «Договор») заключается путем принятия данной публичной оферты Общества с ограниченной ответственностью «Гугл», юридического лица, созданного и действующего по законодательству Российской Федерации, с местом нахождения по адресу: Российская Федерация, 121099, Москва, Смоленская площадь 3, бизнес-центр «Смоленский пассаж» (далее — «Гугл», «Компания Гугл»), в лице генерального директора Долгова В.А., действующего на основании Устава, любым заинтересованным юридическим лицом, созданным и действующим по законодательству Российской Федерации или физическим лицом, являющимся гражданином или резидентом Российской Федерации (далее - «Заказчик»), (далее совместно именуются «Стороны», а по отдельности — «Сторона»).¹²

b) Его раздражение было легко понять, он кружил по району на машине, как какой-то залетный бомбила, в поисках адреса, где должно было состояться собеседование, но gps, яндекс-карта, гугл-мэпс и прохожие, как один, указывали ему на одинокое здание, от которого торчала из-за кривого бетонного забора только красная кирпичная труба, несколько выщербленная временем.¹³

¹² https://www.google.ru/intl/ru_ru/adwords/select/TCRussiaForGoogleRussia.html.

¹³ Национальный корпус русского языка / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.ruscorpora.ru.

с) В наше время литературу изучают через Гугл, так же хотел поступить и я, но не получилось: смартфона тоже нет, И вот я, в просторном офисе среди пустых столов и стульев, испытываю чувство, нет, не скажу, что ужаса, но некоторого дискомфорта.¹⁴

d) Ответчиками по искам выступают 13 организаций, включая «Гугл ЛЛС» и «Мэйл».¹⁵

e) Ни один из этих бойкотов не смог как-то повлиять на Huawei, кроме трудностей с сертификацией **Google**.¹⁶

f) Представитель **Google** рассказал Business Insider, что данный тезис устарел, учитывая современные технологии производства и оптимизации батарей.¹⁷

Undoubtedly, different registers and styles are known to have specific conventions motivating the choice of translation strategy, i.e. transliteration is to be found in official documents, whereas graphic transfer method may well be employed in news and articles. As regards imaginative literature, authors are more flexible and opt for what is necessary in a particular case. It should also be noted that spelling in Russian (capitalisation) may vary based on either the search engine or the company is being considered.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

2. Article ‘98 children aged 10-14 have killed themselves in last decade’ and its translation¹⁸ analysis.

Source Text	Translation
<p>ONS includes deaths of children under 15 for first time in its suicide figures, which also show rise in female suicides in England.</p>	<p>ONS (Office for National Statistics – <u>Национальная служба статистики</u>) впервые включает в свои цифры самоубийств смертность детей моложе 15 лет, а также показывает рост числа самоубийств среди женщин в Англии (Население Англии составляет более 80 % от общего числа населения Великобритании, Население Великобритании - 64 789 810 чел (на 2015 год, перев.).</p>

¹⁸ Национальный корпус русского языка / [Электронный ресурс].
– Режим доступа: URL: www.ruscorpora.ru.

Across the UK, 113 more women died by suicide in 2014 than in the previous year. In contrast, male suicide rates have remained stable. In recent years there has been an increase in suicide prevention strategies and support targeted at men in an effort to counteract the high rates of malesuicide. According to the ONS, the increase in the rate in England in 2014 contrasts with the rest of the UK, with the number of suicides falling in Wales, Scotland and Northern Ireland.

По всему *UK* на 113 женщин больше умерло от самоубийств в 2014, по сравнению с предыдущим годом. Уровень самоубийств для мужчин оставался при этом стабильным. В последние годы было увеличение в стратегиях предотвращения самоубийств и поддержки, нацеленных на мужчин, в усилиях воспрепятствовать высокому уровню мужских самоубийств. Согласно *ONS*, увеличение уровня в Англии в 2014 году контрастирует с остальными частями в *UK*, с падением числа самоубийств в Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии.

"It's of great concern to see an indication of an increase in female suicide," said **Ruth** Sutherland, the chief executive of **Samaritans**. "**Samaritans**' goal is that fewer people die by suicide and these figures help us to be more targeted in our work and reinforce the need for all agencies, the police, prisons, schools and **NHS** to work together to reduce death by suicide.
"Overall, there were 6,122 suicides in the UK in 2014, 120 fewer than in 2013 – a 2% decrease. The male suicide rate was more than three times higher than the female rate, with 16.8 male deaths per 100,000 compared with 5.2 female deaths.

"Нас глубоко беспокоит указание на увеличение женских самоубийств", – говорит **Руфь** Сазерленд (**Ruth Sutherland**), исполнительный глава **Самаритян** (благотворительная организация, перев.). – Цель, которую преследуют **Самаритяне** постараться, чтобы как можно меньше людей умирали от самоубийств, и эти цифры помогают нам быть более нацеленными в нашей работе и усилить осознание всеми агентствами, полицией, школами и **NHS** необходимости совместной работы для уменьшения смертности от самоубийств".
Всего в **UK** в 2014 году было 6122 самоубийства, на 122 меньше, чем в 2013 – уменьшение на 2%. Уровень мужских самоубийств был более, чем втрое выше по сравнению с уровнем для женщин – 16,8 мужских смертей на 100000 населения и 5,2 женских.

Although the translation does not seem to be perfect, some of the decisions made both successful and not are worth being considered.

Underlined text is an example of translator's notes, which appears to be essential for non-specialists to understand what kind of organizations is being mentioned in the text.

The text **in bold** demonstrates a proper use of calquing since the grammatical form is preserved in the target language (plural noun).

Although as far as text *in italics* is concerned, graphic transfer method is supposed to be less appropriate strategy as there are equivalents in Russian («Соединённое королевство» or «Великобритания») instead of 'UK' that could be used more effectively in order to make the text consistent in terms of proper names appearance. Furthermore, 'ONS' was already translated and could have been conveyed in other ways, for instance, "Национальная служба статистики" or simply abbreviated as "НСС".

As for words **in red**, these examples demonstrate the wrong choice of translation strategy for a number of reasons. Firstly, Ruth is pronounced as [ru:θ], hence if transcription is used, it should have been 'Рут', not 'Руфь' like /th/ in 'Jonathan' [dʒɒnəθən] becomes /т/ in Russian 'Джонатан'. Probably, the full name in source language in brackets after the translation is abundant and, therefore, unnecessary. Secondly, graphic transfer method employed when translating 'NHS' is not sufficient to clarify what is being referred to. Possible solution is a translator's note, which would shed light on what NHS stands for.

Overall, upon implementing suggested improvements the text in target language would become easier to read.

Conclusion

Upon analyzing the above, it should be noted that:

1) proper names refer to non-equivalent vocabulary and, ideally, should be transmitted in the same form as in the original language;

- 2) proper names have external and internal forms of content, and the external form prevails over the internal;
- 3) proper names are referred to as one-of-a-kind objects;
- 4) proper names are analyzed and researched by the science of onomastics;
- 5) proper names are divided into groups (anthroponyms, toponyms, etc.);
- 6) the meaning of proper names is considered from the point of view of several theories (asemantic, metalinguistic, referential);
- 7) proper names are opposed to common nouns;
- 8) transcription (transliteration) is currently the dominant method of translation;
- 9) the transcription method allows to preserve the sound appearance of the name, which in the future allows you to preserve the identity and nationality of the proper name;
- 10) almost all categories of proper names are subject to transcription, with the exception of the names of works of art, films, etc;
- 11) at the moment there is no single unified system of transcription rules, which creates additional difficulties in its use;
- 12) names-titles are not amendable to transcription, in this case it is recommended to use translation according to tradition;
- 13) transcription can be used in conjunction with other transmission methods (explication method, spelling modification, calquing, etc.);
- 14) the calquing method is used when it is more important to reflect the lexico-semantic structure of a proper name, and not its sound composition;
- 15) the calquing method is also used for proper names from scientific, cultural, political spheres;
- 16) the calquing method can be used in conjunction with other methods of transferring proper names.

This article deals with the major and minor translation methods. However, none of them is unambiguous and sufficient. All methods have their pros and cons and can be applied in a certain situation. In this regard, when translating proper names, one must rely not only on a set of rules and requirements, but also on the translator's instinct, on the presence of translation precedents, as well as traditional forms of translation of certain proper names.

Список литературы

1. *Бернштейн И.* Английские имена в русских переводах. Иностр. Лит-ра., 1998. – № 4.
2. *Бузаджи Д.М.* Хоть горшком назови // Мосты. – 2005. – № 1(5). – С. 64-75.
3. *Ермолович Д.И., Бродский М.Ю.* Мой адрес не «Хаус» и не «стрит» // Мосты. – 2006. – № 9. – С. 69-75.
4. *Ермолович Д.И.* Имена и названия в переводе // Мосты. – 2004. – № 1. – С. 31-35.
5. *Ермолович Д.И.* К вопросу о раскрытии содержательной структуры имен собственных в переводе. «Тетради переводчика» 18, М.: Междунар. отношения, 1981.
6. *Ермолович Д.И.* К типологии английских персоналий. Сборник науч. трудов МГПИЯ, вып.134, М., 1978.
7. *Ермолович Д.И.* Несобственные имена // Мосты. – 2004. – № 4. – С. 37-39.
8. *Ермолович Д.И.* Шишкин против Siskin'a // Мосты. – 2007. – № 14. – С. 40-49.
9. *Иманиязова Н.И.* О переводе названий компаний с русского языка // Мосты. – 2008. – № 4(20). – С. 38-39.
10. *Щерба Л.В.* Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий // Изв.АН СССР. Отд-ние лит.и яз., 1940.

**ТИФЛОКОММЕНТИРОВАНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ
И СОЦИАЛЬНОМ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ
(ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

*Анищенко Алла Валерьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный
лингвистический университет,
119034, г. Москва, Остоженка, 38, стр. 1
allan031@yandex.ru,*

*Санжарова Ирина Эдуардовна,
Московский государственный
лингвистический университет,
119034, г. Москва, Остоженка, 38, стр. 1
irina.sanzuharowa@yandex.ru*

Аннотация. В статье обобщается опыт подготовки лингвистов, обучающихся в Московском государственном лингвистическом университете по профилю «Тифлокомментирование и межкультурная коммуникация». Рассматриваются на примере учебно-методической литературы дидактические аспекты профессиональной подготовки нового поколения лингвистов, способных решать комплексные задачи по обеспечению доступа к визуальной информации для людей с ограниченными возможностями по зрению в условиях межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Ключевые слова: тифлокомментирование; социальное посредничество; социальный перевод; интерсемиотический перевод.

AUDIO DESCRIPTION IN INTERCULTURAL AND SOCIAL MEDIATION (DIDACTIC ASPECT)

Anishchenko Alla Valeryevna,
PhD (Philology), Assoc. Prof.
Moscow State Linguistic University
119034, 38 Ostozhenka St., Moscow
allan031@yandex.ru

Sanzharova Irina Eduardovna,
Moscow State Linguistic University
119034, 38 Ostozhenka St., Moscow
irina.sanzuharowa@yandex.ru

Abstract. The experience of linguists studying "Audio description and intercultural communication" at Moscow State Linguistic University is being summarized in this article. Didactic aspects of professional education of new generation of linguists being able to solve complex problems of providing access to visual information in the context of intercultural and interlingual communication for people with visual impairments are considered on the example of educational materials.

Key words: audio description; social mediation; social translation; intersemiotic translation.

Устранение дискриминации людей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе и обеспечения максимального доступа к информации инвалидов по зрению, является одной из стратегических целей государственной политики, проводимой в целях устойчивого развития страны. Ратифицированная Россией в 2012 году «Конвенция о правах инвалидов (от 13 декабря 2006 года)» провозглашает необходимость принятия мер для обеспечения доступа людей с ограниченными возможностями к произведениям культуры, телевизионным программам, фильмам, театру и другим культурным объектам и мероприятиям в доступных форматах; снабжение

инвалидов информацией с использованием технологий, учитывающих разные формы инвалидности; развитие надлежащих форм оказания помощи и поддержки, обеспечивающих инвалидам доступ к информации и др. [3]. В этом контексте тифлокомментирование как специализированное речевое описание визуальной составляющей объектов или событий представляется важной социально значимой услугой, которая вносит вклад в обеспечение социального взаимодействия и создание доступной информационной среды для лиц с ограниченными возможностями по зрению. Тифлокомментирование, обеспечивающее социальное взаимодействие, способствует мобильности и социокультурной активности лиц с нарушениями зрения. Наряду с этой категорией реципиентов, тифлокомментирование как акустическое описание визуального ряда востребовано и среди других категорий граждан (людей с пониженным уровнем когнитивных способностей и возможностей; людей, невозможность которых воспринимать визуальную информацию обусловлена ситуацией).

Облегчение доступа к информации разной природы (в том числе визуальной), выводит на новый уровень значимости социальный перевод, т. е. такой вид интеллектуальной деятельности человека, который позволяет достигать максимального взаимопонимания между государственными учреждениями, учреждениями культуры, спорта и т. д. и представителями не только разных лингвокультур, но и людей с особенностями здоровья. Вслед за М. Б. Раренко, мы рассматриваем тифлокомментирование как один из видов социального перевода – перевода в социально осложненной среде, когда люди оказываются исключены из общественной жизни, и их единственная возможность к ней приобщиться – воспользоваться помощью социального посредника-переводчика. Социальный перевод направлен на стабилизацию и гармонизацию отношений в социуме, а социальный переводчик, таким образом, может быть определен как специалист, осуществляющий перевод в условиях социально значимой ситуации [5: с. 166-167].

Тифлокомментирование (аудиодескрипция) как вид перевода предстаёт как когнитивная деятельность по восприятию информации из визуального источника (исходного текста), её интерпретации (осмысление и оценка), кодировании в иной знаковой системе и передаче в определённое коммуникативное пространство – социум, с учетом особенностей которого визуальная информация кодируется и транслируется. Таким образом, перевод оказывается социальным феноменом. Социальная функция перевода состоит в «утолении информационного голода» и преодолении «коммуникативного дискомфорта», вызванного невозможностью понять другого в силу различия коммуникативных кодов в условиях двуязычной коммуникации. Переводчик выступает в обществе в роли посредника, некоего социального «коммуникативного медиатора», задача которого состоит в разрешении коммуникативного конфликта, заключающегося во взаимном непонимании и приводящего к отчуждению сторон.

Как сложный когнитивный процесс обработки визуальной информации и ее кодирования в языковые символы, т. е. в единицы другой семиотической системы, тифлокомментирование (аудиодескрипцию) можно рассматривать как форму интерсемиотического перевода [2]. Использование технических средств, обеспечивающих возможность данного вида коммуникации, обуславливает трансформацию механизмов кодирования и декодирования информации. В соответствии с актуальными коммуникативными условиями – невозможностью трансляции информации по визуальному каналу – активируются компенсаторные механизмы интерсемиотического транскодирования [1: с. 20].

Очевидно, что лингвисты, способные осуществлять данные способы трансляции информации в социально осложнённых условиях коммуникации, требуют специальной подготовки, включающей в себя формирование целого ряда универсальных (УК), общепрофессиональных (ОПК) и професси-

ональных компетенций (ПК), а также должны обладать набором личностных качеств социальных посредников. Среди них стоит упомянуть желание работать с людьми, имеющими нарушения зрения; готовность сопровождать и представлять интересы незрячего человека; знание особенностей восприятия незрячих; психологическую устойчивость, физическую выносливость, организованность, самоконтроль поведения и эмоций, тактичность, приветливость; хорошо развитое логическое и образное мышление, высокую концентрацию и переключаемость внимания, хорошую память, выраженный познавательный интерес. И если перечисленные выше личностные качества можно причислить к врожденным, то такие качества, как четкая дикция, богатый и разнообразный лексический запас, правильная литературная устная речь, способность четко и кратко выразить свои мысли могут быть сформированы в процессе профессиональной подготовки.

В Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), с 2018 года реализующим программу «Тифлокомментирование и межкультурная коммуникация» уровня бакалавриата, исходят из того, что основополагающим для такого специалиста должно быть фундаментальное лингвистическое образование. Именно развитая лингвистическая компетенция, т. е. владение знаниями о системе языка, о правилах функционирования единиц языка в речи, а также способность с помощью этих знаний понимать и правильно интерпретировать мысли другого человека и выражать собственные мысли в устной и письменной формах, поможет тифлокомментатору на высоком профессиональном уровне обеспечить передачу визуальной информации вербальными средствами.

Более того, в МГЛУ реализуется идея подготовки лингвистов, способных осуществить тифлокомментирование как на родном, так и на двух иностранных языках. Уникальность и миссия этой программы заключается в профессиональной подготовке нового поколения лингвистов, способных решать

комплексные профессиональные задачи в областях, связанных с межкультурной безбарьерной коммуникацией, в том числе, с обеспечением доступа к визуальной информации для людей с ограниченными возможностями по зрению. Программа направлена на подготовку специалистов-тифлокомментаторов, не просто владеющих навыками социального посредничества и методами тифлокомментирования в рамках одного языка, а способных осуществлять межязыковые трансформации с двух иностранных языков.

Обучающийся по этой программе бакалавриата готовится к решению профессиональных задач двух типов:

1) консультативно-коммуникативные задачи, т. е. осуществление на родном и иностранных языках тифлокомментирования динамических действий (художественных и документальных фильмов, видеороликов; театральных постановок, церемоний, презентаций, концертов, публичных выступлений и дискуссий, пресс-конференций; спортивных состязаний; телевизионных программ и трансляций); статичных ситуаций (музейных экспозиций и экспонатов, выставок и выставочных экспонатов, картинных галерей, объектов живописи, скульптуры и архитектуры; естественных и искусственных ландшафтов, окружающей человека обстановки, изображений любых типов, в том числе электронных); обеспечение участия в деловых переговорах, конференциях, симпозиумах, семинарах с использованием нескольких рабочих языков; применение тактик разрешения конфликтных ситуаций в сфере межкультурной коммуникации; проведение информационно-поисковой деятельности, направленной на совершенствование профессиональных умений в области межкультурной / инклюзивной коммуникации; составление словарей, методических рекомендаций в профессионально ориентированных областях межкультурной коммуникации;

2) научно-исследовательские задачи, т. е. осуществление критического анализа тифло- и аудиокomentarиев, влияющих на эффективность межкультурных и межъязыковых

контактов в условиях инклюзивной коммуникации; выявление конкретных проблем межкультурной коммуникации, влияющих на эффективность межкультурных и межъязыковых контактов; участие в проведении эмпирических исследований проблемных ситуаций и диссонансов в сфере межкультурной и инклюзивной коммуникации.

Языковая подготовка обучающихся по этому направлению проходит как в рамках профильного модуля (дисциплина «Тифлокомментирование»), так и при изучении базовых лингвистических курсов (дисциплины «Русский язык и культура речи», «Введение в теорию межкультурной коммуникации» и др.), а также в рамках практических курсов иностранных языков – немецкого и английского.

Очевидно, что специфика будущей профессиональной деятельности определяет содержание языковых дисциплин, отбор тем и активного словаря при изучении иностранных языков. В основе обучения лингвистов-тифлокомментаторов лежит серьезная лингвистическая подготовка. Язык в лингвистическом вузе изучается как специальность, как основа будущей профессиональной деятельности. Конечная цель обучения языку – полное овладение его нормами в устной и письменной формах, получение теоретических знаний об изучаемом языке и умение пользоваться ими как практически, так и теоретически, независимо от вида профессиональной деятельности. На начальном этапе обучения студенты знакомятся с дисциплинами, формирующими универсальные и общепрофессиональные компетенции, такими как: «Введение в теорию межкультурной коммуникации», «Древние языки и культуры», «Литература стран первого иностранного языка», «Русский язык и культура речи», «Основы языкознания». Важными для формирования общепрофессиональных компетенций являются теоретические языковые дисциплины: «Теоретическая фонетика», «Лексикология», «Теоретическая грамматика», «Стилистика», «Основы теории второго иностранного языка», «Язык, культура и история стран первого

иностранный язык», «Лингвострановедение». Профильный модуль формируют дисциплины, определяющие специфику профессиональной деятельности будущих лингвистов-тифлокомментаторов: «Тифлокомментирование», «Комментирование аудиовизуальных текстов», «Практикум по профессиональной коммуникации», «Практикум по межкультурной коммуникации», «Профессионально ориентированный перевод».

Традиционные практические курсы иностранных языков претерпели изменения, которые отражают профессиональные потребности данного направления. Эти изменения касаются тематического наполнения и порядка изучения тем. Приоритет отдается темам, связанным с областью применения тифлокомментирования. Иноязычный лексический материал, предлагаемый для изучения, ориентирован на дальнейшее использование при комментировании статичных ситуаций и динамических действий и охватывает следующие темы:

1) Человек. Описание его внешности. Описание одежды, причёсок. Черты лица. Описание положения человека в пространстве, его движений, мимики и жестов.

2) Описание пространства как среды нахождения и обитания человека.

3) Город. Городское и природное пространство. Территории, ландшафты.

4) Искусство. Музеи и выставки. Архитектура. Объекты культурного наследия и достопримечательности.

5) Кинематограф. Театр. Спортивные, развлекательные, зрелищные мероприятия и др.

Изучаемые тексты насыщены страноведческой и общекультурной информацией, что помимо формирования языковых компетенций способствует общекультурному развитию обучающихся и готовит их к социальному и межкультурному взаимодействию.

В связи с отсутствием учебно-методической базы, обусловленной новизной программы, создание профессионально-

ориентированных учебных пособий, предназначенных для студентов профиля «Тифлокомментирование и межкультурная коммуникация» и учитывающих их будущую профессиональную деятельность в области социального посредничества, является приоритетным направлением учебно-методической работы. Необходимость разработки учебно-вспомогательных средств, имеющих междисциплинарный характер и способных формировать широкий спектр как универсальных, так и узкопрофессиональных компетенции, очевидна. Одно из таких пособий – пособие „Deutsche Kunst: Von Anfängen bis zur Gegenwart“ / «Немецкое искусство: от истоков до наших дней», изучаемое в рамках дисциплины «Практический курс первого иностранного языка» (авторы А. В. Анищенко. О. М. Ладоса, И. Э. Санжарова), которое в данный момент проходит апробацию и готовится к выпуску в бумажном и электронном форматах. Авторами был избран интегративный подход, при котором иностранный язык выступает не только как цель обучения, но и как средство обучения. Такой подход предполагает повышение заинтересованности обучающихся в изучении иностранного языка, а также уровня индивидуализации и ускорение темпов обучения.

Содержание данного пособия обусловлено комплексным подходом к формированию многих универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, среди которых мы хотели бы особенно подчеркнуть: способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде (УК-3); способность использовать базовые дефектологические знания в социальной и профессиональной сферах (УК-9); способность осуществлять межъязыковое и межкультурное взаимодействие в устной и письменной формах как в общей, так и в профессиональной сферах общения (ОПК-4); способность осуществлять различные виды тифлокомментирования динамических действий и статичных ситуаций (ПК-1) [4].

В рамках работы с учебно-методическим пособием по немецкому языку затрагиваются следующие аспекты живописи немецкоязычных стран как одного из видов изобразительного искусства: язык живописи, символика и цвет в живописи, эпохи и жанры, великие художники немецкоязычных стран, отражение в искусстве исторических тенденций и социально-политических вопросов. Каждая из пяти глав пособия имеет идентичную структуру и отражает логику работы над темой по принципу «от слова к тексту».

Каждая глава включает разделы, посвящённые изучению и закреплению продуктивной тематической лексики, лексических трудностей изучаемого языка (*Schwierige Wörter*), отработке навыков чтения и письма (*Kunst entdecken / Schreibkunst*), а также навыка говорения и социального взаимодействия при работе в парах или группе (*Konversationskunst*). Все разделы содержат разноуровневые задания, которые можно использовать как в работе с начинающими, так и с продолжающими изучать немецкий язык. Задания разделов *Kunst entdecken*, *Schreibkunst*, *Spielkunst* и *Lesekunst* могут быть использованы для внеаудиторной работы. Часть из них содержат тестовые задания с ключами и могут быть предложены для самостоятельного изучения.

Каждая из пяти глав начинается эпиграфом, направленным на погружение в тематику и активизацию фоновых знаний обучающихся. Далее следуют задания, предполагающие работу студентов с лексикографическими источниками, отрабатывающие умение поиска, извлечения и обработки наиболее значимой информации. Следующая группа заданий направлена на репродуктивное использование изученных лексических единиц. Затем обучающимся предлагаются вопросы, активизирующие их знания по теме и предвосхищающие работу с текстом. В каждом тексте выделены ключевые слова для запоминания и использования в речепродуктивной деятельности.

Рубрика *Schwierige Wörter* содержит лексикографическую справку о тех глаголах изучаемого языка, которые чаще

всего представляют трудность для освоения, задания на их понимание, отработку и закрепление, а также их продуктивное использование в заданиях речевой направленности, в том числе в переводе. Далее предлагается базовый текст по теме главы, содержащий активный тематический словарь. Текст сопровождается ключевыми словами, вопросы по содержанию прочитанного, высказывания для комментирования и задания, мотивирующие к дискуссии.

Рубрика *Kunst entdecken* предполагает, прежде всего, самостоятельное изучение материала; она призвана ознакомить обучающихся продвинутого уровня с основными понятиями живописи, яркими представителями искусства разных эпох, жанров и направлений, их полотнами и ролью в мировом искусстве. Задания связаны, главным образом, с общим пониманием текста, умением кратко, логично, терминологически точно изложить содержание прочитанного, применить изученные понятия, термины, слова и речевые клише как в переводе, так и в свободном говорении.

Важное место в пособии занимают задания рубрики *Konversationskunst*, так как они предполагают разнообразные социальные формы взаимодействия, основанные на партнерстве, а также развитие готовности к иноязычной коммуникации по предлагаемой теме. Работу в парах и группах мотивирует текст или высказывание с возможной неоднозначной или спорной интерпретацией, дискуссионные вопросы, описание разноплановых картин, а также комиксов – современного жанра – тематически связанных с каждой главой. Авторы включили в задания данного типа речевые средства для выражения мнения и оценки, клише для построения аргументации и ведения дискуссии, некоторые рекомендации для подготовки логично структурированных и адресованных сообщений обучающихся.

Следующая рубрика *Schreibkunst* предлагает изложить содержание текста из русскоязычных источников на немец-

ком языке. При этом аккумулируются и практически применяются приобретенные знания и навыки. Подобное задание направлено на самостоятельную творческую работу над текстом, выработку собственного стиля изложения на изучаемом языке.

Поддержание интереса к теме «Искусство Германии», мотивация к самостоятельному изучению данной области, а также знание некоторых дополнительных фактов, часто развлекательного характера, из данной тематики ставит своей целью рубрика *Spielkunst*. Она построена на элементах инфотейнмента – развлекательной формы подачи информации и предлагает решить кроссворд, шараду или тест.

Заключительная рубрика *Lesekunst* содержит тексты более крупного формата, разной жанровой направленности, сопровождаемые заданиями на общее понимание прочитанного по теме, извлечение релевантной информации и умение ее обобщить.

Таким образом, главными задачами авторы видят:

- предоставление обучающимся широкого и разнообразного спектра заданий, направленных на приобретение и закрепление экстралингвистических знаний и формирования социокультурной и межкультурной компетенций;

- на развитие комплекса лингвистических компетенций как базовых компетенций для обеспечения интерсемиотического перевода и социального посредничества;

- предоставление комплекса речевых творческих заданий, отрабатывающих умение обобщить результаты исследования, выступить с презентацией, обзором или докладом, формулирующими собственную точку зрения.

Инновационным является наличие творческих и профессионально-ориентированных заданий, предполагающих комментирование визуальных текстов, стимулирующих навык социального взаимодействия – работа в команде (парах и группах), аргументированное изложение результатов исследования, проектные задания и дискуссии – и мотивирующих

обучающихся к толерантному и уважительному отношению к людям с особыми потребностями и формирующих инклюзивную компетенцию. Пособие позволяет активировать логическое и аналитическое мышление обучающихся, формирует навыки целостной работы с текстами, способствует углубленному изучению иностранного языка как языка будущей профессии.

Такое погружение в профессионально важную сферу способствует не только выработке навыков социального посредничества в условиях инклюзивной коммуникации, но и готовит обучающихся к решению научно-исследовательских задач. Критический анализ текстов, в том числе и текстов тифлокомментариев, закладывает основы и формирует приоритеты предстоящего исследования в рамках написания выпускной квалификационной работы.

Реализация данной программы как профиля высшего образования вносит вклад в развитие тифлокомментирования как одного из видов социального перевода с учетом актуальных достижений и исследований в области лингвистики, психолингвистики, тифлопедагогики, тифлопсихологии, межкультурной коммуникации. Это позволяет разработать технологии адаптации визуальной информации для восприятия реципиентом, имеющим проблемы со зрением.

Список литературы

1. *Анищенко А.В.* Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 9 (838) / 2020. – С. 11–22.

2. *Борщевский И.С.* Проблема выбора слова в интерсемiotическом переводе на примере аудиодескрипции (тифлокомментирования) // Филология и лингвистика. – 2019. – № 1. URL : www.moluch.ru/th/6/archive/119/3978/ (дата обращения: 25.02.2019).

3. Конвенция о правах инвалидов. URL : www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 25.03.2022).

4. Основная профессиональная программа высшего образования <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/3f3/dmge3qd4jag4f38mfbgsggp31zfk015.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

5. *Раренко М.Б.* «Community interpreting» vs «Социальный перевод» // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 2 (791). – 2018. – С. 161–168.

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И МЕТОДЫ
ОБУЧЕНИЯ РЕВЕРСИВНОМУ ПЕРЕВОДУ
ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО
МНОГООБРАЗИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

*Басова Полина Витальевна,
ГАОУ ВО МГПУ, г. Москва, 129 226,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1,
basovapv@mgpu.ru
Научный руководитель: Ю.В. Красовицкая, доцент,
кандидат филологических наук*

Аннотация. В статье на примере лексического, грамматического и синтаксического анализа фрагментов рассказа А.И. Куприна "Ю-ю", переведенных в пособии по башкирскому языку для 9 класса школы, показывается как реверсивный перевод способствует расширению семантического поля лексем и углублению интереса к башкирскому языку и культуре. Предложенные методы обучения обратному переводу могут оказаться полезными для всех изучающих иностранные языки.

Ключевые слова: реверсивный перевод; обратный перевод; уровень языка; башкирский язык.

**THE POSSIBILITIES OF USING AND METHODS
OF TEACHING REVERSE TRANSLATION
TO PRESERVE THE CULTURAL AND LINGUISTIC
DIVERSITY OF THE BASHKIR LANGUAGE**

*Basova Polina Vitalievna,
MCU, Moscow, 129 226, 4
Vtoroy Selskohoziastvenny proezd,
basovapv@mgpu.ru
Supervisor: Yu. V. Krasovitskaya, Associate Professor,
Candidate of Philological Sciences*

Abstract. Using the example of lexical, grammatical and syntactic analysis of fragments of A.I. Kuprin's story "Yu-yu" translated in the Bashkir language manual for the 9th grade of the school, the article shows how reverse translation contributes to the expansion of the semantic field of lexemes and deepening interest in the Bashkir language and culture. The proposed methods of teaching reverse translation can be useful for all students of foreign languages.

Keywords: reverse translation; reverse translation; language level; Bashkir language.

Сравнение и анализ текстов оригинала и перевода зачастую представляет уникальный материал для исследования способов функционирования различных языковых единиц в их культурном контексте. Традиционный способ сопоставления нередко оказывается весьма громоздким, при этом его наглядность теряется. Одним из вариантов устранения подобного недостатка может стать реверсивный перевод, т. е. перевод текста обратно на язык оригинала. При вторичном «переносе» как правило используется дословный, буквальный перевод, обеспечивающий максимальную эквивалентность на лексическом, синтаксическом и грамматическом уровнях нередко в ущерб стилистике и изобразительности речи. [1] Проблемой, в данном случае, выступает оправданность его использования.

Подобный способ перевода нередко подвергается критике со стороны исследователей. Так, по мнению Фадеевой Л. Ю. [2], он способен лишить текст не только выразительности, но порой даже смысла. Сторонники реверсивного перевода, в свою очередь, отмечают, что дословный перевод создает искажения при переводе синтаксических конструкций, фразеологизмов и идиом. [3] В дальнейшем при анализе фрагмента текста мы постараемся продемонстрировать, как реверсивный перевод не искажает, но, напротив, даже углубляет значение высказывания.

Помимо прочего, реверсивный перевод можно рассматривать как дополнительный источник знаний о культуре и языковом своеобразии коренных народов России. Он приобретает важное значение в вопросе популяризации вымирающих языков, одним из которых считается башкирский. Несмотря на то, что он насчитывает свыше 1,4 млн носителей и является государственным языком Республики Башкортостан, в 2009 году язык был включен в «Атлас языков мира, находящейся под угрозой исчезновения». Согласно оценке степени сохранности башкирский характеризуется как «уязвимый» («на языке разговаривает большинство детей, но его использование может быть ограниченным»). [4]

Возможность использования реверсивного перевода для расширения интереса к башкирскому языку и культуре народа определяет его актуальность.

Для достижения поставленной цели – продемонстрировать возможности обратного перевода в языковом и культурном аспектах – необходимо более подробно остановиться на основных принципах выбора языковых средств. Здесь можно выделить три уровня – лексический, грамматический и синтаксический.

Лексический уровень

Больше всего затруднений при реверсивном переводе вызывает достижение полной эквивалентности слов. Это связано с тем, что слова почти всегда многозначны. А значит, перед переводчиком стоят трудные задачи сначала определения значения слова в исходном тексте, а затем подбора наиболее точного по значению эквивалента. При этом стоит отметить, что полных эквивалентов не существует. Существуют лишь близкие по значению слова. [5]

Рассмотрим это на примере отрывка из рассказа «Ю-ю» И.А. Куприна, приведенного в учебнике башкирского языка для 9-х классов [6]:

«Но этот вздор говорят люди, которые держат лошадь в темных конюшнях, которые не знают радости воспитать ее с жеребьячьего возраста.» (И.А. Куприн) [7]

«Әммә бындай буш хәбәрзе атты караңғы һарайза тоткан, ат тәрбиәләүзең шатлығын татымаған, ашаткан һәм һуғарған өсөн аттың рәхмәтен аңламаған кешеләр генә әйтәләрзер.» [6]

Реверсивный перевод может дать следующий результат:

«Однако такое иллюзорное\мертвое\пустое известие можно получить только от тех, кто держит лошадь в темноте не испытывает радости воспитания.»

Среди примечательных лексических особенностей этого перевода можно выделить слово «вздор» (*мертвое и пустое высказывание*) и словосочетание «темные конюшни» (*темнота*). Оба примера показывают влияние архаических народных представлений об устройстве мира. В башкирском языке они имеют особую форму. Вздор трактуется как выдуманное или бессмысленное, а «конюшни» и вовсе пропадают из перевода, как лишнее уточнение.

Рассмотрим варианты перевода слова «вздор»:

Согласно русско-башкирскому словарю [8] словосочетание буш хәбәрзе имеет следующие значения:

Буш

- 1) пустой, ничем не наполненный
- 2) вакантный, из французского и латинского пустующий, свободный
- 3) досужий

хәбәрзе

- 1) известие, весть
- 2) сообщение

Контекстуально подходят первые значения. Однако стоит отметить, что ни одно из значений в полной мере не передают значение исходного текста, что порождает сложности на лексическом уровне.

Для решения данной проблемы следует придерживаться следующих принципов:

- учитывать значения, указанные в моно- и билингвальных словарях;

- учитывать контекст;

- отдавать предпочтение соответствиям, в наибольшей степени отражающим оттенки значения слова, употребленного при первичном переводе. [9]

Грамматический уровень

Большие трудности при реверсивном переводе с башкирского языка вызывают попытки сохранить грамматическую структуру предложения. В первую очередь, это связано с грамматическими особенностями языков, используемых в переводе. Так, глаголы отличаются субстантивацией и изменением грамматической видовременной формы, а также переходят из пассивной конструкции в активную. Последовательность членов предложения часто изменяется, что нередко приводит к смысловым искажениям и нарушению связи между субъектом и объектом. Понимание текста при этом значительно осложняется.

Рассмотрим эти явления на примере взятого отрывка из рассказа И. А. Куприна:

«Люди вообще весьма медленно и тяжело понимают животных; животное — людей гораздо быстрее и тоньше.» (И.А. Куприн) [7]

«Кешелэр хайуандарзы - ауыр, э хайуандар кешелэрзе тиз аңлай.» [6]

Реверсивный перевод:

«Люди животных тяжело \ трудно, а животные людей быстро понимают.»

или

«Люди – тяжелые животные, а животные человечны.»

Примечательны несколько расхождений исходного текста и его перевода. Так, фраза «вообще весьма медленно»

показывает затруднения в коммуникации между человеком и животным. И.А. Куприн сопоставляет их образы («*весьма* медленно и тяжело», «*гораздо* быстрее и тоньше»). В переводе же сложности в коммуникации характеризуются фактологично, за счет утраты оттенка оценочности теряется субъективность авторского высказывания.

В переводе также отсутствует сравнительная степень в описании коммуникативной способности животных. («Люди – тяжелые животные, а животные человечесны.») Объекты не сопоставляются, а противопоставляются друг другу.

Так, можно отметить существенно большую критичность в осмыслении роли и значимости человека в культуре Башкирии. Животные здесь как будто ставятся в пример.

Для преодоления возникающих сложностей следует придерживаться следующих принципов:

- учитывать контекст;
- стремиться сохранить грамматические особенности исходного текста;
- избегать искажения смыслов.

Синтаксический уровень

Порядок слов необходимо соблюдать не только на грамматическом, но и на синтаксическом уровнях. При этом важное значение приобретает логическое ударение. Изменение порядка слов может сместить смысловые акценты или даже нарушить коммуникативную задачу.

Рассмотрим это на примере еще одного фрагмента текста И. А. Куприна:

«Он тебе всегда ответит: умнее, добрее <...> лошади нет никого.» (И.А.Куприн) [7]

«Уд, аттан да акылпырак һәм эскерһезерәк <...> хайуан юк, тиер.» [6]

Реверсивный перевод:

«Он – умнее и бескорыстнее <...> животного нет – говорит»

К синтаксическим особенностям переведенного предложения относится разделение косвенной речи, она обрамляет само высказывание. Данная конструкция является характерной и широко распространенной формой в башкирском языке. Смысл исходного предложения, однако, несколько искажается. Фраза «Он тебе всегда ответит» заменяется на «он говорит», при этом утрачивается оттенок авторской уверенности.

Стремление передать все оттенки смысла заставляет обращать особое внимание на следующие принципы:

- учитывать контекст;
- стремиться сохранить синтаксические особенности исходного текста;
- четко отражать синтаксические связи.

При обучении реверсивному переводу наиболее важными оказываются следующие этапы:

Анализ текста, прямой перевод: Необходимо сопоставить текст и его перевод - при наличии - выделить специфические языковые структуры, различия в семантике слов, расхождения на синтаксическом и морфологическом уровнях. При отсутствии перевода, нужно его осуществить.

Обратный перевод: Требуется сделать реверсивный перевод.

1. Сопоставление: На этом этапе производится сравнение двух вариантов перевода на всех трех рассмотренных выше уровнях.

Для отработки навыков реверсивного перевода нами были разработаны и опробованы в студенческой аудитории (учащиеся 1 курса направления «Теория и практика межкультурной коммуникации» Института иностранных языков МГПУ) два варианта упражнений для обучающихся.

1. Студентам предлагается небольшое стихотворение, например, на английском языке, а также его перевод.

Winter hat
Upon my head –
My head stays warm,

But my nose is red!
Зимняя шапка
У меня на голове –
Голове моей тепло,
А вот нос мой красный! [10]

Обучающиеся выполняют самостоятельный перевод с русского языка на английский (для статьи в качестве иллюстрации мы выбрали один вариант) и сравнительно-сопоставительный анализ двух переводов, а также переводов и исходного текста.

Winter hat
On my head –
My head is warm,
But my nose is red!

Обратный перевод в данном случае выполнен достаточно точно. Однако можно заметить, что предлоги и глаголы упрощаются при реверсивном переводе, теряются оттенки значения.

2. Студентам предлагается одно предложение, например, стихотворения «Тучи» М. Ю. Лермонтова [11].

Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Учащиеся выполняют его перевод на немецкий язык, а затем обратно на русский. В качестве экспертов выступают другие обучающиеся, перед ними ставится задача узнать оригинальный текст по его реверсивному переводу.

Mit einer azurblauen Steppe, einer Perlenkette
Ihr rennt wie ich, die Exilanten
Vom schönen Norden in Richtung Süden.
С лазурной степью, жемчужным ожерельем
Вы бежите, как и я, изгнанники
С прекрасного севера на юг.

На основании полученных результатов можно сделать сопоставительный анализ переводов. Первый перевод меняет синтаксис предложения, порядок слов из обратного становится прямым. Глаголы в результате реверсивного перевода также упрощаются, теряются некоторые оттенки значений и авторская оценочность, например, “милый север” становится в реверсивном переводе “прекрасным”. Тем не менее, как показали ответы экспертов, оригинальный текст остается узнаваемым. Также добавляются отдельные смыслы: облака больше выделяются на фоне лазурного небосвода, они уже не сами мчатся лазурной степью, но “с ней”, на ее фоне, как ее украшение.

Проанализированные фрагменты рассказа И.А. Куприна и предложенные упражнения доказывают, что реверсивный перевод является одним из важных инструментов для анализа текста. Он не может в полной мере заменить художественный перевод. Однако стоит отметить, что благодаря обратному переводу можно глубже исследовать художественную образность, структурные особенности языков, а также культурное своеобразие в целом. По отношению к исчезающим и уязвимым языкам, в том числе к башкирскому, это имеет огромное значение. Еще одна ценность реверсивного перевода заключается в расширении семантической коннотации слов и выражений, способствующих даже усилению смысловой нагрузки исходного текста. Обращение к переводам известных текстов на башкирский и с башкирского способствует сохранению и популяризации языка.

Список литературы

1. *Лебедева А. А.* Проблема эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц при переводе юридических текстов. Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2013; (3): 74-79.

2. *Фадеева Л. Ю.* Антрополоингвистическое исследование явления реверсивности в специальном поле: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород; 2005. 230 с.

3. *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 208 с.

4. *Moseley, Christopher (ed.)*. 2010. Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (дата обращения 30.03.22).

5. *Иванова Д., Сидорова Е. Н.* Теория эквивалентности в современном переводеведении. Огарёв-Online, 2017: № 14 (103). 6 с.

6. *Фәбитова З. М., Усманова М. Ф.* Башкорт теле: укытыу рус телендә алып барылған дәйөм белем биреү ойшмаларының 9-сы класы өсөн башкорт телен (дәүләт теле буларак) өйрәнеү өсөн укыу кулланмаһы – Өфө : Китап, 2017. – һүрәттәре менән 132 бит.

7. *Куприн А. И.* Собрание сочинений в 6 т. Том 5. М.: Гослитиздат, 1958. Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/4255/p.1/index.html> (дата обращения: 3.04.22).

8. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь. Уфа: «Маленький гений Башкортостана». Учебно-методический центр «Эдвис». 2014. 192 с.

9. *Чарычанская И. В.* Обратный перевод как инструмент сравнения и анализа текстов оригинала и перевода. Вестник ВГУ. 2003; (2): 50 -58.

10. Популярные стихи на английском для детей, URL: <https://vikiland.ru/articles/popular-poems-in-english-for-kids/> (дата обращения 27.04.22).

11. *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание в одном томе / Ред. П. Смирновского. Изд. А. Я. Панафидина — М., 1901, стлб. 143, № 396.

ОБ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

*Болотова Римма Шойдоржиевна,
старший преподаватель Российского университета
дружбы народов, г. Москва*

Аннотация. Организация и формирование самостоятельной познавательной деятельности у студентов играет огромную роль в обучении студентов английскому языку. Одной из форм работы является учебно-исследовательская работа, которая содействует формированию готовности будущих специалистов к творческой реализации полученных в университете знаний, умений и навыков, помогает овладеть методологией научного поиска, обрести исследовательский опыт.

Ключевые слова: развивающее обучение, учебно-исследовательская работа, тема исследования, методы исследования, проектная работа, творческий подход.

ABOUT THE EDUCATIONAL AND RESEARCH WORK OF STUDENTS LEARNING ENGLISH AT NON-LANGUAGE FACULTIES

*Bolotova R. Sh.,
Senior teacher of RUDN, Moscow*

Abstract. The organization and formation of independent cognitive activity among students plays a huge role in teaching students the English language. One of the forms of work is educational and research work, which contributes to the formation of the readiness of future specialists for the creative implementation of the knowledge, skills and abilities obtained at the university, helps

to master the methodology of scientific research, to gain research experience.

Keywords: developmental education, educational research work, research topic, research methods, project work, creative approach.

Отечественные психологи и педагоги В.В. Давыдов и Д.Б. Эльконин на протяжении многих лет разрабатывали теорию развивающего обучения. Первоначально их концепция была нацелена на начальное образование, сейчас на основе их идей разрабатываются новые подходы применения их системы на всех этапах образования. Развивающее обучение предполагает вовлечение обучающегося в разные виды деятельности, использование дискуссионных и игровых форм, развивать не только память и речь, но и творческое воображение и мыслительную деятельность. Обучение нужно строить, принимая во внимание особенности возраста и личности обучающихся. Научно-практическая проблема связи обучения и развития студентов ставится во главу угла. Основная роль преподавателя в процессе развивающего обучения - организация учебной деятельности, направленной на формирование познавательной самостоятельности, на развитие и формирование способностей, идейных и нравственных способностей, активной жизненной позиции. Схема обучения выглядит следующим образом: цель, средство, контроль. Для успешного обучения слушатель должен самостоятельно регулировать учебно-познавательную деятельность согласно заданной цели. Концепция Эльконина-Давыдова обеспечивает гармоничное и целостное развитие личности. Она ориентирована на раскрытие внутреннего потенциала и скрытых возможностей. Цель системы – "обеспечение оптимальных психолого-педагогических условий для становления учащегося как субъекта учебной деятельности, заинтересованного в самоизменении и способного к нему". Система учит самостоятельно оценивать

свою работу, он сосредоточен не на оценках, а на том, что на данный момент делает что-то лучше, чем ранее.

То есть, обучение предполагает дальнейший переход в саморазвитие и самообучение, умение личности выискивать проблемы и ставить цели, находить способы решения. Типы творческих работ у учащихся могут быть информационно-реферативные, проблемно-реферативные, экспериментальные, натуралистические и описательные, исследовательские и проектно-поисковые, проектные работы, компьютерные порты и программы, поисковые работы конструкторско - изобретательные (А.В. Леонтович).

Преподавание английского языка интересно и многогранно тем, что при обучении всем аспектам - чтению, письму, говорению, аудированию, можно использовать все виды творческих работ. Тем более, все учебники и учебные пособия, на которых строится основная работа со студентами, содержат упражнения и задания творческо-поискового характера.

Например:

- Give Russian equivalents to the following words and phrases from the text.
- Make up sentences of your own using the active vocabulary.
- Find synonyms to the following words and phrases.
- Give the definition of the following words.
- Explain the following lexical units and phrases in your own words.
- Match two parts of sentences.
- Make up logically connected sentences from the given word combinations.
- Give the resume of the text. etc.

В нынешних условиях в университете на каждом факультете, институте, академии реализуется программа дополнительного профессионального образования "Переводчик". Например, в инженерной академии программа звучит "Пере-

водчик по инженерным направлениям и специальностям", которая включает в себя углубленное изучение иностранных языков и овладение навыками перевода. Будь это практический курс, грамматика, научный стиль, межкультурная коммуникация, страноведение, теория и практика перевода, информационные технологии в переводе, деловой английский и т.д., без креативности не обойтись. Творческие виды работы приводят к активному взаимодействию, сотворчеству и совместной мыслительной деятельности студентов и преподавателей. Именно такие задания вовлекают студенческую аудиторию в конструктивную, созидательную деятельность, развивают их компетентность, профессионализм и стремление к самосовершенствованию.

Учебно-исследовательский процесс прослеживается на протяжении всего курса обучения английскому языку. Выбор темы представляет собой очень важный и ответственный момент. Немаловажно корректно сформулировать тему исследования. До начала исследовательской деятельности нужно четко понимать и принимать все требования, выработанные на сегодняшний момент. Тема должна быть интересной не только на текущий момент, но и носить прикладной характер в будущей профессии и занятости. Тему нужно выбирать в рамках образовательной программы. Также следует обозначить актуальную и конкретную тему, отвечающую запросам современного общества и затрагивающей проблемы современной науки и практики. Она должна соответствовать уровню подготовки и знаний, интересам, по которой хотелось бы узнать что-то новое. Учебно-исследовательская работа по английскому языку предполагает проведение исследовательской деятельности с применением уже имеющихся знаний для их расширения и закрепления. Должны быть созданы условия для реализации этого задания, чтобы решить проблему в заданной теме и иметь достаточное количество источников информации. Желательно, чтобы тема была интересной не только для студентов, но и для руководителя и слушателей.

Для студентов 1 и 2 курсов можно брать темы общего характера, например, сравнительно-исследовательские работы по грамматике, лексике, или межкультурной коммуникации, например, «Система падежей в английском и русском языках», "Ступени образования в Британии и Америке"; "Некоторые аспекты британской семейной жизни", "Молодежная культура в России и Британии", "Роль женщин в инженерной специальности в Британии", "Политический строй Британии, Америки, России" и т.д. Особенно студентам интересно работать над темой "Различия между британским и американским вариантами английского языка". Актуальность выбранной темы исследовательской работы заключается в том, что интерес к английскому языку постоянно растет в современном мире, он является общепризнанным языком международного общения. Это язык современного бизнеса, науки, информационных технологий. Но в настоящее время особое распространение получил именно американский вариант английского языка. Как пишет Чернов В.Г. «в целом ряде сфер жизни и деятельности человека – в области материальной культуры, экономики и финансов, образования и здравоохранения и многих других областях – американский вариант все шире распространяется во всем мире и имеет тенденцию к вытеснению бритаизмов...». И его роль возрастает на мировом уровне. Но нельзя отрицать тот факт, что, студенты практически ежедневно соприкасаются с американским вариантом английского языка, просматривая американские фильмы, слушая американскую музыку, зачастую студенты выбирают поездку в Америку по программе "Work and Travel". Глобальная компьютерная сеть Internet также вносит свои коррективы. Скажем, для студентов архитектурной специальности актуальными будут следующие темы "История Британии в архитектуре", "Отличительные черты домов Британии", "Великие творения архитекторов в истории человечества" и т.д. Большие темы можно распределить между группами студентов,

при этом решаются многофункциональные задачи, умение работать в группе, изучение и исследование темы, поиск в источниках, обзор данных, анализ, вывод. Для самих студентов тема должна быть интересной и иметь практическую ценность.

Проектно-исследовательская работа является чрезвычайно перспективным направлением в методике преподавания английского языка, к тому же, если тема проекта выходит на межпредметный уровень. Это дает возможность обучающимся обратить внимание на актуальные проблемы. Прежде чем начать проектную работу, необходимо сформулировать цели, задачи, гипотезу и определить способы и методы ведения исследования. Выполнение проектных работ на актуальные темы для настоящего времени наглядно демонстрирует студентам важность английского языка как средства, значительно расширяющего их доступ к информации, следовательно, способствует повышению мотивации к его изучению. Нужно подчеркнуть, что с расширением границ и возможностей добычи информации (через интернет-ресурсы, справочную и учебную литературу) приобретает наиболее важное значение развитие умения критически оценивать эту информацию. При изучении информации учащиеся стараются оценить ее с точки зрения достоверности содержания, убедительности приводимых аргументов, логичности вывода. Поэтому, работа над проектами является эффективным способом формирования критического мышления. Формирование задач выводит к промежуточным целям исследования. Задачи могут быть теоретические (анализ проблемы, разработка теоретической концепции, конструирование методик исследования, детальный анализ полученных данных, определение путей решения) и практические (анализ источников информации, сбор фактических данных, разработка вариантов решения проблемы, анализ и оценка итогов исследования).

Гипотеза – это предположение, выдвигаемое для объяснения какого-либо явления, которое не подтверждено и не

опровергнуто. Она фактически определяет основное направление исследования. Гипотеза должна содержать предположение, подвергаться проверке, быть логически непротиворечивой, ее можно опровергнуть или доказать. На любом этапе изучения английского языка можно взять тему "Эффективные методы изучения английского языка в современном мире" в связи с тем, что эта тема всегда актуальна и с развитием научно-технического прогресса во всем мире и все больше становятся востребованными специалистами со знанием английского языка. Объектом исследования являются методы и способы изучения английского языка, предметом исследования будут авторские методы и подходы, гипотеза, если использовать различные и смешанные методы изучения английского языка, то можно выучить язык эффективнее и быстрее. Цель данного исследования изучить и вычленить самый результативный метод изучения языка и задачей поставить доказательство целесообразности применения различных методов и применить их на практике. Также, с практической точки зрения нужно большое внимание уделять качественному освоению английского языка.

В современном мире владение методами исследования перестало быть интересами только научных работников. Теперь учителя в школе или преподаватели вузов, которые хотят, чтобы учебно-воспитательный процесс был максимально продуктивным, должны быть приобщены к поиску, а для этого необходимо проводить исследования на том или ином уровне сложности, что обусловлено предложенной гипотезой решения задачи. При использовании учебно-исследовательской работы со студентами, нужно определить сначала цели и задачи, затем определиться с методами и способами ведения дальнейшей исследовательской работы. Метод представляет собой способ достижения цели исследования, от его выбора зависит весь ход процесса поиска, начиная от ее организации и получения определенного результата. Методы научного исследования подразделяются на общие и специальные.

Специальные методы определяются характером исследуемого объекта. Как правило, их применение требует от исследователя уже значительной подготовленности. Помимо специальных методов, характерных для определенных областей научного знания, существуют общие методы научного познания. В отличие от специальных, они используются в самых различных по предмету науках – от литературы до физики и математики. К ним относятся: теоретические, эмпирические и математические методы. Основными компонентами эмпирического метода исследования являются наблюдение (структурированное, неструктурированное, полевое, лабораторное, непосредственное, опосредованное); эксперимент; моделирование (материальное, мысленное); анкетированное; интервьюирование (формализованное, свободное); Теоретические методы включают анализ и синтез; сравнение; обобщение (индуктивное, дедуктивное); классификация; определение понятий. При работе со студентами, изучающих английский язык, используются теоретические методы исследования. Выбирая различные подходы при этом, заключительный этап заканчивается разными видами деятельности. Например, студенты представляют свою работу в виде реферата, отчета, презентации, используя программу PowerPoint; выполняют курсовые проекты; активно участвуют в круглых столах; научных конференциях; Дипломный проект (ВКР), заключительная работа студента - выпускника за время учебы в вузе, результат всего учебно-исследовательского труда. В работы можно вставлять таблицы, графики, схемы, иллюстрации, фрагменты источников, фотоматериалы, словари терминов, афоризмы, изречения и.т.д. Показатель готовности нового специалиста, демонстрация полученных навыков и знаний по выбранной профессии. В дипломной работе автор рассказывает, как всесторонне изучал интересующую проблему и какое решение предлагает. НИР является неотъемлемой составной частью обучения и подготовки квалифицированных специалистов, способных самостоятельно решать профессиональные, научные и технические задачи. Научно-

исследовательская деятельность содействует формированию готовности будущих специалистов к творческой реализации полученных в университете знаний, умений и навыков, помогает овладеть методологией научного поиска, обрести исследовательский опыт. Привлекая студентов к исполнению научно-исследовательских проектов, высшие учебные заведения способствуют разрешению повседневных задач путем применения потенциала будущих выпускников.

Правильно организованная научно-исследовательская работа студентов имеет огромное образовательное и воспитательное значение. Учебно-исследовательская работа студентов в обучении иностранному языку может помочь преподавателям активизировать учебный процесс. Она способствует более глубокому закреплению теоретических знаний, получаемых студентами при изучении дисциплин учебного плана, развивает повышенную требовательность к себе, точность в выполнении заданий и научную активность, расширяя тем самым возможность получения конкретных навыков исследовательского характера. И так, можно резюмировать, что учебно-исследовательская работа студентов в обучении иностранному языку является неотъемлемой частью профессиональной подготовки обучающихся, так как она помогает повысить мотивацию к научной работе в целом, раскрыть личностный и интеллектуальный потенциал каждого обучающегося.

Список литературы

1. *Леонтович А.В.* «Исследовательская деятельность учащихся» (сборник статей), М. 2003.
2. *Сысоева М.Е.* Организация научно-исследовательской работы студентов. Москва. 2000.
3. *Чернов Г.В.* Американский вариант. Англо-русский/русско-английский словарь. – М., 2001.
4. <https://web.snauka.ru/issues/2014/04/33300> (дата обращения: 18.06.2021).

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО
ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО
ПРОЕКТА В УНИВЕРСИТЕТЕ)**

*Круглякова Галина Владимировна,
к. пед. наук, доцент Тольяттинского государственного
университета, г. Тольятти,
Брега Ольга Николаевна,
к. пед. наук, доцент Тольяттинского государственного
университета, г. Тольятти*

Аннотация. Персонализированное обучение рассматривается как осуществление индивидуальной траектории студентов, реализующей их личностные и профессиональные запросы. Методологической основой исследования является расширение понятий: персонализированное обучение, метакомпетентность переводчика, корреляция hard и soft skills переводчика. Представлены методические разработки организации переводческого проекта, начиная от концепта переводческого задания, на основе реальных заказов потребителя, до создания финального продукта – аудиогuida на английском и французском языках.

Ключевые слова: персонализированное обучение; проектная деятельность; метакомпетентность переводчика; тьютор; hard и soft skills переводчика.

**PERSONALIZED LEARNING IN THE PREPARATION
OF TRANSLATORS (EXPERIENCE
OF PROJECT-BASED LEARNING AT HIGH SCHOOL)**

*Galina V. Kruglyakova, PhD in pedagogical sciences,
Associate Professor of Togliatti State University, Togliatti,
Olga N. Brega, PhD in pedagogical sciences,
Associate Professor of Togliatti State University, Togliatti*

Abstract. Personalized learning is seen as the individual learning students' path of, realizing their personal and professional needs. The methodological basis of the study is the expansion of concepts: personalized learning, translator's meta-competence, correlation of hard and soft skills of a translator. The article covers thorough methodological issues for a translation project management, starting from the order placing stage when a translation task comes from a real consumer, up to the final stage of creating the project product - an audio guide in English and French.

Keywords: personalized learning, project; translator's meta-competence; tutor; translator's hard and soft skills.

На сегодняшний день вызовом для глобального образовательного пространства является вопрос подготовки специалиста, способного реализовывать свои профессиональные запросы таким образом, чтобы не нарушались возможности для развития профессиональных потребностей будущих поколений. Одной из целей, предусмотренных ООН и ЮНЕСКО для реализации стратегии устойчивого развития до 2030 года является обеспечение возможности качественного образования в течение всей жизни и развитие умений, позволяющих прогнозировать ход событий, способность принимать нестандартные решения и уметь работать в команде. В данном контексте вопрос подготовки переводчиков в вузе рассматривается с точки зрения синергии профессиональных и надпрофессиональных компетенций, наряду с формированием их гражданской позиции и социальной ответственности, что и объясняет актуальность настоящего исследования [1; 2]. Одним из подходов, воплощающих данную идею в жизнь, выступает персонализированное обучение, которое предоставляет студентам возможность осознанного выбора траектории своего обучения.

Так, персонализированное обучение – это, прежде всего, студенто-центричное обучение. В широком смысле персонализированный подход в обучении понимается, как

специально организованная учебная деятельность обучающихся, направленная на создание оптимальных условий для развития личности студента и формирования профессиональных и надпрофессиональных компетенций. Данный подход характеризуется во-первых, диагностикой пробелов в знаниях и умениях и определением системы ориентиров и целей обучения; во-вторых, построением индивидуальной траектории для достижения поставленной цели с основой на исходные знания и умения; в-третьих, определением форм работы и приёмов взаимодействия между обучающимися и установлением обратной связи для мониторинга динамики обучения студента; и, последнее – использование методов, способствующих развитию «гибких навыков», широко востребованных на рынке труда.

В то же время наблюдаются определённые сложности при реализации персонализированного обучения: «формулировки о необходимости индивидуализации образовательных программ и перехода к студентоцентрированному обучению в наших программных документах остаются громкими, но практически нереализуемыми декларациями» [3, с. 35–50]. Кроме того, в научной литературе также подчёркивается, что «проектная деятельность, несмотря на то, что она даёт прекрасные результаты там, где параллельно с теоретическими знаниями необходимо прививать специфические профессиональные навыки, на наш взгляд, не может расцениваться как универсальный метод обучения в высшей школе» [4, с. 117].

Соглашаясь с приведенными подходами, подчеркнем, что организация проектной деятельности при реализации персонализированного подхода, является неоднозначным и трудоёмким процессом.

Проследив современную ситуацию на рынке образовательных услуг, мы приходим к выводу о том, что актуальными тенденциями выступают необходимость внедрения персонализированного обучения в вузы, как парадигмы, способствующей наиболее полному формированию специалистов лю-

бого профиля, при корреляции профессиональных и надпрофессиональных компетенций, при чем, «гибкие навыки» будут иметь преимущественное значение.

Практическое применение указанных выше положений проводилось на базе Тольяттинского государственного университета в рамках организации проектной деятельности студентов, которая входит в учебный план всех направлений подготовки и реализуется в течение учебного года с первого по четвертый курс.

Переводческий проект «Кросскультурный Тольятти» имеет, с одной стороны, просветительскую функцию (трансляция на иностранных языках культурного и научного потенциала города в медиа-среде). С другой стороны, в его реализация позволяет формировать у студентов переводческую метакомпетентность, которую мы понимаем как синергию “soft skills” и “hard skills”. В данном проекте студенты одновременно работают в разных мини-командах, над разными культурными объектами: один и тот же студент выступает и менеджером, и переводчиком, и корректором, и контент-дизайнером. Такого рода активное взаимодействие друг с другом в команде и дополнительно с заказчиком, формирует hard и soft skills студентов и развивает их в разных направлениях. Взаимодействуя с заказчиком, студент получает не готовый текст для перевода, а лишь информацию, поэтому задачей на первом этапе работы над проектом, является создание студентами связного текста на русском языке, предназначенного для его дальнейшего перевода на иностранные. Лишь после такой подготовительной работы, студенты, ответственные за перевод, приступают к выполнению своей работы. Кроме того, в ходе участия в проекте, студентам предлагается не смоделированная профессиональная ситуация, а реальный опыт переводческой деятельности, начиная от поиска клиента и заканчивая продвижением своего «продукта» и поддержанием созданного имиджа. Подчеркнём, что персонализированный подход заложен именно в логике реализации проекта, когда

студенты имеют возможность самостоятельно определять направление и ход своей учебной и внеучебной деятельности.

На первый план при этом выходит необходимость формирования у студентов-переводчиков «гибких навыков», что, согласно исследованиям, проведенным тренерами СМР (Союз молодежи России), будет определять тенденции на рынке труда в будущем. Надпрофессиональные компетенции или «гибкие навыки» (soft skills) являются многокомпонентным понятием, включающим в себя множество составляющих, таких как: коммуникация, клиентоориентированность, управление проектами, людьми и собой, работа в режиме неопределенности, наставничество и менторинг, управление знаниями, критическое мышление, решение проблем, принятие решений, рефлексия, эмоциональный интеллект и т.д.

Важно при этом понимать, что указанные компоненты не обязательно напрямую взаимозависимы и взаимообусловлены и, следовательно, их формирование подчиняется иным законам, чем при реализации принципов преемственности и последовательности в классическом обучении. Кроме того, как считает ряд исследователей, soft skills не легко сформировать и нелегко отследить их сформированность, поскольку «для этого требуются регулярные практические «погружения» и моделирование практических ситуаций» [5, с. 109].

Метакомпетентность, как базовое понятие профессиональной готовности личности проявляется как «интегративное динамическое качество личности, ориентированное на саморазвитие в условиях продуктивного непрерывного образования и проявляющееся в способности и готовности осознанно использовать целесообразные стратегии целеполагания, самоорганизации, самоконтроля и саморегуляции на основе рефлексии результатов и границ интеллектуальной деятельности» [6, с. 80].

Продолжая идею развития данного понятия, метакомпетентность переводчика может рассматриваться как комплекс

профессиональных, надпрофессиональных и личностных компетенций.

Во-первых, профессиональные компетенции или hard skills реализуются как:

- лингвистическая компетенция (знание исходного и целевого языка; понимание особенностей структуры языков, их сравнительный анализ; выделение корреляционных связей между языками; формирование понятийного / терминологического аппарата);

- межкультурная компетенция (понимание культурной специфики языков; анализ закономерностей взаимодействия различных языковых и культурных кодов; особенности мышления представителей разных культур);

- информационная компетенция (интеллектуальный анализ информации (анализ, синтез, компиляция, критическое использование источников); способность адаптировать информационные тексты и создавать вторичного информационного документа для перевода);

- предметно-ориентированная компетенция (знания в специальной области; расширение понятийного аппарата в конкретной области знаний);

- техническая компетенция (использование памяти переводов и управление терминологией; умение работать с корпусом текстов; выбор соответствующих программ, облегчающих перевод).

Во-вторых, надпрофессиональные компетенции или soft skills, проявляющиеся как: компетенция оказания переводческих услуг (взаимодействие с клиентами при заключении договора; взаимодействие с заказчиком при выполнении договора; умения наладить отношения с заказчиком для дальнейшего продвижения своих услуг; готовность к реализации тайм-менеджмента; способность к адаптации и готовность работы в условиях неопределённости; умения работы в команде, способность к рефлексии).

В-третьих, личностные компетенции, понимаемые как: синергия критического, аналитического и системного мышления; эмоциональный интеллект, ценностные ориентиры, развитие и мобилизация ресурсов памяти и внимания, самокритичность, любознательность и т.д.

Рассмотрим дидактические возможности, которые дает проектная деятельность при обучении будущих студентов-переводчиков.

1. Реализация персонализированного обучения, как условие развития личности студента.

2. Развитие переводческой компетенции студентов, повышение их конкурентоспособности.

3. Расширение мультилингвальной компетенции студентов за счёт работы с несколькими (русский, английский, французский) языками.

4. Формирование наряду с *hard skills* так же и *soft skills*, что отвечает современным запросам работодателя.

5. Приобретение реального опыта перевода и взаимодействия с заказчиком.

6. После проверки заказчиком текста перевода, свяжитесь с ним для получения обратной связи: узнайте оценку работу, уточните детали дальнейшего взаимодействия и получите отзыв о вашей работе для переводческого портфолио.

Далее представим методические подходы к организации учебной деятельности студентов в ходе проектной деятельности.

1. Проект представляет собой работу в команде, где каждый является равноправным участником и партнером, общая деятельность группы направлена на создание готового продукта (переводного текста определённой тематики).

2. Тематика студентам предлагается в виде объектов или организаций (библиотеки, музеи, клубы дополнительного образования и т.д.), выбор может быть любой, связанный с актуальностью и приоритетом в каждом конкретном случае.

3. В ходе работы над проектом у каждого участника есть возможность меняться ролями, каждая из заявленных ролей выполняется каждым студентом, что обеспечивает тщательную проработку переводческих компетенций.

4. Выбор тематики мини-проекта (культурного объекта) происходит самостоятельно студентом, в зависимости от его интересов и предпочтений. Кроме того, студенты могут объединяться в группы для разработки определённой темы.

5. Перевод тематического контента происходит с разных языков (русский, английский, французский), что позволяет студентам развить переводческую компетенцию и учиться реализовывать межкультурную коммуникацию.

6. Проектная деятельность позволяет развивать *hard skills* (переводческую компетенцию) и *soft skills* (умения взаимодействия с заказчиком, презентовать себя, как компетентного переводчика, и продукт своего интеллектуального труда – качественного перевода).

7. Необходимость взаимодействия с другими участниками проекта способствует развитию умений работы в команде, формирует ответственность и взаимоуважение.

Формы взаимодействия студентов в проекте также разнообразны: общая работа в команде, например, при разработке концепции продукта; работа в малых группах или парах во время детализации проекта; индивидуальная работа при переводе исходного или корректуре переведённых текстов.

В таблице, представленной ниже, можно проследить соотношение ролей в проекте, выполняемых функций, формируемых компетенций и формы конечного продукта.

Таблица

Роли, функции, формируемые компетенции и продукт переводческого проекта

Роли студентов в проекте	Функции участник проекта	Развиваемые компетенции	Продукт проекта
Переводчик-менеджер	<p>1. Взаимодействие с заказчиком перевода.</p> <p>2. Обсуждение деталей, требований, специфики перевода (цели, типа аудитории и предназначения перевода).</p> <p>3. Определение сроков перевода и предоставление готового продукта заказчику.</p>	<p>Синергия hard и soft skills.</p> <p>Получение надпрофессиональных компетенций</p>	<p>Получение обратной связи: оценка работы команды, уточнение деталей дальнейшего взаимодействия в виде письма о сотрудничестве, благодарности, отзыва и т.д. для переводческого портфолио</p>
Редактор	<p>1. Анализ и синтез исходного текста для перевода от заказчика с точки зрения его потребления и общей стилистического характеристики, затем изучить жанр и стиль исходного варианта.</p>	<p>Информационная. Лингвистическая.</p>	<p>Исходный текст по определённой тематике для его перевода на другой язык.</p>

	<p>2. Дополнение текста информацией их дополнительных источников.</p> <p>3. Доработка жанра и стиля исходного текста.</p>		
Переводчик	<p>1. Предпереводческий анализ исходного текста.</p> <p>2. Сбор необходимой фоновой информации.</p> <p>3. Перевод исходного текста на требуемый язык.</p> <p>4. Редактирование перевода.</p>	<p>Лингвистическая. Межкультурная. Техническая.</p>	<p>Первый вариант переводного текста для его дальнейшего редактирования.</p>
Корректор	<p>1. Анализ и редактирование полученного текста с точки зрения корректности употребления лексических, морфологических, синтаксических, стилистических единиц.</p> <p>2. Анализ и редактирование переводного текста с точки зрения стилистического соответствия.</p>	<p>Лингвистическая. Межкультурная. Техническая. Предметно-ориентированная</p>	<p>Готовый вариант переведённого текста.</p>

	<p>3. Непосредственная корректировка перевода текста на предмет его смыслового соответствия с исходным текстом.</p>		
<p>Контент-дизайнер</p>	<p>Записывает видеоподкасты и монтирует аудио/видео контент в форме видео-подкаста, размещает и продвигает видеоподкасты на английском и французском языках в медиасреде.</p>	<p>Синергия hard и soft skills. Развитие надпрофессиональных компетенций</p>	<p>Оформленный перевод в форме видеоподкаста или аудиогида. Материал перевода, размещенный на информационных площадках заказчика.</p>

Приведём пример технического задания в проекте для роли «Переводчик – менеджер», отражающего специфику персонализированного обучения, при подготовке студентов-переводчиков.

Техническое задание для роли «Переводчик – менеджер».

1. Ознакомьтесь со списком возможных объектов для взаимодействия и реализации переводческих услуг и выберите для себя наиболее интересный для дальнейшей работы.

- a) Объединение детских библиотек г.о.Тольятти.
- b) Парковый комплекс истории техники им. К. Г. Сахарова.
- c) Центральная детская библиотека имени А. С. Пушкина.
- d) Тольяттинский театр кукол.
- e) Музейный комплекс «Наследие».
- f) Музеи и культурные учреждения Тольятти.
- g) Детская музыкальная школа.
- h) Драматический театр «Колесо».

2. Организуйте команду из членов проекта, распределив роли между собой (редактор, переводчик, корректор, менеджер, контент-дизайнер).

3. Свяжитесь с представителями данного учреждения и предложите свои переводческие услуги (это может быть перевод афиш или анонсов, перевод информации об организации, обзор музейных экспонатов и т.д.).

4. Организуйте встречу и взаимодействие с заказчиком, обговорите условия оказания услуг перевода, специфику, требования, форму готового продукта, сроки и т.д. Получите необходимую информацию (текст или иной информационный продукт) для перевода.

5. После получения готового продукта, оформите его в необходимом формате и предоставьте заказчику. Обговорите с ним дальнейшее сотрудничество, предложив свои варианты его реализации.

Таким образом, проектная деятельность открывает большие возможности для оптимизации подготовки переводчиков в несколько ином формате, чем это принято во время аудиторных занятий. Обучение проходит в свободной форме (нет четкой привязки к аудиторным занятиям), реализуется персонализация обучения (возможность для студента выбрать свой контент для перевода и разрабатывать его от начала до конца), формируются профессиональные и надпрофессиональные компетенции (работа индивидуально, в группах и в команде).

В заключение предложим несколько вопросов для обсуждения и расширения данной проблематики. Речь идет о вопросе кадрового сопровождения проектной деятельности студентов. Руководитель или наставник проекта выполняет несколько иные роли, чем преподаватель-предметник: методическое сопровождение команды (от разработки концепции проекта до реализации готового продукта); тьюторское сопровождение команд (эмоциональная и интеллектуальная поддержка участников проекта) [7, с. 475-489]; организационное сопровождение работы проекта (установление взаимодействия участников проекта и обратной связи, координация действий при решении задач и т.д.). Вопрос о готовности преподавательского состава к изменению своей роли в вузе и получению дополнительных профессиональных компетенций наставника или тьютора студенческих проектов во многом будет способствовать решению вопроса реализации персонализированного обучения в вузе через проектную деятельность.

Список литературы

1. United Nations Sustainable Development Goals <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/education/>
2. ЮНЕСКО: Образование в интересах устойчивого развития <https://ru.unesco.org/themes/obrazovanie-v-interesah-ustoychivogo-razvitiya>.

3. *Сазонов, Б.А.* Организация образовательного процесса: возможности индивидуализации обучения // Высшее образование в России. 2020. № 6. С. 35–50. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-29-6-35-50>.

4. *Шулержкова, С.Г., Максимова, А.М.* Проектный метод преподавания и гуманитарные дисциплины – две вещи несовместные? // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 108-119. doi: 10.32744/pse.2019.1.8.

5. *Данейкин, Ю.В., Калининская, О.Е., Федотова Н.Г.* Проектный подход к внедрению индивидуальной образовательной траектории в современном вузе // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 8/9. С. 104-116. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-104-116>.

6. *Шершнева, В.А., Осипов, М.В.* Метакомпетентность в иерархии компетентностей. Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 51(1), 2020. С. 80-89. <https://doi.org/https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-51-1-186>.

7. *Chikileva, L.S.* The Role of the Tutor in the Choice of Pedagogical Management Tools for Autonomous Work in Foreign Languages // Интеграция образования. 2019. Т. 23. № 3. С. 475–489. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.096.023.201903.475-489>.

ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

*Ведерникова Юлия Витальевна,
доцент, кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Тольяттинский
государственный университет»,
г.о. Тольятти, 445020, Самарская обл.,
г.о. Тольятти, ул. Белорусская 14,
vedernikova.julia@gmail.com*

Аннотация. Попытка привести рабочие программы дисциплин при обучении будущих переводчиков в соответствии с целями устойчивого развития диктует необходимость трансформировать существующую систему подготовки в контексте перехода к цифровым инструментам, индивидуализации образовательных траекторий и развития учебной автономии. Данная статья представляет собой отчет об опыте применения различных цифровых инструментов на занятиях по английскому языку при подготовке лингвистов-переводчиков.

Ключевые слова: цифровые инструменты; будущий переводчик; ЦУР; индивидуальная образовательная траектория; учебная автономия; обучение английскому языку.

USING DIGITAL TOOLS IN THE ENGLISH LANGUAGE CLASSES WHILE TEACHING FUTURE INTERPRETERS

*Vedernikova Yuliya Vitalievna,
associate professor, candidate of Philological Sciences,
Togliatti State University,
Togliatti, 445020, Samara region, Togliatti, Belorusskaya 14,
vedernikova.julia@gmail.com*

Abstract. Trying to match the syllabi for future interpreters to the Sustainable Development Goals framework urges us to transform the existing educational system. It also encourages us to use digital tools in the learning process more actively as well as to focus on individual educational trajectories and developing learner autonomy. This article presents the highlights of the author's personal experience of using various digital tools in the English language classes while teaching future interpreters.

Keywords: digital tools; future interpreter; SDGs; individual educational trajectory; learner autonomy; English language teaching.

Современный мир постоянно меняется, и вместе с ним должны меняться учебные программы, в том числе для подготовки будущих переводчиков. Если десять лет назад все программы проходили адаптацию для соответствия CEFR (Common European Framework of Reference), то в последние несколько лет все больше говорят о Целях Устойчивого Развития (ЦУР) (Sustainable Development Goals; SDGs). ЦУР направлены в будущее и ставят вопрос не только о том, каких специалистов мы готовим сегодня, но и том, как эти молодые профессионалы будут влиять на мир и каким он должен стать в будущем, для следующих поколений. И хотя каждая из семнадцати ЦУР может найти отражение в учебных планах и рабочих программах, ключевым пунктом, безусловно, является «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех». Учитывая глобальность данной цели, в этой статье хотелось бы ограничиться таким ее аспектом, как трансформация существующей системы подготовки переводчиков в контексте перехода к цифровым инструментам, индивидуализации образовательных траекторий и развития учебной автономии. Именно эти три элемента, с одной стороны, позволяют оптимизировать и масштабировать

образовательные программы для большего количества пользователей, а с другой, сохранять индивидуализацию и поощрять дальнейшее развитие, что согласуется с вышеобозначенной ЦУР.

Исходя из изложенного выше, цель данной статьи – показать, какие цифровые инструменты можно применять на занятиях по английскому языку при подготовке будущих переводчиков, каким образом они позволяют индивидуализировать образовательную траекторию студента и способствовать развитию его учебной автономии, а также как данный опыт может быть экстраполирован на другие дисциплины. Для этого мы кратко обозначим такие ключевые теоретические понятия, как ЦУР, индивидуальная образовательная траектория и учебная автономия. После чего перейдем к подробному рассмотрению цифровых инструментов, опробованных в образовательном процессе: их краткой характеристике, способам применения, положительным результатам, достигнутым с их помощью, и возможным вариантам использования в рамках других предметов, преподаваемых будущим переводчикам.

Автор статьи преподает такую дисциплину, как «Практический курс первого иностранного языка» (английский язык) среди студентов первого, второго и третьего курсов, обучающихся по направлению 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и межкультурная коммуникация». Поэтому в статье рассматриваются именно цифровые инструменты, используемые для данной группы. При этом стоит отметить, что хотя занятия по английскому языку не ставят перед собой эксплицитных целей по обучению переводу, очевидно, что хорошее владение переводным языком – это одна из основ успешного освоения профессиональных компетенций. Данная дисциплина ложится в основу как изучаемых в дальнейшем теоретических курсов (например, «Теория и практика межкультурной коммуникации», «Теоретическая грамматика», «Лексикология и терминоведение», «Стилистика и основы редактирования» и др.), так и непосредственно переводческих

(например, «Практический курс перевода первого иностранного языка», «Перевод деловой корреспонденции» и пр.).

Фактически для проверки отобранных цифровых инструментов был применен метод практических исследований (action research), когда эффективность того или иного инструмента, метода или приема тестируется в непосредственном учебном процессе в сочетании с самонаблюдением, а затем проводится саморефлексия.

Из всего перечня протестированных цифровых инструментов в рамках данной статьи мы решили ограничиться двумя: Quizlet и LearningApps, поскольку, с одной стороны, они относительно просты в использовании, а с другой, обнаруживают большое количество достоинств при применении в учебном процессе и позволяют экстраполировать свою сферу применения на различные учебные дисциплины.

Прежде чем мы перейдем к описанию цифрового инструментария, необходимо определить несколько ключевых теоретических понятий, используемых в данной статье.

Во-первых, это цели устойчивого развития (ЦУР), принятые ООН в 2015 г. и направленные на улучшение жизни всего человечества по 17 критически важным направлениям [1]. Как уже было отмечено выше, четвертая цель в списке – это качественное образование для всех (quality education). О том, что интеграция ЦУР в образовательный процесс идет полным ходом, свидетельствует не только данная переводческая конференция, но и, например, зимняя конференция Macmillan “Global Teachers Festival 2022”, где был представлен доклад на тему “SDG: as Easy as 1,2,3”, предлагавший способы интеграции ЦУР в структуру учебного курса общего английского. Так что попытка соотнести рабочие программы дисциплин для будущих переводчиков с ЦУР – это не сиюминутная прихоть, а скорее, необходимость, если мы хотим обеспечивать качественное образование, отвечающее современным международным стандартам.

Во-вторых, качественное образование в соответствии с ЦУР немислимо без возможности персонализации, а именно построения индивидуальной образовательной траектории (ИОТ). Именно ИОТ позволяет собирать и анализировать данные об образовательном процессе для выявления проблем как студентов, так и преподавателей, после чего можно предложить эффективные рекомендации для решения выявленных проблем [2: 163-170]. Создание ИОТ, как правило, невозможно без цифровизации образовательного процесса, так как сбор данных вручную – это задача с большими временными затратами, которые непозволительны в современных реалиях постоянно и быстро меняющихся условий. Более того, цифровые инструменты (в том числе рассматриваемые в данной статье) часто уже имеют встроенные алгоритмы сбора и представления различных данных, которые могут быть эффективно использованы для обратной связи и преподавателем, и студентами.

Наконец, если мы говорим об обучении взрослых, то согласно принципам андрогогики (*adult learning theory*) [3: 252-260], необходимо, чтобы образовательный процесс способствовал развитию учебной автономии. Учебная автономия (*learner autonomy*) – это тот элемент, который позволит в будущем студенту-переводчику превратиться в молодого профессионала, включенного в процесс непрерывного профессионального развития (*continuing professional development*) [4: 2-3] уже за пределами учебного заведения и обеспечит соответствие ЦУР. Именно учебная автономия отвечает за то, что студент берет ответственность за свое обучение и решения, принимаемые им в процессе получения знаний и навыков, ставит цели, определяет содержание обучения и то, как измерить прогресс и оценить его результаты, а также какие методы и приемы для наиболее эффективного усвоения материала стоит выбрать [5: 1-2].

Теперь, когда мы определили основные понятия, повлиявшие на отбор средств обучения, мы можем подробно рассмотреть цифровые инструменты, применяемые автором

при обучении английскому языку будущих переводчиков, и установить их соответствие заявленным компонентам ЦУР.

Первый цифровой инструмент, активно используемый в учебном процессе, – это Quizlet. Это сервис, у которого также есть мобильное приложение для смартфона, позволяющий создавать наборы карточек для заучивания и отработки информации в разных форматах. У Quizlet есть платная и бесплатная версии, и, по опыту автора, бесплатной вполне достаточно для успешного использования в учебном процессе. После создания аккаунта или авторизации с помощью, например, имеющегося аккаунта в Google, преподаватель может как создавать собственные наборы карточек, так и использовать уже существующие, воспользовавшись функцией поиска. При этом можно либо пользоваться готовым чужим набором карточек, либо копировать его к себе в папку и отредактировать. В бесплатной версии можно также включить автоматическую озвучку и использовать изображения, имеющиеся в базе системы, из которых можно подбирать подходящие по ключевым словам. На карточках можно применять базовые функции форматирования, например, жирный шрифт, курсив и цвет для выделения ключевых элементов. После создания сета можно поделиться ссылкой на него со студентами.

У студента есть различные возможности для работы с сетом. Во-первых, он может использовать режим флешкарт (Flashcards): листать карточки, переворачивая их, чтобы ознакомиться с информацией или заучивать ее. Более того, пользователю доступны различные настройки, например, порядок показа карточек и их сторон, включение озвучки ее различных элементов, перемешивание. Во-вторых, есть два режима заучивания письменной (Write) и звуковой формы (Spell). В-третьих, есть три игровых режима: 1) соотнесение частей карточек на время (Match); 2) простая компьютерная игра для запоминания информации (Gravity); 3) командное соревнование, рассчитанное минимум на четырех игроков (Live). В-четвер-

тых, есть режим тестирования, где можно в настройках выбрать количество проверяемого материала из всего сета и виды автоматически генерируемых заданий: набор текста (Write), соотнесение информации (Match), множественный выбор (Multiple Choice), достоверность (True/False). Наконец, последний и, на наш взгляд, самый полезный режим – заучивание (Learn), где применяется метод интервального повторения (spaced repetition system, SRS) [6: 1815-1816]. Одна и та же карточка предлагается для заучивания несколько раз, начиная с более простых форм, таких как соотнесение информации, и заканчивая более сложными (например, корректное написание). Если студент не делает ошибок при ответах, то карточка перемещается в стопку выученных. Однако если допускаются ошибки, то карточка будет предъявлена больше раз, а также будет постепенно упрощаться форма запроса, пока ошибки не исчезнут, после чего опять начнется усложнение формы до полного заучивания информации.

Для преподавателя удобство заключается в том, что если студент работает под своим аккаунтом, то преподаватель может отслеживать статистику работы с сетом: какие виды заданий выполнялись и были ли они завершены, сколько раз было выполнено задание и в какие даты (см. рис. 1).

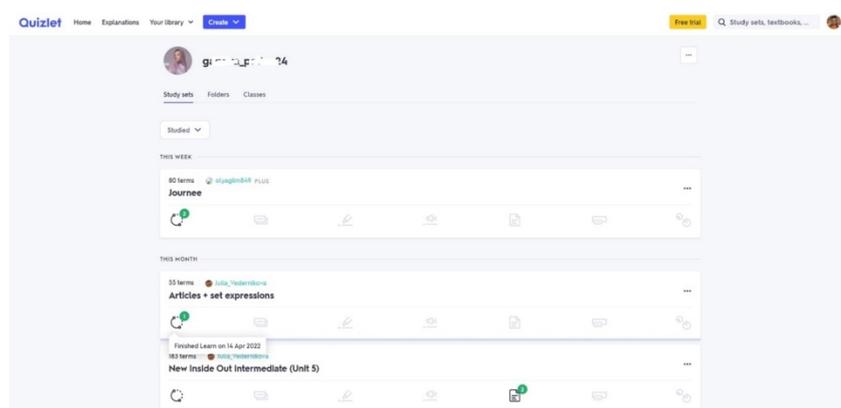

Рис. 1. Отчет о самостоятельной работе студента в Quizlet

В курсе обучения английскому языку будущих переводчиков Quizlet используется для двух типов сетов. Первый – это списки слов по теме, где с одной стороны карточки располагается слово или словосочетание с ключевой информацией (предлоги, управление, часть речи, стиль, вариант – британский или американский), а с другой – предложение, раскрывающее смысл изучаемой единицы с пропуском (см. <https://quizlet.com/358283313/new-inside-out-intermediate-unit-4-flash-cards/>). То есть при изучении слов мы пользуемся беспереводным методом.

Второй тип – это, по сути, тренировочные упражнения для отработки определенных грамматических явлений, где с одной стороны карточки располагаются ответы (например, артикли), а с другой – предложения, иллюстрирующие различные правила употребления определенного грамматического явления (см. <https://quizlet.com/193451471/articles-proper-nouns-flash-cards/>).

При этом данный инструмент не применялся во время самих занятий за исключением части занятия, потраченного на ознакомление с сайтом и режимами заучивания. Студентам предлагались ссылки на готовые сеты по лексическим и грамматическим темам и возможность работать с ними самостоятельно. Для стимуляции самостоятельной работы преподаватель предлагал бонусные баллы тем, кто полностью завершит сет в режиме заучивания до конца семестра.

Как можно понять, в данном случае каждый студент действительно мог самостоятельно определять свою индивидуальную образовательную траекторию, выбирая, использовать ли данный ресурс в принципе, а также лично устанавливая различные параметры и режимы изучения. Преподаватель при этом мог собирать данные об изучении, чтобы, например, соотносить их с такими результатами освоения темы различными студентами, как написание тестов или подготовка устных и письменных заданий.

Использование данного инструмента безусловно способствует развитию учебной автономии, поскольку студент сам определяет сроки и режим работы с ресурсом, что развивает навыки самостоятельного планирования и управления временем. На наш взгляд, одним из признаков того, что студенты сами взяли ответственность за свой учебный процесс, является то, что некоторые из них начали самостоятельно применять данный ресурс для изучения различной информации, как связанной с данной дисциплиной (например, создание собственных сетов слов для отчета по индивидуальному чтению), так и по другим дисциплинам (например, немецкий и французский языки, практический курс перевода и пр.). Еще одним положительным моментом является то, что некоторые студенты параллельно освоили навыки коллаборации и делегирования, так как начали создавать сеты совместно, определяя, кто за какую часть работы отвечает (например, общая папка сетов по разным темам, созданная группой студентов или даже внесение разной информации разными студентами в пределах одного сета).

Что касается учебных результатов, то анализ успеваемости показывает, что те студенты, которые самостоятельно работают с Quizlet, набирают в среднем стабильно не менее 85-90% на тестах по темам и активнее используют изучаемую лексику и грамматику в устных и письменных заданиях, в то время как результаты тех, кто не работает с Quizlet или работает с ним sporadически, имеют больший разброс и больше зависят от изначального уровня подготовки студента. Также при анонимном опросе для сбора обратной связи в конце года многие студенты благодарят за имеющиеся сеты и иногда просят создать еще сеты по некоторым проблемным аспектам для дополнительной тренировки.

Возможности экстраполирования на различные дисциплины при подготовке будущих переводчиков вполне очевидны. Во-первых, можно использовать данный инструмент в дисциплинах, где требуется заучивание какой-либо точной информации: термины и определения на «Теории перевода»,

клише на «Переводе деловой корреспонденции» и т. д. Во-вторых, можно применять его как тренировочные упражнения для отработки перевода однотипных конструкций на «Практическом курсе перевода первого/второго иностранного языка», например, перевод однотипных русских предложений, начинающихся с обстоятельства места (В Тольятти проводится...) при помощи стандартной лексико-грамматической трансформации с изменением порядка слов (Togliatti hosts...). Естественно, что преподаватель может пойти также по пути развития учебной автономии и индивидуализированной образовательной траектории и давать такие сеты для дополнительной самостоятельной работы, либо использовать их непосредственно на занятиях, или же применять смешанный тип работы с цифровым инструментом.

Еще один инструмент, который активно используется по время изучения английского языка будущими переводчиками – это платформа LearningApps. Она позволяет преподавателю завести бесплатный аккаунт и как создавать интерактивные упражнения, используя большое количество различных типов шаблонов, так и использовать уже готовые упражнения, пользуясь поиском по базе данных. Как и в случае с Quizlet, преподаватель может дать студенту ссылку на коллекцию упражнений, а затем отслеживать его прогресс. Можно посмотреть, какие упражнения завершены и сколько на это потребовалось времени. Студент может выполнять задания любое количество раз, а также получать подсказки в случае возникновения трудностей.

В данной статье представлен далеко не весь перечень возможных упражнений, но исключительно те, что были апробированы автором в учебном процессе, а именно: 1) соотнесение (matching и pairing game) (см. <https://learningapps.org/display?v=p3i6kkfj20> и <https://learningapps.org/display?v=p49ztu3j520>); 2) группировка (group assignment) (см. <https://learningapps.org/display?v=pie573zvc21>); 3) выстраивание по порядку (number line и simple order) (см. <https://learningapps.org/display?v=pub7tso4j21>); 4) заполнение

пропусков или выбор варианта ответа в разных комбинациях (free text input и cloze text) (см. <https://learningapps.org/display?v=ptmji6vja19> и <https://learningapps.org/display?v=pnwv3qrat19>); множественный выбор (multiple-choice quiz и the millionaire game) (см. <https://learningapps.org/display?v=ribqcnkqt20>); 5) кроссворды и угадывание слов (crossword, word grid и guess the word) (см. <https://learningapps.org/display?v=p09sp3syj21>, <https://learningapps.org/watch?v=pwks-tip2n19> и <https://learningapps.org/display?v=p77vcdktt20>). Если обратиться к представленным примерам, то можно увидеть, что упражнения позволяют работать с разными языковыми уровнями – лексикой, грамматикой, произношением, и умениями – аудированием и чтением, а также различными их комбинациями.

Данный цифровой инструмент, как правило, не применяется непосредственно во время занятий. Однако он активно используется для выполнения домашних заданий в тех случаях, когда они не требуют самостоятельного генерирования устной или письменной речи и могут иметь ответы для проверки. На занятии преподавателю лишь нужно зайти в свой аккаунт и посмотреть, кто из студентов выполнил какие задания, выставив им баллы за работу (см. рис. 2).

Activity	Student 1	Student 2	Student 3	Student 4	Student 5	Student 6	Student 7	Student 8	Student 9	Student 10	Student 11	Student 12	Student 13	Student 14	Student 15	Student 16	Student 17	Student 18
S.A.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.B.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.C.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.D.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.E.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.F.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.G.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.H.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.I.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.J.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.K.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.L.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.M.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.N.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.O.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.P.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.Q.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
S.R.	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓

Рис. 2. Отчет о самостоятельной работе студентов в LearningApps

Это, во-первых, высвобождает время от проверки правильности выполнения тренировочных упражнений на занятиях. Его можно потратить на дополнительную практику, на работу в парах и малых группах, особенно на выполнение более свободных, творческих, дискуссионных, игровых заданий. Во-вторых, как и в случае с Quizlet, это позволяет студентам лучше учиться выстраивать индивидуальную образовательную траекторию и развивать навыки и умения учебной автономии. Они сами решают, когда и сколько раз стоит выполнить упражнения и нужны ли им дополнительные подсказки. К тому же, для студентов, которые относятся к поколению Z, возможность выполнять задания практически где угодно, пользуясь лишь смартфоном или компьютером с доступом в интернет, – это дополнительный фактор удобства, повышающий шансы на эффективное управление временем и своевременное качественное выполнение заданий. Стоит отметить, что в случае применения данного цифрового инструмента некоторые студенты тоже проявляли высокий уровень учебной автономии и создавали собственные задания в процессе выполнения проектов, например, делали презентацию по теме и сопровождающий ее кроссворд или упражнение в LearningApps для проверки понимания информации из презентации своей учебной группой.

С точки зрения влияния на учебный процесс отмечено следующее. Во-первых, на первом курсе в первом семестре домашние задания выполняются в традиционной форме (в тетрадях) и проверяются в классе, так как различные цифровые инструменты вводятся в учебный процесс постепенно для плавной адаптации при переходе бывших школьников в высшее учебное заведение. Со второго семестра и далее тренировочные домашние задания по английскому языку у будущих переводчиков выполняются на платформе LearningApps. Однозначно можно констатировать, что после небольшого адаптационного периода в одну-две недели повышается процент выполнения упражнений из домашней работы. Помимо этого,

при анонимном опросе для сбора обратной связи в конце года многие студенты положительно отмечают возможность работать через платформу откуда угодно, возможность выполнять задание несколько раз, исправляя свои ошибки и используя подсказки. Также большинство замечает экономию времени на занятиях, которые проходят более динамично, и выражает надежду, что такая практика будет продолжена и на последующих курсах обучения.

Так же как с Quizlet, данный опыт можно распространить и на другие дисциплины для подготовки будущих переводчиков. Как и в случае с занятиями по английскому языку, это должны быть такие задания, у которых есть один или несколько правильных ответов. Тем не менее, даже на занятиях по практическому переводу довольно много элементов, требующих тренировочной практики или заучивания (например, клише и устойчивые выражения, термины, трансформации определенного типа, требующие использования конкретной модели, и пр.), и эту часть работы можно эффективно перенести в LearningApps, доверив больше ответственности студентам за свой учебный процесс и оставив высвободившееся на занятии время для групповых обсуждений и редактирования переводов, а также для выполнения коллаборативных проектов.

Резюмируя все вышесказанное, хочется отметить, что использование цифровых инструментов действительно позволяет преподавателю помогать студентам индивидуализировать свою образовательную траекторию, отслеживать их прогресс и модифицировать учебный процесс в соответствии с получаемыми результатами. В то же время студенты могут развивать свои навыки автономной работы, более эффективно использовать учебное время за счет перераспределения ресурсов, и, наконец, готовиться к тому, чтобы они могли работать, при этом продолжая учиться и совершенствоваться прямо в процессе профессиональной деятельности. Quizlet и LearningApps – это не единственные ресурсы, используемые автором в учебном процессе, которые помогают преподавателю и

студентам приблизиться к достижению четвертой ЦУР, поэтому в дальнейшем хотелось бы проанализировать другие цифровые инструменты, которые позволяют решать задачи по подготовке будущих переводчиков.

Список литературы

1. Sustainable Development Goals [Электронный ресурс] : United Nations Development Programme. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (дата обращения 28.04.2022).

2. Захарова И. Г., Воробьева М. С., Боганюк Ю. В. Сопровождение индивидуальных образовательных траекторий на основе концепций объяснимого искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 1. С. 163-190. URL: <https://www.edscience.ru/jour/article/view/2547/1061> (дата обращения: 28.04.2022).

3. Allen S. J., Rosch D. M., Riggio R. E. Advancing Leadership Education and Development: Integrating Adult Learning Theory [Электронный ресурс] // Journal of Management Education. 2021. Vol. 46, Is. 2. PP. 252-283. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/10525629211008645> (дата обращения: 28.04.2022).

4. Qadhi S., Floyd A. Female English Teachers Perceptions and Experience of Continuing Professional Development in Qatar [Электронный ресурс] // Education Sciences. 2021. Vol. 11(4), 160. PP. 1-14. URL: <file:///C:/Users/TheVedernikovs/Desktop/education-11-00160-v3.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

5. Uslu N. A., Durak H. Y. Predicting learner autonomy in collaborative learning: The role of group metacognition and motivational regulation strategies [Электронный ресурс] // Learning and Motivation. 2022. Vol. 78. PP. 1-10. URL: <https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S0023969022000248?token=A74C1B3B34AD83B550033B47894764BD5B76A128CAE85EE5D2595F82266372234077E559070119486460F90EDAFC22>

78&originRegion=eu-west-1&originCreation=20220428182037
(дата обращения: 28.04.2022).

6. *Reddy S., Labutov I., Banerjee S., Soachims T.* Unbounded human learning: Optimal scheduling for spaced repetition [Электронный ресурс] // Proceedings of the ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. 2016. PP. 1815-1824. URL: <https://dl.acm.org/doi/pdf/10.1145/2939672.2939850> (дата обращения: 30.04.2022).

ПЕРЕВОД ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

*Волкова Яна Александровна,
доктор филологических наук, профессор Российского
университета дружбы народов, г. Москва,*

*Шалеева Елена Федоровна,
старший преподаватель Российского университета
дружбы народов, г. Москва*

Аннотация. Современные тенденции развития общества, такие как глобализация, и ускорение темпа жизни, ведут к необходимости развития и укреплению межкультурных связей. Интенсификация межкультурной коммуникации не представляется возможной без развития языковых связей между различными лингвокультурами. В этой связи актуальным становится вопрос перевода специальной отраслевой документации для обмена формализованной информацией в данном мультикультурном сообществе.

Ключевые слова: перевода специальной отраслевой документации, перевода образовательной документации.

TRANSLATING EDUCATIONAL DOCUMENTATION FROM RUSSIAN INTO ENGLISH

*Yana A. Volkova,
Doctor in Philology,
Professor of RUDN, Moscow,*

*Elena Shaleeva,
Senior Teacher of RUDN, Moscow*

Abstract. The ongoing trends in the development of society, such as globalization, and the acceleration of the pace of life, lead to the need to develop and strengthen intercultural ties. The

intensification of intercultural communication is not possible without the development of linguistic links between different linguistic cultures. In this regard, the issue of translating specialized documentation for the exchange of formalized information in this multicultural community becomes relevant.

Key words: translation of specialized documentation, translation of educational documentation.

Modern trends in the society development, such as globalization, the intensification of migration processes, the continuous acceleration of the pace of life, lead to the need to develop and strengthen intercultural ties. The intensification of intercultural communication is not possible without the development of linguistic links between different linguistic cultures. The development of such connections involves a two-way translation of various communicative situations, spontaneous and stereotyped. The strengthening of intercultural interaction is observed in all spheres of society: trade, economic, political, medical, and educational. In this regard, the issue of translating specialized documentation for the exchange of formalized information in this multicultural community becomes relevant.

Due to the increased role of the English language in modern society and its role as the language of international communication, documentation in different industries and branches being translated into English carries out the role to create the effect of intercultural communication. In this regard, the issue of translation of industry documentation in accordance with the linguistic and official business traditions of various linguistic cultures is acute. One of the types of translation of industry documentation is the field of education, and specifically the field of higher education.

One of the main linguistic features of the preparation of documentation in the field of educational activities is the use of a local standard, which is understood as a set of norms and rules of word usage and the logic of constructing sentences in connection

with the function performed by the regulation, formalization and consolidation of the unambiguity of content. The use of the language standard in the preparation of documentation in the field of higher education is justified by a number of extralinguistic factors, such as the accuracy and the need for unambiguous interpretation of the document. In this regard, the language standard allows you to set the meaning of not only individual units, but also their combinations in an unambiguous variant of understanding, which will allow professionals in the field to use combinations of terms of an established and formed terminological system, rather than compose their own when working with official documentation. Documentation in the field of higher education as a whole belongs to the class of official business documents for internal and external use, and the requirements for its preparation are prescribed in federal (GOST) and local regulations governing the rules for compiling official business documentation in the field of education.

The main function of the language standard in documents is to increase its information density: to fit a unit of information per unit of text in conjunction with the possibility of unambiguous interpretation.

Educational documentation uses a large number of language stamps, stencils, verbal formulas and various types of clichés, which is also intended to standardize the language of educational documentation. For example, the order of the rector, dean, director of an institute or academy contains the heading of the first level «Приказ», “Order”, followed by links to the date and number of the order issued, a subheading containing the full name of the order (for example, «О проведении...», “On holding ...”, «О назначении...» “On appointing ... ”), which describes the main meaning of this document as fully and concisely as possible, then comes the body of the order, which also consists of 2 parts: the destination and points of the order, then the signature of the person in charge, visas of consenters, mailing list and contacts of the complier of the order.

Unlike oral speech, as well as artistic or journalistic style, educational documentation related to official business style uses clerical stamps not as a means of expression, but as the main units of text.

One of the main requirements for the compilation of educational documentation at the language level is the standardization of the lexical apparatus - the compilation and observance of the framework of the terminological system in the field of higher education.

Thus, the terms in the terminology system can be divided into several large groups: special vocabulary of the official business style of speech, verbal nouns, special industry vocabulary, special designations of subjects of specialized activity.

Words that are used in all types of documentation and are typical for the preparation of official papers, characterizing an official business letter or speech style, constitute the first group of special official business vocabulary. So, they include such designations as: визировать - endorse, настоящий - present, возлагать (ответственность за исполнение) - assign (responsibility for execution), в соответствии с.. - in accordance with .. and so on. The words and phrases of this lexical group are used in various areas that do not intersect with each other and are responsible for the conceptual unambiguity of the document in common hierarchical workflow system.

The second group - verbal nouns - reflects the essence of the regulatory function of educational documentation. So, for example, this group includes lexical units such as: исполнение - execution, контроль - control, подписание - signing, etc. The same group of vocabulary includes units with a negative meaning (префикса не), formed with the prefix non-: несоблюдение - non-compliance, невыполнение - non-fulfillment, etc.

The third group includes special vocabulary used in the field of higher education: образовательный процесс - the educational process, очный формат обучения - full-time learning format, научный семинар - scientific seminar, план работы на

первый семестр - work plan for the first semester, etc. This vocabulary forms the semantic composition of the terminological system, which helps to navigate the activities of the University, according to the established procedures and regime activities. This vocabulary is familiar both to specialists involved in industry-specific document management and to specialists directly working in the field of higher education (teachers, students, support staff, etc.). The last group includes vocabulary denoting the subjects of educational activity, for example: ППС – профессорско-преподавательский состав teaching staff, АУП – административно-управленческий персонал - administrative and managerial personnel, БУП – базовое учебное подразделение (кафедра) - basic educational unit (department), as well as: обучающийся - student, профессор кафедры - professor of the department, соискатель учёной степени - applicant for a scientific degree, декан - dean, секретарь учёного совета - secretary of the academic council, etc.

In addition to individual lexical units, the term system also contains well-established phrases, which, in turn, are the basis for the formation of verbal patterns and clichés. The presence of speech clichés in the form of well-established combinations of words in the terminological system is due to the regulated nature of formal business relationships: the recurrence of situations at the managerial and executive levels, the limitedness of business situations of interaction, as well as the thematic limitations of interaction. In this regard, there are collocations in the educational documentation as follows: контроль за исполнением настоящего приказа возложить на... - to impose control over the execution of this order on ...; ответственным за подготовку и проведение данного мероприятия назначить... - appoint responsible for the preparation and holding of this event ...; утвердить план работ согласно - approve the work plan according to ... etc.

The emergence of language formulas in the official business style is due to the unification of language means in typical situations of interaction. The use of cliched collocations is also due

to the legal aspects of the workflow and the entry into force of documents in accordance with the established rules. In addition, the use of certain language clichés helps to determine the type of document: administrative, regulatory, informational, etc.

On another hand, the use of clichéd phrases helps the addressees of the message most accurately determine the semantic significance of the information contained in the documentation, since template phrases that occur in the same conditions perform a marker function, speeding up perception. The use of clichés also saves time for the compiler of the documentation when compiling and reduces the risk of errors in the selection of wordings: for each situation in the industry's workflow, there is an established form for compiling a document (справки - certificate, протокол - protocol, приказ - order, расписание - schedule, etc.).

The predominance of nominal forms in educational documentation is associated with the desemantization of the verb in the Russian official business style of speech. In this regard, in educational documentation one can come across such a phenomenon as split predicates, when the predicate is formed with the help of a verb and a verbal noun: контролировать – обеспечить контроль -- control - provide control, поддерживать – обеспечить поддержку --support - provide support, поддерживать – обеспечить поддержку – assist – provide assistance, etc.

In addition to symbolic units, the grammatical structure in educational documentation is also subject to standardization. For example, strict adherence to the correct word order, which allows you to accurately determine the relationship between the subjects of activity.

Within the framework of general linguistics, translation is understood as a complete replacement of a message in one language with a message in another language in a specific situation of communication under established conditions (V.N. Komissarov). Russian linguist B.V. Belyaev argues that translation is not so much a certain type of speech activity as a special kind of thought process that is based on speech actions and operates with them, but

does not form a new type of speech itself. He defines translation as switching the thought process from the categories of one language to those of another.

The sphere of higher education combines structures responsible for directly educational activities, economic activities for the provision of higher education institutions, research activities, as well as management structures in the field of higher education (Ministry of Higher Education and Science).

Like any specialized documentation, documentation in the field of higher education should contain: regulatory documents (rules, norms, standards, etc.); documentation regulating the main processes (educational activities); instructive documentation that determines the procedure for the work of organizations and does not allow deviation from the normative procedures of the organization (control and technical documentation); documentation for the means of labor and material and technical support of organizations; as well as legal documentation (industry laws, licenses, accreditation legal acts, etc.); documentation regulating the quality of the product or service provided (education quality standards, certificates of compliance, etc.); planning documentation.

Special documents in the field of higher education relate, first of all, to the support of the educational process and students (grade books, records of exams, class and exam schedules, internal local orders on the format, time, training schedule, etc.), as well as regulating the internal activities of an educational institution (activities of teaching staff, administrative and managerial personnel, etc.).

The main lexical and grammatical features of the compilation of educational documentation are associated with the influence of linguistic and extralinguistic factors. They influence the formation and development of both the terminological system of documentation in the field of higher education, and the grammatical and syntactic features of the composition of texts.

Thus, one of the main linguistic features of the preparation of documentation in the field of educational activities is the use of a specialized language. The language standard is understood as a

set of norms and rules of word usage and the logic of constructing sentences in connection with the function performed by regulating, formalizing and securing the unambiguity of content. Documentation in the field of higher education as a whole belongs to the class of official business documents for internal and external use, and the requirements for its preparation are prescribed in federal (GOST) and local regulations governing the rules for compiling official business documentation in the field of education.

Educational documentation uses a large number of language stamps, stencils, verbal formulas and various types of clichés, which is also intended to standardize the language of educational documentation.

One of the main requirements for the compilation of educational documentation at the language level is the standardization of the lexical apparatus - the compilation and observance of the framework of the terminological system in the field of higher education.

Thus, the terms in the terminology system can be divided into several large groups: special vocabulary of the official business style of speech, verbal nouns, special sectoral vocabulary, special designations of subjects of sectoral activity.

In addition to individual lexical units, the term system also contains well-established phrases, which, in turn, are the basis for the formation of verbal patterns and clichés. The presence of speech clichés in the form of well-established combinations of words in the terminological system is due to the regulated nature of formal business relationships: the recurrence of situations at the managerial and executive levels, the limitedness of business situations of interaction, as well as the thematic limitations of interaction.

Библиография

1. *Азимов, Э.Г. Шукин, А.Н.* Новый словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – М.: Икар, 2009. – 221 с.

2. *Барышников, Н.В.* Профессиональная межкультурная коммуникация: Монография. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010.–264 с.

3. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для вузов. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

4. Приказ Ректора о режиме работы работников РУДН в период с 01.05.2022 по 10.05.2022 от 21.04.2022. – URL: [http:// DGU_RUDN_21.04.2022.ru](http://DGU_RUDN_21.04.2022.ru)

5. Приказ Ректора о введении в действие новой редакции Положения о режиме занятия обучающихся в Российском университете дружбы народов от 29.10.2013. – URL: https://www.rudn.ru/u/www/files/documents/2018-11-29_n951_polozhenie_o_rezhime_zanyatij_obuchayushchihsya_v_rudn.pdf

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОТРАСЛЕВОГО ПЕРЕВОДЧИКА

*Гавриленко Наталия Николаевна,
д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков
Инженерной академии, Российский университет
дружбы народов, Москва, Россия;
e-mail: nngavrilenko@narod.ru*

Аннотация. Проблемой оценки сделанного перевода занимаются многие исследователи, проводятся международные опросы в Интернете, но общие критерии оценки сделанного перевода, в нашем случае перевода специального дискурса, не разработаны. В статье предпринята попытка проанализировать существующие подходы к оценке перевода переводоведами, оценке сделанного перевода на предприятиях и критерии оценки при обучении переводу. Для дидактики переводческой деятельности важной представляется оценка перевода в процессе обучения, однако такая оценка формируется на основании требований, предъявляемых переводоведами и заказчиками перевода. С этими подходами целесообразно знакомить студентов, давая им возможность анализировать уже сделанные переводы.

Ключевые слова: отраслевой перевод, оценка результата, текущий контроль, адекватность, портфолио.

CRITERIA FOR ASSESSING THE FORMATION OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TECHNICAL TRANSLATOR

*Gavrilenko N.N.,
Doctor in Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia,
6, Mikluho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia;
e-mail: nngavrilenko@narod.ru*

Abstract. Many researchers deal with the problem of evaluating the translation made, international surveys are conducted on the Internet, but the general criteria for evaluating the translation made, in our case, the translation of a special discourse, have not been developed. The article attempts to analyze the existing approaches to the evaluation of translation by translators, the evaluation of the translation made at enterprises, and the evaluation criteria for teaching translation. For the didactics of translation activity, it is important to evaluate translation in the learning process, however, such an assessment is formed on the basis of the requirements set by translators and translation customers. It is expedient to acquaint students with these approaches, giving them the opportunity to analyze already made translations.

Key words: industry translation, result evaluation, current control, adequacy, portfolio.

1. Введение. В современном образовании меняются приоритеты, требования к процессу подготовки специалистов. В процессе обучения специальному/отраслевому переводу становится важным оценивать не цели и содержание обучения, а уровень сформированности переводческой компетентности у студентов. «Оценивание становится творческим, создаются разные модели оценивания, причем не только для целей обучения (насколько усвоен материал), но и для целей научения (насколько сформировались компетенции отдельного студента на данном этапе» [Тарева 2015: 297-298].

Проблема оценки сделанного перевода занимают умы многих исследователей, этому вопросу посвящены целые номера журналов, проводятся международные опросы в Интернете, но общие критерии оценки сделанного перевода, в нашем случае перевода специального дискурса, не разработаны.

Тем не менее большинство исследователей предпринимают попытки разработать такие единые критерии оценки, по которым следует оценивать сделанные переводы, а, следовательно, и деятельность переводчика. Анализ работ, в которых

рассматривается данная проблема, позволил выделить три различных подхода: оценка перевода переводоведами, оценка сделанного перевода на предприятиях и критерии оценки при обучении переводу. Для дидактики переводческой деятельности важной представляется оценка перевода в процессе обучения, однако такая оценка формируется на основании требований, предъявляемых переводоведами и заказчиками перевода. Поэтому рассмотрим кратко все три подхода.

2. Оценка сделанного перевода исследователями

В исследованиях *переводоведов* существуют различные точки зрения по определению качества перевода. Так, например, Л. К. Латышев выделяет смысловые (искажения, неточности) и нормативные (грамматические, лексические, стилистические, орфографические) [Стрелковский, Латышев 1980: 138]. В своих более поздних работах автор несколько расширяет эти критерии и выделяет:

- ошибки, связанные с недостатками в трансляции исходного сообщения, которые выражаются в искажениях, неточностях и неясностях;

- ошибки, связанные с недостатками в адаптации содержания и формы текста на ПЯ к коммуникативной компетенции адресатов перевода [Латышев, Семенов. 2003].

По мнению Н.К. Гарбовского, существуют 4 причины переводческих ошибок: отсутствие требуемой лингвистической компетенции в ИЯ, отсутствие энциклопедических знаний, отсутствие компетенции в предметной области, а также неспособность переводчика понять (и передать) индивидуальный стиль говорящего. Автор соотносит эти ошибки с уровнями языка: (концепт, сложный концепт, пропозиция и ситуация) и анализирует проблемы семантического несоответствия между текстом ИЯ и ПЯ на всех уровнях. [Гарбовский 2004: 514]. При этом, отмечает Н.К. Гарбовский, оценка сделанного перевода является «категорией переводческого самосознания», т.е. внутренней категорией. Переводчик сам устанавли-

вает степень своей ответственности как перед автором оригинала, так и перед читателем [Гарбовский 2004: 312]. Сегодня все чаще ответственность за качество сделанного перевода возлагается на самого переводчика, он сам выбирает степень адекватности/эквивалентности ПТ в зависимости от коммуникативной ситуации, в которой будет использоваться текст перевода, от характеристик получателя, от требований заказчика и т.д.

Исследователь И.С. Алексеева выделяет ошибки в восприятии исходного текста (грамматические, лексические, стилистические), ошибки в выборе соответствия в переводе (грамматические, лексические, стилистические), ошибки в оформлении текста и пропуски [Алексеева И.С. 2001: 266].

Рассматривая оценку ПТ, относящегося к наиболее «информационноцентричным» функциональным стилям, С.В. Тюленев отмечает, что если в переводимом тексте нет игры слов и он выдержан в классическом нейтральном научном стиле, то возможно ограничиться минимальным списком требований к переводу:

- правильно передавать план содержания текста, заключенную в нем информацию;
- верно отражать цель создания оригинала;
- сохранять стилистические особенности оригинала;
- доносить до реципиента авторское отношение к излагаемому в переводимом тексте предмету [Тюленев 2004: 146-147].

В работе Кашириной Н.А. и Цатуровой И.А. выделяются функционально-содержательные, функционально-нормативные и культурологические ошибки [Цатурова, Каширина 2008: 171].

Канадский исследователь Ж. Делиль предлагает оценивать перевод прагматического текста со следующих позиций:

- точность передачи смысла текста-оригинала;
- соответствие ПТ правилам оформления жанра, к которому принадлежит ИТ;
- точность и соответствие использованной терминологии определенной области знаний;

- точность передачи основной функции ИТ [Delisle 2005].

Существуют и более сложные системы оценки сделанного перевода, такие как система SEPT (Système d'évaluation positive des traductions – Система позитивной оценки переводов), предложенная Д. Гуадеком. Автор предлагает более 675 параметров (300 на уровне лексики, 375 на уровне синтаксиса). Только лексический уровень, по мнению автора, позволяет выделить 2 970 типов ошибок [Larose 1998: 186].

Более интересным представляется подход Д. Гуадека, который предлагает оценивать перевод с точки зрения его получателя: черновой перевод, достаточный перевод и полный перевод. Достаточный перевод должен быть точным, соответствовать требованиям клиента, безупречным с лингвистической точки зрения, однородным с точки зрения терминологии и фразеологии и отформатированным [Gouadec 2004: 73].

Таким образом мы видим, что по мнению переводоведов оценивание качества перевода не может быть объективным, оно является относительным, зависящим часто от предпочтений заказчика. Интересно, что оценка переводоведов в большей степени распространяется на текст, его функциональное соответствие источнику. Рассмотренные выше критерии оценки сделанного перевода относятся в основном к языковому оформлению высказывания, при этом не учитываются такие факторы, как социокультурные характеристики отправителя текста и получателя ПТ и т.п. И, что самое важное для дидактики переводческой деятельности, - при оценке сделанного перевода не учитывается последовательность профессиональных действий самого переводчика: адекватность проведенного информационно-справочного и терминологического поиска, его когнитивный багаж и т.д.

3. Оценка сделанного перевода на предприятиях

Попытки оценить сделанные переводы предпринимаются и на *самых предприятиях, фирмах.*

Справедливо отмечается в обзорной работе И.И. Убина и И.А. Пушнова, что следует четко понимать, в каких условиях и для каких целей делается перевод. Еще в 80-е годы прошлого столетия Всесоюзным центром переводов научно-технической литературы были предложены 4 вида перевода и нормы времени на их выполнение:

- Черновой перевод: перевод, передающий основное содержание оригинала и имеющий неточности в терминологии и стиле изложения.

- Рабочий перевод: полноценный, стилистически грамотный перевод, правильно передающий содержание оригинала, но имеющий некоторые неточности в терминологии.

- Перевод для опубликования: полноценный, стилистически грамотный перевод, правильно передающий содержание оригинала, с точным применением специальной терминологии (отредактированный научным редактором) [Перевод в Европейском сообществе... 2011: 45].

В конце прошлого века Л.К. Кудряшовой выделено семь категорий оценки качества перевода с позиции редактора переведенного текста: пропуски текста оригинала, смысловые и терминологические искажения, недостатки в стиле изложения, в техническом оформлении [Кудряшова 1987: 68].

Генеральным директором Европейского Союза по переводу разработаны критерии качества сделанного перевода на 24 рабочих языках. Выделяется 16 типов ошибок по следующим параметрам: смысл, опущения, добавления, терминология, грамматика, пунктуация, стиль, цитирование, ясность [Programme for quality ... 2009].

В 1994 году Бюро перевода в Канаде предложило в помощь переводчикам следующие критерии оценки сдаваемого перевода: отсутствие смысловых ошибок, сохранение формы оригинала, представление текста перевода и его сдача в срок [Le Bulletin 1994: 5]. С этой же целью в рамках ООН издано пособие в помощь переводчику «Manuel de traduction française

de l'ONU», в котором выделяются следующие критерии оценки сделанного перевода:

- Верность оригиналу.
- Ясность.
- Краткость.
- Простота.
- Точность.
- Соответствие использованных терминов.
- Естественные обороты.
- Соответствие ПТ стилистическим и грамматическим нормам ПЯ.
- Пунктуация.
- Иностранные выражения и термины.
- Использование неологизмов.
- Точная передача дат, цифр, времени, сокращений [Manuel de traduction française de l'ONU 2019].

Некоторые бюро переводов предлагают свою шкалу оценок сделанного перевода. Так, например, компания «Neotech» — одна из крупнейших переводческих компаний на территории России и СНГ, специализирующаяся на переводе технической документации, считает, что оценивать труд специалиста по профессиональным переводам хоть и сложно, но вполне реально. Компания предлагает оценивать сделанный перевод по следующим критериям:

- *Оценка соответствия смысла и содержания перевода оригиналу. Верный или прозрачный перевод?* Верный перевод – буквален и точен. Ясный (или, по-другому, прозрачный) перевод – это перевод с использованием специфических идиоматических выражений, переданных по смыслу или буквально, с использованием аналогий из языка, на который переводится речь или текст.
- *Дополнительные факторы оценки перевода:*
 - точность перевода терминов, фразеологизмов и словосочетаний, крылатых выражений и т.д.;

- точность передачи интонации (не важно, устная или письменная речь переводится);

- адекватность «перевода» стиля текста – насколько перевод речи арizonского фермера грубоват, насыщен «просторечиями»? Насколько «высокий штиль» у перевода дневника английского лорда? [Сайт компании Neotech 2014].

И.С. Шалыт, директор переводческой компании ИНТЕНТ, специализирующейся на переводе и издании инженерной документации, на форуме Ассоциации лексикографов поделился опытом своей компании по формализации оценки качества перевода. Перевод должен быть:

1. адекватным,
2. написан хорошим русским языком и по стилю изложения соответствовать исходному документу,
3. инженерно-грамотным,
4. удовлетворять требованиям пп. 1 - 3 независимо от качества исходного текста,
5. свободен от пропусков, опечаток и т.п. и соответствовать правилам редакционно-издательского оформления [Шалыт 2014].

При всем многообразии выделяемых факторов для оценки сделанного перевода, в данном случае наблюдается та же картина, что и в исследованиях переводоведов. Основное внимание при оценке сделанного перевода направлено на адекватную передачу смысла и лингвистических характеристик текста. Не принимается во внимание позиция переводчика, поскольку, как отмечает Аль-Кинай, заказчик перевода заинтересован в конечном результате, а не в том, в каких условиях работал переводчик [Al-Qinai 2000: 499].

4. Оценка сформированности переводческой компетентности в вузе

Особый интерес для дидактики переводческой деятельности представляет третий подход к оценке перевода, кото-

рый разрабатывается применительно к процессу обучения данной деятельности. Процесс оценивания сформированности переводческой компетентности представляется достаточно сложным. Во многом он зависит от соотношенности требований к профессии переводчика в профессиональном стандарте и внутренних критериев вузов, готовящих переводчиков. То есть от сближения позиций профессионального переводческого сообщества и сообщества преподавателей перевода.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что большинство школ перевода вырабатывают собственные критерии, которые позволяют оценить именно текст перевода. Так, например, в Нижегородском государственном лингвистическом университете В.В. Сдобников в качестве критериев оценки качества сделанного перевода выделяет две составляющие: адекватность, которая представляет собой воспроизведение в переводе функции ИТ, и эквивалентность, предполагающая максимальную лингвистическую близость текстов оригинала и перевода [Сдобников 2008: 209].

В Университете графства Саррей (Великобритания) предлагается 100-балльная система для оценки деятельности переводчика, где оценка ниже 50-баллов считается неудовлетворительной:

- превосходный перевод, как с точки зрения содержания, так и формы изложения;
- учтены целевая аудитория, тип/жанр текста, цели перевода;
- нет опечаток, нет ошибок перевода, нет ошибок в языке перевода [Postgraduate Diploma in Translation 2020]

Лицензионный институт лингвистов (Великобритания) предлагает использовать следующие критерии при оценке сделанного перевода:

- понимание, точность и стиль (50 баллов);
- грамматика (морфология, синтаксис), связность текста, логичность изложения (35 баллов);

- технические критерии к тексту перевода: орфография, пунктуация, точность передачи дат, имен собственных (15 баллов) [Diploma in Translation Handbook ... 2017].

Наиболее полной представляется канадская система оценок лингвистического качества переводов – Sical (Système canadien d’appréciation de la qualité linguistique), разработанная еще в 1978 А. Коваком. В настоящее время при обучении переводу используется система Sical III, согласно которой выделяются две категории ошибок: языковые и смысловые, которые в свою очередь подразделяются на грубые и негрубые ошибки. Под грубыми ошибками понимаются: 1. опущение, искажение «важного элемента» высказывания, 2. когда слово или целый абзац уводят от основного смысла, 3. опущены несколько строк или параграф, 4. грубая ошибка в лексическом или синтаксическом использовании ПЯ.

5. Канадская система оценок лингвистического качества переводов

Максимальное количество грубых и негрубых ошибок на 4 000 слов

Категория	Грубые ошибки	Негрубые ошибки
A	0	0-6
B	0	7-12
C	1	13-18
D	1 и более	18 и более

В соответствии с данным подходом перевод оценивается следующим образом: А – отличный перевод (0 грубых ошибок, 6 или меньше негрубых), В – полностью приемлемый перевод (0 грубых ошибок, от 7 до 12 негрубых, этот уровень

соответствует примерно одной ошибке на три печатных строки), C – требует доработки (1 грубая ошибка, от 13 до 18 негрубых ошибок), D – неудовлетворительный перевод (более 1 грубой ошибки и более 18 негрубых) [Larose 1998].

Таким образом мы видим, что здесь опять возникает ситуация, когда при оценке деятельности переводчика его компетентность не рассматривается, а предпочтение отдаётся таким факторам, как личность читателя, коммуникативная функция текста, соответствие жанра языку перевода и т.д.

Подвергая критике данные подходы к оценке деятельности переводчика, А. Берман предлагает свою оценку, основанную на герменевтическом подходе. Предлагается оценивать:

- переводческую концепцию (понимание переводческой задачи и применение теории перевода),
- переводческий метод (условия и ограничения, при которых осуществляется перевод),
- переводческий кругозор (лингвистические, культурные, образовательные параметры, определяющие мышление, образ мысли и действий переводчика) [Berman 1995].

Попытку сгруппировать критерии оценки переводческой компетентности предприняты М. Орозко и А. Хуртадо Альбир, которые предлагают три уровня ее оценки: экстралингвистическая компонент, способность студента преодолевать проблемы, возникающие при переводе, и количество ошибок и удачных решений в переводе [Orozco-Jutorán M., Hurtado Albir 2002].

Несколько отличный подход мы видим во французской Высшей школе устных и письменных переводчиков в Париже (l'E.S.I.T.), где при оценке сделанного перевода основное внимание уделяется ошибкам, связанным с пониманием смысла высказывания:

- плохое знание иностранного языка;
- непонимание логики изложения;

- плохое знание предмета;
- отсутствие учета факторов экстралингвистической ситуации, в которой создавалось высказывание, характеристик получателя и ситуации, в которой перевод будет использоваться.

На этапе создания текста перевода учитываются следующие ошибки:

- близость к дословному переводу;
- терминологические неточности;
- язык перевода (стиль, лексика, синтаксис, орфография);
- опущения [Modalités de contrôle des connaissances et des compétences de l'E.S.I.T. 2021-2022].

Таким образом, мы видим, что при обучении переводу предпринимаются попытки учитывать не только лингвистическую адекватность переведенного текста, но и его смысловую адекватность, роль факторов ситуации общения и последовательность действий переводчика. Тем не менее, за рамками оценки сделанного перевода остаются многие критерии, которые, как показал проведенный анализ деятельности отраслевого переводчика, определяют его профессионализм.

6. Формы текущего и итогового контроля при формировании переводческой компетентности.

Оценивание полученных результатов должно всегда быть связано с желаемыми результатами разработанного курса. Когда разрабатывается курс, целесообразно с самого начала осмыслить заключительный этап обучения, т.е. определить те вопросы, которые будут заданы учащимся на завершающем этапе обучения. Только после этого возможно представить, какие знания необходимо дать студентам, чтобы при завершении курса они Обучение переводу в рамках интегративной модели происходит на основе компетентностного подхода. У преподавателя перевода определен тот набор компе-

тенций, которые студенты должны будут приобрести и которые будут оцениваться в конце обучения. Следует понимать, что в данном случае речь идет о компетенциях широкого характера, которые дает высшее учебное заведение, а не тех узких, которые нужны переводческой компании определенного профиля. Такие компетенции как критическое мышление, коммуникабельность и т.д. могут быть сформированы только в рамках целого курса. Таким образом, студенты с самого начала обучения представляют, что будет оцениваться по окончании курса.

Цифровые технологии дают возможность использовать различные способы оценки учащихся:

- регистрация деятельности учащихся;
- возможность задать вопросы с несколькими вариантами ответов;
- возможность увидеть задания, сделанные учащимися;
- возможность увидеть их вклад в дискуссионные форумы;
- оценить их участие в проектной деятельности;
- использовать письменные задания, которые проверяет компьютер.

При цифровой оценке деятельности студентов важна последовательность и прозрачность. Следует давать только те знания и умения, которые вы запланировали, и проверять их.

Отметим, что при обучении специальному/отраслевому переводу целесообразно использовать понятие «адекватность» (А.Д. Швейцер), которое связано с выбором стратегии перевода, отвечающей условиям коммуникативной ситуации общения, в этом случае критерием адекватности является то, что любое отступление от эквивалентности должно быть продиктовано объективными требованиями данной коммуникативной ситуации. Студенты должны учиться представлять те требования, которые может предъявлять к переведенному

тексту заказчик в определенной ситуации общения. Анализ предлагаемых критериев оценки сделанного перевода позволил выделить две группы характеристик:

- *объекта* данной деятельности – специального дискурса;
- *субъекта* данной деятельности – отраслевого переводчика.

Переводческая компетентность возможно формировать только в реальной переводческой ситуации, в профессиональном контексте, т.е. посредством учебных профессионально ориентированных ситуаций [Вербицкий, Ильязова 2011]. Важными компонентами выступают мотивация студентов, их личная самооценка и актуализация рефлексии студентов.

Различные факторы при оценке учебного перевода в вузе предлагает рассматривать Е.А. Княжева. Автор выделяет:

- «диагностическую» оценку, которую следует использовать в начале курса, при знакомстве с новой темой;
- оценку с «целью ориентации» на конкретные переводческие проблемы или требования к переводу;
- оценку «с целью итогового контроля» в ходе промежуточной аттестации и итогового экзамена. При этом «эффективность отбора оценочных критериев для текущего и итогового контроля во многом определяется учётом наиболее релевантных параметров исходного и переводного текста» [Княжева 2018: 194], к которым автор относит канал, жанр, функция текста (ИТ) и канал, цель перевода, стратегия перевода (ПТ) [там же].

Перенос акцента с оценки результата на оценку сформированности переводческой компетентности выдвигает на первое место значение текущего контроля. Целью такого оценивания выступает получение информации о протекании процесса обучения.

К инструментам текущего контроля исследователи относят:

- переводческие упражнения на анализ, коррекцию, сравнение, оценивание переводов текстов или переводческих решений;

- упражнения, связанные с выполнением перевода: на предпереводческий анализ текста, объяснение выбранной стратегии перевода без выполнения перевода, упражнения на поиск и документирование информации, использование словарей;

- упражнения на подбор соответствующей теме терминологии, переводческих трансформаций, на объяснение выбора решений;

- упражнения на формирование таких профессионально важных личностных качеств будущего переводчика как внимание, память, прогнозирование, интегральное, логическое и аналитическое мышление, на развитие креативности, коммуникабельности;

- тесты множественного выбора, опросники, беседы, выявляющие методологические и профессиональные принципы, теоретические аспекты, кругозор, психофизиологические способности;

- наблюдения преподавателей, листы самооценки, заметки о языке и окружающем мире, переводческие дневники (где студенты регулярно отражают работу над ошибками, замеченные трудности, использованные источники, потраченное время, общую оценку достижений) [Гавриленко 2010; Тарева 2015; Albir, Melis 2001].

При оценке сделанного перевода предлагается использовать следующие параметры:

- понимание, смысл и идеи;
- лексико-семантический уровень;
- морфосинтаксический уровень;
- стиль;
- орфография и пунктуация;
- креативные решения;

- перевод и использованные методы перевода;
- Оценка результатов и постредактирование
- Формат [Haiyan L. 2006].

Сделать процесс познания еще более захватывающим помогут и такие способы оценки результативности обучения, как контроль персонального цифрового следа или многоуровневый мониторинг достигнутых результатов на основе технологий накопительного оценивания (например, рейтинг или портфолио). Перспективной технологией текущего контроля исследователи в области дидактики перевода называют технологию портфолио.

Сегодня портфолио рассматривается как форма альтернативного оценивания: это объективный контроль, включающий оценивание и результат. «Оно может включать непосредственно работы студента, а также пояснения, почему эта работа включена в портфолио, и какие критерии оценивания при этом использовались. Это не хаотичный, а систематизированный набор продуктов деятельности студента, показывающий продвижение к требуемым результатам обучения. Портфолио может учитываться в дополнение к одноразовым тестам (односторонним и мало информативным) и придать оцениванию разносторонность и информационную «глубину» [Тарева 2015: 302].

Портфолио предполагает смещение акцента с недостатков знаний и умений студентов, на их конкретные достижения в области перевода, а также с внешней оценки на самооценку студента. Портфолио переводчика по сути является систематическим сбором информации о наблюдениях преподавателей, студенческих переводах или отчетах о выполненных заданиях за определенный период времени. Целесообразно выделять какой-то один ведущий тип портфолио: портфолио достижений, портфолио-отчет, портфолио-самооценка или портфолио-планирование своей работы. Портфолио помогает собирать данные, фиксирующие процесс становления

профессиональной компетентности будущего переводчика. Электронные портфолио позволяют студентам создавать каталог своих сделанных переводов. работ. Студенты могут предоставить доступ к портфолио преподавателю и тогда возможно увидеть их работу на протяжении всего курса обучения. И по такому портфолио полученная оценка будет более объективной.

Существуют различные подходы к процессу оценивания работы студентов. По мнению ряда преподавателей главной считается оценка финальной работы, в этом случае оценивается то, чему студентов научили, а не то как как они этого достигли. Другие преподаватели, наоборот, считают важной работу на протяжении всего курса, отмечая, что процесс обучения так же важен, как и результат. Но в любом случае, онлайн оценивание делает работу преподавателя более прозрачной и объективной, чем при очном обучении, когда преподаватель не может видеть как проходить обучение за стенами аудитории [Bates 2020].

Интересно, что еще в 1968 г. М.Я. Цвиллинг писал, что каждому переводчику следует с самого начала своей профессиональной карьеры вести «квалификационную книжку», в которую бы заносились сведения о полученных знаниях, прослушанных курсах и т.д. [Цвиллинг 1968].

Портфолио переводчика может включать: программу обучения, его содержание, перечисление индивидуальных целей в рамках курса, задания на перевод, выполненные в аудитории и в процессе прохождения практики, комментарии преподавателей, созданные тематические глоссарии, результаты исследовательской деятельности, библиографии, корпуса текстов, дневники обучения, выпускную квалификационную работу [Sawyer 2001: 156-157].

По мнению Владимира Блинова, директора центра профессионального образования и систем квалификаций ФИРО РАНХиГС, научного руководителя исследования, технологии Big Data позволяют осуществлять персонализированный

мониторинг образовательного процесса, отслеживая динамику изменений и проводя сравнительный анализ. Преподаватель, снабженный оперативной информацией о качестве выполнения заданий, сможет эффективнее направлять движение по образовательному маршруту.

Канадский исследователь цифровых технологий в образовании Тони Бейтс предлагает при онлайн обучении использовать две оценки: одну оценку - за работу всей группе, вторую - за индивидуальный вклад в работу группы. Автор использует электронную таблицу в системе управления для того, чтобы отслеживать работу учащихся. В верхней строке указываются задания, в левом столбце - список учащихся, и регулярно оценивается, что сделал учащийся в течение недели [Bates 2020].

Для того чтобы оценить уровень сформированности профессиональной переводческой компетентности у студентов к концу обучения, необходимо оценить насколько студенты усвоили и правильно выполняют действия переводчика. С этой целью выделенные критерии оценки сделанного перевода были сгруппированы по основным этапам и задачам, которые представляют собой алгоритм, последовательность профессиональных действий переводчика. Значительное количество выделяемых критериев обусловило необходимость использования 100-балльной системы оценки сделанного перевода. Особая значимость второго и третьего этапов оценивается, исходя из 35 максимальных баллов, первый этап – из 10 баллов и последний – из 20 баллов.

Этапы перевода	Критерии оценки	Баллы
Получение исходного текста и подготовка к его переводу	<ul style="list-style-type: none"> • привлечение факторов экстралингвистической ситуации, в которой создавалось высказывание, характеристик отправителя ИТ и ситуации, в которой перевод будет использоваться, характеристик получателя ПТ; • адекватность отобранных словарей и справочников для предстоящего перевода. 	10
Понимание и интерпретация исходного текста	<ul style="list-style-type: none"> • предметные знания; • знание иностранного языка; • понимание замысла автора и логики изложения ИТ на основании переводческого анализа; • полнота проведенного справочно-информационного поиска; • стратегия перевода. 	35
Создание текста перевода	<ul style="list-style-type: none"> • корректность используемых способов и методов перевода; • соответствие используемой терминологии; • адекватность передачи дискурсивных и жанровых характеристик в ПТ; • учет различий прагматического, социокультурного, предметного потенциала отправителя ИТ и получателя ПТ; • соблюдение логики изложения; • опущения; • добавления. 	35
Коррекция текста перевода	<ul style="list-style-type: none"> • язык перевода (стиль, лексика, синтаксис, орфография); • соответствие ПТ выбранной стратегии; • оформление ПТ. 	20

7. Оценка уровня сформированности профессиональной компетентности отраслевого переводчика

Данные критерии могут выборочно использоваться на различных этапах обучения.

Так, например, на синтезирующем этапе обучения для оценки объекта - сделанного студентами перевода 35 баллов могут быть распределены по следующим критериям:

1. соответствие ПТ выбранной стратегии перевода;
2. адекватность передачи интенции автора высказывания в ПТ;
3. учет различия профессиональных картин мира, социокультурных и предметных потенциалов отправителя ИТ и получателя ПТ, как представителей научно-технической сферы общения, и адекватность использованных средств перевода;
4. соблюдение логики и последовательности изложения информации в ПТ;
5. адекватность языкового представления ПТ языковым и речевым нормам русского языка;
6. адекватность ситуации, в которой перевод будет использоваться;
7. корректность используемых способов и методов перевода;
8. корректность используемой терминологии;
9. адекватность передачи дискурсивных и жанровых характеристик в ПТ;
10. соответствие оформления ПТ требованиям заказчика.

Данные критерии могут применяться как в процессе обучения, так и при проверке выпускной квалификационной работы.

8. Заключение

В процессе обучения специальному/отраслевому переводу представляется необходимым знакомить студентов с существующими подходами к оценке перевода переводоведами и на предприятиях/фирмах.

Однако прежде чем исправлять собственные переведенные тексты, целесообразно учить студентов анализировать чужие переведенные тексты, сопоставляя исходный текст и текст перевода по данным критериям. Работа ведется следующим образом: преподаватель объясняет студентам значимость данного этапа в деятельности профессионального переводчика, анализирует текст перевода по выделенным выше параметрам, привлекая студентов к проводимому сопоставлению. Затем просит студентов самостоятельно проанализировать переведенный текст по предложенной схеме. В дальнейшем студенты учатся анализировать собственные переведенные тексты, аргументируя выбранную ранее стратегию перевода.

Студентам, как правило, очень трудно достичь цели, если она им не понятна. Оценка студентом своей работы представляет один из способов объективно увидеть свою работу. Поэтому целесообразно подключать студентов к оценке своих работ и работ сверстников. Любые сомнения по поводу оценки открыто обсуждаются до достижения соглашения. Когда студенты искренне сотрудничают и оценивают работу друг друга, у них развиваются социальные умения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева И.С.* Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – 288 с.

2. *Вербицкий А.А., Ильязова М.Д.* Инварианты профессионализма: проблемы формирования: монография / А. А. Вербицкий, М. Д. Ильязова. – М.: Логос, 2011. – 288 с.

3. *Гавриленко Н.Н.* Понять, чтобы перевести: перевод в сфере профессиональной коммуникации. Книга 2. – М.: М.: Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова, 2010. – 206 с.

4. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2004. – 544 с.

5. *Княжева Е.А.* Оценка качества перевода: история, теория, практика: монография / Е. А. Княжева. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 248 с.

6. *Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.

7. Перевод в Европейском Сообществе: объем перевода и оценка качества перевода. Обзор. / Под ред. И. И. Убина. Министерство высшего образования и науки Российской Федерации, Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2011. – 56 с.

8. *Сдобников В.В.* Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – 448 с.

9. *Стрелковский Г.М., Латышев Л.К.* Научно-технический перевод: Пособие для учителей нем.яз. – М.: Просвещение, 1980. – 175 с.

10. *Тарева Е.Г.* Оценивание качества подготовки переводчиков (Анализ зарубежных подходов) // Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы: Сборник научных трудов 10-ой Международной научно-методической интернет-конференции, Москва. 22-23 апреля 2015 г. // Под ред. Н.Н. Гавриленко. – М.: РУДН, 2015. – С. 294-307.

11. *Тюленев С.В.* Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.

12. *Цатурова И.А., Каширина Н.А.* Переводческий анализ текста. Английский язык: Учебное пособие с методическими рекомендациями. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Перспектива, Изд-во «Союз», 2008. – 296 с.

13. *Цвиллинг М.Я.* О профессии переводчика Тетради переводчика. – № 5. – М.: «Международные отношения, 1968. – С. 117-121.

14. *Шалыт И.С.* Опыт послевузовского обучения техническому переводу // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сборник научных трудов 11-й Международной научно-методической конференции. Москва. 4-8 апреля 2016 г. / под ред. Н. Н. Гавриленко. – М.: РУДН, 2016. – С. 296-309.
15. *Al-Qinai Jamal.* Translation Quality Assessment. Strategies, Parametres and Procedures // *Meta*. - 45 (3). - 2020. – P. 497–519. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://doi.org/10.7202/001878ar> (дата обращения: 18.10.2020).
16. *Albir A.H., Melis N.M.,* Assessment In Translation Studies. Research Needs // *Meta: Translators' Journal*. – 2001. – Vol. 46. – № 2. – P. 272-287.
17. *Bates (Tony) A.W.* Teaching in a Digital Age. Guidelines for designing teaching and learning. 2 edition. 2020. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pressbooks.bccampus.ca/teachinginadigitalagev2/> (Дата обращения: 12.08.2020).
18. *Berman Antoine.* Pour une critique des traductions : John Donne. – Paris, Gallimard, 1995. – 276 p.
19. *Delisle, J.* L'évaluation des traductions par l'historien // *META*. – V. 46. – № 2. – 2001. – P. 209-226.
20. Diploma in Translation Handbook for Candidates. – London: DipTrans Handbook-2017. – 24 p. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ciol.org.uk/sites/default/files/Handbook-DipTrans.pdf> (дата обращения: 18.10.2020)
21. *Gouadec, Daniel.* Faire traduire. – Paris: La maison du dictionnaire, 2004. – 366 p.
22. *Haiyan L.* Cultivating Translator Competence: Teaching and Testing // *Translation Journal*, 2006. – URL: <http://accu-rapid.com/journal/37testing.htm> (дата обращения 17.04.2015).
23. *Larose R.* Méthodologie de l'évaluation des traductions // *META*. – XLIII, 2. – 1998. – 163-186.

24. Manuel de traduction française de l'ONU 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://fdocuments.fr/document/organisation-des-nations-unies-ls-website-2019-02-15-si-le-traducteur-doit-se.html?page=1> (Дата обращения: 19.07.2020).

25. Modalités de contrôle des connaissances et des compétences de l'E.S.I.T. 2021-2022 [электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.univ-paris3.fr/jsp/saisie/liste_fichiergw.jsp?OBJET=DOCUMENT&CODE=1632853234624&LANGUE=0 (дата обращения: 14.07.2022)

26. *Orozco-Jutorán M., Hurtado Albir A.* Measuring Translation Competence Acquisition // МЕТА. – 47(3). – 2003. – P. 375-402.

27. Postgraduate Diploma in Translation. The Open University. 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.openuniversity.edu/courses/postgraduate/qualifications/e92> (Дата обращения: 20.08.2020).

28. PROGRAMME FOR QUALITY MANAGEMENT IN TRANSLATION – 22 ACTIONS. European Commission, 2009. – 57 p. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://term-coord.eu/wp-content/uploads/2017/07/Programme-for-Quality-Management-in-Translation.pdf> (Дата обращения: 19.07.2020).

29. *Sawyer.* The Integration of Curriculum and Assessment in Interpretation Education: A Case Study, doctoral dissertation University of Mainz [электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://archimed.uni-mainz.de/pub/2001/0097> (Дата обращения: 14.07.2022).

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК МОТИВАЦИОННЫЙ РЕСУРС ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

*Гакова Елена Васильевна,
ст. преподаватель,
Российский университет дружбы народов,
г. Москва*

Аннотация. Образовательная деятельность направлена сегодня на поиск эффективных способов и приёмов образования, стимулирующих мотивированное обучение студентами. Одним из эффективных способов, стимулирующих изучение иностранных языков считается геймификация. В ходе игровой деятельности у студентов повышается мотивация к изучению иностранных языков, а также познанию культур стран изучаемого языка.

Ключевые слова: геймификация, мотивация, игровые ситуации, обучение иностранным языкам

GAMIFICATION AS A MOTIVATIONAL RESOURCE IN TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES

*Gakova E.V.
Associate professor, PFUR, Moscow*

Abstract. Educational activity today is aimed at finding effective ways and methods of education that stimulate motivated learning by students. One of the effective ways to stimulate the learning of foreign languages is gamification. During the game activity, students are more motivated to learn foreign languages, as well as to learn the cultures of the countries of the language being learned.

Keywords: gamification, motivation, game situations, teaching of foreign languages

В век развитых информационных технологий очень трудно преподавателю удивить студентов новыми знаниями и привлечь внимание к своему предмету, особенно, если для усвоения новых знаний необходим процесс запоминания. Сейчас учить наизусть никто не любит, знания должны усваиваться налету, в процессе интересной и не монотонной деятельности, причем, этот процесс должен подталкивать обучающихся к совершенствованию знаний, самообразованию, поиску дополнительных источников информации.

Изучение иностранных языков очень кропотливый и неспешный процесс. Обучаясь языку 2-3 раза в неделю, невозможно его быстро усвоить используя только учебники и аудио записи, из которых можно получить определенную информацию. Обычные и традиционные коммуникативные методы обучения иностранным языкам претерпевают кардинальные преобразования и должны способствовать интерактивному вовлечению в процесс обучения всех участников процесса, должны удерживать внимание и интерес обучающихся. Крайне важно обеспечить студентов такими знаниями и умениями, которые в их дальнейшей жизни могут помочь им достичь собственных целей [2,4].

Также необходимо упомянуть, что мы живем во время быстрых и постоянных изменений не только вокруг нас, но и системе образования. Появились и успешно развиваются различные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые очень сильно сейчас влияют на то, как ученики обучаются, и, следовательно, на способы преподавания.

Современные студенты проводят много времени в сети Интернет, играют в видеоигры, смотрят многочисленные ролики, участвуют в различных чатах, соответствующих их интересам и которые содержат те элементы, которые заставляют их увлекаться данными процессами, привлекают их внимание и побуждают расширять поиск информации, игр и тд. Данные тенденции и интерес студентов преподаватели сейчас пытаются активно задействовать в процессе обучения. Поэтому,

одним из эффективных способов обучения иностранным языкам считается геймификация. Геймификация как раз направлена на использование этих специфических элементов, чтобы учащийся чувствовал себя вовлеченным в свой собственный процесс обучения.

Обучение иностранному языку нацелено на налаживание международных контактов, изучение других культур посредством иностранного языка, позволяет структурировать свое мышление, общаться с другими людьми, позволяет лучше понимать мир и ценить межкультурные различия. Для того чтобы добиться эффективного изучения иностранного языка, одним из наиболее важных аспектов, который следует принимать во внимание – это мотивация. Ее исследователи рассматривают как движущую силу для достижения целей обучения учащихся. Причем, виды деятельности и интенсивность обучения рассматриваются как основа успешного процесса обучения иностранным языкам. [2,4,6]

Исследователи [11] утверждают, что одинаковой мотивация у всех студентов быть не может, она также зависит от психологических особенностей студентов. Активные, настойчивые, уверенные в себе и своих силах студенты всегда будут обучаться легче и быстрее. И это необходимо учитывать в процессе обучения группы.

Также необходимо помнить, что мотивация может быть внутренней, когда внимание сосредоточено на процессе больше, чем на конечном результате деятельности. Это происходит, когда студент внутренне мотивирован получать удовольствие от обучения, сам процесс вызывает азарт, желание показать и проявить себя. С другой стороны, на многих студентов влияет внешняя мотивация, когда нужно хорошо учиться и следовательно, активно работать на занятии [9], например, ради стипендии или получения вознаграждения от преподавателя или родителей.

При обучении иностранному языку оба вышеуказанных типа мотивации задействованы. Поэтому необходимо

обеспечить баланс между сложностью задачи, желаниями обучающегося и его способностями. Так как если задача превышает возможности студента, то он будет беспокоиться и может не проявлять активности в процессе обучения, а если его способности превышают поставленную задачу, то такому студенту задание может быстро наскучить. [5]

Из вышесказанного следует, что внутренняя мотивация является основной движущей силой в процессе успешного обучения. Исследователи [8] выделяют основные пункты, которые успешно позволяют стимулировать внутреннюю мотивацию у студентов:

- Необходимо определить и обратить внимание на развитие того, что нужно и что интересно обучающимся и структурировать занятия с учетом этих потребностей. Таким образом, обучение для них станет более интересным.

- Необходимо отслеживать внутреннее состояние обучающихся, так как оно определяет их поведение на занятии. Задействование интересов студентов в структурировании уроков помогает создать между ними мотивационное состояние.

- Необходимо поощрять активную деятельность студентов, так как это улучшает отношения между самими студентами и преподавателем, облегчает обратную связь и делает обучение более самостоятельным.

- Необходимо поощрять студентов брать на себя больше ответственности за свое обучение так как это повышает их ответственность и делает их обучение более автономным.

- Необходимо обеспечивать частичное руководство: давать студентам больше свободы, направлять их, когда они активны и брать на себя полный контроль, только если занятие проходит плохо.

- Необходимо обеспечить студентов оптимальными задачами, они должны соответствовать уровню студентов. Способность преодолевать трудности повышает внутреннюю мотивацию.

- Необходимо наладить положительную и конструктивную обратную связь со студентами. То, как преподаватель говорит во время общения со студентами на занятии, должно быть направлено в позитивном ключе на проблемы обучения, а не на студента, и должно касаться советов, как улучшить деятельность на занятии студента в следующий раз.

- Преподавателю необходимо отслеживать тон во время общения со студентами, преподаватель должен предлагать варианты, а не заставлять делать что-то. Авторы рекомендуют использовать фразы «вы могли бы...», чем «вы должны...». Это поощряет их самостоятельность, поскольку именно они принимают решения, и это усиливает их внутреннюю мотивацию.

- Необходимо создать теплую и позитивную атмосферу на занятии, так как это помогает учащимся чувствовать себя более уверенно. Если студенты позитивно взаимодействуют с преподавателем, это подталкивает их больше интересоваться предметом и также улучшает внутреннюю мотивацию студентов.

- Необходимо выслушивать студентов, когда они выражают свою незаинтересованность и неудовлетворенность. Студенты должны чувствовать, что их слушают и что их мнение важно и учитывается.

- Необходимо объяснять ценность неинтересных занятий: так как не все темы интересны всем, поэтому ученики, которые не мотивированы, могут мешать остальным на занятии или даже влиять на мотивацию преподавателя.

- Преподаватель должен объяснять цель каждого задания и уметь лаконично заставить студентов продолжать работать, даже если им не нравится конкретное задание, они должны понимать, что его важно выполнить.

- Необходимо давать студентам возможность выбора. Это мотивирует студентов, поскольку они чувствуют себя частью группы и считают, что несут ответственность за свой собственный процесс обучения.

Термин «геймификация» впервые был озвучен в 2008 году Раджатом Пахария, который рассматривал его как включение элементов игровой деятельности в неигровые контексты. Основной целью геймификации он видел, как необходимость влиять на поведение людей, вовлекая и мотивируя их на решение различных задач. С тех пор появилось множество авторов, которые пытались дать свое определение этому термину. Процессы и системы, используемые для влияния, вовлечения и мотивации отдельных лиц, групп и сообществ для управления поведением и достижения желаемых результатов [10]. Геймификация представляет собой определенные игровые правила, используемые педагогами для достижения поставленных целей [1]. Это процесс использования игровой механики, эстетики и игрового мышления для вовлечения людей, мотивации к действию, содействия обучению и решению проблем [7]. Стратегия применения игровых техник к неигровым видам деятельности, чтобы управлять мотивацией и поведением людей в групповой активности [3].

В процессе обучения иностранному языку невозможно все время проводить полноценные игры, так как на это нужно много времени. Но полноценной игре можно посвятить занятие, например, после изученной темы. Но в процесс обучения возможно включать различные игровые элементы почти на каждом занятии, где студенты могут посоревноваться как лично, так и в команде. Поэтому мы рассматриваем геймификацию как внедрение игровых ситуаций согласно целям и задачам обучения иностранному языку с учетом уровня и интересов студентов для стимулирования их внутренней мотивации для успешного изучения предмета и дальнейшего самообразования.

Конечно, все студенты разные одни активные, другие пассивные, одни нацелены на успешный результат, другие на быструю реакцию, независимо от результата, одни нуждаются в поощрении и одобрении, другие могут перебивать или проявлять нетерпение или неодобрение в сторону выступающего

игрока в ходе ожидания своей очереди. Цель преподавателя подобрать наиболее подходящие типы игровых ситуаций в зависимости от личности своих учеников, чтобы обеспечить успешное овладение знаниями и интерес в процессе обучения иностранному языку.

Стимулирование к деятельности является ключевым элементом геймификации [7] и мотивация является основным фактором в этой деятельности [1,2,3,4,6,7,9,11]. Есть еще несколько причин использования геймификации в качестве мотивационного ресурса:

- Знания и модели поведения, получаемые в ходе игровой деятельности, могут усваиваться студентами легче, поскольку это дает им возможность постепенно укреплять свои навыки.

- Возможность получить признание среди одноклассников может создать правильную мотивацию для самообразования, так как есть идеальная возможность показать не только усвоенный материал, который изучается в группе, но и дополнительные знания во время игровых ситуаций.

- Геймификация убирает дискомфорт даже у самых немотивированных студентов и способствует получению удовольствия от выполняемой деятельности, а это самый лучший мотиватор.

- Геймификация подразумевает соревнование и конкуренцию и у студентов есть возможность проявить свои знания и модели поведения, уловить чувство и вкус победы, особенно, когда каждый за себя. Скорее всего, такие же чувства победителя студенты захотят испытать и во взрослой жизни.

- Геймификация дает опыт работы в команде, умение оценивать сильные и слабые стороны игроков своей команды и подставить плечо, когда это необходимо. Она также дает понимание того, какими качествами обладают одноклассники, кто лидеры, а кто командные игроки и лучше себя проявляют в сотрудничестве.

- Геймификация дает идеальную возможность проявить себя знающим, но скромным и застенчивым студентам. Быть принятым и оцененным одноклассниками, приобрести уважение и поднять свою самооценку, это ли не мотивационный фактор для студентов. Скорее всего, они будут стремиться к тем моделям поведения, которые позволили им приобрести более высокий статус и в дальнейшем.

- Геймификация предоставляет отличную возможность для студентов отслеживать и измерять свой прогресс. Похвала преподавателя или поддержка участников команды во время активности студентов мотивирует продолжать выполнять ту или иную деятельность, потому что она воспринимается как награда за проделанную работу.

- Одним из наиболее эффективных моментов геймификации является то, что студенты через обратную связь, после проделанной работы получают похвалу или вознаграждение за успешное выполнение задания и приложенные усилия.

- Обучающиеся могут предлагать игровые ситуации или ролики, которые сами нашли в сети Интернет или самим моделировать задания для совместной игровой деятельности. Им важно чувствовать, что их ценят, и видеть, что их мнение учитывается. Таким образом, геймификация может быть мотивирующей, поскольку у студентов есть возможность активно вовлекаться на протяжении всего процесса обучения.

- Процесс геймификации сближает студентов группы, они начинают относиться более внимательно и уважительно друг к другу и преподавателю, становятся более ответственными к своему образованию, что сказывается очень положительно на процессе обучения и способствует их автономности.

- Процесс геймификации позволяет студентам улучшать свои результаты и не бояться поражения, так как совсем проигравших и все потерявших здесь нет. Сегодня ты проиграл, но выиграл в следующий раз. Именно это подталкивает

студентов прибегать к нестандартным решениям поставленных задач, что способствует самосовершенствованию, не бояться делать ошибки и начинать все заново.

- Процесс геймификации близок и понятен, поэтому студенты считают его привлекательным и вовлекаются в него очень активно.

Список литературы

1. *Белкин Ф.А.* Геймификация в образовании [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 3. С.28-34. doi: 110.17759/jmfp. 22016050303].

2. *Гакова Е.В.* Игровые ситуации как условия формирования креативных компетенций студентов// Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 902.

3. *Коваль Н.Н.* Геймификация в образовании // Педагогическая наука и практика. 2016. № 2 (12). С. 25-29.

4. *Romanenko N.M., Gakova E.V.* Gamification situations at the process of formation of creative translator's strategies in the field of cross-cultural communication// Languages and Migration in a Globalized World. материалы саммита QS по предметным областям «Современные языки» и «Лингвистика». Российский университет дружбы народов. Москва, 2020. С. 355-363.

5. *Csikszentmihalyi, M.* (1991). Flow: the Psychology of Optimal Experience. Harper & Row.

6. *García Laura Ardoiz* (2017). Gamification in English teaching in primary education. Soria, 57.

7. *Kapp, K. M.* (2012). What gamification is not. En K. M. Kapp, The gamification of learning and instruction: Game-based Methods and strategies for training and education.

8. *Kusurkar, R. A., Croiset, G., & Ten Cate, O. T. J.* (2011). Twelve tips to stimulate intrinsic motivation in students through autonomy-supportive classroom teaching derived from self-determination theory. Medical teacher, 33(12), 978-982.

9. *Lepper, M.* (1988). Motivational Considerations in the Study of Instruction. *Cognition and Instruction*, 5(4), 289-309.
10. *Wang, R.* (2011). Demystifying Enterprise Gamification for Business. *Constellation Research*.
11. *Wentzel, K., & Wigfield, A.* (1998). Academic and Social Motivational Influences on Students' Academic Performance. *Educational Psychology Review*, 10(2), 155-175.

**ОБУЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
СПОСОБОВ АДЕКВАТНОЙ ПЕРЕДАЧИ
МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
ПОЛУСУФФИКСОВ 了 (LE) И 过 (GUÒ)
ПРИ ПЕРЕВОДЕ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ**

*Гибкий Павел Валерьевич,
магистрант, преподаватель Минского
государственного лингвистического университета, г. Минск*

Аннотация. В китайском языке отсутствуют морфологические временные показатели. Русский язык обладает развитой морфологией. По этой причине в ряде случаев достижение полной адекватности при переводе с китайского языка на русский не представляется возможной и используются переводческие трансформации. Данная статья посвящена обучению использованию грамматических трансформаций, которые используются, чтобы адекватно передавать металингвистическое значение полусуффиксов 了 le и 过 guò при переводе с китайского языка на русский.

Ключевые слова: обучение; китайский язык; синтаксис; время; временные отношения; полусуффиксы; грамматические трансформации; эффект прошедшего времени.

**TEACHING HOW TO USE THE TECHNIQUES
OF ADEQUATE CONVEYING THE SEMI-SUFFIXES
了 (LE) AND 过 (GUÒ) METALINGUISTIC MEANING
WHEN TRANSLATING FROM CHINESE TO RUSSIAN**

*Gibkij P.V.,
MA student, lecturer of
MSLU, Minsk*

Abstract. There are no morphological tense forms in Chinese. The Russian language has a developed morphology. For this reason, in a number of cases, the achievement of full adequacy when translating from Chinese into Russian is not possible and translation transformations are used. This article discusses the issue of teaching how to use grammatical transformations as one of the ways of adequate conveying the semi-suffixes 了 (le) and 过 (guò) metalinguistic meaning when translating from Chinese into Russian.

Keywords: teaching, Chinese, syntax, tense, temporal relations, semisuffixes, grammatical transformations, past tense effect.

Актуальность данного исследования обусловлена важностью исследования синтаксиса в китайском языке, востребованностью переводов с китайского языка на русский. Что касается новизны работы, данный аспект исследований, насколько нам известно, не был объектом специального лингвистического анализа. Безусловно, «основная цель каждого переводчика — не перевести текст дословно, сохраняя порядок слов, лексические и грамматические особенности, а передать содержание ...» [1; 67] в результате преобразования исходного текста (далее — ИТ) в переводной текст (далее — ПТ). В ряде случаев полное сохранение эквивалентности не представляется возможным поскольку в китайском языке «отсутствует морфология, если под морфологией понимать словоизменение» [2; 20], нет морфологических временных показателей времени. Русский язык, напротив, характеризуется развитой морфологией и богатством словоизменительных временных форм. В подобных случаях используются переводческие трансформации, которые А. Д. Швейцер характеризует как межъязыковые операции «перевыражения» смысла [3; 118]. Как считал Л. С. Бархударов, процесс перевода сам по себе представляет собой «преобразование или трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке» [4; 6], то есть является комплексом переводческих преобразований или

трансформаций. Выделяют лексические, грамматические трансформации и т. д.

Представив и объяснив определение переводческих трансформаций, прежде всего, необходимо обосновать студентам необходимость использования данных преобразований, донести мысль о том, что в процессе перевода «... не только допустимы, но часто и просто неизбежны многочисленные перегруппировки, перестановки и перераспределения отдельных смысловых элементов («переводческие трансформации»)» [4; 16].

Анализ способов адекватной передачи металингвистического значения или «метасемантики» полусуффиксов 了 (le) и 过 (guò) на китайский невозможен без рассмотрения различий между грамматическими системами русского и китайского языков. Как отмечал К. В. Волков, существует ряд проблем китайско-русского перевода на уровне словосочетания и предложения, которые обуславливают необходимость использования переводческих трансформаций: «трудность определения синтаксических отношений между компонентами словосочетания и грамматических функций служебных слов в конкретном акте употребления в устном и письменном переводе; трудность определения синтаксической структуры предложения при устном и письменном переводе; трудность подбора синтаксической структуры русского предложения, эквивалентной синтаксической структуре китайского предложения в письменном и устном переводе; трудность анализа отношений между частями сложного предложения при отсутствии союзов, указывающих на характер связи в устном и письменном переводе» [5; 203].

Далее необходимо донести студентам мысль о том, что так как любое преобразование исходных языковых структур всегда влечет за собой потерю оттенков смысла, переводчик не должен злоупотреблять использованием переводческих трансформаций. «Образно выражаясь, переводчик вынужден всё время лавировать между Сциллой буквализма и Харибдой

вольного перевода, стараясь найти между ними тот узкий, но достаточно глубокий проход, идя которым, он сможет» [6; 67] максимально адекватно передать всю гамму значений, заключенную в исходном тексте.

В данной работе исследуются способы адекватной передачи металингвистического значения или «метасемантики» полусуффиксов 了 (le) и 过 (guò). Мы считаем, данные полусуффиксы «... принадлежат не языку, а метаязыку [7; 20] так как являются языковыми явлениями, а не элементами модели мира. Поэтому мы считаем, что значение, выражаемое полусуффиксами 了 (le) и 过 (guò), является металингвистическим. Комбинации данных полусуффиксов являются синтаксическими средствами создания эффекта прошедшего времени [8], временного промежутка, возникающего между первым и вторым процессом в событии.

С целью поиска возможных способов адекватной передачи значения вышеперечисленных полусуффиксов было проанализировано 7400 фрагментов текстов корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры [9], 902 фрагмента текстов русско-китайского параллельного корпуса Национального корпуса русского языка [10], 3822 фрагмента текстов словаря БКРС [11], выявлено 224 случаев создания эффекта прошедшего времени путем комбинации полусуффиксов 了 (le) и 过 (guò). К примеру, в предложении 下过了雨, 我就起身 [11] ('Я двинулся в путь, когда дождь прошёл') первый процесс ('дождь прошёл') предшествует второму процессу в прошлом ('двинулся в путь'), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le).

Далее студентам предлагаются примеры, характеризующие использование способов адекватной передачи значения металингвистического значения полусуффиксов 了 (le) и 过 (guò) с китайского языка на русский. Ниже представлены шесть наиболее ярких примеров.

1. ИТ: 我吃过的盐比你吃过的饭多 [11].
ПТ: ‘Я соли съел больше, чем ты еды’.
2. ИТ: 成就了自己, 也成就了深圳 [10].
ПТ: ‘Они сделали себя сами, и они сделали Шэньчжэнь какой он есть сегодня’.
3. ИТ: 路过正房门时, 用爪子搔了几下门, 但这种脆弱感情很快就被克服 [10].
ПТ: ‘Он поравнялся с дверями, рванулся к ним, поцарапался, но быстро преодолел это слабование’.
4. ИТ: 铺了沥青的柏油马路上, 竟也涌出了淙淙的泉水 [9].
ПТ: ‘Дорога была заасфальтирован, но к удивлению, из нее заструился родник’.
5. ИТ: 鼻子上长了一个包好疼...刚刚忍痛把它弄破 [9].
ПТ: ‘Нос разболелся. Только что его рассек’.
6. ИТ: 她把一条毒蛇打趴了, 她那时才11岁啊, 当然后来被臭骂了一顿 [11].
ПТ: ‘Она гадюку голыми руками изловила, в одиннадцать годков. Конечно, ей влетело ей потом!’
7. ИТ: 有人在西南方的雾临村见到了魔族。我立刻派了鲁克和孙 [11].
ПТ: ‘Около деревни Туманного Водопада, что на юго-западе, видели могу. Я туда уже отправил Рук и Сунь’.
8. ИТ: 法师的法师制作了一组特殊的塔罗牌-他在每张牌上画了一个未来的事件 [11].
ПТ: ‘Маг подарил ей колоду особенных карт Таро. Согласно ее пророчествам, он изобразил событие будущего на каждой карте’.
9. ИТ: 看过了信, 他沉默了好久 [10].
ПТ: ‘Прочитав письмо, он долго молчал’.
10. ИТ: 他拿出一个笔记本, 把它扔掉了, 接着第二本, 第三本直到第十本都遭到了同样下场 [11].

ПТ: 'Он вынул одну тетрадку и бросил ее, потом вторую, третью и десятую постигла та же участь'.

Далее, чтобы студенты осознали, каким образом передано металингвистическое значение полусуффиксов с китайского языка на русский и какие переводческие трансформации использованы, им предлагается ответить на следующие вопросы:

1. В чем заключается металингвистическое значение полусуффиксов?
2. Каким образом данное металингвистическое значение выражено в данном контексте?
3. Какими переводческими трансформациями воспользовался переводчик, чтобы передать металингвистическое значение полусуффиксов?
4. Какие языковые единицы языка перевода были использованы?

После того, как студенты озвучат свои ответы, им предлагается сопоставить их с вариантом преподавателя, представленном в таблице.

Таблица

Грамматические трансформации как способы передачи металингвистического значения полусуффиксов 了 (le) и 过 (guò)

ИТ и ПТ	Металингвистическое значение 了 (le) и 过 (guò)	Способ передачи металингвистического значения полусуффиксов
<p>1. ИТ: 我吃过的盐比你吃过的饭多. ПТ: ‘Я соли съел больше, чем ты еды’ [11].</p>	<p>1. Процесс №1 – 吃过饭 (‘съел еду’). 2. Процесс №2 – 吃过盐 (‘съел соль’). Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 过 (guò).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация. 1. В ИТ эффект прошедшего времени создан комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 过 (guò)). 2. В ПТ значение прошедшего времени выражено синтетическими формой, суффиксом л (‘съел’).</p>

<p>2. ИТ: 成就了自己, 也成就了深圳[10]. ПТ: ‘Они сделали себя сами, и они сделали Шэньчжэнь какой он есть сегодня’.</p>	<p>1. Процесс №1 в прошлом – ‘сделали себя сами’. 2. Процесс №2 в прошлом – ‘сделали Шэньчжэнь какой он есть сегодня’. Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация. 1. В ИТ эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)). 2. В ПТ значение прошедшего времени выражено синтетическими формой, суффиксом л (в глаголе ‘сделали’).</p>
<p>3. ИТ: 路过正房门时, 用爪子搔了几下门, 但这种脆弱感情很快就被克服 [10]. ПТ: ‘Он поравнялся с дверями, рванулся к ним, поцарапался, но быстро преодолел это слабование’.</p>	<p>1. Процесс №1 в прошлом – ‘поравнялся с дверями’. 2. Процесс №2 в прошлом – ‘поцарапался’. Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le). 3. Процесс №2 в прошлом – ‘преодолел это слабование’. Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация. 1. В ИТ эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)). 2. В ПТ значение прошедшего времени и завершённости действия выражено синтетическими формой, (суффиксом л (в глаголах ‘поравнялся’, ‘поцарапался’, ‘преодолел’)).</p>

<p>4. ИТ: 铺了沥青的柏油马路上, 竟也涌出了淙淙的泉水 [9]. ПТ: 'Дорога была заасфальтирован, но к удивлению, из нее заструился родник'.</p>	<p>Первый процесс ('была заасфальтирована') был завершен до начала второго ('заструился'), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией модальной частицы и полусуффикса 了 (le).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация. 1. В ИТ эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)). 2. В ПТ значение прошедшего времени и завершённости действия выражено синтетическими формой, (суффиксом л (в глаголах 'поравнялся', 'поцарапался', 'преодоле́л').</p>
---	--	--

<p>5. ИТ: 鼻子上长了一个包好疼, 刚刚忍痛把它弄破 [9]. ПТ: ‘Нос разболелся. Только что его рассек’.</p>	<p>Первый процесс (‘разболелся’) предшествует второму (‘рассек’), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация. 1. В ИТ эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)). 2. В ПТ значение прошедшего времени и завершённости действия выражено синтетическими формой, (суффиксом л (в глаголах ‘поравнялся’, ‘поцарапался’, ‘преодоле́л’).</p>
<p>6. ИТ: 她把一条毒蛇打趴了, 她那时才11岁啊, 当然后来被臭骂了一顿 [11]. ПТ: ‘Она гадюку голыми руками изловила, в одиннадцать годов. Конечно, ей влетело ей потом!’</p>	<p>Первый процесс (‘изловила’) предшествует второму (‘влетело’), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация. 1. В ИТ эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)). 2. В ПТ значение прошедшего времени и завершённости действия выражено синтетическими формой, (суффиксом л (в глаголах ‘изловила’, ‘влетело’).</p>

<p>7. ИТ: 有人在西南方的雾临村见到了魔古族。我立刻派了鲁克和孙 [11].</p> <p>ПТ: ‘Около деревни Туманного Водопада, что на юго-западе, видели могу. Я туда уже отправил Рук и Сунь’.</p>	<p>Первый процесс (‘видели’) предшествует второму (‘отправил’), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация.</p> <p>1. В ИТ эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)).</p> <p>2. В ПТ значение прошедшего времени и завершённости действия выражено синтетическими формой, (суффиксом 了 (le) в глаголах ‘видели’, ‘отправил’).</p>
<p>8. ИТ: 法师的法师制作了一组特殊的塔罗牌-他在每张牌上画了一个未来的事件 [11]</p> <p>ПТ: ‘Маг подарил ей колоду особенных карт Таро. Согласно ее пророчествам, он изобразил событие будущего на каждой карте’.</p>	<p>Первый процесс (‘изобразил’) предшествует второму (‘подарил’), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация.</p> <p>1. В ИТ эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)).</p> <p>2. В ПТ значение прошедшего времени и завершённости действия выражено синтетическими формой, (суффиксом 了 (le) в глаголах ‘изобразил’ и ‘подарил’).</p>

<p>9. ИТ: 看过了信, 他沉默了好久 [10] ПТ: 'Прочитав письмо, он долго молчал'.</p>	<p>Первый процесс ('прочитал') предшествует второму ('молчал'), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le) и 过 (guo).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация. 1. В ИТ эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)). 2. В ПТ значение прошедшего времени и завершённости действия выражено синтетическими формой, (суффиксом 了 (le) и 'молчал').</p>
<p>10. ИТ: 他拿出一个笔记本, 把它扔掉了, 接着第二本, 第三本直到第十本都遭到了同样下场 [11] ПТ: 'Он вынул одну тетрадку и бросил ее, вторую, третью и десятую постигла та же участь'.</p>	<p>Первый процесс ('бросил') предшествует второму ('постигла та же участь'), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 了 (le).</p>	<p>Выполнена грамматическая трансформация. 1. В ИТ эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)). 2. В ПТ значение прошедшего времени и завершённости действия выражено синтетическими формой, (суффиксом 了 (le) и 'имели').</p>

После корректировки ошибок или несовпадений, преподаватель вместе со студентами подводит выводы. Ниже приведен один из возможных вариантов:

В 224 рассмотренных случаях с целью адекватной передачи металингвистического значения полусуффиксов 了 (le) с китайского языка на русский были использованы грамматические трансформации, эффект прошедшего времени выражен комбинацией двух аналитических форм (полусуффиксов 了 (le)) в исходном тексте. Более того, во всех рассмотренных примерах в тексте перевода значение прошедшего времени и завершённости действия выражено синтетическими формой, (суффиксом л (в глаголах 'бросил' и 'имели').

Таким образом, во всех 224 фрагментах текстов с целью адекватной передачи металингвистического значения полусуффиксов 了 (le) были использованы грамматические трансформации, что говорит о важности обучению данным преобразованиям русскоязычных студентов, изучающих китайский язык. Результаты исследования могут быть применены при разработке методических пособий по дисциплине «Теория перевода» (с китайского языка на русский).

Список литературы

1. Гибкий П.В., Супрунчук Н.В. Сохранение эквивалентности при передаче значения пассивного залога // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2021. Вып. № 4 (33). С. 66–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-ekvivalentnosti-pri-peredache-znacheniya-kategorii-passivnogo-zaloga-s-russkogo-yazyka-na-kitayskiy-na-materiale-saytov>.

2. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей: дис. доктор филол. наук. Минск, 1998.

3. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Флинта, Наука, 2012.

4. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975.

5. *Волков К.В.* Переводческие трансформации как средство решения лингвотипологических и лингвокультурных проблем китайско-русского перевода // Современное педагогическое образование. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-transformatsii-kak-sredstvo-resheniya-lingvotipologicheskikh-i-lingvokulturnyh-problem-kitaysko-russkogo-perevoda>.

6. *Гибкий П.В., Супрунчук Н.В.* Лексические и грамматические трансформации как способы сохранения семантической эквивалентности при переводе сайтов с русского языка на китайский // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. Вып. 1 (34). С. 66–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-i-grammaticheskie-transformatsii-kak-sposoby-sohraneniya-semanticheskoy-ekvivalentnosti-pri-perevode-saytov-s-russkogo>.

7. *Гордей А.Н.* Метасемантика языковых категорий // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск.: Изд. Центр БГУ. 2008. С.19–24.

8. *Гордей А.Н.* Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс. Минск, 2007. 1 эл. опт диск (CD-ROM).

9. ВСС 语料库 [电子版]. – 文档存取方式: <http://bcc.blcu.edu.cn/>. = ВСС. Лингвистический корпус. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/>.

10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

11. БКРС. URL: <https://bkrs.info/>.

**РАЗБОР ПО НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ
СОСТАВЛЯЮЩИМ КАК КЛЮЧ К ПЕРЕВОДУ
ТАНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ
«ПЕСНИ О БОЕВЫХ КОЛЕСНИЦАХ» ДУ ФУ**

*Гульдеева Анна Вадимовна,
студентка Московского городского
педагогического университета, г. Москва,
Научный руководитель:
Скворцов Арсений Владимирович,
доктор литературы, доцент кафедры
китайского языка МГПУ*

Аннотация. В настоящей работе анализ по непосредственным составляющим от малого к большому всех строк стихотворения используется для выполнения прозаического перевода и анализа параллелизма «Песни о боевых колесницах» Ду Фу. Доказано, что в этом стихотворении присутствуют параллельные фрагменты, характеризующиеся как вертикальной, так и горизонтальной симметрией. При этом ни горизонтальный, ни вертикальный параллелизм не доминируют, но вместо этого взаимно дополняют друг друга. Доказано, что параллельные фрагменты в этом произведении составляют 52,5% от общего числа иероглифов, содержащихся в рассматриваемом стихотворении.

Ключевые слова: вэньянь; анализ по непосредственным составляющим; танские стихотворения; параллелизм; Ду Фу

**ANALYSIS OF THE DIRECT COMPONENTS
AS A KEY TO TRANSLATION OF THE TANG POEMS
ON THE EXAMPLE OF THE
"A SONG OF WAR CHARIOTS" BY DU FU**

*Guldeeva A.V.,
student at the Moscow City Pedagogical University, Moscow,*

Supervisor: *Skvortsov A.V.,
Doctor of Literature, Associate Professor of the Chinese
Language Department at the MCU*

Abstract. In this article, the analysis by direct components from small to large of all lines of the poem is used to perform a prose translation and analysis of the parallelism of Du Fu's "A song of war chariots". It is proved that in this poem there are parallel fragments, characterized by both vertical and horizontal symmetry. In this case, neither horizontal nor vertical parallelism dominates, but instead mutually complement each other. It is proved that parallel fragments in this work make up 52.5% of the total number of hieroglyphs contained in the poem in question.

Key words: wenyao; analysis by direct components; tang poems; parallelism; Du Fu

Актуальность темы настоящего исследования объясняется высокой сложностью перевода стихов с классического китайского языка на русский. В процессе перевода очень большую помощь оказывает анализ по непосредственным элементам, поэтому перевод выполняется в два этапа. На первом — каждая строка стихотворения разбирается на уровне словосочетаний от малого к большому. На втором — стихотворение переводится прозаически с опорой на синтаксический анализ всех строк стихотворения.

В качестве объекта исследования выступает песня о боевых колесницах Ду Фу. В качестве предмета исследования выступают параллельные фрагменты этого произведения, а также его прозаический перевод на русский язык.

Цель исследования заключается в доказательстве того, что анализ по непосредственным составляющим от малого к большому всех строк стихотворения является необходимым

условием корректного перевода стихотворений с вэньяня на русский язык.

В процессе выполнения настоящего исследования были решены следующие задачи:

1. знакомство с классификацией словосочетаний классического китайского языка;
2. выяснение последовательности выполнения анализа по непосредственным составляющим от малого к большому;
3. чтение различных стихотворений Ду Фу, знакомство с биографией этого поэта;
4. анализ литературных источников по теме исследования;
5. выполнение синтаксического анализа по непосредственным составляющим всех строк от малого к большому «Песни о боевых колесницах» Ду Фу;
6. выполнение прозаического перевода «Песни о боевых колесницах»;
7. анализ параллелизма стихотворения;
8. вычисление процента параллельных фрагментов от числа иероглифов всего стихотворения

Практическая значимость настоящей работы заключается в том, что ее результаты можно использовать при прочтении лекции по таким дисциплинам как «История китайского языка», «Основы классического китайского языка вэньянь».

В качестве теоретической базы настоящего исследования выступают работы следующих авторов: А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова «Новые переводы Ду Фу в контексте темы женской судьбы в китайской поэзии» [1]; А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова «К проблеме адаптации грамматических категорий вэньяня в современных переводах: на примере стихотворения Бо Цзюйи "Старый торговец углем"» [2]; А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова «Трансформация поэтических образов при переводе стихотворения Бо Цзюйи "Старый торговец углем"» [3]; А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова «Анализ

изобразительно-выразительных средств и новый художественный перевод китайской народной песни "туты на меже"» [4]; А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова «Анализ параллелизма и перевод на русский язык избранных танских стихотворений» [5]; А. И. Кобзев «О русских переводах стихов Ду Фу и Бо Цзюй-и» [6]; Кравцова, М. Е. «Китайские "серебряные поэты" периода расцвета Тан» [7].

В процессе прозаического перевода, представленного в таблице, автор использовал следующие переводы 倪其心 [2]; 王志耕, 斯克瓦尔佐夫 阿尔谢尼 (阿尔森) [3];

萧涤非 [5] на китайский современный язык.

Такие авторы, как 李佐丰 [1]; 王力 [4]; 张玉金 [6]; 郑佳琳 [7]; 张钊 [8], пытаются описывать такое явление, как параллелизм, но опираются не на научные методы. Данная проблема недостаточно изучена, имеются трудности с поиском подходящей литературы.

В качестве примера использования предлагаемой автором методики анализа танских стихотворений выберем следующее стихотворение:

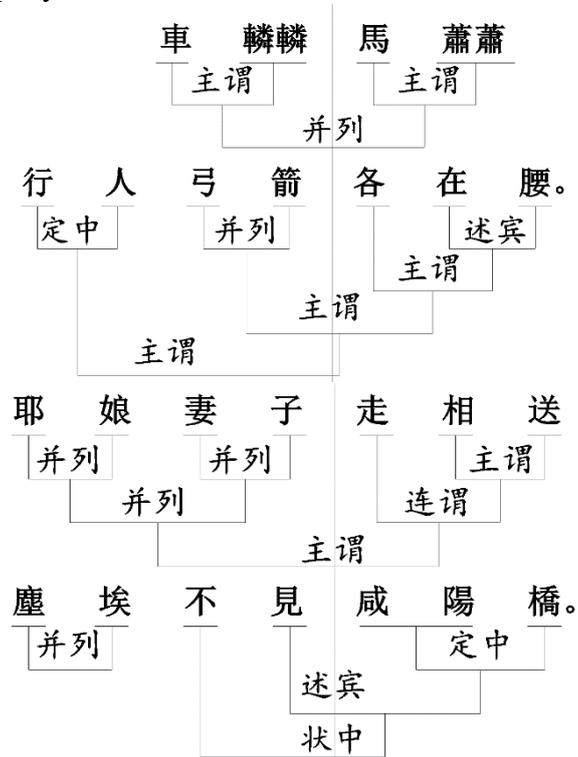
兵车行

【作者】杜甫 【朝代】唐

車麟麟，馬蕭蕭，行人弓箭各在腰。
耶娘妻子走相送，塵埃不見咸陽橋。
牽衣頓足攔道哭，哭聲直上干雲霄。
道旁過者問行人，行人但云點行頻。
或從十五北防河，便至四十西營田。
去時里正與裏頭，歸來頭白還戍邊。
邊廷流血成海水，武皇開邊意未已。
君不聞漢家山東二百州，千村萬落生荊杞。
縱有健婦把鋤犁，禾生隴畝無東西。
況復秦兵耐苦戰，被驅不異犬與雞。

長者雖有問, 役夫敢伸恨?
 且如今年冬, 未休關西卒。
 縣官急索租, 租稅從何出?
 信知生男惡, 反是生女好。
 生女猶得嫁比鄰, 生男埋沒隨百草。
 君不見青海頭, 古來白骨無人收。
 新鬼煩冤舊鬼哭, 天陰雨濕聲啾啾。

1. Представим синтаксический анализ всех строк этого стихотворения на уровне словосочетаний от малого к большому на рисунках 6.1–6.3.

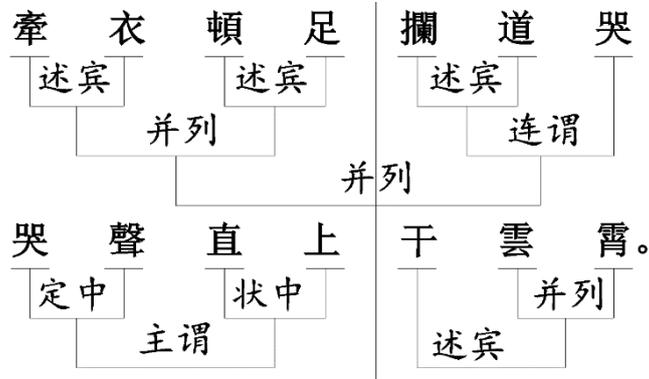
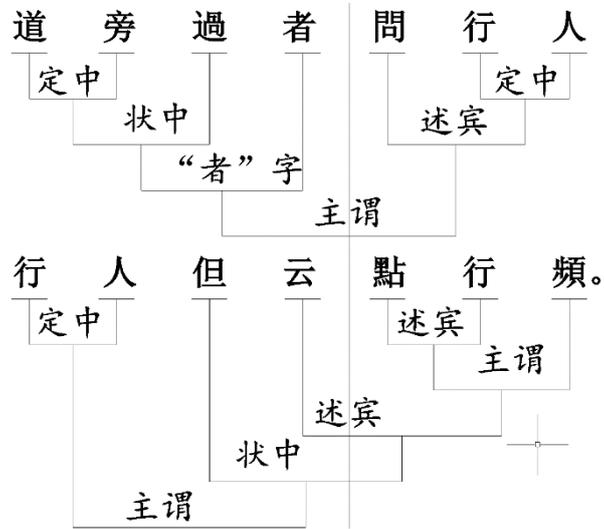

Рис. 6.1. Синтаксический анализ строк 1-6
«Песни о военных колесницах» Ду Фу

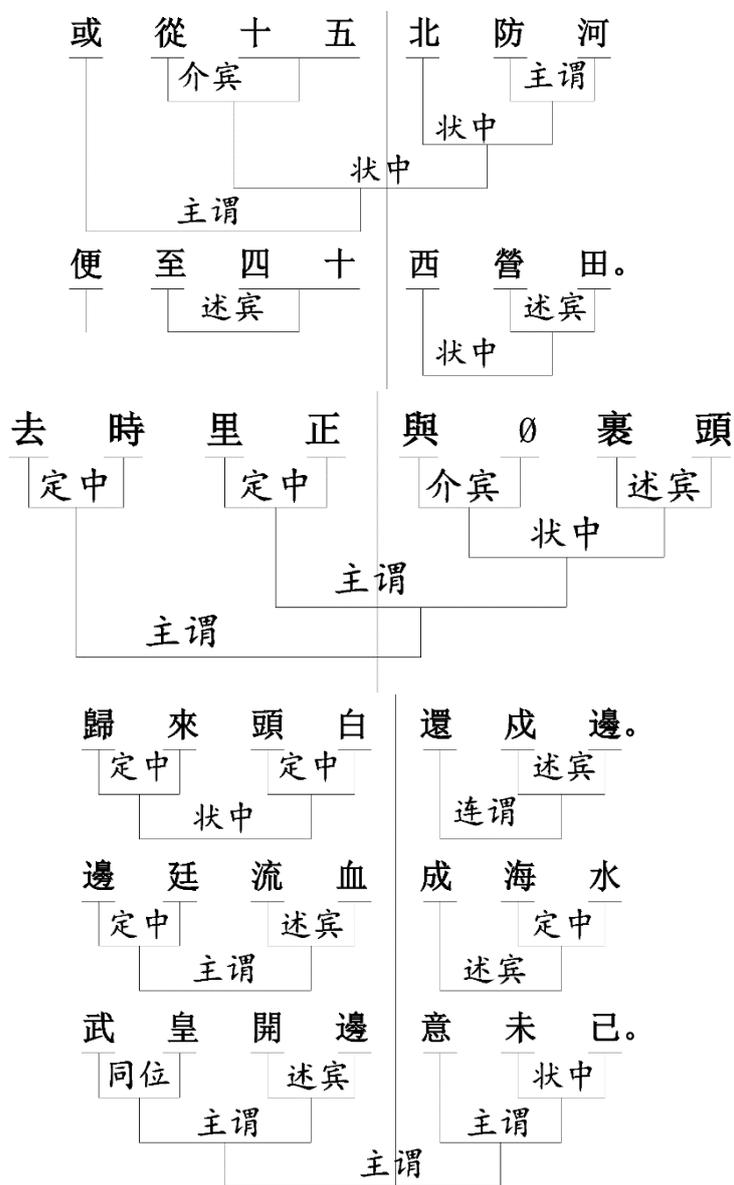
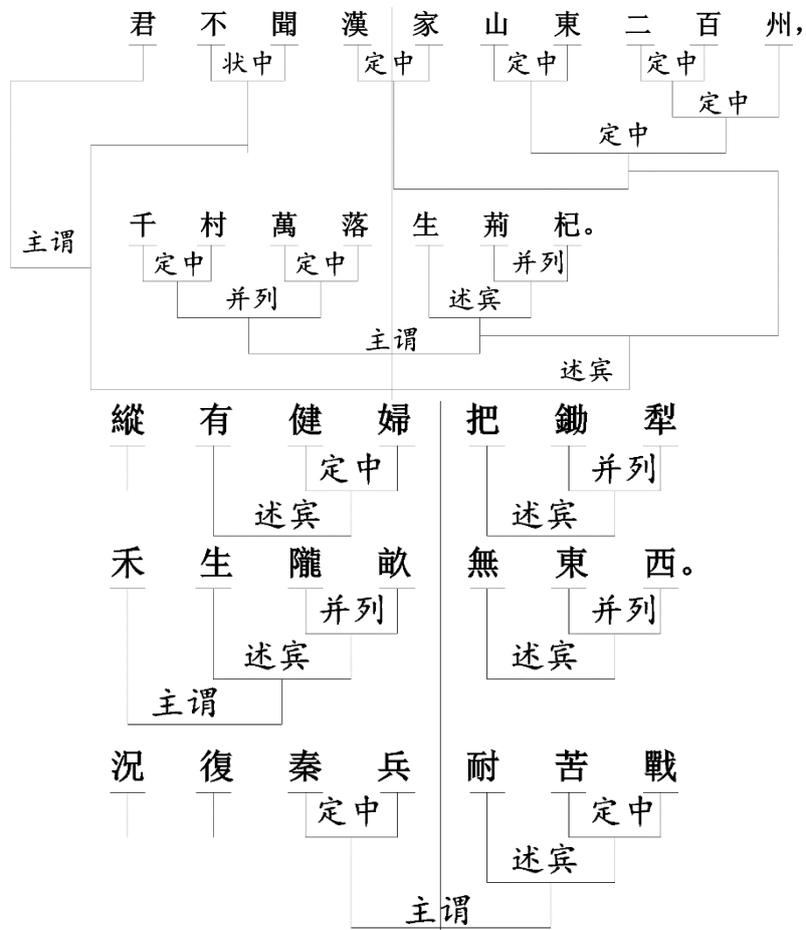

Рис. 6.2. Синтаксический анализ строк 7–14
 «Песни о военных колесницах» Ду Фу

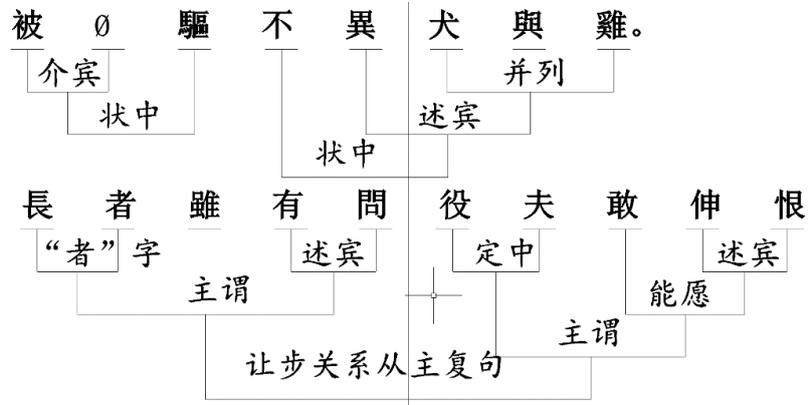
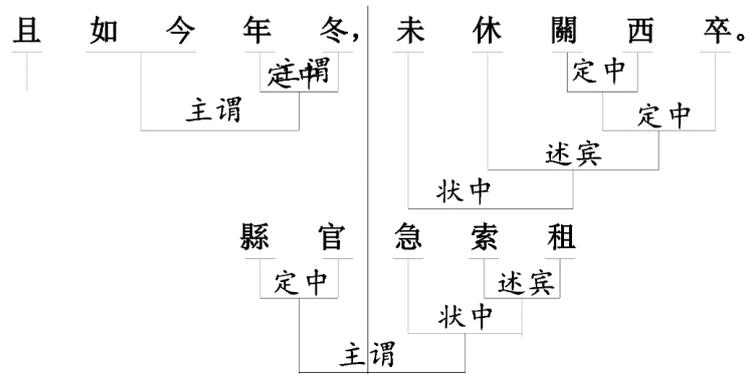

Рис. 6.3. Синтаксический анализ строк 15–21
«Песни о военных колесницах» Ду Фу

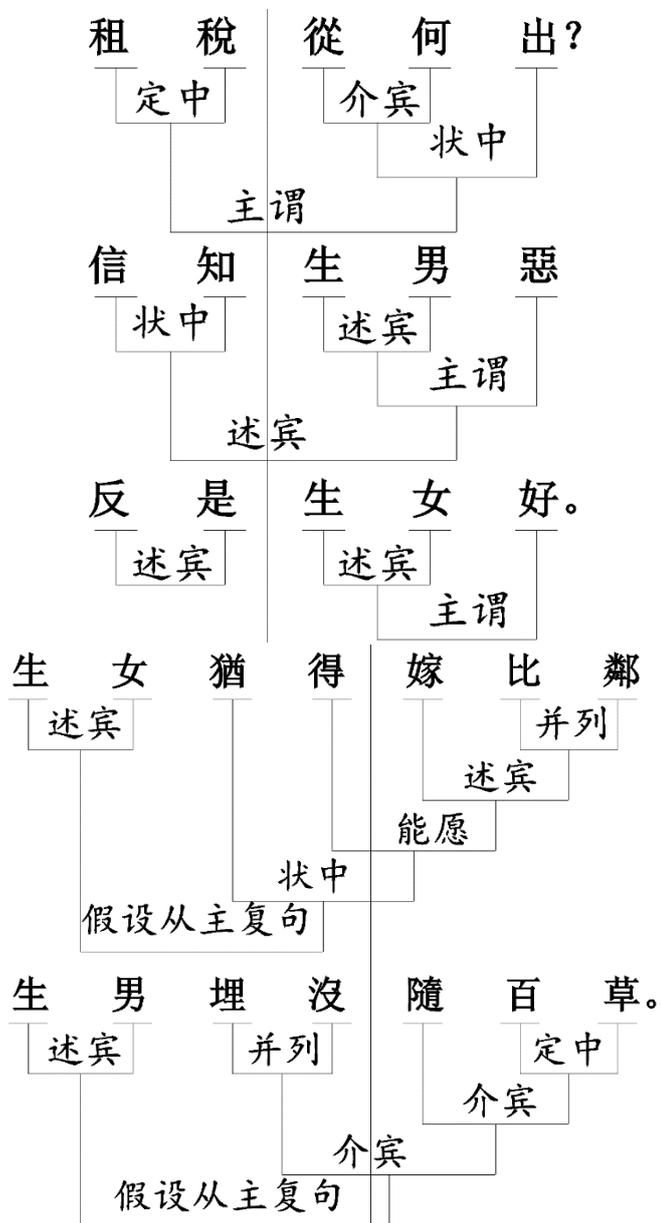

Рис. 6.4. Синтаксический анализ строк 22–28
«Песни о военных колесницах» Ду Фу

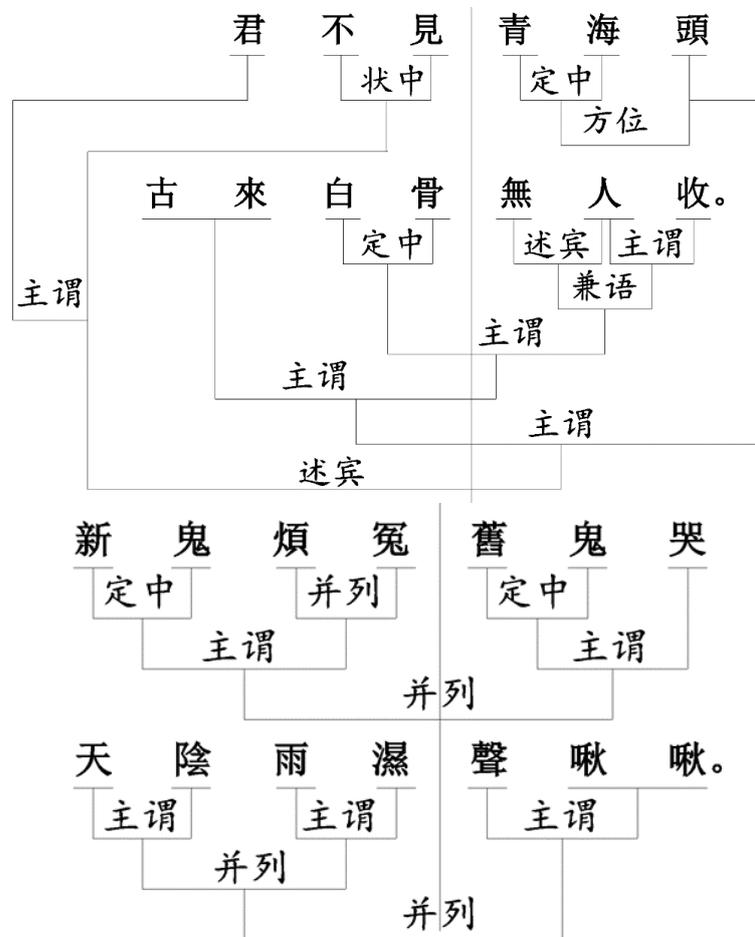

Рис. 6.5. Синтаксический анализ строк 29–32
«Песни о военных колесницах» Ду Фу

2. Теперь мы имеем возможность выполнить прозаический перевод рассматриваемого стихотворения. Представим его в таблице 6.1.

Перевод «Песни о боевых колесницах» Ду Фу

Текст первоисточника	Прозаический перевод, выполненный автором	Перевод А.И. Гитовича
兵车行 车辚辚，马萧萧，行人弓箭各在腰。	«Песнь о боевой колеснице» Повозки громыхают, лошади ржут, у всех новобранцев луки и [колчаны] пристегнуты к поясам.	«Песнь о боевых колесницах» Боевые гремят колесницы, Кони ржут и ступают несмело. Людям трудно за ними тащиться И нести свои луки и стрелы.
耶娘妻子走相送，尘埃不见咸阳桥。	Родители, жены и дети бегут, провожая [своих родных]. Из-за пыли дорожной не видно моста Сяньян.	Плачут матери, жены и дети - Им с родными расстаться не просто, Пыль такая на белом на свете - Что не видно сяньянского моста.
牵衣顿足拦道哭，哭声直上干云霄。	[Они] тянут [уходящих] за одежды, преграждают им путь и плачут. Звуки плача повсюду возносятся к небесам.	И солдат терзает за одежду, - Все дрожат перед близостью битвы, - Здесь Мольба потеряла Надежду. Вознося в поднебесье молитвы.
道旁过者问行人，行人但云点行频。	Случайный прохожий у придорожной обочины, задает вопрос новобранцам. Те говорят лишь, что [в последнее время] участились рекрутские наборы.	И прохожий у края дороги Только спросит: "Куда вы идете?" Отвечают: "На долгие сроки, Нет конца нашей страшной работе

<p>或从十五北防河，便至四十西营田。</p>	<p>Один военный [рассказал о том, что] с 15- лет оборонял северные берега реки Хуанхэ, а по достижении 40-летнего возраста был направлен на западные [границы] работать на полях.</p>	<p>Вот юнец был: семье своей дорог, Сторожил он на Севере реку, А теперь, хоть ему уж за сорок, Надо вновь воевать человеку</p>
<p>去时里正与褰头，归来头白还成边。¹</p>	<p>Когда он ушел в армию, то только-только достиг шестидесятилетия, а когда вернулся оттуда уже был сед и был нужен снова уйти оборонять пограничные рубежи.</p>	<p>Не повязан повязкой мужскою, - Не успел и обряд совершиться, - А вернулся с седой головою, И опять его гонят к границе.</p>
<p>边庭流血成海水，武皇开边意未已。</p>	<p>На границах страны кровью льется рекой, но император У [Тан Сюань-цзун] не желает прекращать расширять границы.</p>	<p>Стон стоит на просторах Китая - А зачем императору надо Жить, границы страны расширяя: Мы и так не страна, а громада.</p>

¹ Дословный перевод 去时里正与褰头: перед тем как [юноша] ушел в армию, деревенский староста повязал ему повязку на голову в [честь шестидесятилетия].

<p>君不闻汉家山东二百州， 千村万落生荆杞。^{2 3}</p>	<p>Государь не слышит, что тыся- чи деревень пришли в упадок.</p>	<p>Неужели владыка не знает, Что в обители ханьской державы Не спасительный рис вырастает - Вырастают лишь сорные травы.</p>
<p>纵有健妇把锄犁，禾生陇 亩无东西。</p>	<p>Хотя найдется физически крепкие женщины, которые бе- рутся за плуги и мотыги, однако посевы всходят на полях нерав- номерно [неровными рядами].</p>	<p>Разве женщины могут и дети Взять хозяйство крестьянское в руки? Просто сил им не хватит на свете, Хватит только страданья и муки.</p>
<p>况复秦兵耐苦战⁴，被驱 不异犬与鸡。</p>	<p>Циньские солдаты привыкли воевать, они покорно выпол- няют все распоряжения точно так же, как это делают собаки или куры.</p>	<p>Мы стоим, как солдаты, на страже И в песках, и на горных вершинах... Чем отличны баталии наши От презренных боев петушинных?</p>
<p>长者虽有问，役夫敢申恨 ？</p>	<p>Даже когда старые люди задают солдатам вопросы, те не осмеливаются высказывать свое недовольство.</p>	<p>Вот, почтенный, как речью прямою Говорим мы от горькой досады...</p>

² Перевод фрагмента 汉家山东二百州，千村万落生荆杞 вызывает большие трудности. В 200 областях, принадлежавших династии Тан и лежащих к востоку от земель Цинь (пограничной заставы Ханьгуань), тысячи деревень поросли колючим кустарником.

³ 荆杞-терновник и дереза; дикие заросли, кустарник.

⁴ 况复秦兵耐苦战- привыкли к тяжелым боевым действиям.

且如今年冬，未休关西卒 ^{5 6}	К тому же нынешней зимой солдатам Гуаньси не дали передохнуть.	Даже этой свирепой зимой Отдохнуть не сумели солдаты.
县官急索租，租税从何出？	Начальник уезда с жадностью собирает налоги, но откуда же взять людям деньги на их уплату?	Наши семьи сломила кручина - платят подати, платят налоги;
信知生男恶，反是生女好。	Рождение сына и впрямь приносит горе в семью, а рождение дочери же, напротив, может осчастливить.	И уже не желаешь ты сына, Чтоб родился для слез и тревоги. Дочь родится, годна для работы;
生女犹得嫁比邻，生男埋没随百草。	Дочь еще можно выдать [удачно] замуж за земляка, а вот сын будет похоронен среди трав [в чистом поле].	Может, жизнь ее ты и устроишь. Ну, а сын подрастет - уж его-то Молодого в могилу зароешь.
君不见青海头，古来白骨无人收。	Государь не видит, что у берегов озера Цинхай с древних времен белеют солдатские кости, которые некому прибрать.	Побродил бы ты, как на погосте, Вдоль нагих берегов Кукунора: Там белеют солдатские кости - Уберут их оттуда не скоро.

⁵ 关西 - Место к западу от пограничной заставы Ханьгугуань.

⁶ 关西卒 - Солдаты царства Цинь.

<p>新鬼烦冤旧鬼哭，天阴雨 湿声啾啾！⁷</p>	<p>Души погибших недавно рассказывают о своих обидах, а ушедших давно [горько] плачут. Небо пасмурно, дождь шумит, раздаются голоса погибших: «Цзю, цзю!».</p>	<p>Плачут души погибших недавно, Плачут души погибших когда-то. И в ночи боевой и бесславной Их отчетливо слышат солдаты".</p>
--	--	--

⁷ 啾啾 - Звукоподражание (для жалобных криков).

3. Теперь мы имеем возможность представить параллельные фрагменты в виде таблиц 6.2–6.5.

Таблица 6.2

**Параллельные фрагменты стихотворения
Ду Фу «Песнь о боевых колесницах»,
характеризующиеся горизонтальной симметрией**

№	Параллельные фрагменты		Тип словосочетаний
1	車鑼鑼	馬蕭蕭	主谓
	Колесницы гремят	Кони ржут	
2	牽衣頓足	攔道哭	连谓
	Тянуть за одежду и топтать	Преграждать путь и плакать	
3	武皇開邊	意未已	主谓
	Император У расширяет границы	Намерения не заканчиваются	
4	長者雖有問	役夫敢伸恨	主谓
	Старшие задают вопрос	Солдаты не осмеливаются высказывать свое недовольство	
5	新鬼煩冤	舊鬼哭	主谓
	Души умерших недавно высказывают свое недовольство	Души умерших давно плачут	
6	天陰雨濕	聲啾啾	主谓
	Небо пасмурно, дождь капает.	[Доносятся звуки погибших:] «Цзю, цзю!»	

Таблица 6.3

**Параллельные фрагменты стихотворения
Ду Фу «Песнь о боевых колесницах»,
характеризующиеся вертикальной симметрией**

№	Параллельные фрагменты		Тип словосочетаний
1	北/防河	西/營田	状中
	На севере защищать берег реки [Хуанхэ]	На западе распахивать поля	
2	邊廷流血	武皇開邊	主谓
	Пограничные форпосты истекают кровью	Император У расширяет границы	
3	成海水	生荊杞	述宾
	Превратиться в морскую воду	Зарасти кустарником	
	把鋤犁	無東西	
	Держать [в руках] плуги и мотыги	Нет ни запада, ни востока [в значении неравномерные всходы]	
	耐苦戰		
	Быть привычным к тяжелым боям		
4	在腰	戍邊	述宾
	Прикрепить к поясу	Защищать границы	
5	生男惡	生女好	主谓
	Рождение сына [сулит] беду	Родить дочь выгодно	

6	嫁比鄰	隨百草	述賓
	Выдать замуж за земляка	Находиться вместе с травами	
7	健婦	秦兵	定中
	Физически крепкие бабы	Циньские солдаты	
8	君不見	君不聞	主謂
	Государь не видит	Государь не слышит	

Сопоставление таблиц 6.2 и 6.3 позволяет сделать вывод о том, что в «Песне о боевых колесницах» Ду Фу весьма искусно использует как горизонтальную, так и вертикальную симметрию. При этом ни один из этих видов симметрии не доминирует, так как фрагменты обоих типов очень тесно связаны с семантикой анализируемого стихотворения.

В таблице 6.4 представим фрагменты, характеризующиеся локальной симметрией.

Таблица 6.4

**Фрагменты «Песни о боевых колесницах»,
характеризующиеся локальным параллелизмом**

№	Фрагмент	Тип словосочетания
1	耶娘/妻子	Однородное или параллельно сочинительное
	Отец и мать, жена и дети	
2	走/相送	Однородное или параллельно сочинительное
	Бежали, провожая в путь	
3	千村/万落	Однородное или параллельно сочинительное
	Тысячи деревень	
4	犬与鸡	Однородное или параллельно сочинительное
	Собаки и курицы	

Кроме того, в «Песне о боевых колесницах» присутствует немало лексем, имеющих параллельную структуру. Приведем их в таблице 6.5.

Таблица 6.5

Заимствованные из «Песни о боевых колесницах» лексемы, образованные двумя корнями, между которыми имеют место параллельные (сочинительные) отношения

№	Лексема	Транскрипция	Перевод
1	弓箭	gōng jiàn	Лук и стрелы
2	塵埃	chén āi	Пыль, грязь
3	雲霄	yún xiāo	высь, поднебесье, заоблачные дали
4	荊杞	jīng qǐ	терновник и дереза; дикие заросли; кустарник
5	鋤犁	chú lí	Мотыга и плуг
6	隴畝	lǒng mǔ	Поля, земля, гряды
7	東西	dōng xī	Восток и запад
8	比鄰	bǐ lín	Сосед, соседство
9	埋沒	mái mò	Похоронить, закопать

Теперь пришло время выделить цветом параллельные фрагменты в тексте рассматриваемого нами стихотворения.

兵车行

【作者】杜甫 【朝代】唐

車麟麟，馬蕭蕭，行人弓箭各在腰。
 耶娘妻子走相送，塵埃不見咸陽橋。
 牽衣頓足攔道哭，哭聲直上千雲霄。
 道旁過者問行人，行人但云點行頻。
 或從十五北防河，便至四十西營田。
 去時里正與裏頭，歸來頭白還戍邊。
 邊廷流血成海水，武皇開邊意未已。

君不聞漢家山東二百州，千村萬落生荊杞。
縱有健婦把鋤犁，禾生隴畝無東西。
況復秦兵耐苦戰，被驅不異犬與雞。
長者雖有問，役夫敢伸恨？
且如今年冬，未休關西卒。
縣官急索租，租稅從何出？
信知生男惡，反是生女好。
生女猶得嫁比鄰，生男埋沒隨百草。
君不見青海頭，古來白骨無人收。
新鬼煩冤舊鬼哭，天陰雨濕聲啾啾。

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. анализ по непосредственным составляющим является необходимым условием адекватного перевода стихотворения с вэньяня на русский язык

2. в «Песне о боевых колесницах» одновременно используется как горизонтальная, так и вертикальная симметрия. При этом ни один из этих видов симметрии не доминирует, так как фрагменты обоих типов очень тесно связаны с семантикой анализируемого стихотворения.

3. процент параллельных фрагментов равен 52.5%

4. все танские стихотворения можно классифицировать по проценту параллельных фрагментов от общего числа иероглифов всего стихотворения.

Что касается перспектив настоящего исследования, то автор планирует разобрать следующие стихотворения Ду Фу: «春日忆李白»; «缚鸡行».

Список литературы

На русском языке

1. Скворцов, А. В. Новые переводы Ду Фу в контексте темы женской судьбы в китайской поэзии / А. В. Скворцов,

Т. И. Кондратова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1(282). – С. 223–227.

2. *Скворцов, А. В.* К проблеме адаптации грамматических категорий вэньяня в современных переводах: на примере стихотворения Бо Цзюйи «Старый торговец углем» / А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 2(34). – С. 69–76.

3. *Скворцов, А. В.* Трансформация поэтических образов при переводе стихотворения Бо Цзюйи «Старый торговец углем» / А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 3(35). – С. 62–72.

4. *Скворцов, А. В.* Анализ изобразительно-выразительных средств и новый художественный перевод китайской народной песни "туты на меже" / А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3(288). – С. 203–208.

5. *Скворцов, А. В.* Анализ параллелизма и перевод на русский язык избранных танских стихотворений / А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН", 2021. – 432 с.

6. *Кобзев, А. И.* О русских переводах стихов Ду Фу и Бо Цзюй-и / А. И. Кобзев // Общество и государство в Китае. – 2017. – Т. 47. – № 2. – С. 558–578.

7. *Кравцова, М. Е.* Китайские «серебряные поэты» периода расцвета Тан / М. Е. Кравцова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 65–71.

На китайском языке

1. 李佐丰. 古代汉语语法学. — 北京: 商务印书馆, 2004.
2. 倪其心, 吴鸥. 杜甫诗选译. — 南京: 凤凰出版社, 2017.
3. 王力. 汉语诗律学. — 北京: 中华书局, 2015.
4. 王志耕, 斯克瓦尔佐夫 阿尔谢尼 (阿尔森). 以层次分析法分析为基础的对卖炭翁一首诗四种俄语翻译的比较 // “国际汉学与中国经典翻译” 国际学术研讨会暨国际汉学研究口述史工作坊论文集, 2019.11.08 - 11, 334 - 352页.
5. 萧涤非. 杜甫诗选注. — 北京: 人民文学出版社, 1979.
6. 张玉金. 古代汉语语法学. — 广州: 广东高等教育出版社, 2010.
7. 郑佳琳. 论杜甫对酬赠对象的颂美之辞在五言排律中的变. // 杜甫研究学刊. — 2020. — № 1. — 20—26页.
8. 张钊. 杜甫长律艺术探析 // 杜甫研究学刊. — 2021. — № 3. — 41—48页.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИСПАНСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Должич Е.А.,

Departamento de Lenguas Extranjeras

Academia de Ingeniería

Universidad RUDN, Moscú,

Villegas Sánchez María A.,

Universidad RUDN, Moscú,

Villegas Sánchez Ramón Jesús,

Universidad de Cádiz

Instituto Cervantes, Moscú

Abstract. The article aims to analyze loanwords in Spanish academic discourse from other languages as a result of intercultural communication accelerating the process of modern society globalization, which led to the introduction into the Spanish scientific information space of foreign units reflecting a system of respective scientific concepts. The results of the research can be used in development of linguistics and in the practice of language teaching.

Keywords: loanwords, academic discourse, intercultural communication.

The modern world is characterized by broad political interaction, close economic and scientific ties, active intercultural cooperation and increasing globalization. In the context of globalization, English has become the language of international communication and has increasingly influenced other languages of the world.

Nowadays the world is in the process of constant development: new discoveries are made in all the fields of science. We recognize that effective cooperation is carried out through active language contacts. The need to designate in a speech certain events or phenomena arises from these processes and can be clearly traced

in linguistic borrowings, translation loan-words, mostly from English. In the formation of scientific lexical fund there is a tendency to replenish it with international vocabulary.

Terminological vocabulary enables to present the subject content in the most accurate and economical way and ensures the correct understanding of the issue essence being treated. The main requirement for the scientific texts is the extreme accuracy of the expression of thought, not allowing the possibility of various interpretations.

The presence of borrowings from other languages in Spanish scientific texts is the result of intercultural dialogue accelerating the process of modern society globalization, which led to the introduction into the Spanish scientific information space of foreign units reflecting a system of respective scientific concepts (Krasnykh, 2018).

The research material includes natural science articles and theses of Spanish scientists for the period of 2012-2018.

Specialized communication is defined as a set of contextual and extralinguistic conditions, in which texts with certain characteristics are produced (Cabr . 2013).

The methodological base of research is leading to modern linguistics, discursive and communicative approaches. "A text is the meeting point of linguistic personalities, meetings of linguistic abilities" (Karasik et al., 2014). In intercultural communication there is a clash of language pictures of the world, ideas and values, characteristic of those linguocultural communities to which communicants belong.

Foreign language text links are the relations between this particular text and a text corpus in other natural language, between different semiotic systems. The presence of borrowings in Spanish scientific texts is the result of intercultural dialogue.

There are also changes in almost every language of the world. In the context of globalization. The appearance of English terms in Spanish scientific texts shows the dominant influence of the English language in the international scientific community.

They are introduced into Spanish scientific discourse in:

1. Translation into Spanish:

“La espectroscopía de fotoemisión (PES, del inglés "Photoemission Spectroscopy").

2. Descriptive construction:

“Esta fragmentación de la molécula principal se conoce como "cracking pattern", o fragmentación, que será el término utilizado en este trabajo”.

3. Parallel explication:

“Se ha estudiado la desorción inducida en las muestras en condiciones 'as

received' es decir, cuando no se realiza ningún tratamiento especial en los materiales”.

4. Without any translation or explication:

“Otros métodos también utilizados en la solidificación de óxidos, como Edge Defined Film Fed Growth (EFG) o Micro pulling down, utilizan crisol y extraen el fundido”.

In most cases, English language terms are introduced into Spanish scientific discourse in parallel explication and translation into Spanish since the representatives of the Spanish scientific community do not yet have nationally determined connotations and associations shaping the perception of these English precedent phenomena.

Foreign language terms include precedent statements performing a general scientific function –Latin names and expressions that, being generally known to representatives of the scientific community, are not explained and form part of the universal cognitive space.

In scientific works on biology, the Latin language is regarded as an independent scientific language, derived from the Latin language of the Renaissance, but enriched by a multitude of words borrowed from Greek and other languages. Besides that, a lot of Latin words are used in biological texts in a new, special sense.

International Codes of Biological Nomenclature require that the names of taxonomic groups should be in Latin form, that

is, be written in Latin letters and obey the rules of Latin grammar, regardless of the language they are borrowed from: “La nomenclatura zoológica requiere que a los nombres científicos, independientemente de su origen lingüístico, se les asigne un nombre en latín, para lo cual se usan las 26 letras del alfabeto latino (incluyendo j, k, w, y) y las normas gramaticales de esa lengua” (CINZ, 2019).

Let's give some examples:

“El langostino *Melicertus kerathurus* es un crustáceo decápodo ampliamente distribuido por todo el Mediterráneo”;

“El grupo de bacterias facultativas más comunes que realizan la desnitrificación son *Bacillus*, *Enterobacter*, *Micrococcus*, *Pseudomonas*, y *Spirillum*”.

Latin expressions are often used in the process of citation; they help the addressee to navigate in the scientific text. For example:

Et Al. (and others): when the cited text belongs to more than one author; *Supra*: reference to the mentioned document “see above”, “as stated above”; *Infra*: “see below, as indicated below”; *Op. cit.*: expression used in notes and footnotes to refer the reader to an earlier citation. The expression refers to the quoted source immediately before the last source cited; *Idem*, *Ibidem*: “the same”, “the above work”, “see the last quoted source”; *Ibíd*: “in the same place”.

In accordance with the established system of norms governing the process of knowledge reproduction in Spain, a thesis should be preceded by a short abstract in English and a scientific article - depending on the editorial requirements.

In this case, the authors of the scientific work create their own, author's text using other language. It is interesting to note that at present an abstract in English is an obligatory component of Spanish dissertations' structure.

Marking of foreign language inclusions is of particular interest, there are:

- italics and quote marks like traditional ways of marking borrowing;

- indention on the text surface in a separate text, in case of author's text creation;
- markers of a higher level, i.e. belonging to another verbal system of natural language.

Thus, scientific texts act in the text space and are in constant interaction. All the researched foreign language terms are included in the basic scientific fund, which comprises the values and knowledge of the world scientific heritage.

The presence of foreign inclusions in academic Spanish texts is the result of intercultural dialogue accelerating the process of modern society globalization, which led to the introduction into the Spanish scientific information space of foreign units reflecting a system of respective scientific concepts.

Foreign language precedent phenomena form a universal precedent space, they are universal because belong to the universal cognitive space.

At a certain stage of their existence, some texts acquire universal significance and become relevant to the scientific community.

References

[1] *Cabré, Maria Teresa* "Formation de terminologies et formation en terminologie: des critères qui se sont maintenus au long des années", Editura ASE, Bucarest, Romania, pp 17-30, 2013.

[2] CINZ - Código Internacional de Nomenclatura Zoológica. Retrieved in November, 2019 from URL: www.sam.mncn.csic.es/codigo.pdf, Spain.

[3] *Karasik, V.I., Krasavskii, N.A., & Slyshkin, G.G.* Lingvokontseptologiya: uchebnoe posobie [Linguoconceptology: Textbook], Publisher "Peremena", Volgograd, Russia, 104 p., 2014.

[4] *Krasnykh, V.V.* Edinitsy yazyka vs. edinitsy diskursa i lingvokultury [Language Units vs. Discourse and Linguoculture Units]. Voprosy psikholingvistiki, 7, Moscow, Russia, pp. 53-58, 2018.

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН: РОЛЬ И МЕСТО ПЕРЕВОДЧИКА В ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

***Егорова Ольга Геннадьевна,**
доктор наук, профессор, Московский государственный
лингвистический университет, 119034, Москва,
ул. Остоженка 38, o.egorova@linguanet.ru,
Липачева Александра Андреевна,
Московский государственный лингвистический
университет, 119034, Москва, ул. Остоженка 38,
a.lipacheva@linguanet.ru*

Аннотация. В статье пойдет речь о месте и роли переводчика в достижении Целей в области устойчивого развития, принятых ООН в 2015 году. ЦУР стали глобальным трендом и затронули все сферы жизни общества и все профессии. Сами цели охватывают максимально широкий спектр сфер жизни: от образования и гендерного равенства до сельского хозяйства и рыболовства. В статье будет рассмотрено само понятие ЦУР, а особое внимание будет уделено тому, как именно переводчик может помочь достичь той или иной ЦУР. Также в статье будет рассмотрена позиция международных организаций, переводческих агентств и НПО.

Ключевые слова: ЦУР, устойчивое развитие, перевод, переводчик, международные организации.

UN SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: THE ROLE AND PLACE OF THE INTERPRETER IN THEIR IMPLEMENTATION

***Egorova O.G.,**
Doctor of Sciences, Professor, Moscow State Linguistic
University, 119034, Moscow, st. Ostozhenka 38,
o.egorova@linguanet.ru,*

*Lipacheva A.A.,
Moscow State Linguistic University, 119034, Moscow,
st. Ostozhenka 38, a.lipacheva@linguanet.ru*

Abstract. The article will consider the place and role of translation and interpreting in achieving the Sustainable Development Goals adopted by the UN in 2015. The SDGs have become a global trend and have affected all areas of society and all professions. The goals themselves cover the widest possible range of areas: from education and gender equality to agriculture and fisheries. The article will consider the concept of SDGs, and special attention will be paid to how exactly a translator or interpreter can help achieve any SDG. The article will also consider the position of international organizations, translation agencies and NGOs.

Keywords: SDG, sustainable development, translation and interpreting, translator and interpreter, international organizations.

Цели в области устойчивого развития (ЦУР) являются своеобразным призывом к действию, исходящим от всех стран — бедных, богатых и среднеразвитых. Он нацелен на улучшение благосостояния и защиту нашей планеты. Государства признают, что меры по ликвидации бедности должны приниматься параллельно усилиям по наращиванию экономического роста и решению целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства, а также борьбе с изменением климата и защите окружающей среды.

Концепция устойчивого развития появилась в процессе объединения трёх основных точек зрения: экономической, социальной и экологической. Подразумевается принятие мер, направленных на оптимальное использование ограниченных ресурсов и использование экологичных — природо-, энерго-, и материало-сберегающих технологий, на сохранение стабильности социальных и культурных систем, на обеспечение целостности биологических и физических природных систем.

Новые цели и задачи носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. 25 сентября 2015 года 193 страны приняли следующие 17 глобальных целей:

1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех её формах
2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства
3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте
4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех
5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек
6. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех
7. Обеспечение доступа к недорогостоящим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех
8. Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех
9. Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций
10. Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними
11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населенных пунктов
12. Обеспечение рациональных моделей потребления и производства
13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями

14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития

15. Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия

16. Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях

17. Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития [1].

Ожидается, что работа над достижением ЦУР завершится к 31 декабря 2030 года. Предполагается, что достижение ЦУР будет осуществляться согласно следующим положениям:

Страны будут самостоятельно разрабатывать собственные стратегии, планы и программы по устойчивому развитию. ЦУР будут играть роль ориентира, позволяя странам привести свои планы в соответствие со своими глобальными обязательствами;

Достижение 17 ЦУР и решение 169 задач, предусмотренных в новой Программе, будет контролироваться и отслеживаться при помощи Набора глобальных показателей, который будет разработан Межучрежденческой и экспертной группой по показателям достижения ЦУР и согласован Статистической комиссией Организации Объединённых Наций [2, с. 5];

В рамках политического форума высокого уровня по устойчивому развитию будет организовано ежегодное изучение достигнутых результатов и принятие последующих мер на основе доклада о ходе достижения ЦУР, который должен готовиться Генеральным секретарем ООН.

Международные организации: ООН

30 сентября ежегодно отмечается Международный день переводчика. В этот день в 2021 году Группа ООН по устойчивому развитию (UNSDG) опубликовала следующее заявление:

«Многоязычие подтверждает приверженность системы Организации Объединенных Наций осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, поскольку оно является необходимым средством достижения 17 целей в области устойчивого развития. Перевод позволяет нам узнавать новое, общаться с представителями других языков и культур и становиться ближе друг к другу, преодолевая языковые барьеры. С нашими читателями мы тоже общаемся на языке ценностей ООН, рассказывая о своих новостях и достижениях на наших многочисленных платформах – глобальном сайте Группы и сайтах наших национальных команд» [3].

Также в Международный день переводчика жестового языка 23 сентября 2019 года в ООН отметили важнейшую роль переводчиков жестового языка в достижении ЦУР. В частности, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил:

«Языки жестов имеют важнейшее значение для «выражения себя, общения с другими и участия во всех аспектах экономической, социальной, культурной и политической сфер. В этот Международный день мировое сообщество признает важность языков жестов для достижения Целей в области устойчивого развития и выполнения нашего главного обещания - никого не оставить позади. Это также дает нам возможность поддерживать и защищать языковую идентичность и культурное разнообразие всех носителей жестового языка» [4].

Международные организации: Европейская комиссия

В 2020 году Генеральный директорат по устному переводу Европейской комиссии выпустил Стратегический план на 2020-2024 год. Отдельное внимание в нем уделили достижению Целей в области устойчивого развития:

Конкретная цель 2: Качество устного перевода соответствует потребностям наших клиентов

«Проекты сотрудничества отражают экономические, политические и культурные приоритеты внешней деятельности ЕС, в частности, в отношении стратегических партнеров, таких как Африка и Китай, или продвижения Целей устойчивого развития (ЦУР 4 и 8: навыки, образование, достойные рабочие места, устойчивый экономический рост). Они представляют собой неотъемлемую часть публичной дипломатии и контактов между людьми и способствуют широкому пониманию и повышению узнаваемости ЕС в странах-партнерах» [5, с. 11].

Международные организации: АПС

АПС также поддерживает усилия мирового сообщества по достижению Целей в области устойчивого развития. На сайте ассоциации, со ссылкой на документы ООН, опубликовано заявление:

«В тексте Резолюции ООН от 24 мая 2017 года говорится о важности многоязычия и разнообразия в целом. Мы как переводчики не можем не приветствовать признание нашей роли в реализации Целей устойчивого развития, в поощрении открытости, равенства и диалога, а также во внесении ясности и создании позитивной атмосферы в международном общении» [6, с. 1].

Переводческие компании: Awatera

На сайте компании опубликован баннер в поддержку достижения Целей в области устойчивого развития: «Мы признаем сложность взаимосвязей и взаимозависимостей, которые сформировали нашу нынешнюю реальность. Мы глубоко заботимся о мире, в котором будем жить долгие годы, поэтому мы делаем все возможное, чтобы каждый наш шаг соответствовал основным ценностям и целям, изложенным ООН. Наша компания считает, что в этом нестабильном мире, с надвигающимися изменениями климата и перенаселением, устойчивое развитие является долгосрочной стратегией, которая поможет нам развивать наш бизнес и приносить пользу обществу в целом.

Переводческие компании: TransPerfect

TransPerfect также поддерживает достижение Целей в области устойчивого развития, а также призывает всех заботиться о нашей планете, а том числе ежегодно отмечая День Земли.

«В TransPerfect мы реализовали экологические инициативы для нашей глобальной деятельности в более чем 40 странах, выбрав авиакомпании, отели и конференц-центры, которые четко задокументировали использование экологически ответственных методов. Политика компании также подразумевает бронирование гибридных автомобилей для аренды там, где это возможно, что способствуют устойчивости развития бизнеса TransPerfect» [7].

НПО: Агентство гуманитарного реагирования GOAL

Агентство запустило проект по анализу роли специалистов языка в реализации Целей в области устойчивого развития, и что в этой сфере могут сделать НПО: «Цели ООН в области устойчивого развития (ЦУР) направлены на то, чтобы никто не остался позади, и побуждают НПО работать в партнерстве с местными сообществами. В мире говорят по меньшей мере на 7111 языках, а это означает, что общение на множестве языков имеет решающее значение для достижения этой цели. Однако в ЦУР не упоминается роль языков. Проект направлен на то, чтобы выяснить, как именно международным НПО удастся успешно общаться с местными сообществами, с которыми они работают по всему миру» [8].

Роль переводчика в достижении ЦУР

ЦУР 1: Ликвидация нищеты

Роль переводчика: содействовать межкультурной коммуникации при взаимодействии между развитыми и развивающимися странами, помощь в осуществлении гуманитарных контактов.

ЦУР 2: Ликвидация голода

Роль переводчика: содействие сотрудничеству между развитыми и развивающимися странами, активная работа в

рамках ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), работа в рамках гуманитарных миссий.

ЦУР 3: Хорошее здоровье и благополучие

Роль переводчика: осуществление переводов в медицинской сфере (перевод инструкции к лекарствам, медицинским аппаратам, локализация), перевод в медицинских учреждениях для иностранцев.

ЦУР 4: Качественное образование

Роль переводчика: качественное переводческое образование способно выпустить профессионалов языка высокого уровня. Такие профессионалы работают по всему миру, способствуют укреплению международных отношений, сотрудничества, в том числе между образовательными учреждениями. Обмен лучшими практиками повышает качество образования и качество выпускаемых специалистов.

ЦУР 5: Гендерное равенство

Роль переводчика: содействовать достижению гендерного равенства, в том числе в переводческих организациях. Все ведущие международные организации (ООН, Европейская комиссия) объявили своей целью достижение гендерного равенства в том числе в своих переводческих службах.

ЦУР 6: Чистая вода и санитария

Роль переводчика: содействие сотрудничеству между развитыми и развивающимися странами с целью помощи в получении доступа к питьевой воде и надлежащим санитарным условиям для населения нуждающихся стран.

ЦУР 7: Недорогостоящая и чистая энергия

Роль переводчика: содействие взаимодействию между странами и компаниями с целью перехода на чистую энергию, содействие передаче новых чистых технологий.

ЦУР 8: Достойная работа и экономический рост

Роль переводчика: содействовать взаимодействию между странами, компаниями и образовательными учреждениями с целью укрепления связей и сотрудничества, что будет

способствовать экономическому росту и созданию большого числа рабочих мест.

ЦУР 9: Индустриализация, инновации и инфраструктура

Роль переводчика: содействовать взаимодействию между странами с целью обмена передовым опытом и создания удобной и доступной инфраструктуры.

ЦУР 10: Уменьшение неравенства

Роль переводчика: содействовать экономическому росту, укреплению международных отношений, что приведет к снижению неравенства по всему миру.

ЦУР 11: Устойчивые города и населенные пункты

Роль переводчика: содействовать международному сотрудничеству и обмену передовым опытом в сфере устойчивого ведения бизнеса и организации городского пространства.

ЦУР 12: Ответственное потребление и производство

Роль переводчика: профессионалы языка должны содействовать международным контактами и внедрению передовых практик в сфере ответственного потребления и производства за счет обеспечения перевода для делегаций и осуществление поддержки в переводе документов.

ЦУР 13: Борьба с изменением климата

Роль переводчика: содействие международным контактам, перевод международных конференций, работа в переводческих службах международных организаций, которые ставят перед собой цель борьбу с изменением климата, а также защиту окружающей среды.

ЦУР 14: Сохранение морских экосистем

Роль переводчика: содействие международному сотрудничеству и передаче технологий для ведения устойчивого рыбного хозяйства, очищения Мирового океана и защите морских экосистем.

ЦУР 15: Сохранение экосистем суши

Роль переводчика: содействие международным контактам, перевод конференций, целью которых является работа по

сохранению экосистем суши и защита окружающей среды в целом.

ЦУР 16: Мир, правосудие и эффективные институты

Роль переводчика: содействие международному сотрудничеству, перевод переговоров, конференций и содействие обмену лучшими практиками между странами ради построения эффективных институтов, участие в дипломатических процессах ради достижения мира.

ЦУР 17: Партнерство в целях устойчивого развития

Роль переводчика: содействовать международному сотрудничеству, способствовать формированию партнерских отношений, установлению дипломатических контактов в целях устойчивого развития.

Заключение

Переводческая профессия подразумевает помощь в осуществлении сотрудничества и взаимодействия представителей разных стран и культур. Такое взаимодействие играет ключевую роль в объединении усилий ради осуществления ЦУР и продвижения устойчивого развития в целом. Переводчики являются связующими элементами, через которые могут быть достигнуты договоренности о проведении переговоров, профильных конференций, передаче необходимых технологий, заключении договоров и поддержке усилий по осуществлению всех целей в области устойчивого развития без исключения.

Список литературы

1. ООН. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс], URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/>, свободный
2. Подборка материалов для прессы по Саммиту по устойчивому развитию 2015 года: Время глобальных действий в интересах людей и планеты [Электронный ресурс], URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/wp->

[content/uploads/sites/5/2015/08/FAQs_Sustainable_Development_Summit.pdf](https://www.un.org/ru/content/uploads/sites/5/2015/08/FAQs_Sustainable_Development_Summit.pdf), свободный

3. Группа ООН по устойчивому развитию: Объединяя языки и культуры [Электронный ресурс], URL: <https://unsdg.un.org/ru/latest/announcements/one-world-united-through-language>, свободный

4. UN News. Global perspectives and Human stories [Электронный ресурс], URL: <https://news.un.org/en/story/2019/09/1047012>, свободный

5. DG Interpretation. Strategic plan 2020-2024 [Электронный ресурс], URL: https://ec.europa.eu/info/system/files/scic_sp_2020-2024_en.pdf, свободный

6. United Nations Negotiating Delegation. " decl UN ". ares 30 September World Translation Day members.aiic.net June 20, 2017. Accessed December 22, 2020. [Электронный ресурс], URL: https://aiic.org/document/9467/UN_30.09.pdf, свободный

7. TransPerfect. How To Talk About Climate Change [Электронный ресурс], URL: <https://www.transperfect.com/blog/how-talk-about-climate-change>, свободный

8. GOAL Supporting Important Research on Role of Translation in the Work of NGOs [Электронный ресурс], URL: <https://www.goalglobal.org/stories/goal-supporting-important-research-on-role-of-translation-in-the-work-of-ngos/>, свободный

**ОБУЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
КОММУНИКАТИВНЫХ И СИМПТОМАТИЧЕСКИХ
КИНЕМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(J. GALSWORTHY «THE FORSYTE SAGA»
VS Л.Н. ТОЛСТОЙ «АННА КАРЕНИНА»)**

*Еремина Анастасия Денисовна,
студент, Московский городской
педагогический университет, г. Москва,
eremina_anastasia@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей описания невербальных средств общения в английском и русском языках. Исследование проводилось на материале романов Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» и Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Невербальное поведение и его вербальное выражение в исследуемых языках анализируется с учётом культурологических особенностей. Полученные результаты могут быть полезны при переводе художественной литературы, в которой широко представлены коммуникативные и симптоматические кинемы.

Ключевые слова: дидактика; невербальная коммуникация; кинесика; кинема; национальная специфика; художественный перевод.

**ON TRANSLATING FICTION: COMPARATIVE
ANALYSIS OF COMMUNICATIVE AND SYMPTOMATIC
KINEMES IN J. GALSWORTHY *THE FORSYTE SAGA*
AND L.N. TOLSTOY *ANNA KARENINA***

*Eremina A.D.,
Student of MCU, Moscow,
eremina_anastasia@mail.ru*

Abstract. The paper looks into the phenomenon of non-verbal communication in the English and Russian languages. The comparative analysis of kinemes is based on «The Forsythe Saga» by J. Galsworthy and «Anna Karenina» by L. Tolstoy. The special focus is made on cultural differences in the English and Russian communication. The findings might be instrumental in teaching translation of fiction where communicative and symptomatic kinemes are used.

Keywords: didactics; non-verbal communication; kinesics; kineme; national specifics; translating fiction.

Как известно, понимание и верная интерпретация невербального языка является одним из основных условий эффективной коммуникации. Ошибочная интерпретация невербальных сигналов сквозь призму собственного культурного опыта в процессе межкультурной коммуникации может привести к коммуникационному сбою.

В центре внимания данного исследования находятся невербальные средства общения и их вербальное выражение в английском и русском языках.

Данное направление вызывает большой интерес в лингвистике и освещается в работах многих зарубежных и отечественных исследователей [1; 2; 3; 4]. Тем не менее, во многих трудах средства выражения невербалики рассматриваются недостаточно полно с точки зрения их культурологической специфики.

Этнокультурная специфика как вербальных, так и невербальных сигналов объясняется в рамках концепции *высококонтекстуальных* и *низкоконтекстуальных* культур Э. Холла. Ключевым понятием высококонтекстуальных культур, к которым относится и русскоязычное пространство, является принцип коллективизма, в силу которого многие аспекты коммуникации определяются внеязыковым контекстом и могут выражаться невербально. К низкоконтекстуальным культурам

относят те страны, где большее значение придается словам, а не контексту, например, англоязычное пространство [5]. По мнению многих лингвистов, русскоязычной культуре свойственна большая открытость в выражении эмоций, что отражается в обилии как вербальных, так и невербальных средств коммуникации [6].

Как известно, невербальные средства выражения являются предметом исследования кинесики, единицей которой выступает коммуникативное движение – *кинема*. Среди форм кинетического поведения выделяют *жесты, выражения лица (мимику), позы, телодвижения*, которые могут сопровождать ментальное или физическое состояние говорящего [1].

Г.Е. Крейдлин предлагает выделять *иллюстративные, регулятивные и эмблематические* кинемы. Иллюстративные кинемы неотделимы от вербального сопровождения, поскольку не имеют собственного значения за пределами акта коммуникации. Регулятивные кинемы выполняют фатическую функцию и направлены на установление контакта с собеседником (e.g. периодическое кивание головой). Как отмечает Г.Е. Крейдлин, эмблематические кинемы могут использоваться вне речевого контекста. Жесты-эмблемы заменяют слова или словосочетания и имеют вербальный аналог, они наиболее характерны для русского языка [7].

В фокусе данного исследования находится эмблематический класс невербальных средств речевой коммуникации. К двум основным типам жестов-эмблем относятся *коммуникативные* и *симптоматические* кинемы. Коммуникативные кинемы используются для целенаправленной передачи эмоций и подразделяются на *общие, дейктические* и *этикетные*. Общие кинемы являются коммуникативно нейтральными (e.g. склонить голову). Дейктические (указательные) жесты указывают на участников актуальной ситуации общения, на объект и его параметры, на место и время (e.g. показать пальцем). Этикетные кинемы говорят о соответствии действий индивидуума нормам общественного поведения в той или иной

коммуникативной ситуации (e.g. рукопожатие в ситуациях приветствия или прощания). Симптоматические кинемы, в свою очередь, выражают эмоциональное состояние индивидуума, хотя эмоции не транслируются намеренно (e.g. размахивать руками) [7].

Коммуникативные и симптоматические кинемы рассматриваются в работе на примере произведений художественной литературы на английском и русском языках, поскольку данные подклассы кинем способствуют интерпретации намерений, мыслей и чувств героев, т.е. полной характеристики персонажа. В задачи исследования входит выявление частотности употребления данных кинем, а также их этнокультурной специфики.

Материалом исследования послужили художественные произведения на английском и русском языках (Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» (1906), перевод романа на русский язык М. Богословской (2010) и Л.Н. Толстой «Анна Каренина» (1878)), написанные приблизительно в один исторический период, в которых во многом совпадает социальный и классовый статус героев и, соответственно, условия коммуникации. Эмпирическая база исследования на данном этапе составила 160 примеров.

В романе Дж. Голсуорси было отобрано 82 кинемы, 3 из которых являются дейктическими жестами, и 36 – этикетными, включающими в основном приветственные и прощальные движения (*to shake hands, to outhold / stretch out / grasp a hand, to nod, to kiss, to wave*). Основной акцент был сделан на анализе общекоммуникативных и симптоматических кинем, которые отражают особенности коммуникативного поведения героев. Количество примеров с описанием общекоммуникативных кинем составило 17 предложений. Основными активно участвующими органами в выявленных кинемах являются *рука (hand; arm)* и *голова (head)*. Ср.: *Old Jolyon saw that he was angry, and touched his hand.* – *Старый Джолион понял, что сын рассердился, и коснулся его руки.* Отец, сожалея о

своих словах, с помощью прикосновения пытается успокоить сына, сблизиться с ним. Ср. также: *Old Jolyon could not help twinkling at the little maid as he gave his name. She seemed to him such a funny little toad!* – Старый Джолион не вытерпел и **подмигнул** маленькой служанке, говоря ей свое имя. "Ну и лягушонок!" – пронеслось у него в голове. В данном случае кинема отражает попытку установления контакта, мимика используется для выражения симпатии. Анализ корпуса примеров показал, что все общекоммуникативные кинемы направлены на сближение коммуникантов, установление хороших отношений, поддержание диалога.

К симптоматическим кинемам было отнесено 26 примеров. Такие эмоции героев, как *раздражение, гнев, протест, обида, огорчение, шок, влечение, недоумение* находят выражение в жестах (16 кинем) и мимике (10 кинем). Активными органами являются *рука (hand)* и *губы (lips)*. Ср.: *Nicholas licked his lips. "She's a pretty woman," and he waved aside a crossing-sweeper.* – **Николас облизнул губы**: – Хорошенькая женщина, – и он махнул метельщику, чтобы тот уступил им дорогу. С помощью данной кинемы проявляется скрываемое влечение Николаса к Ирэн. Ср. также: *He enlarged upon her frock afterwards to Aunt Juley, who held up her hands at his way of putting it.* – Он подробно описал ее платье тете Джули, которая только **всплескивала руками**, приходя в ужас от его выражений. Жест руками выражает возмущение героини, шокированной словами собеседника. Рассмотрим следующий пример, ср.: *He found her seated on a chair before her dressing-glass, with her hands before her face.* – Он нашел жену в кресле перед зеркалом; она сидела, **закрыв лицо руками**. Данный жест выдает сильные негативные эмоции: героиня расстроена, она закрывает лицо, чтобы скрыть слезы. В ходе анализа текста было выявлено, что симптоматические кинемы используются автором в основном для выражения негативных эмоций: *раздражение, гнев, протест, шок, недоумение, обида и огорчение*.

Количество примеров этикетных жестов в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого составило 25 единиц, а дейктических – 2 единицы. В основном, это жесты приветствия и прощания (*поклониться, нагнуться, кивнуть головой, пожать / подать / протянуть / сжать / поцеловать руку*). Количество общекоммуникативных кинем составило 12 примеров. В качестве главных частей тела, задействованных в демонстрации жестовых и мимических движений, фигурируют *рука, голова*, а также *глаза, плечи* (в отличие от романа Дж. Голсуорси). Ср.: *Ну, нет, – сказала графиня, **взяв ее за руку**, – я бы с вами объехала вокруг света и не соскучилась бы.* Ср. также: *– Не понимаю, что вы делаете, – сказал Левин, **пожимая плечами**.* – *Как ты можешь это серьезно делать?* Использование общекоммуникативных кинем в романе Л.Н. Толстого, как и в романе Дж. Голсуорси, обусловлено желанием героев наладить контакт в процессе коммуникации.

К симптоматическим кинемам было отнесено 39 предложений, в которых задействованы такие части тела, как *рука, шея, лоб, губы, голова*. К основным эмоциям, переданными жестами (14 кинем), относятся *раздражение, гнев, протест, задумчивость, огорчение, смущение, недоумение*, с помощью мимики (25 кинем) демонстрируются *обида, стыд, досада, сожаление, переживание* – в основном данные кинемы используются для выражения негативных эмоций. Ср.: *– Что? Вот что! – кричал князь, **размахивая руками** и тотчас же захватывая свой беличий халат.* – *То, что в вас нет гордости, достоинства, что вы срамите, губите дочь этим сватовством, подлым, дурацким!* Герой находится в смятении, забывая о том, что он в халате, и размахивает руками в гневе, практически в иступлении. Ср. также: *– А ты знаешь, что твой Ванюшка у меня в Покровском конторщиком? – сказал он. Николай **дернул шей** и задумался.* Кинема передает удивление, показывает, что сложившаяся ситуация неожиданна и неприятна для героя. Анализ симптоматических кинем в романе Л. Н. Толстого показал, что, как и в англоязычном тексте,

жестовые симптоматические кинемы передают в основном негативные эмоции героев. Мимические движения могут транслировать и положительные чувства, однако значительно реже (28,6%). *Ср.: При этих словах лицо Левина вдруг просияло улыбкой, тою, которая близка к слезам умиления.*

Таким образом, в ходе исследования художественных произведений на английском и русском языках были получены следующие результаты: в англоязычном тексте было выявлено 82 кинемы. Большую часть жестовых движений составляют этикетные кинемы (43,9%). На втором месте по частотности употребления находятся симптоматические кинемы, с помощью которых проявляются негативные эмоции героев (31,7%). Остальные невербальные сигналы относятся к общекоммуникативным (20,7%) и дейктическим кинемам (3,7%).

В русском корпусе из 78 кинем 50% составляют симптоматические невербальные средства, 32% – этикетные. Общекоммуникативные кинемы встречаются в 15,4% случаев, а дейктические – в 2,6%.

Большое количество этикетных жестов в данных произведениях связано с условиями коммуникации – оба романа описывают жизнь высших классов общества и ситуации, в которых следование этикетным нормам и правилам занимает особое место. В англоязычном художественном тексте этикетные жесты, тем не менее, преобладают (43,9% vs 32%), что можно объяснить тем, что англоязычная культура относится к низкоконтекстуальным культурам, где высоко ценится личное пространство собеседника, и этикетным нормам придается большее значение.

В описываемой Л.Н. Толстым русскоязычной коммуникации используются преимущественно симптоматические кинемы, что свидетельствует о том, что для носителей русского языка свойственно невербальное выражение эмоций. Следует также отметить, что в русском тексте присутствует большее разнообразие эмоций и различных частей тела, с помощью которых транслируется внутреннее состояние героя.

В целом, в романе Дж. Голсуорси наблюдается тенденция к выражению эмоций героев при помощи жестов (61,5%), мимические кинемы составляют 38,5%. В русском романе отмечается более частотное использование мимических сигналов (64,1%).

В связи с тем, что различия в употреблении коммуникативных и симптоматических кинем являются культурно-обусловленными, перспективу исследования составит дальнейший анализ отобранных примеров с точки зрения перевода. Как представляется, результаты данного исследования могут быть полезными для обучения переводчиков в области художественной литературы.

Список литературы

1. *Алекберова, И.Э.* Особенности кинесики в процессе межкультурного взаимодействия / И.Э. Алекберова // *Lingua mobilis*. – 2013. – № 1. – С. 23-27.
2. *Хлыстова, В.Г.* Функционально-структурная и семантическая характеристика кинематических речений, отражающих коммуникативный аспект кинесики: на материале английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – Нижний Новгород, 2005. – 24 с.
3. *Cienki, A.* Image Schemas and Mimetic Schemas in Cognitive Linguistics and Gesture Studies / A. Cienki // *Review of Cognitive Linguistics*. – 2013. – № 11(2). – P. 417-432.
4. *Morris, D.* People Watching: A Guide to Body Language / D. Morris. – London: Vintage, 2002. – 544 p.
5. *Hall, E.T.* Non-verbal communication for educators / E.T. Hall // *Theory into practice*. – 1997. – № 3. – 25 p.
6. *Сулейманова, О.А., Беклемешева, Н.Н.* Стилистические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 176 с.

7. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

8. *Galsworthy, J.* The Forsyte Saga. – URL: https://www.gutenberg.org/files/4397/4397-h/4397-h.htm#link2H_4_0003 (дата обращения: 01.02.2022).

9. Толстой, Л.Н. Анна Каренина. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1099/p.1/index.html> (дата обращения: 05.02.2022).

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ПЕРЕДАЧА ТВОРЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖА-РЕБЕНКА

*Канунникова Анастасия Сергеевна,
Старший преподаватель, Московский городской
педагогический университет, г. Москва*

Аннотация. В статье поднимается вопрос межъязыковой передачи речи персонажа-ребенка в художественном тексте. В качестве речевой особенности указывается творческое нарушение норм языка. Исследователи указывают, что особенности использования творческих нарушений в качестве характеристики персонажа позволяют создать необходимый автору образ. Источником материала исследования послужил текст романа Д.С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» и его перевод на русский язык. В качестве основных методов выступили: метод сплошной выборки, метод сопоставительного анализа, метод классификации и ряд других.

Ключевые слова: речевая характеристика, перевод, персонаж-ребенок, художественный текст, нарушение языковой нормы.

CREATIVE VIOLATION IN SPEECH OF A CHILD CHARACTER AND ITS TRANSLATION

Annotation. The article raises a problem of literary translation, a child character's speech translation in particular. The creative violation of language norm is indicated as a peculiar feature of the child's speech. The authors point out that some peculiarities of using violation of language norm as speech characteristics of a hero help create the necessary image. The source of the material for the study is the text of the novel by Jonathan Safran Foer "Extremely loud and incredibly close" and its translation into Russian. The major methods for the study are the method of continuous

sampling, the method of comparative analysis, the method of classification etc.

Keywords: speech characteristics, translation, child character, literary text, violation of language norm.

Образ персонажа художественного произведения составляет систему, которая включает в себя множество компонентов. Речь определённо является одним из самых репрезентативных признаков, характеризующих персонажа, и представляет собой художественное воплощение внутреннего мира героя. Речевая характеристика отражает как социальные, так и психологические особенности личности, а также особенности ее речевой деятельности и речевого поведения. Так, речевой портрет определяется как «осознанные/неосознанные коммуникативные поступки, показывающие характер и образ жизни человека» [9, с.7].

Известно, что «любой текст создается с использованием языковых средств и по законам языковой системы, которая стоит за ним» [5, с.106]. Но язык литературы стилистически специфичен, и «именно в тексте, ввиду его речевой природы и подчиненности целям и мотивам автора, нередко происходит нарушение законов языка, соединяется несоединимое» [5, с.106]. Соответственно в тексте художественного произведения те языковые средства, которые использует автор для создания речевого портрета персонажа, не всегда соответствуют языковым нормам.

Под нормативностью языка понимаются «правила построения письменного и устного текста, обеспечивающие его связность, цельность и однозначность, а также языковые характеристики текстов определенной стилевой и / или жанровой принадлежности» [2, с. 368]. По мнению некоторых исследователей, помимо общелитературной нормы, которая регулирует построение художественного текста, существует

особая художественная норма, которая «позволяет формальную стилизацию под устную разговорную речь и допускает индивидуальное языковое творчество» [4, с. 257-258].

Любое системное отклонение от нормы в художественном тексте может быть связано с задачей автора отразить специфику речи персонажей, которая включает в себя особенности произношения, акценты, дефекты, ошибки, возраст, что «позволяет сделать выводы относительно характера героя, мотивов его поступков, его прошлого» [1, с. 51]. Но случается, что «сама норма – тоже характеристика, как, например, в ситуации стандартного произношения, грамотной речи» [1, с. 51]. Важно отметить, что при передаче речевых характеристик персонажа, выходящих за пределы языковой нормы, переводчик «всегда подчинен воле автора, он должен дать понять читателю, что в данном случае речь ненормативна» [11, с. 123], поэтому «проще передавать нормированную речь, а перевод речи персонажа, которая изобилует специфическими стилистическими чертами, может сопровождаться потерями, что ведёт к потере общего замысла» [1, с. 51].

При создании литературного текста эстетическая задача заставляет автора прибегнуть к сознательному отступлению от языковой нормы «с целью передать впечатление «новизны и своеобразия» [7, с. 43]. Умение использовать в тексте осознанные отклонения от языковых норм связано с понятием новаторства: «Быть новатором в языке – значит сознательно и намеренно употреблять в своей речи такие средства языка, какие представляются не существующими в данной языковой традиции, в данных условиях общения через язык, и, следовательно, новыми, небывальными» [6, с. 323]. Такие отступления способны продемонстрировать индивидуальное авторское сознание, что свидетельствует о творческом характере нарушений, то есть о нарушениях специальных, авторских, которые не спровоцированы, например, ошибкой.

Персонаж-ребенок довольно часто появляется в художественных произведениях. Причины использования в качестве рассказчика ребенка могут быть разными. Это может быть стремление усилить или, наоборот, смягчить эмоциональное воздействие на читателя. Рассказчик-ребенок также позволяет авторам рассмотреть некоторые ситуации или предметы под новым углом, побуждая читателя по-новому взглянуть на них.

Стратегии авторов при создании речевого образа детских героев при этом разнятся. Некоторые предпочитают использовать манеру повествования, свойственную скорее взрослому, нежели ребенку. Другие авторы, наоборот, пытаются имитировать детскую речь, воссоздавая определенные ее характеристики. Речь рассказчика-ребенка при этом может быть в целом похожа на речь взрослого, но содержать некоторые элементы детской. Важно помнить, что даже если авторы решают создать речевой образ рассказчика, близкий к речи реального ребенка, то он все равно будет представлен в «стилизованном виде, что предполагает отбор писателем определенных черт речи, которые, по его мнению, могут входить в состав словаря детей» [12, с.16]. Это может привести к отступлениям от языковой нормы на различных уровнях языка: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом.

Целью конкретного исследования можно считать рассмотрение творческого начала нарушения языковой нормы в речи персонажа-ребенка и способы межъязыковой передачи этих нарушений.

В качестве **методологического аппарата** представлен анализ теоретической литературы, метод сплошной выборки, метод сопоставительного анализа и ряд других.

В качестве **материала исследования** выступил современный англоязычный роман Д.С. Фойера «Extremely Loud and Incredibly Close» (2005) и его перевод, выполненный В. Аркановым («Жутко громко и запредельно близко», 2007).

Основным действующим лицом в произведении выступает девятилетний ребенок по имени Оскар, глазами которого показан окружающий мир. Оскар является современным ребенком, который всю необходимую информацию находит в интернете. Он пытается пережить смерть отца, погибшего в одной из башен-близнецов 11 сентября 2001 года, и отправляется в путешествие по Нью-Йорку. Причиной тому послужил найденный неожиданным образом ключ. Поиски подходящего замка помогут, по его мнению, узнать о смерти отца. Но мальчика преследуют страхи, которые мешают ему жить нормальной жизнью. Он избегает любого общественного транспорта, боится подвесных мостов, арабов, небоскребов, лифтов, страдает бессонницей и испытывает сильное психоэмоциональное напряжение. Оскар не всегда понимает иронию, идиоматические выражения и сложные слова. Однако, он зачастую действует, следуя своей интуиции, ведь в самом начале своего путешествия он не до конца осознает, зачем начинает расследование, но совершенно уверен в его необходимости.

Соответственно, речевой портрет этого персонажа определяет многие существенные характеристики текста. Известно, что речь ребенка имеет определенные языковые особенности. Мы решили рассмотреть речевую характеристику персонажа с точки зрения традиционной уровневой модели языка и сосредоточились на анализе нарушения лексической нормы как яркой характеристики героя.

Речь Оскара (персонажа-ребенка) в произведении «Extremely Loud and Incredibly Close» достаточно разнообразна и специфична. Автор часто прибегает к творческому отступлению в речи мальчика с целью выразить чувства, эмоции и психологическое состояние персонажа, а также проиллюстрировать особенности его характера.

Детское **оказиональное словообразование** как яркая черта развития языкового мира ребенка, отражает детскую лингвокреативность и играет важную роль в развитии

метаязыковой способности ребенка [3]. **Окказиональные элементы** в речи персонажа-ребенка не только привлекают внимание читателя новизной, но могут именовать нереальные объекты и явления, выдуманные героем и нуждающиеся в особой номинации, а также демонстрировать индивидуальное авторское сознание. Оскар любит науку и постоянно что-то изобретает. Но большинство его изобретений связаны с трагическими событиями 11 сентября и сводятся к тому, что он пытается изобрести то, что могло бы помочь его отцу выжить в той катастрофе. Например:

“What if you trained Seeing Eye dogs to be bomb-sniffing dogs, so that they’d be Sniffing Eye Seeing Bomb dogs?” [13, p. 233]

«Что если натренировать собак-поводырей вынюхивать бомбы, чтобы они стали собаками-повонюхбомбодырями?» [14, с.284]

В данном случае переводчик создает собственный окказионализм, добавляя новый элемент в исходное слово. При этом он точно передает смысл, вложенный автором в текст оригинала.

“When she went in, I very quietly took the stethoscope from my field kit, got on my knees, and pressed the whatever-the-end-is-called against the door. The bulb? Dad would have known.” [13, p.247]

«Когда она вошла, я бесшумно достал стетоскоп из своего походного набора, встал на колени и прижал конец со штуковиной-которая-не-знаю-как-называется к двери. Блямба? Папа бы знал.» [14, с.300]

Во втором случае в тексте перевода сохранена как форма, так и смысл окказионализма с целью отразить особенности речи и внутреннего монолога главного героя.

Отклонение от литературной нормы является одним из основных способов создания **комического эффекта**, который проявляется благодаря не соответствующему норме **смешению слов родного языка с иноязычными**. С самого начала

повествования мы узнаем, что Оскар изучает французский язык и знает некоторые выражения, которые использует в различных ситуациях общения:

He didn't say anything, probably because he didn't hear me, so I said, "I said I kicked a French chicken in the stomach once." "Huh?" "It said, 'Oeuf'." "What is that?" "It's a joke. Do you want to hear another, or have you already had un oeuf?" [13, p. 12]

Он ничего не сказал, может, просто потому, что не услышал, поэтому я сказал: «Я сказал: на парижской улице встречаются две курицы». – «А?» – «Одна нормальная, а у другой две головы и восемь крыльев. И та, которая нормальная, говорит: Bonjour, ma tante». – «Ну и что?» – «Это шутка такая. Рассказывать следующую или вы тоже ma tante?» [14, с. 21]

В данной ситуации Оскар рассказывает водителю шутку, которую последний не понимает. Смысл заключается в том, что мальчик использует французское слово «*oeuf*», которое, с одной стороны, означает «яйцо», но во фразе «*have you already had un oeuf*» оно схоже по звучанию с английским словом «*enough*». С целью сохранения комического эффекта переводчик решает заменить шутку, которую рассказывает Оскар, на другую. Данная замена представляется нам крайне удачной, так как переводчик смог не только подобрать шутку с одинаковыми лексемами (парижская, курицы), но и сохранить игру слов, применяя французские слова.

Использование иностранных слов в речи детского персонажа служит примером не только создания комического эффекта, но может осуществлять следующие функции: эмотивную, суть которой заключается в описании эмоциональных всплесков героя произведения, и аттрактивно-экспрессивную с целью привлечения внимания к важной информации. Как правило, иноязычные вкрапления не переводятся. Например:

"When Mom tucked me in that night, she could tell that something was on my mind, and asked if I wanted to talk. I did, but

not to her, so I said, "No offense, but no." "Are you sure?" "Très fatigué," I said, waving my hand. [13, p. 201]

«Когда в тот вечер мама укладывала меня спать, она почувствовала, что я от нее что-то скрываю, и спросила, не хочу ли поговорить. Я хотел, но не с ней, поэтому сказал: «Не обижайся, но нет». – «Ты уверен?» – «Très fatigué», – сказал я, помахав рукой.» [14, с.249]

Творческое нарушение нормы в речи персонажа-ребенка может быть способом осуществления **языковой игры**, которая заключается в предоставлении автором читателю способности мальчика к словотворчеству. Игровые элементы в большей степени сосредоточены в **каламбурах**:

"Do you know 'shit'?" "That's a curse, isn't it?" "Not if you say 'shiitake'." "Guess not." "Succotash my Balzac, dipshii-take." [13, p.10]

«Вы знаете «какашка»?» – «А это разве не ругательство?» – «Нет, если сказать задом наперед – «акшакак». – «Вот оно что». – «Упож енм ижилоп, акшакак». [14, с.19]

В данном примере в речи Оскара используется **лексика сниженного регистра** и **каламбур** основан на том факте, что слово "shiitake", которое означает вид гриба «*шии-таке*», созвучно английскому ругательству "Shit!". Но с целью сохранения и передачи комического эффекта переводчик прибегает к использованию палиндромов, т.е. слов, которые пишутся наоборот. Это может свидетельствовать о том, что то, что является не нормой в одном языке, возможно системно передавать не нормой посредством другого языка.

В целом изучение речевой характеристики героя на разных уровнях языковой системы позволяет рассмотреть единицы языка как средство создания литературного образа, а также способа эмоционально-эстетического воздействия на читателя. С целью отразить специфику речи персонажей автор зачастую прибегает к намеренному нарушению литературных норм. Анализ конкретного художественного текста позволил выделить некоторые творческие отступления на лексическом

уровне, которые характеризуют персонажа-ребенка, являясь яркими индивидуальными элементами в структуре его образа. Как было упомянуто ранее, ввиду отсутствия полноценных разработок предложенной тематики, на наш взгляд, необходимы дальнейшие исследования детской речи в условиях художественного текста, которые могут иметь определенную теоретическую и практическую значимость.

Список литературы

1. *Абаева, Е.С.* Юмор как речевая характеристика персонажа в художественном тексте: проблемы перевода / Е. С. Абаева. – DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-49-57 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 4. – С. 49–57. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46640525_57317788.pdf.
2. *Алексеева, Л.М., Аннушкин В.И., Баженова Е.А., Блинова О.И.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2011. 696 с.
3. *Амзаракова, И.П.* Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Амзаракова Ирина Петровна. – Москва, 2005. – 44 с.
4. *Богданова, Е.С.* Изучение художественной нормы в процессе формирования текстовой деятельности старших школьников / Е. С. Богданова // Известия Смоленского государственного университета. – 2017. – № 1(37). – С. 257-265.
5. *Болотнова, Н.С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н.С. Болотнова. — 4е изд. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 520 с.
6. *Винокур, Г.О.* О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 445 с.
7. *Голякова, Л.А.* Текст. Контекст. Подтекст: Учебн. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. – Пермь, 2002. – 232 с.

8. *Канунникова, А.С.* Лексические особенности речи персонажа-ребенка в романе Д.С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» / А. С. Канунникова // Филологическое обеспечение профессиональной деятельности учителя английского языка и русского языка как иностранного : Сборник научных статей. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. – С. 133-143.

9. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 447 с. – ISBN 5-88234-5521-2.

10. *Николина, Н.Н.* Олицетворение в речи рассказчика-ребенка (на примере романов “Room” Э. Донохью и “All the Lost Things” М. Сакс) / Н. Н. Николина. – DOI: 10.17072/2073-6681-2021-4-89-99 // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – Т. 13, вып. 4. – С. 89–99.

11. *Омеличкина, С.В.* Проблема трансляции детских речевых искажений в художественном дискурсе / С. В. Омеличкина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2-2(54). – С. 122-126.

12. *Солнцева, К.В.* Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Солнцева Ксения Викторовна. – Москва, 2008. – 191 с.

13. *Фоер, Д.С.* Жутко громко и запредельно близко / Д. С. Фоер ; [пер. с англ. В. Арканова] – Москва: Эксмо, 2021. – 512 с.

14. *Фоер, Д.С.* Жутко громко и запредельно близко: книга для чтения на английском языке / Д. Фоер. – Санкт-Петербург: КАРО, 2020. – 416 с.

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД И ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЕ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Королькова Светлана Азадовна,
доцент, кандидат педагогических наук,
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, 400062, проспект Университетский, 100,
korolkova@volsu.ru,

Новожилова Анна Алексеевна,
доцент, кандидат филологических наук,
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, 400062, проспект Университетский, 100,
novozilova@volsu.ru,

Наумова Анна Петровна,
кандидат филологических наук,
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, 400062, проспект Университетский, 100,
anaimova9@volsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается текущий статус машинного перевода в профессиональной и педагогической сфере. Анализируется методическое наполнение дисциплин, посвященных или затрагивающих машинных перевод, в образовательных программах бакалавриата и магистратуры Волгоградского государственного университета. Предлагается дидактическая модель обучения постредактированию машинного перевода.

Ключевые слова: машинный перевод; постредактирование; качество перевода; движок машинного перевода; дидактическая модель.

MACHINE TRANSLATION AND POSTEDITING: DIDACTIC ASPECT

Korolkova S.A.,

*Associate Professor, Candidate in Pedagogics, Volgograd State
University, Volgograd, 400062, prospekt Universitetsky, 100,
korolkova@volsu.ru,*

Novozhilova A.A.,

*Associate Professor, Candidate in Philology, Volgograd State
University, Volgograd, 400062, prospekt Universitetsky, 100,
novozhilova@volsu.ru,*

Naumova A.A.,

*Candidate in Philology, Volgograd State University,
Volgograd, 400062, prospekt Universitetsky, 100,
anaumova9@volsu.ru*

Abstract. The article considers the current status of machine translation from professional and pedagogical points of view. The methodological content of the disciplines covering or relating to machine translation in Bachelor's and Master's degree educational programs of Volgograd State University is analyzed. A didactic model of machine translation postediting is proposed.

Keywords: machine translation; postediting; translation quality; machine translation engine; didactic model.

Современная система высшего образования во всем мире переживает серьезнейший кризис, потому что то, что она предлагает не всегда применимо в реальной жизни или уже практически не востребовано на рынке труда, а те навыки и умения, которые наиболее востребованы, она не в состоянии предложить в силу различных причин. И это не только финансовые проблемы, но прежде всего само понимание того, использованию каких инструментов следует обучать и как обучать этому. Обучение переводу как профессиональной деятельности в XXI веке

невозможно без принятия машинного перевода как неотъемлемой технологической составляющей профессиональной деятельности переводчика и понимания, каким образом можно и нужно интегрировать этот феномен в процесс подготовки переводчиков.

Как нам кажется, сегодня настал этап рефлексии, и специалистам, как в области профессионального перевода, так и преподавателям перевода следует задать себе вопросы, которые помогут осознать как социальную, так и технологическую роль машинного перевода (далее – МП) в профессии и обучении профессии: *Что может и что не может сделать машина?; В каких ситуациях и с какими текстами следует использовать этот инструмент?; Какова рентабельность его применения?; На каком этапе участие человека-специалиста необходимо?; Что обеспечивает качество перевода?; Какие деонтологические проблемы возникают в связи с применением МП?*

В наше время существует «насушенная потребность в быстром переводе значительных объемов текста, что вызвано даже не только интернационализацией бизнеса, сколько гиперускорением технологического процесса и его повсеместным проникновением, в том числе и на бытовом уровне» [1: 89]. В связи с тем, что описываемые технологии постоянно развиваются, в них инвестируются огромные ресурсы, отношение профессиональных переводчиков к таким инструментам стало в настоящее время активно меняться. Если еще 5 лет назад многие гуру переводоведения и переводчики-практики весьма скептически относились к МП, то сейчас уже в современном переводческом бизнесе стали предлагаться новые услуги, которые оказывают с применением МП. Переводческие бюро устанавливают дифференцированные расценки на перевод, выполненный переводчиком-человеком, и на постредактирование машинного перевода. Отношение заказчиков к МП тоже начинает меняться, люди уже не столь скептически восприни-

мают эту услугу и зачастую решаются на нее, так как стоимость постредактирования МП ниже. Цифровая революция и экспансия информационных технологий в сфере переводческих услуг после внедрения нейронного перевода привели к тому, что в 2018 году, согласно исследованию Study of the European language [2], доля европейских предприятий в сфере лингвистических услуг, использующих машинный перевод в профессиональной деятельности, впервые превысила 50%. А число переводчиков, использующих в работе САТ-инструмент, или даже несколько различных инструментов одновременно, выросло на порядок. При этом для профессионалов в этой сфере проблемы «машинный перевод заменит переводчика» или «искусственный интеллект заменит переводчика» не существует, поскольку на протяжении уже многих лет переводчики активно сосуществуют с искусственным интеллектом и научились использовать себе во благо созданные технологические решения, о чем свидетельствуют различные публикации, посвященные данной теме [3, 4, 1].

И если в переводческой среде принятия МП уже можно считать практически свершившимся фактом, то в университетской среде, особенно среди большинства преподавателей перевода отношение к МП все еще остается огульно критическим. Все понимают, что современное поколение студентов еще со школы обязательно использует общедоступные системы МП, такие как *Яндекс.Переводчик* или Google Translate, при выполнении как языковых, так и переводческих заданий. При этом и преподаватели, и обучающиеся, как правило, ругают МП – он не дает качественный перевод, он не справляется с задачей и т.д., но никто не задает себе очевидных вопросов: *А на каком материале обучен работать данный движок?; Может ли он справиться с переводом именно этой тематики?; Почему он допускает именно эти ошибки?* и т.д. В результате, мы имеем на выходе специалистов, которые критически настроены по отношению к МП и которых после приема на работу в крупные переводческие агентства надо

заново обучать работе с МП. Такая ситуация абсолютно не приемлема, поскольку наносит урон репутации университетского образования. Чтобы изменить ее необходимо, прежде всего, чтобы преподаватели перевода сами приняли МП, а потом научили студентов, как и в каких ситуациях следует использовать этот инструмент. Требуется серьезное дидактическое осмысление, понимание в рамках каких дисциплин и на каком этапе обучения показывать студентам, что такое МП на самом деле, когда его следует использовать и к каким ошибкам и удачам следует быть готовым.

Рассуждая о МП, необходимо отметить, в первую очередь, что сама система есть результат титанического труда переводчиков, создавших корпуса текстов, используемых в движках, разработчиков и лингвистов, создавших алгоритмы и программу, и переводчиков-тестирующих, проверивших работу этих же систем и сформулировавших замечания и рекомендации. Конечно же, надо вспомнить еще и терминологов, составителей терминологий и глоссариев, без усилий которых не может сейчас работать ни одна система МП. Таким образом, мы видим, что работы у человека-переводчика в обозримом будущем будет достаточно, но она, профессиональная переводческая деятельность, естественно, будем видоизменяться. Поэтому учебные планы должны быть достаточно адаптирующимися, допускающими уход устаревших дисциплин и появление новых, обеспечивающих формирование и развитие навыков и умений, востребованных на рынке труда. А это требует от нас, университетских преподавателей, большую гибкость и готовность инвестировать себя в освоение новых сфер, с которыми мы, как переводчики, возможно и не столкнемся, а вот выпускники будут с этим иметь дело в ежедневной практике. Университетские преподаватели в первую очередь должны осмыслить роль МП в формировании профессиональной компетенции и помочь студентами переосмыслить как сам феномен МП, так и принципы его исполь-

зования и в процессе обучения, и в профессиональной деятельности. При этом представляется важным донести до обучающихся, что использование МП в профессиональной деятельности возможно только вкупе с осмысленным постредактированием, которое подразделяется по своей глубине и качеству на два уровня – первичное и вторичное постредактирование, или в терминологии компании TAUS (Translation Automation User Society): «легкий» или «приемлемое качество» (good enough) и «полное» или «в соответствии с требованиями публикации» (publishable quality) [5]. Данные определения помогают установить четкие требования к конечному продукту. Эти же уровни постредактирования МП были включены в Международный стандарт по предоставлению переводческих услуг ISO 18587:2017 [6].

В процессе обучения постредактированию МП необходимо объяснить, что понятие «качество перевода» в МП не абсолютное, а относительное, что оно зависит от многих внешних факторов, таких как: цель перевода, конечный получатель, тип текста, тематика, а также от самого движка: был ли он предобучен, на каком материале, какого качества был материал? Следовательно, необходимо научить студентов следовать критериям, которым должны отвечать готовые продукты этих двух уровней. Так «приемлемое качество» итогового текста после постредактирования означает, что:

1. текст перевода точно передает смысл исходного текста, в нем отсутствуют случайные добавления или опущения;
2. текст перевода содержит грамматические и синтаксические ошибки, не нарушающие смысловое содержание исходного текста;
3. текст перевода нельзя назвать стилистически правильным;
4. текст перевода не содержит неприемлемого с точки зрения принимающей культуры контента.

«Готовый к публикации» текст после постредактирования соответствует следующим требованиям:

1. текст перевода читабелен, естественен и полностью понятен иноязычному получателю;
2. текст перевода точно передает смысл исходного текста, в нем отсутствуют случайные добавления или опущения;
3. текст перевода соответствует грамматической, синтаксической и стилистической нормам;
4. текст перевода оформлен с соблюдением правил орфографии и пунктуации.

Поскольку развитие МП связано, в первую очередь, с повышением производительности труда в переводческой сфере, то студенты уже в процессе обучения должны усвоить, что выполнение постредактирования должно быть максимально скоростным и эффективным. Соответственно, постредактор должен хорошо знать тематику и терминологию, чтобы уметь исправлять очевидные погрешности без обращения к исходному тексту, и только при анализе сомнительных фрагментов обращаться к исходному тексту.

Помимо этого, здесь также присутствует психологический аспект, который следует проработать с будущими переводчиками, так как переводчик-постредактор должен быть готовым к тому, что при «приемлемом качестве» он будет сдавать заказчику перевод, недоведенный до совершенства и содержащий ошибки, не влияющие на понимание текста, но не соответствующие литературной норме языка. При качестве «готовом к публикации» текст перевода будет отредактированным и доведенным до литературной нормы.

Наш многолетний преподавательский и переводческий опыт (в том числе и использования МП в письменном переводе, например на платформе SmartCat, хотя мы понимаем разницу в качестве работы кастомизированного движка и обычного стокового МП, который предлагается на этой платформе) позволил создать, опробовать и внедрить в процесс обучения собственную дидактическую модель, которая, конечно же, не претендует на полную завершенность и универсальность.

Впервые, студенты знакомятся с базовыми понятиями МП в 5 семестре бакалавриата образовательной программы «45.03.02 Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение», когда начинается блок профессионально-ориентированных дисциплин, в рамках курса «Информационный поиск в работе переводчика». На занятиях по этой дисциплине студенты получают лишь общее представление о принципах работы машинных переводчиков, корпусах текстов и им рекомендуется среди прочего обращаться к системам МП наряду с двуязычными словарями, как к отправной точке в процессе поиска нужного эквивалента.

В учебный план магистерской программы «45.04.02 Лингвистика», профиль «Теория и практика устного и письменного перевода» включены в 1 семестре дисциплина «Переводческие ресурсы, технологии, программы» и во 2 семестре дисциплина «Редактирование и постредактирование МП». На курсе «Переводческие ресурсы, технологии, программы» студенты знакомятся с различными переводческими инструментами и/или углубляют свои знания об их возможностях, функциях и эффективном использовании. В рамках одной из тем данного курса они изучают историю создания машинных переводчиков, начиная с Джорджтаунского эксперимента, когда была представлена первая система машинного перевода IBM Mark II, и прослеживают их развитие до наших дней. На занятиях обсуждаются различные типы систем машинного перевода, принципы их работы, функции и опции. В общем виде тестируются и сравниваются машинные переводчики, доступные в сети Интернет, выявляются и систематизируются наиболее частотные ошибки, допускаемые такими программами. Так, например, одно из заданий, по данной теме выглядит следующим образом: «Переведите текст с ИЯ на РЯ сначала при помощи автоматического переводчика PROMT (<https://www.translate.ru>), затем при помощи автоматического переводчика Google (<http://translate.google.ru>). Дайте сравнительный анализ полученных переводов, проведя

сопоставление на уровне предложения». Далее представлены тексты на изучаемых иностранных языках. Следует отметить, что глубокого разделения по тематике, типам текстов и изучаемым языкам в рамках дисциплины «Переводческие ресурсы, технологии, программы» не происходит.

В рамках курса «Редактирование и постредактирование МП» осуществляется более детальный подход при формировании навыков постредактирования МП. Прежде всего, студентам необходимо объяснить, что в рамках профессионального перевода система МП, как правило, это не *Яндекс.Переводчик* или Google Translate, но это движок, который может работать на любой из существующих на рынке платформ, но предобученный либо на материале заказчика, либо на собственном материале переводческого агентства, т.е. подготовленный к переводу в определенной предметной сфере, в отличие от общедоступных, у которых нет специализации. При этом приходится объяснять, что в рамках занятий нам придется все-таки работать с общедоступными движками МП, в силу очевидных причин, в первую очередь, финансовых. Но, даже используя общедоступные движки, есть возможность продемонстрировать студентам возможности и ограничения МП, объяснить причины этого и обучить основам постредактирования.

В первую очередь, был отобран релевантный учебный материал, позволяющий скоррелировать параметры текста (свободный/ модельный, жанр, предметная сфера) с качеством МП: потребительская инструкция, техническая инструкция к несложному инструменту, договор купли-продажи, научная статья по медицине как на русском языке, так и на изучаемом иностранном языке. Далее, были определены стоковые движки МП, которые будут использованы в процессе обучения: конечно же, это *Яндекс.Переводчик* и Google Translate, поскольку они очевидные лидеры среди стоковых ресурсов, а также такие платформы как SYSTRAN Translate (<https://www.systran.net/en/translate/>), DeepL Translator (<https://www.deepl.com/translator>), Microsoft Translator (<https://translator.microsoft.com/>) и PROMT

(<https://www.promt.ru/>). Выбор именно этих систем МП позволяет продемонстрировать зависимость качества МП от объема и широты предметной сферы использованных корпусов текстов. После этого был разработан алгоритм работы для студентов:

1. прочесть исходный текст и найти необходимую для понимания всех терминов информацию;

2. найти на языке перевода параллельный текст и составить глоссарий;

3. выполнить перевод исходного текста при помощи двух или трех различных движков;

4. выполнить постредактирование полученных переводов по критерию «приемлемое качество», зафиксировать время, потраченное на редактирование, и оценить рентабельность использования МП; сравнить качество перевода, использованных платформ, и составить классификацию выявленных ошибок;

5. выполнить постредактирование полученных переводов по критерию «качество для публикации», зафиксировать время, потраченное на редактирование, и оценить рентабельность использования МП; сравнить качество перевода, использованных платформ, и составить классификацию выявленных ошибок.

В качестве итогового задания студентам предлагается ответить на вопросы, позволяющие обобщить и систематизировать полученную информацию:

1. на каких текстах было получено оптимальное качество при использовании МП и почему;

2. какая или какие из систем МП показали оптимальное качество и почему?

3. какие ошибки являются общими для всех систем МП и почему? какие, напротив, характерны для каждой из систем и почему?

4. насколько рентабельно применение стоковых систем МП в профессиональном переводе?

Таким образом, предлагаемая модель позволяет не только научить студентов осознанно и рационально использовать стоковые МП, но и помочь им быть готовыми к новой ситуации на рынке труда. Как отмечает известный футуролог Рэй Курцвейл, технологии не заменяют целые сферы человеческой деятельности, напротив, в большинстве случаев они стимулируют их развитие и делают мир лучше и интереснее [7].

Список литературы

1. *Королькова С. А., Новожилова А. А.* Эффективность систем машинного перевода в урбанистическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 87–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.8>
2. Study of the European language. – 2018. – URL: <https://euatc.org/industry-surveys/2018-european-language-survey-results-announced/> (дата обращения: 05.01.2021).
3. *Loock R.* Using electronic corpora by professional translators: When? How? What for? // ILCEA. – 2016. – № 27. – DOI: <https://doi.org/10.4000/ilcea.3835> – URL: <http://journals.openedition.org/ilcea/3835> (дата обращения: 05.01.2021).
4. *Меняйлова М.* Машинный перевод: глобализация, коронавирус или почему мы все еще сомневаемся? – 2020. – URL: <https://www.toptr.ru/library/translation-as-service/mashinnyij-perevod-globalizaciya,-koronavirus-ili-pochemu-my-i-vse-eshhe-somnevaemsya.html> (дата обращения: 10.01.2021).
5. TAUS. Machine Translation Post-editing Guidelines. – 2010. – URL: <https://www.taus.net/think-tank/best-practices/postedit-best-practices/machine-translation-post-editing-guidelines> (date of access: 05.03.2022).
6. International Standard on Translation Services ISO 18587:2017. – URL: https://standartgost.ru/g/ISO_18587:2017 (date of access: 3.03.2022).

7. *Thompson N.* Ray Kurzweil on Turing Tests, Brain Extenders, and AI Ethics. – 2017. – URL: <https://www.wired.com/story/ray-kurzweil-on-turing-tests-brain-extend-ers-and-ai-ethics/> (date of access: 04.02.2020).

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Кучкина Анна Станиславовна,
Московский городской педагогический университет,
город Москва, 129226, 2-й Сельскохозяйственный
проезд, дом 4 корпус 1,
info@mgpu.ru*

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению стилистико-прагматических функций отрицания и языковых средств выражения данной категории в культурологической, переводческой и дидактической перспективе. В статье описываются способы передачи отрицательных конструкций, к которым прибегают переводчики при работе с художественной литературой, и которым следует обучать студентов языковых специальностей. В качестве анализируемого языкового материала используются произведения британских писателей Б. Ансуорт *Morality Play* [1] и Б. Бейнбридж *Master Georgie* [2] и их русскоязычные переводы Б. Ансуорт *Моралите* [3] и Б. Бейнбридж *Мастер Джорджи* [4].

Ключевые слова: отрицание; отрицательные конструкции; маркеры отрицания; экспрессивность.

NEGATIVE CONSTRUCTIONS AS A TRANSLATION DIFFICULTY: TEACHING STRATEGIES OF RENDERING NEGATIONS

*Kuchkina A.S.,
MCU, Moscow*

Abstract. The paper outlines some peculiarities of the English language concerning the use of explicit and implicit forms of

negation that may prove to be a translation difficulty as well as their stylistic and pragmatic functions. The author focuses on different types of negations frequently used in Russian and English languages in order to offer workable approaches to rendering English negative constructions into Russian on the example of modern-day British literature.

Keywords: negation, negative constructions, translation difficulty, expressive means.

Отрицание определяется как одна из свойственных многим языкам мира базовых, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы [5]. Проявляемый лингвистами интерес к проблеме отрицания объясняется многими причинами, одна из которых заключается в универсальности данной категории. Среди других причин можно выделить, с одной стороны, ее многоаспектность, трудность разграничения категории отрицания и других категорий (таких как, например, категория субъективной модальности); с другой стороны, потенциальные возможности отрицания, актуализуемые в процессе коммуникации [6]. Являясь одной из фундаментальных и универсальных категорий языка, отрицание рассматривается как в логико-философском ключе, так и с психологических, культурологических и чисто лингвистических позиций.

Как представляется, в настоящее время к специалистам в разных областях, в том числе в области преподавания теории и практики перевода, выдвигаются строгие профессиональные требования (например, определение стратегии перевода в соответствии с особенностями коммуникации и целью перевода, сохранение коммуникативной цели и стилистики исходного сообщения, использование коммуникативных техник, принятых в родной и иноязычных культурах, ситуативное применение знаний культурно-коммуникативных особенностей, позволяющих

преодолеть влияние стереотипов во время контакта с представителями различных культур и т.д.) [7], в связи с чем будущим преподавателям и переводчикам необходимо обладать множественными компетенциями и комплексными знаниями. Кроме того, обучение языку отходит от доминирования лингвистического аспекта и переходит в лингвокультурную парадигму, в рамках которой язык рассматривается как отражение культуры говорящей на данном языке этнической общности. Именно поэтому одной из актуальных проблем в сфере современного образования является ознакомление будущих специалистов как с лингвистическими, так и с экстралингвистическими средствами выражения смыслов с учетом их культурного аспекта. Одной из категорий, при изучении которой многие студенты сталкиваются с трудностями, представляется категория отрицания [8].

Таким образом, актуальность предпринятого исследования определяется, во-первых, потребностью международного сообщества в оптимизации моделей межкультурной коммуникации, в рамках которой по-прежнему возникает недопонимание, обусловленное неучетом межкультурных различий между коммуникантами, и, во-вторых, необходимостью формирования и актуализации лингвокультурной компетенции учащихся в рамках дисциплин лингвистического цикла, включая теорию и практику перевода. Различия в грамматическом строе английского и русского языков и культурно-опосредованных правил коммуникации диктует необходимость постоянно прибегать к определенным трансформациям при переводе текстов английского языка средствами русского языка и наоборот, поскольку во многих случаях конструкции, функционирующие в исходном языке, могут отсутствовать или не соответствовать структурам языка-реципиента, используемым регистрам общения, ожиданиям носителей языка. В частности, хорошо известно, что трудность для перевода представляют частотно употребляемые в русском языке конструкции типа «множественное отрицание» (ср. *Изображено это*

было превосходно, но **никто ничего не сказал и не засмеялся**), так как высказывания с больше чем одним отрицанием в целом не характерны для английского языка. Кроме того, отличается место отрицания в предложении – в русском языке отрицание ставится перед релативным компонентом, в то время как в английском языке отрицательная частица используется при глаголе [9]. Более того, частотность отрицаний (по крайней мере эксплицитных) в английском языке значительно ниже, чем в русском (разница наиболее очевидна в письменном типе речи и формальных регистрах), в связи с чем передача отрицательных конструкций может представлять переводческую трудность.

Отрицание в лингвистике понимается как слово или морфема, заключающие в себе значение, противоположности утверждаемому [10]; понимается как слово или аффикс, указывающие на отсутствие предмета, качественных признаков предмета, действий или состояний, а также как слово-предложение, выражающее несогласие с высказыванием [11].

Различные типы отрицательных конструкций (высказываний с отрицанием) достаточно часто встречаются в английских текстах художественного стиля. При этом способы выражения отрицания представляется возможным разделить по уровням языка: лексический, морфологический и синтаксический. На каждом из представленных уровней отрицание может быть выражено как эксплицитно (т.е. явно, открыто, конкретно), так и имплицитно (т.е. неявно, скрыто) [12].

В первоначальной выборке предложения были разделены на общеотрицательные (с отрицанием при предикате) и частично отрицательные (с положительным сказуемым, но с отрицанием при другом члене предложения) [13], далее в каждом блоке отмечались эксплицитные и имплицитные отрицания на различных уровнях языка. Обратимся к **эксплицитным способам выражения отрицания**, отмеченным в исследуемом языковом материале. Как представляется, английские эксплицитные отрицательные конструкции с отрицанием **на**

синтаксическом уровне (при сказуемом) в большинстве случаев передаются на русский язык также эксплицитными средствами. Основным переводческим приемом является нулевая трансформация, т.е. частица *not* при предикате в английском языке передается на русский язык отрицательной частицей *не* при предикате. При этом изменение типа отрицания не наблюдается. Ср.: *I was twelve years old the first time Master Georgie ordered me to stand stock still and not blink.* – Мне двенадцать было, когда мастер Джорджи мне в первый раз приказал замереть и **не мигать**. / *Having stumbled on a death I could not simply walk away.* – Столкнувшись со смертью, я **не мог** просто взять и уйти. / *But I did not move because with his words an idea had come to me.* – Но я **не пошевелился**, потому что его слова натолкнули меня на мысль.

Между тем, в некоторых случаях был отмечен прием антонимического перевода, а также использование двойного отрицания в русском предложении в случаях, когда английское отрицание явным образом является средством повышения экспрессии контекста. Ср.: *They wore pieces of clothing that were strange and ill-assorted and seemed not to belong to them.* – Одежда на них была странная, с борю по сосенке и **словно бы с чужого плеча**. / *Mr. Hardy didn't have to be told to keep still because he was dead.* – Мистеру Харди **никто не приказывал** замереть, он и так был мертвый.

Тем не менее, подобные переводческие трансформации в случае с общеотрицательными высказываниями представляются менее частотными.

Следующим по частотности употребления отрицательных структур является морфологический уровень, на котором выделялись единицы с отрицательными аффиксами. В целом при переводе данных единиц не наблюдается изменения типа отрицания – в русском предложении сохраняется приставка с отрицательным значением. Ср.: *I was offended by this disrespect but then bethought me of the figure I must cut, with my threadbare*

cassock and rag-haired pate. – Меня обидело такое **неуважение**, но я потом вспомнил, как, наверное, выгляжу в моей ветхой сутане и с теменем в вихрах.

В ряде случаев было отмечено изменение языкового уровня, но оно опосредовано сменой типа предиката – предикат состояния в переводе заменяется предикатом действия [8] ср.: *I was **unwilling** to interrupt at such a moment.* – **И не хотел тревожить вас в такую минуту.**

В качестве эксплицитной формы отрицания на **лексическом уровне** частотно используется частица *no*, стоящая перед именной группой. Первым возможным способом передачи английских предложений с данной единицей является лексико-грамматическая замена, когда в русском языке употребляется частица *не* с глаголом, т.е. отрицание переходит на предикат (частично отрицательное предложение становится общеотрицательным). Ср.: *Later I was to wonder why I saw **no** danger in this zealot's face of his, but my divining soul was lost in the fear of the moment.* – **Позднее я не мог понять, почему не углядел опасности в этом лице, лице фанатика, но в ту минуту страх парализовал мою пророческую душу.**

Для эксплицитных отрицаний на лексическом уровне (слова *no, nothing, nobody, never, nowhere* и т.д.) были выделены достаточно частотные примеры использования в русском предложении множественного отрицания, ср.: *'I meant **no** harm,' I said.* – **Я никакого зла не замышлял, — сказал я.** / *'There is **no** one with me,' I said.* – **Со мной никого нет, — добавил я.** / *I am only a poor scholar, open-breeched to the winds of heaven as people say, with **nothing** but Latin to recommend me, but I am young and well favoured though short of stature, and women have looked at me sometimes.* – **Я ведь только бедный школяр со штанами, открытыми ветрам небесным, как говорят люди, и не могу ничем похвастать, кроме латыни, но я молод, хорошо сложен, хотя ростом коротковат, и женщины порой на меня заглядывались.**

В качестве **имплицитных способов выражения отрицания** на **синтаксическом уровне** были выделены отрицательные предлоги и союзы, наиболее распространенным из которых представляется предлог *without*, который может передаваться на русский язык через сочетание частицы *не* с деепричастием. Следует отметить, что данный прием используется в тех случаях, когда в английском предложении после лексемы *without* употребляется герундий. Таким образом, наблюдается изменение типа отрицания (английская имплицитная форма заменяется русской эксплицитной). Ср.: *If I had kept to the road I would have passed by **without** seeing them.* – *Если бы я держался большака, то прошел бы мимо, **не заметив** их.*

Если в английских предложениях единица *without* употребляется с существительным, то на русский язык в основном переводится с помощью отрицательного предлога *без*. Ср.: *I was of no account to them because I had come through the trees like a thief, they knew me for a fugitive, outside the limits of my diocese **without** permission.* – *Я для них ничего не значил, потому что появился из-за деревьев, как тать, и они поняли, что я беглец, **без разрешения** покинувший пределы своей епархии.* / *'You came at a bad time,' he said in a tone **without** animosity.* – *Ты пришел в плохое время, — сказал он **без** всякой враждебности.*

К **лексическим** отрицательным элементам были отнесены слова с отрицательной семантикой: *to fail, to be single, to be reluctant* и др. Как представляется, наиболее частотно при переводе данных единиц в русском высказывании используется частица *не* при предикате. При этом наблюдается изменение типа отрицания (английская имплицитная форма заменяется русской эксплицитной), а также языкового уровня (отрицательная форма на лексическом уровне заменяется отрицанием на синтаксическом уровне в русском предложении). Ср.: *It was a Saturday, the feast of the Assumption, and **to stop** my eyelids from fluttering I pretended God would strike me blind if I let them, which is why I ended up looking so startled.* – *День был*

субботний, праздник, Успенье, и чтобы вдруг не затрепыхались веки, я воображала, что, если сморгну, Господь меня поразит слепотой, вот почему у меня получился такой запуганный вид.

В процессе изучения проблемы работы были определены наиболее распространенные способы перевода отрицания и отрицательных структур английского языка средствами русского языка. В результате проведения сравнительно-сопоставительного анализа англоязычных и русскоязычных контекстов было установлено, что эксплицитные отрицательные конструкции английского языка на синтаксическом, морфологическом и лексическом уровне передаются на русский язык эксплицитными средствами, т.е. изменения типа отрицания при переводе не наблюдается. Между тем было отмечено, что при передаче данных структур на русский язык частотно наблюдаются случаи использования множественного отрицания (особенно в случаях эксплицитных отрицаний на лексическом уровне). Отдельно были выделены примеры употребления имплицитных форм выражения отрицания в английском предложении. Отметим, что при переводе данных единиц наблюдается изменение типа отрицания – английская имплицитная форма заменяется русской эксплицитной, что объясняется высокой частотностью эксплицитных отрицательных структур в русском языке. Таким образом, категория отрицания несет в себе этноспецифические черты конкретного языка и культуры, и потому способы ее выражения в структуре русского предложения и английского предложения отличаются, что необходимо учитывать при переводе текстов художественного стиля и обучении переводу текстов других функциональных стилей.

Список литературы

1. *Unsworth B. Morality Play* / B. Unsworth. – London: Penguin Books, 1995. – 208 p.
2. *Bainbridge B. Master Georgie* / B. Bainbridge. – Publisher : Thorndike Press, 1999. – 190 p.

3. *Ансуорт Б.* Моралите / Б. Ансуорт. – М. : АСТ, 2004. – 240 с.
4. *Бейнбридж Б.* Мастер Джорджи / Б. Бейнбридж. – М. : Иностранка, 2000. – 190 с.
5. Большой энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая Рос. энцикл., 1997, 1999, 2001, 2004. – 1456 с. : ил.
6. *Стойкова М. И.* Семантика и функционирование категории отрицания, выраженной формальным показателем *He* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / : Стойкова Милена Ивановна ; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 2001. – 126 с.
7. Профессиональный стандарт : 04.015. Специалист в области перевода. / Культура, искусство. – М. : Изд-во стандартов, 2021.
8. *Мотов С. В.* Формирование лингвокультурной компетентности специалиста- филолога на примере категории отрицания в английском языке / С. В. Мотов // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста. – 2018. – С. 85-88.
9. Стилистические аспекты перевода : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова [и др]. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 176 с.
10. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Высшая школа, 1993. – 944 с. : ил.
11. Большая советская энциклопедия / ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1969-1978. : ил.
12. *Нурғалина Х. Б.* Языковые средства выражения отрицания в английском языке / Х. Б. Нурғалина, З. Р. Ямлихина // Научный альманах. –2017. – №1-1(27). – С. 358-360.
13. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М. : Прогресс, 1956. – 386 с.

**ТВОРЧЕСТВО В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЮМОРА В СЕРИАЛЕ «ТЕД ЛАССО»)**

*Леонова Анна Константиновна,
Московский городской педагогический университет,
Москва, 129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4,
a.k.leonova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблематике перевода и творчества в переводе. Представлены данные анализа реплик с юмористическим эффектом в комедийном сериале в оригинале и дубляже, а также творческой деятельности при переводе комических отрывков. В качестве материала выступает современный комедийный сериал «Тед Лассо»

Ключевые слова: перевод; творчество; юмор, потери при переводе

**CREATIVITY IN THE ORIGINAL TEXT
AND TRANSLATION
(EVIDENCE FROM THE SERIES “TED LASSO”)**

*Leonova Anna Konstantinovna,
Moscow City University, 4 Vtoroy Selskhozajstvenny
proezd, Moscow 129226, Russian Federation,
a.k.leonova@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the problem of translation and creativity. This article presents some data on the analysis of lines with a humorous effect in a comedy series in the original and dubbed versions, as well as creative activity in translation of comic fragments. The research is based on the material of the modern TV comedy series "Ted Lasso".

Keywords: translation; creativity; humour; translation loss.

Процесс перевода, особенно когда речь заходит об актуальном материале -аудиовизуальном тексте, вызывает неподдельный интерес. Еще более удивительным кажется поиск переводчиком эквивалентов, если стоит задача передать не только смысл, но и встречающийся в тексте юмор. Рассмотрение вопроса о творческом начале при переводе юмора и стало целью данной статьи.

В качестве источника материала выступил первый сезон комедийного сериала «Тед Лассо», включающий в себя 10 эпизодов, каждый из которых длится около 30 минут. Выбор был обусловлен актуальностью и новизной сериала, а также его общей тематикой (спорт и культурные особенности Англии и США), что в ряде случаев делает выбор переводческих решений весьма креативным.

Основными методами в работе послужили: метод сплошной выборки, метод классификации, метод сопоставительного анализа и ряд других.

Несмотря на наличие большого количества персонажей, для конкретного исследования мы остановили свой выбор на главном герое – тренере футбольной команды, которого зовут Тед Лассо. В общей сложности было проанализировано 186 примеров комических реплик с 1 по 10 эпизоды в оригинальной озвучке и официальном дубляже. Распределение примеров по сезонам представлено в Таблице 1. ниже.

Таблица 1

**Количество проанализированных примеров в сериале
“Тед Лассо”**

Эпизод сериала «Тед Лассо»	Количество примеров
1	17
2	24
3	24
4	17

5	15
6	11
7	9
8	25
9	23
10	21

Для удобства анализа полученного материала была составлена сопоставительная таблица, пример которой представлена ниже.

Таблица 2

Пример сопоставительной таблицы с юмористическими репликами Теда Лассо

оригинал	перевод
At first, I was thinking about not sleeping, then I was thinking about thinking about not sleeping	Сначала я думал о том, что не сплю, потом думал о том, что думаю, что не сплю
Coach, I got a feeling we're not in Kansas anymore, right?	Похоже мы с тобой больше не в Канзасе, да?
How about I go ahead and address the larger-than-average elephant in the room	Пожалуй, давайте сразу обсудим то, что вас всех интересует
You could fill two internets with what I don't know about football	Вы можете без конца говорить о том, что я ничего не знаю о футболе
Go ahead, get some sugar in your system	Смелей, побалуйте себя сладким

Юмор в целом очень сложное понятие. Оно объясняется разными исследователями по-разному, в “Толковом словаре русского языка” [1] дается термин “Незловивая насмешка, добродушный смех; проникнутое таким настроением отношение к чему-н. (к чьим-н. недостаткам, слабостям,

к злключениям и т. п.)”, в словаре “Психология” под редакцией А. В. Петровского приведено определение “Интеллектуальная способность подмечать в явлениях их комичные, смешные стороны. Чувство юмора связано с умением субъекта обнаруживать противоречия в окружающем мире” [2]. Но поскольку терминологическая работа не являлась целью нашей работы, в качестве основного определения мы традиционно принимаем «Изображение в художественном произведении каких-л. явлений действительности в комическом, смешном виде» [3].

Переходя непосредственно к творческой составляющей процесса перевода, нужно отметить, что эта проблематика поднималась уже неоднократно. Творчеством в переводе занимались такие исследователи, как Гарбовский Н.К. [2010] [4], Карпухина В.Н. [2012] [5], Убоженко И.В. [2016] [6], Абаева Е.С. [2017] [7] и многие другие.

Сам термин «творчество» в различных словарях дефинируется по-разному, например, в «Философском энциклопедическом словаре» [8], приведено такое определение: «деятельность, порождающая нечто новое, никогда ранее не бывшее». В «Новейшем философском словаре» [9] творчество объясняется, как «высшая форма универсально понимаемой креативности», а в «Словаре практического психолога» [10] дефиниция следующая: «<...> Деятельность, результат коей – создание новых материальных и духовных ценностей <...>». Однако во всех определениях можно выявить схожие черты – креативность, порождение нового, не существовавшего ранее, подчеркивается процесс «создания», и в целом «творчество» выявляется и как вид деятельности, и как качественная характеристика человека.

В контексте переводческой деятельности известна цитата: «Переводчик от творца только что именем разнится» [11]. В целом творческий характер перевода как процесса может быть объяснен асимметричностью текста перевода относительно текста оригинала, так как ни на одном из уровней

языка не существует однозначных соответствий в оригинале и переводе и поиск решений является творчеством. При переводе юмора творчество проявляется, по мнению Абаевой Е.С., «в открытии нового, в нахождении неуловимых взаимосвязей между на первый взгляд разными вещами, в том, чтобы увидеть многообразие вариантов (чтобы было из чего выбирать)» [7].

Если проанализировать сохранение юмора в переводе рассматриваемого текста, то можно сказать, что большая часть реплик была переведена адекватно: только 24 из 186 реплик оказались неудачными. Но следует отметить, что в 28 репликах произошла смена юмора. Данные представлены на диаграмме ниже (Рис.1).

Юмористические реплики Теда Лассо

Рис 1. «Качественная оценка перевода юмористических реплик Теда Лассо»

Переводческая неудача, которая в нашем случае фиксировалась, если шутка не сохранялась, чаще всего была обусловлена такими факторами:

1) прямой перевод игры слов, каламбуров, фразеологизмов,

2) неверная адаптация отрывка.

Далее обратимся к примерам, продемонстрировав важность творческого начала при переводе юмора.

Одной из самых сложных ситуаций является наличие культурных элементов в качестве базы для создания юмора. Так, в третьей серии встречается следующий отрывок:

(1) Оригинал: *C'mon you can't catch me, I'm a gingerbread man! ...*

Перевод: *Вам меня не догнать, у меня сапоги-скороходы! ...*

Как видно, для достижения юмористического эффекта, переводчику необходимо прибегать к стратегии доместикации для того, чтобы русскоговорящий слушатель мог понять, в чем заключается юмор. В данном случае юмористический эффект строится на использовании в речи героя упоминания сказочного элемента *gingerbread man* (a gingerbread biscuit in the shape of a person [13]), которого никто не мог поймать. Переводчику необходимо найти эквивалент в русском языке. Важно отметить, что переводчик не стал обращаться к прямому эквиваленту – *gingerbread man* / колобок, поскольку нужная ассоциация скорее всего не появится у русскоговорящего зрителя, а использовал другой сказочный предмет, сохраняющий сему «скорость». Творчество в данном случае, помимо явной новизны, проявляется в умении переводчика увидеть нужный компонент смысла и выбрать нужный вариант из перечня возможных.

Но культурная асимметрия часто сопутствует переводческой неудаче. Так, например, во втором эпизоде главный персонаж рассказывает про свой завтрак:

(2) Оригинал: *I just had one piece of cereal and I'm pretty stuffed.*

Перевод: *Нет, я только что съел кусок чего-то, сыт по горло.*

“Cereal” переводится как «мюсли, сухой завтрак», однако в британском варианте английского языка это слово чаще относится к батончикам, тогда как в американском так чаще называют сухие завтраки. При переводе невозможно сохранить игру на полисемии, и переводчик прибегает к иному решению проблемы: меняет языковые эквиваленты на обобщающее слово «чего-то», выделяя тем самым сему «неопределенность». Юмор, на наш взгляд, несколько угасает.

В следующем примере переводчик прекрасно справляется с языковой асимметрией, которая также может служить препятствием при переводе.

(3) Оригинал: *What's going on, I thought you ran track in school or something.*

Перевод: *В чем дело, ты в школе совсем не бежал на физкультуре?*

В этом случае языковая асимметрия проявляется на лексическом уровне. Выражение “ran track” означает «заниматься легкой атлетикой» (См.: “track – a sport in which people compete with each other by running a race on a specially prepared circular path” [12]). Чтобы сделать акцент на удивлении героя и усилить юмористический эффект, переводчик не прибегает к логичному эквиваленту «был в команде по легкой атлетике» (который также является более громоздким), а подбирает понятный русскоязычному человеку аналог, снова формально прибегая к стратегии доместикации. Творчество здесь также проявляется в умении увидеть все многообразие возможных вариантов.

В качестве еще одного примера, в котором не последнюю роль играет языковая асимметрия, можно предложить такой отрывок:

(4) Оригинал: *Coach, you are a sponge.*

Перевод: *Умнеешь на глазах.*

На первый взгляд, не совсем понятно, как переводчик пришел к такому варианту. “Sponge” по основному значению - “a substance that is full of holes, soft when wet, and able to absorb a lot of liquid, used for washing and cleaning” [12]. Но в контексте раскрывается значение «быстро впитывать информацию». Это, в частности, подтверждается данными словаря UrbanDictionary, в котором можно найти такое значение: “A person who is of extreme (but very varied almost to the point of inability to use it) intelligence” [14]. Как мы видим, переводчик использовал множественные трансформации для сохранения юмористического компонента.

В следующем примере сложность представляет рифма, с помощью которой и создается юмор:

(5) Оригинал: *Nate the Great! He’s gonna be my date. And for obvious reasons we’d love to be at table eight!*

Перевод: *Великого Нейта! У нас с ним свидание. По очевидным причинам нам нужен 8 столик.*

К сожалению, в переводе теряется не только юмор, но и логика высказывания.

В качестве удачного перевода, когда переводчик применил творческий подход, приведем еще один пример:

(6) Оригинал: *Go ahead, get some sugar in your system.*

Перевод: *Смелей, побалуйте себя сладким.*

Как мы увидели, перевод юмора является непростой задачей, определенно имеющей творческое начало. Поскольку одним из важнейших характеристик творчества является «новизна», а при переводе юмора умение видеть неуловимые взаимосвязи, то, видимо, отказ от традиционных решений/эквивалентов может стать решением проблемы.

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка : в 4 т / под ред. Д. Н. Ушакова. // М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935-1940.
2. Психология. Словарь под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. // М.: Политиздат, 1990.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. // М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
4. *Гарбовский Н. К.* Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 3. С. 4-16.
5. *Карпухина В. Н.* Аксиологический аспект исследования перевода как творческого процесса // Филология и человек. 2012. № 1. С. 116-126.
6. *Убоженко И. В.* О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 122-141.
7. *Абаева Е.С.* Перевод отрывков с юмористическим эффектом как творческая деятельность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 73–77.
8. Философский энциклопедический словарь. // М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983
9. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. // Минск : Интерпрессервис : Кн. Дом, 2001. – 1279 с.
10. Словарь практического психолога. – М.: АСТ, Харвест. С. Ю. Головин, 1998
11. Русские писатели о переводе (XVIII–XX вв.). // Ленинград: Советский писатель, 1960.

12. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com/>.
13. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com/>.

ДИСКУРСОЛОГИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКА

*Митягина Вера Александровна,
профессор, доктор филологических наук,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград 400062, проспект Университетский, 100,
mityagina@volsu.ru*

Аннотация. В статье определены место и роль положений теории дискурса в подготовке переводчика посредством их проекции на компетентностные требования ФГОС 3++ и рамочные детерминанты профессионального стандарта специалиста по переводу. Рассмотрены коммуникативно-прагматические, форматно-жанровые и языковые категории дискурса и их место в профессиональной компетентности переводчика, который выполняет роль агента дискурса.

Ключевые слова: дискурсология, категории дискурса, компетенция, трудовая функция, переводческий поворот.

DISCOURSE STUDIES IN THEORETICAL TRAINING OF TRANSLATORS

*Mityagina Vera A.,
Professor, Doctor in Philology,
Volgograd State University, Volgograd 400062,
prospekt Universitetskiy, 100, mityagina@volsu.ru*

Abstract. The article defines the place and role of discourse theory provisions in translators training in relation to competence requirements of the Federal State Educational Standard 3++ and framework determinants of the professional standard for translators. The author considers communicative and pragmatic, format and genre, and linguistic categories of discourse and their

place in translator's professional competence, who acts as a discourse agent.

Keywords: discourse studies, categories of discourse, competence, labour function, translation turn.

Дискурс как коммуникативное пространство заданной сферы деятельности очень предметно связан с профессиональной деятельностью переводчика. Исследование разных типов и видов дискурса, отдельных дискурсивных феноменов стало инициальным для осмысления важных для обеспечения коммуникации факторов, а переводоведческая парадигма получила дополнительные аналитические инструменты для изучения значимых аспектов перевода.

Логика развития науки о переводе в коммуникативно-прагматическом направлении, новый ракурс осмысления составляющих переводческого процесса в русле функциональной теории перевода, безусловно, совпали, «срезонировали» с дискурсологией как одним из самых значимых направлений современного лингвистического знания.

Переводчик характеризуется как агент дискурса [1], поскольку его деятельность максимально связана с учетом и реализацией значимых параметров и категорий дискурса как социокоммуникативного процесса: вид дискурса, ситуационные контексты взаимодействия, участники, цель, тема, основные концепты, хронотоп, жанровая система, функция текста, когерентность текста и средства её обеспечения, стратегии и языковые средства их реализации.

Отметим, что во многих работах по дидактике перевода предпринимаются успешные и эффективные попытки применения технологии дискурсивных исследований к моделированию комплекса дискурсивных умений как составляющей коммуникативной компетенции переводчика [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Фокусное исследование Л.П. Тарнаевой [7], посвященное использованию дискурс-анализа в идентификации, выяв-

лении роли дискурсивных формул в конструировании дискурса на языке исходного и переводного текстов, предлагает весьма удачный вариант упражнения, ориентированного на оптимизацию знаний и умений переводчика в заданной сфере профессиональной коммуникации.

На актуальном этапе формирования требований к уровню подготовки специалиста взаимодополняющими условиями являются стремление получить «универсального солдата», с одной стороны, и мечта об «узких» специализациях переводчиков, с другой стороны. Представляется необходимым предпринять проекцию определяющих для дидактики перевода компетенций, детерминированных ФГОС 3++ [8; 9] и профессиональным стандартом «Специалист в области перевода» [10] на положения теории дискурса, которые эвристичны для теоретической подготовки переводчика. Обратим внимание на осмысление коммуникативно-прагматических, жанрово-форматных и языковых характеристик дискурса в координатах компетенций и профессиональных функций специалиста в области перевода.

Коммуникативно-прагматические компетенции и функции специалиста стали важной частью всех ФГОС, являются универсальными в подготовке как бакалавров, так и магистров, их значимость определяется большой востребованностью готовности специалиста к общению, которая является основой для умения быть частью команды.

Бакалавриат:

УК-4 Способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах).

Магистратура:

УК-4. Способность применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия.

В профстандарте «горизонт ожидания» данных составляющих подготовки специалиста эксплицирован, прежде всего, в части необходимых умений в таких формулировках, как «использовать коммуникативные техники, принятые в родной и иноязычных культурах», «сохранять коммуникативную цель исходного сообщения».

Какие положения дискурсологии представляется логичным акцентировать в курсах бакалавриата и магистратуры (например, теории и методики перевода, технологии межкультурной деловой коммуникации, теории и практики дискурса и других аналогичных дисциплин)?

Укажем на важное, ставшее поистине обязательным в теоретической компетентности лингвиста понимание дискурса как речи, «погруженной в жизнь» [11], как речевой практики, «интерактивной деятельности участников общения, установления и поддержания контакта, эмоционального и информационного обмена, оказания воздействия друг на друга, переплетения моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [12, с. 5]. Осмысление переводческих действий в заданном ракурсе позволяет адекватно выбирать стратегию перевода и технологические решения.

Таким образом переводчик реализует компетенции, необходимые для «переводческого переворота в гуманитарной исследовательской парадигме», который, по мнению немецкого культуролога Дорис Бахманн-Медик, как «важнейшая аналитическая категория и необходимая характеристика социального действия как такового», а перевод оказывается «категорией, чувствительной к разладам и трениям глобального мира (и одновременно ответственной за них), облегчающей микроанализ конфликтных взаимодействий между этносами, странами, классами, гендерными позициями и формами правления» [13]. Согласимся с данной точкой зрения, потому что профессиональная подготовка с установками такого плана содействует преумножению переводоведческого знания как

«противовеса» до сих пор актуальной позитивистской концепции прогресса, которая сформировала понимание асимметрии культур и развитие соответствующих исследовательских традиций...перевод, обеспечивающий глобализацию, «запрограммирован» на преодоление культурных кодов, но объектом исследования в данном контексте они стали сравнительно недавно» [14, с. 16–17].

Жанрово-форматные, текстологические компетенции и функции специалиста:

Бакалавриат:

ОПК-3. Способность порождать и понимать устные и письменные тексты на изучаемом иностранном языке применительно к основным функциональным стилям в официальной и неофициальной сферах общения;

ОПК-4. Способность осуществлять межъязыковое и межкультурное взаимодействие в устной и письменной формах как в общей, так и профессиональной сферах общения.

Магистратура:

ОПК-2. Способен учитывать в практической деятельности специфику иноязычной научной картины мира и научного дискурса в русском и изучаемом иностранном языках;

ОПК-4. Способен создавать и понимать речевые произведения на изучаемом иностранном языке в устной и письменной формах применительно к официальному, нейтральному и неофициальному регистрам общения.

Профстандарт:

Трудовая функция: письменный перевод типовых официально-деловых документов.

Трудовые действия: определение типа исходного текста и его жанровой принадлежности, поиск аналогичных текстов по заданной тематике и (или) шаблонов.

Необходимые умения: выполнять предпереводческий анализ исходного текста, выполнять постпереводческий анализ текста.

Обратим внимание на большее количество компетенций, связанных с работой с текстами, а также их общепрофессиональный характер: в данной части дискурсологической ориентированности справедливым является вывод Н.Н. Гавриленко относительно компетентного подхода к дидактике переводческой деятельности, который «по своей сути является междисциплинарным и характеризуется личностным, деятельностным и социокультурным аспектами, что позволяет сформировать у будущего переводчика профессиональную компетентность» [15, с. 82].

Употребление в текстах ФГОС и профстандарта очень дискурсологических понятий «научный дискурс», «сфера общения», «регистр общения», «жанровая принадлежность», «текст» отражает дидактическую задачу сформировать комплекс знаний, умений и навыков, связанных с концептуализацией, «продуцированием», функционированием, анализом текста. Текст как статичный коммуникативный знак должен быть рассмотрен, таким образом, как результат динамического процесса порождения дискурса «в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [16].

Языковые компетенции и функции специалиста:

Бакалавриат:

ОПК-1. Способен применять систему лингвистических знаний об основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлениях, орфографии и пунктуации, о закономерностях функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностях;

Магистратура:

ОПК-1. Способен применять систему теоретических и эмпирических знаний о функционировании системы изучаемого иностранного языка и тенденциях ее развития, учитывать ценности и представления, присущие культуре стран изучаемого иностранного языка.

Профстандарт:

Трудовая функция: Устный последовательный перевод.

Трудовые действия: Составление локального тематического словаря

Необходимые знания: Терминология предметной области перевода

Трудовая функция: Письменный перевод (в том числе с использованием специализированных инструментальных средств)

Трудовые действия: Предпереводческий анализ исходного текста и переводческого задания

Необходимые знания: Терминология предметной области перевода.

Знание терминологии предписано профстандартом и для осуществления синхронного перевода, и для трудовой функции «редакционно-технический контроль перевода». Терминосистемы как никакая другая часть лексического состава языка имеют дискурсивную обусловленность, поэтому присутствие в нескольких позициях «необходимых знаний» номинаций «терминология предметной области перевода» и «специальная профессиональная лексика» определяет обязательность понимания логики и закономерностей типологии дискурсов как эффективного дедуктивного знания переводчика.

Наряду с этим подчеркнем эвристичность понимания специалистом в области перевода феноменов интердискурсивности и гибридности дискурсов, которые подчинены целям заданной сферы деятельности. Размывание границ дискурсов, как и расширение объема значений терминов, связано с увеличением коммуникативных контекстов, и их общность обеспечивает участникам коммуникации определенный комфорт «узнавания» и использования знакомых и уже освоенных языковых средств.

Список значимых «полезностей» дискурсологии как междисциплинарного, но, прежде всего, лингвистического

проекта для теоретической подготовки переводчика, формирования системного и критического мышления специалиста сможет быть продолжен. Выделенные в данной статье проекции представляются пунктирной линией для разработки фундаментированного комплекса теоретических модулей подготовки специалиста в области перевода, который мог бы дать глобальный ответ на вызовы высшего профессионального образования эпохи 4.0.

Список литературы

1. Переводчик XXI века – агент дискурса : колл. монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 280 с.
2. Новикова Э. Ю. Дискурсивная личность переводчика: переводческие компетенции и ролевой портрет // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 90–102. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.9>.
3. Махортова Т.Ю. Переводчик в юридическом дискурсивном пространстве// Переводчик XXI века – агент дискурса : колл. монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – С.131–152.
4. Новикова Э. Ю. Медицинский перевод – дискурсивное пространство переводчика// Переводчик XXI века – агент дискурса : колл. монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – С. 77–120.
5. Серопегина Т.В. Деятельность переводчика в нефтегазовом дискурсе: координаты upstream и downstream// Переводчик XXI века – агент дискурса : колл. монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – С. 121–130.
6. Мощанская Е.Ю. Когнитивные модели дискурса профессионального общения при обучении переводчиков // Образование и наука. – 2012. – № 2 (91). – С. 118–129.

7. *Тарнаева Л.П.* Перевод в сфере делового общения: диалог языков и культур (лингводидактический аспект): монография. – СПб.: Книжный дом, 2017. – 134 с.

8. ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.02 – Лингвистика, утв. приказом Министерства науки и высшего образования РФ от «12» августа 2020 г., № 969. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/46992> (дата обращения 10.04.2022).

9. ФГОС ВО по направлению подготовки (специальности) 45.04.02 – Лингвистика, утв. приказом Министерства образования и науки РФ от «12» августа 2020 г., № 992. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360857/ (дата обращения 10.04.2022).

10. Профстандарт «Специалист в области перевода», утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.03.2021 № 134н, рег.номер 1438. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1879> (дата обращения 10.04.2022)

11. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136–137.

12. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

13. *Бахманн-Медик, Д.* Культурные повороты по следам антропологического»: некоторые замечания / Д. Бахманн-Медик // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 122 (4). – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3762>. (дата обращения 10.04.2022)

14. *Митягина В.А.* Логистика многоязычного туристического ресурса: межкультурный дискурс в координатах глобализации// Лингвистическая и транслатологическая логистика многоязычного туристического интернет-ресурса: коллектив. моногр. / авт. коллектив: В. А. Митягина (отв. ред.) [и др.]; под общ.ред. д-ра филол. наук, проф. В. А. Митягиной ;

ФГАОУ ВО «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. – 234 с. – С. 9–25.

15. *Гавриленко Н.Н.* Методологические подходы к обучению переводу в вузе// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 1 (838). – С. 75–86.

16. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КИНОКОМИКСА С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

*Моралова Людмила Викторовна,
Московский городской педагогический университет,
Москва, 129226, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д.4, к.1,
ludmilamoralova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблематике аудиовизуального перевода русского кинокомикса «Майор Гром: Чумной Доктор» с русского языка на английский. Исследуется понятие и особенности перевода кинотекста как вида аудиовизуального произведения. Рассматриваются основные виды переводческих трансформаций и их примеры из анализируемого кинокомикса, а также некоторые культурные особенности и способы их перевода, встречающиеся в кинотексте.

Ключевые слова: перевод; кинокомикс; переводческие трансформации; аудиовизуальный перевод; языковые особенности; культурные особенности.

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF TRANSLATION OF A COMIC-BASED MOVIE FROM RUSSIAN INTO ENGLISH

*Moralova L.V.,
Moscow City University, Moscow, 129226,
4 Vtoroy Selskhozajstvenny proezd,
ludmilamoralova@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the problem of audiovisual translation of the Russian comic-based movie “Major Grom: Plague Doctor” from Russian into English. The notion and features of the translation of a film text as a type of an audiovisual text are

studied in this article. Moreover, the author examines main types of translation transformations and their examples from the comic-based movie, as well as some cultural features and ways of their translation in the film text.

Keywords: translation; comic-based movie; translation transformations; audiovisual translation; linguistic features; cultural features.

С эволюцией кинематографа и развитием технологий для создания визуальных эффектов супергеройские фильмы обрели большую популярность в XXI веке. Одними из самых известных супергеройских фильмов являются произведения, снятые студиями DC Films и Marvel Studios, которые выпускают супергеройские фильмы в жанре кинокомикса. Кинокомиксы – это созданные по мотивам графического источника повествовательные континуумы, в которых присутствует знаковый, символический тип образа протагониста, действующего в стилизованной гротескной реальности с экспрессивно-изобразительными акцентами в наиболее значимых сюжетных моментах [1].

Будучи кинематографическим произведением, кинокомикс также является аудиовизуальным произведением, которое состоит из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначено для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств.

Кинокомикс, как и любой другой фильм, имеет в своей основе кинотекст. По определению Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой, кинотекст – это связанное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и /или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при

помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями. Знаки лингвистической системы бывают письменными (титры и надписи, являющиеся частью мира вещей фильма – плакат, название улицы или города, вход и выход, письмо или записка) и устными (звучащая речь актеров, закадровый текст, песни), выраженными при помощи символических знаков – слов естественного языка [2].

Восприятие кинокомикса зрителями, которые говорят на языке, отличном от того, на котором изначально снят кинокомикс, невозможно без перевода. Перевод в данном случае является «видом языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноценной замены оригинала, в качестве коммуникативно-равнозначного последнему» [3:49], согласно трактовке В.Н. Комиссарова.

В данной статье рассматривается российский кинокомикс «Майор Гром: Чумной Доктор» и особенности перевода кинотекста данного фильма с русского на английский язык.

М. С. Снеткова выделяет следующие особенности перевода кинотекста:

1. Текст ограничен временными рамками звучания, что исключает введение комментариев (возможно лишь дополнять его краткими пояснениями).

2. Кинодиалог рассчитан на мгновенное восприятие и реакцию зрителей, следовательно, должен быть максимально информативным и понятным.

3. Кинодиалог сопровождается видеорядом, который обуславливает выбор возможных вариантов перевода: при работе с ним важно учитывать связь изображения и текстового материала, уделять одинаковое внимание вербальным и невербальным средствам выражения [4].

Учитывая вышеперечисленные особенности, мы можем рассмотреть основные типы трансформаций по В.Н. Комиссарову.

Лексические трансформации включают в себя следующие переводческие приемы:

- транскрибирование (воспроизведение звучания)
 - Федор Иванович – *Fyodor Ivanych*
- транслитерация (воспроизведение буквенного состава)
 - Игорь Гром – *Igor Grom*
- калькирование
 - трехочковый – *a three-pointer*
- лексико-семантические замены:
 - конкретизация
 - костюм – *super suit*
 - Никакого Олега здесь нет. – *There is no Oleg here in this room.*
 - генерализация
 - картуз – *the hat*
 - форточка – *the window*
 - модуляция
 - Долго придумывал? – *It sounded rehearsed.*
 - Игорь просто офигеет. – *It'll blow Igor's mind.*

К наиболее распространенным **грамматическим** трансформациям принадлежат

- синтаксическое уподобление (дословный перевод)
 - Трое ребят погибли. – *Three boys died.*
 - Он преследует высшую цель и убивает ради своих идеалов. – *He pursues a higher goal and kills for his ideals.*
 - Может он был одиноким ребенком? – *Maybe he was a lonely child?*
- членение предложения
 - Пробуй давай, остынет. – *Taste it. It'll get cold.*

- *Я понимаю, почему вы пришли, но насилие – это не выход! – I understand why you're here. But violence is not the answer.*
- *Вот Гречкин, например, да – он испортил жизнь одному человеку. – Like Grechkin, for example, right? He ruined one person's life.*
- объединение предложений
 - *Спокойно! Я – журналист. – Calm down, I'm a journalist.*
 - *В этом стыдно признаться. И все же... Серийный маньяк стал суперзвездой. – It is a shame to admit, however, a serial killer became a superstar.*
- грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения)
 - *Страницы закончились. - I'm out of blank pages.*
 - *Евгений Стрелков, лично поймавший преступника, пообещал сделать все возможное для скорейшего суда над ним. - Yevgeny Strelkov, who personally captured the criminal, promised to do everything in his power for the trial to begin as soon as possible.*

К комплексным лексико-грамматическим трансформациям относятся

- антонимический перевод
 - *Может, хватит в телефон залипать? – Have you ever **unplugged** from your phone?*
 - *Он вторые сутки дома не ночует. – He **slept elsewhere** two nights in a row.*
 - *Помнят руки, помнят. – Hands, **don't** you **fail** me now.*
- экспликация (описательный перевод)
 - *напролом – straight through*
 - *преступность – the crime rate*

Если говорить о культурных особенностях, которые в силу асимметрии культур могут выступать как фактор, провоцирующий потери при переводе [5], то сначала снова стоит обратить внимание на то, что «Майор Гром: Чумной Доктор» является аудиовизуальным произведением, поэтому лингвокультурные концепты и реалии России чаще бывают представлены в нелингвистической системе видеотекста, хотя и в лингвистической системе также можно их обнаружить, но в меньшем количестве.

Что касается устной лингвистической системы кинотекста, стоит отметить то, как переведены лингвокультурные реалии и концепты России на английский язык. В данных примерах можно наблюдать, как лингвокультурные реалии оказываются заменены ближайшими эквивалентами в английском языке:

- баня» – “*sauna*”; «депутат» – “*member of parliament*”
 - Ну как бы не то, что я там ну с **депутатами** в бане отдыхал... Но попариться пришлось. – *It wasn't a simple task. It's not as if I had to relax in a **sauna** with **members of parliament**, but it was steamy.*
- «поставить в угол» (как ребенка) – “*talk to him over a glass of wine*” (как со взрослым)
 - А что ты хотел, чтобы я сделал? Чтобы я пришел к Гречкину домой и **поставил его в угол**? – *And what did you want me to do? Go into Grechkin's home and **talk to him over a glass of wine**?*

Некоторые реалии могут быть опущены при переводе с русского на английский. Например, в следующем отрывке персонажи говорят о Кощее Бессмертном и предметах, персонажах и местах с ним связанных («яйцо», «иголка», «кот»),

«Лукоморье»). Рисунок Кощея Бессмертного показан в видео-ряде фильма, но самого персонажа сказки не называют полным именем, только говорят, что он бессмертен. Другие реалии, связанные с Кощеем, присутствуют в тексте оригинала, но при переводе сохраняются только две реалии из четырех (“egg”, “cat”). Реалия «Лукоморье» при переводе на английский опускается. Реалия «иголка» оказывается заменена на “cage door”, и, что примечательно, компонент лингвистической системы “The cage door was open” соответствует в нелингвистической системе жесту, которым ломают иголку напополам.

Таблица 1

оригинал	перевод
- Хотя проблема есть - он бессмертен .	- There's a problem though. He's immortal .
- Только вот он хмурый какой-то, походу на игле сидит.	- Idiot.
- Там яичко завалилось...	- Maybe they're related.
- Я пойду посмотрю.	- There was an egg somewhere among the evidence.
- Так, протокол составляю.	- Spot on!
Надо иголочку сломать... Лукоморье в оцепление... Кота на допрос.	- Of course.
	- The cage door was open. We should set up a perimeter. Bring the cat to my office.

Некоторые реалии могут быть продемонстрированы только посредством нелингвистических знаков кинокомикса. То есть в лингвистической системе эти реалии не присутствуют и в речи персонажей не упоминаются, а соответственно оказываются опущены и при переводе кинокомикса.

В следующих отрывках идет речь о блюде «шаурма», которое хоть и не является исконно русским, но довольно прочно вошло в употребление и обиход русской культуры, что

позволяет считать его реалией русского языка. Название этого блюда персонажи в речи не упоминают (в переводе на английский используются слова-заменители “*this*” или “*it*”), хотя этот объект присутствует в лингвистической системе как часть реквизита.

Таблица 2

оригинал	перевод
<p>- У метро брал?</p> <p>- Ага!</p> <p>- Нафига с картошкой?</p>	<p>- Um... You bought this near the subway?</p> <p>- Uh-huh.</p> <p>- With potatoes? What the hell man?</p>
<p>- Пробуй давай, остынет. Ну что, как?</p> <p>- Это очень вкусно.</p> <p>- Свежак. Утром еще мяукала.</p>	<p>- Taste it. It'll get cold. So, how is it?</p> <p>- This is really good.</p> <p>- Fresh. It was meowing just this morning.</p>

Также некоторые лингвокультурные реалии могут быть добавлены в текст перевода при их отсутствии в тексте оригинала, как, например, в следующем отрывке:

- - Чувствуешь? **Дышится легче**. В городе стало чище.
- Do you feel that? **You're the son of a tsar**. The city became cleaner.

Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе кинокомикса используются все основные типы трансформаций, выделенные В. Н. Комиссаровым с целью достижения адекватности при переводе кинотекста. Что касается культурных реалий, то при их переводе используются такие приемы, как опущение, добавление или замена ближайшим эквивалентом, существующим в языке перевода, для минимизации потерь, возникающих из-за асимметрии культур.

Список литературы

1. *Цыркун Н.А.* Социально-исторические и эстетические аспекты трансформации кинокомикса в системе американской культуры. Дис. ... д-ра искусствоведения. – М., 2014. – 320 с.
2. *Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
3. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Альянс, 2013. – 250 с.
4. *Снеткова М.С.* Лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов: на материале русских переводов художественных фильмов Л. Бунюэля "Виридиана" и П. Альмодовара "Женщины на грани нервного срыва". Автореф. дис. канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2009. – 27 с.
5. *Абаева Е.С.* Культурно-маркированные лингвистические единицы как переводческая проблема при передаче юмористического эффекта // сборник научных трудов «Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике». – Т. 2. – М.: МГИМО, 2019. – С. 297–304.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

*Новикова Татьяна Борисовна,
к. филол. н., доцент Волгоградского государственного
университета, г. Волгоград
400062, Волгоградская обл., Волгоград,
просп. Университетский, 100*

Аннотация. Интерпретация как комплекс смыслополагающих и смыслочитывающих операций представляет собой огромный интерес с точки зрения практических и теоретических задач переводоведения и дидактики перевода. Перевод строится на основе понимания текста оригинала, и поэтому естественно стремление исследователей и преподавателей перевода найти баланс результатов применения творческого и критического мышления переводчика. Решение проблемы определяет успешность достижения адекватности перевода.

Ключевые слова: перевод; интерпретация; творческое мышление; критическое мышление; понимание.

INTERPRETATION AS IMPLEMENTATION OF THE TRANSLATOR'S CREATIVE THINKING

*Novikova Tatyana Borisovna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Volgograd State University, Volgograd
100 Universitetsky Av., Volgograd, Volgograd region, 400062*

Abstract. Interpretation as a complex of semantic and sense-reading operations is of great interest from the point of view of practical and theoretical tasks of translation studies and didactics of translation. Translation is created on the basis of understanding the original

text, and therefore it is natural for researchers and teachers of translation to find some balance between the results of applying the translator's creative and critical thinking. The solution of the problem determines the success of achieving the adequacy of translation.

Keywords: translation; interpretation; creative thinking; critical thinking; understanding.

Интерпретация является неотъемлемой составляющей гуманитарных наук, работы с текстами, переводческой деятельности. Текст как знаковая система и смысловая структура, становясь объектом перевода, неизбежно становится и объектом интерпретации в процессе деятельности переводчика. Коммуникативно-функциональный подход к переводу предполагает включенность переводческого действия в контекст межкультурной коммуникации автора оригинала и получателя перевода. Таким образом, переводчик в качестве посредника между автором оригинала и получателем перевода также является субъектом коммуникативной деятельности. «При двуязычной коммуникации интерпретатором выступает переводчик, который анализирует полученную информацию в совокупности с условиями коммуникативной ситуации и в результате взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов извлекает основную идею сообщения» [1: 55].

Интерпретирующая деятельность переводчика базируется на смысловом содержании текста, а также его принадлежности к определенному дискурсу и к определенной лингвокультуре. Медиативная готовность переводчика предполагает способность к интерпретации текста. По мнению Г.И. Богина, интерпретация является наиболее сложным видом содержательного моделирования, который включает помимо приемов классификации и трансформации ассоциативную зону признаков и пресуппозиций [2]. Текст как целостная структура оказывается в процессе перевода открытым для смыслов, уже существующих в коммуникативной среде и

функционирующих также в сознании переводчика. Смыслополагание, обозначаемое, как правило, термином «понимание», и интерпретация смыслов, скрытых в том числе, представляют собой операции, которые осуществляются переводчиком на основании лингвокультурных характеристик и дискурсивных признаков текста.

Перевод является текстовой деятельностью, осуществляемой билингвом, поэтому переводчик умеет различать инокультурный контекст объекта перевода и особенности своей лингвокультурной компетенции, то есть он способен к рефлексии. Рефлексия, по Г.И. Богину, представляет собой ментальный процесс сопоставления элементов опыта и реализованных в текстах смыслов, процесс переработки интеллектуальной и эстетической информации с целью распределения и смыслового синтеза [3]. Рефлексия базируется на принципах критического мышления, но так как сущность рефлексии заключается в обращенности сознания не только к содержанию текста как сумме денотативных значений, но и к речевой ситуации и экстралингвистическому контексту, понимание объекта перевода невозможно при отсутствии у переводчика креативного начала, способности к образному, творческому мышлению, способности генерировать новые идеи на базе ассоциативных связей и лингвокультурных признаков.

Адекватность перевода достигается при соблюдении условий как можно более полного понимания переводимого текста и его удачной интерпретации. Рефлексия, в процессе которой переводчик не только осознает, что именно он понял, но и почему он понял это именно так, а не иначе, позволяет переводчику осуществлять самоконтроль и саморедактирование перевода. Понимание письменного текста с целью его перевода напрямую зависит от наличия у переводчика определенных когнитивных способностей, к которым Берлинг относит концептуальное понимание окружающей действительности, способность использовать и понимать мотивированные

знаки, а также способность делать выводы относительно референциальных намерений других людей [4]. Бесспорно, данные когнитивные характеристики базируются на способности к критическому мышлению, но и креативность переводчика не стоит сбрасывать со счетов в качестве инструмента решения сложных переводческих задач.

Очевидно, что чем сложнее переводимый текст, тем сложнее процесс его понимания и интерпретации. Сложный когнитивный процесс взаимодействия на семиотическом уровне переводчика и интерпретируемого текста нацелен на распределение концептуального содержания, устранение возможного несоответствия между намерениями отправителя и их пониманием получателем. Таким образом, неотъемлемыми качествами квалифицированного переводчика являются аналитические способности и творческий потенциал. Критическое мышление помогает устанавливать когнитивные связи между новой и уже имеющейся информацией, а творческое мышление переводчика позволяет ему предпринять попытку выхода за рамки привычного и обогатить свой опыт каким-либо инновационным решением. Например, процесс интерпретации глубинного смысла переводимого художественного текста может включать инсайт, «случайную» ассоциацию, которая становится ключом к пониманию текста.

Креативность не предполагает слепого следования правилам перекодирования при переводе, но предполагает поиск решения с учетом правил перевода. Процесс решения переводческой проблемы не всегда полностью осознается переводчиком, но и не проходит бессознательно. Дуглас Робинсон полагает, что переводчик начинает с интуитивного ощущения, затем осуществляет перевод и с течением времени сублимирует решения в более или менее осознанные стереотипы [5: 87]. Практика перевода свидетельствует, что предположения на первом этапе понимания сложного иноязычного текста действительно в дальнейшем подтверждаются в процессе бо-

лее детального анализа. Критическое мышление дает переводчику возможность проверить догадку, которую Дуглас Робинсон, вслед за Пирсом, называет абдукцией и определяет как интуитивный переход от пока необъясненных фактов к гипотезе [5: 89]. Подобная генерация новых идей базируется на переводческом опыте, но она была бы невозможна, если бы переводчик действовал по шаблону.

Так как интерпретация является сложным видом содержательного моделирования, требующим анализа лингвистических, лингвокультурологических и психолингвистических факторов, начинающий переводчик должен быть готов к напряженной ментальной деятельности. Преподавателю перевода следует мотивировать студентов к развитию когнитивных способностей, разъясняя необходимость такого подхода к письменному переводу, основой которого является рефлексия. Способность к рефлексии является основой готовности к интерпретации смысла текста с учетом его дискурсивных и лингвокультурных характеристик. Импровизация позволяет переводчику сориентироваться в новой ситуации понимания и порождения текста, а критический анализ поможет принять определенное переводческое решение. Когнитивные способности такого рода, развивающиеся в процессе обучения переводу, становятся основой формирования переводческой компетенции квалифицированного специалиста.

Творческий подход также необходим переводчику при использовании экстралингвистических знаний, в том числе и концептуального характера. Лингвокультурная специфика таких концептов русской лингвокультуры, как *духовность*, *непротивление*, *пошлость*, *порядочность*, *смекалка*, *разговор по душам*, *выяснение отношений*, концепта испанской лингвокультуры *маньяна*, итальянской *дольче вита* и *гатара*, шведской *лагом*, датской *хюгге*, норвежской *утепилс*, японской *итиго итиэ* и *тсундоко* и многих других не может быть передана при переводе без применения интерпретации, без творческого переосмысления концептуального содержания,

которое в дальнейшем реализуется в описательном переводе и переводческом комментарии. Благодаря творческому мышлению переводчика текст перевода позволяет получателю интерпретировать содержание инокультурного концепта и заполнить концептуальную лакуну, запомнив описание незнакомого концепта в тексте перевода.

Таким образом, давно и хорошо известное в гуманитарном знании понятие интерпретации находит свое применение и в переводоведении в связи с тем, что понятия понимания оказывается недостаточно в случае опосредованной коммуникации отправителя и получателя, посредником при которой выступает переводчик. Понимание смыслового содержания текста представляет собой постижение «для себя», в то время как интерпретация является объяснением «для другого», реализацией смысла оригинала в форме, доступной для получателя перевода. В целом, проблематика интерпретации в переводоведении выходит за рамки прикладной задачи передачи смыслового содержания иноязычного текста, оказываясь связанной с проблемой соотношения критического и творческого мышления в переводческой деятельности, с природой рефлексии как методологического принципа, способного привести к адекватному пониманию и решению переводческих задач, а также с проблематикой свободы переводчика и качества перевода.

Список литературы

1. *Ивлева А.Ю., Лысякова А.А.* Коммуникативно-функциональный подход к переводу в России: постановка проблемы // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – № 4. – С. 50-59.

2. *Богин Г.И.* Интерпретация как средство выведения к более совершенному пониманию // «Hermeneutics in Russia» journal. – 1998. – Vol. 1. – Режим доступа: <http://www.university.tversu.ru/>.

3. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику // – Тверь, 2001. – Режим доступа: <http://www.auditorium.ni/books/5/>.

4. *Burling R.* The Cognitive Prerequisites for Language – 1999. – Mode of access: <http://www.cogsci.soton.ac.uk/psyc-bin/>.

5. *Робинсон Д.* Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода: пер. с англ. – СПб.: КУДИЦ-ПРЕСС, 2007. – 304 с.

**УСТНЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
НА ПРИМЕРЕ САДОВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ВОПРОСЫ ДИДАКТИКИ**

*Новикова Элина Юрьевна,
доцент, д.филол.н., Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград, 400062,
проспект Университетский, 100,
nov-elina@volsu.ru*

Аннотация. Дидактика устного специального перевода, равно как и переводческая отрасль постоянно находится в условиях адаптации к современным вызовам и тенденциям развития общественных процессов. Появление новых видов переводческой деятельности, изменение мировоззренческих установок нового поколения обучающихся, региональная специфика переводческого ремесла детерминируют интеграцию в учебный процесс определенных видов дискурсов и коммуникативных пространств для развития профессиональных компетенций будущих переводчиков. Для определения релевантности и своевременности в обучении некоторых видов профессиональных дискурсов необходим подробный анализ таких дискурсов в фокусе дидактики перевода.

Ключевые слова: устный специальный перевод; садоводческий дискурс; коммуникативная ситуация; компетенция; дидактика; технология перевода; тренинг навыков

**SPECIALISED INTERPRETING OF THE GARDEN
DISCOURSE: DIDACTICS ISSUES**

*Novikova Elina Yurievna
Associate Professor, Doctor of Philology,
Volgograd State University,
Volgograd, 400062, University Prospect, 100
nov-elina@volsu.ru*

Abstract. Specialized interpretation didactics, as well as the translation industry, is constantly in the process of adapting to the modern challenges and trends of social processes. The emergence of new types of translation activities, changes in the outlook of the new generation of trainees, regional specifics of the translation craft determine the integration of certain types of discourses and communicative spaces into the educational process to develop professional competences of future translators. To determine the relevance and timeliness in teaching certain types of professional discourses a detailed analysis of such discourses in the focus of translation didactics is required.

Key words: specialised interpreting, garden discourse, communicative situation, competence, didactics, translation technologies, skills training

Современное развитие переводоведения, расширение переводческой отрасли, глобализация экономических и производственных процессов, доступность информационно-справочных, познавательных, официальных и прочих материалов, принципы устойчивого развития во всех сферах жизнедеятельности общества, долгожданное появление профессионального стандарта переводчика детерминируют трансформацию процесса подготовки переводчиков в вузах, предъявляют к дидактике перевода новые требования и обуславливают необходимость соответствовать новым ожиданиям и вызовам. В данной статье поразмышляем о принципах обучению устному специальному переводу в вузе на материале садоводческого дискурса. Обращение к такой проблематике обусловлено, прежде всего, многолетними рассуждениями о наполнении курса устного перевода на различных этапах обучения, изменением собственных взглядов на дидактику перевода, апробацией различных моделей и подходов к дидактизации такого курса. Многолетний опыт практикующего переводчика, в том числе и в садоводческом дискурсе, а также понимание регионально окрашенной востребованности конкрет-

ных видов переводческой деятельности говорит о необходимости внедрять в процесс подготовки устных переводчиков в вузе курс/курсы специального устного перевода на материале отраслевых дискурсов, в которых переводчик активно работает. Однако, в то же время многолетний опыт преподавателя устного перевода позволяет в определенной степени усомниться в эффективности такой дидактики. Попробуем разобраться, какие препятствия детерминируют наши сомнения.

Дидактике устного перевода посвящено не мало работ, в том числе, наши ранние публикации (статьи и монографии), предлагающие и иллюстрирующие опыт кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета «Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты» (2012) и «Переводчик 21 века - агент дискурса» (2016) [1,2]; многочисленные работы Н.Н. Гавриленко, включая последние монографические исследования [3,4,5].

Мы уже обращали внимание на такие важные критерии, лежащие в основе дидактики перевода, как:

- аутентичность коммуникативных ситуаций, моделируемых и тренируемых в учебном процессе на занятиях по устному переводу;
- опыт преподавателя, как переводчика-практика, полученный в результате активной переводческой деятельности;
- прикладной характер полученных навыков и умений устного перевода;
- региональная востребованность определенных типов дискурса, в которых наиболее часто осуществляется устный перевод в конкретном регионе;
- многообразие материалов, используемых на занятии по устному переводу и др. [6].

Перечисленные принципы успешно находят свое применение в дидактике устного перевода многих вузов, в том числе кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета. Тем не менее, не все виды

профессиональных дискурсов находят свое отражение в учебном процессе ввиду сложности моделирования дискурса на занятии по устному переводу, тренинга наиболее частных коммуникативных ситуаций. Это подтверждают также содержание рабочих программ курса устного перевода (бакалавриат / магистратура), названия дисциплин по устному переводу, а также названия многочисленных публикаций, посвященных анализу прикладных и методических особенностей устного специального перевода. Однако, следует также отметить, что успешный опыт внедрения отраслевого устного перевода в учебный процесс существует. Примером тому служит опыт Челябинского государственного университета, в котором Т.А. Волкова разработала и апробировала курс устного технического перевода на материале металлургической отрасли [7].

Как правило, профессиональные дискурсы неоднородны и многовекторны по своей структуре, обнаруживают поли- и интердискурсивный характер, а их устная форма реализации часто тендирует к одномоментному синтезу нескольких дискурсов. Безусловно, интеграция таких дискурсов в учебный процесс не может быть беспрепятственной. Одним из представителей «сложных» с точки зрения дидактики перевода нам представляется садоводческий дискурс.

Данный вид дискурса носит регионально обусловленный характер, поскольку реализуется только при наличии садоводческих хозяйств и международном сотрудничестве таких хозяйств. Оптимальным вариантом можно было бы рассматривать подготовку профессиональных переводчиков, ориентированных на работу в аграрном секторе, в вузе сельхоз хозяйственного профиля. В этом случае подготовка переводчиков осуществлялась бы в том числе на основе предметных знаний, полученных от специалистов-агрономов. Однако, как правило, в таких вузах обучение переводчиков не предусмотрено или же осуществляется в рамках программы дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» с рабочим английским языком (как

первым иностранным языком). В большинстве случаев профессиональная подготовка устных переводчиков возможна либо в классических университетах, либо в лингвистических университетах, количество которых весьма ограничено. Соответственно, овладение предметными знаниями студентами в большей степени зависит от преподавателя, преподающего дисциплину, его опыта, умений, знаний, методики, а также от эффективной самостоятельной работы студентов. Очевидно, что при наличии переводческого опыта у преподавателя, а также обширных информационно-справочных и познавательных материалов по теме садоводства, формирование навыков и умений специального перевода в садоводческом дискурсе вполне реально и возможно.

Однако, такое обучение позволит обучающимся освоить лишь терминологические особенности дискурса и некоторые технологические особенности перевода, но не дискурсивные в целом. А ведь совершенно очевидно, что цель дидактики перевода заключается не в освоении терминологии. Более того, Н.К. Гарбовский справедливо отмечает, что «дидактика перевода начинается там, где заканчивается лингводидактика» [8].

Дискурсивный подход в переводоведении и в практической деятельности переводчика все чаще расценивается специалистами переводоведами [9, 10, 11, 12]. как один из самых эффективных, необходимых и профессионально обусловленных подходов. По нашему глубочайшему убеждению, переводчик представляет собой «сложный мульти- и междискурсионный феномен, мультифункциональную социокоммуникативную дискурсивную личность, агента дискурса, обладающего широким набором компетенций». При этом переводчик реализует коммуникативное действие в различных дискурсах и в каждом новом дискурсивном пространстве, с каждым коммуникативным актом приобретает новые дискурсивные черты [13: 182]. Развить дискурсивную личность в рамках

процесса обучения помогают различные дидактические методы, к примеру, Е.В. Аликина разработала и описала такие модели: «концептуальная модель обучения устной переводческой деятельности, пространственно-временная модель обучения устной переводческой деятельности, модель многоаспектной методической интеграции» [14: 56]. Мы полагаем, что одним из компонентов любой из предложенной Е.В. Аликиной моделей может выступать метод моделирования дискурса, инсценировок коммуникативных ситуаций. Инсценировки представляют собой интерактивный вид занятий, который направлен на формирование профессиональной компетентности будущих переводчиков и в соответствии с этим требуют тщательной подготовки как со стороны обучающего, так и со стороны обучаемого. Такие занятия в фокусе практикуемой нами дидактики перевода [15] представляют собой важный компонент дидактической модели, основанной на принципе тренинга коммуникативных ситуаций – как модели стандартной, типовой ситуации речевого общения, характеризующаяся специфическим коммуникативным поведением и определенным набором языковых средств. В русле ситуативно-контекстного подхода в дидактике устного перевода Е.Ю. Мощанская также указывает на необходимость «моделирования предметного и социально-культурного содержания профессиональной деятельности будущего переводчика в типичных ситуациях перевода» [16: 124], что обуславливает обращение в процессе обучения к комплексу ролевых (стандартных) и проблемных (нестандартных) ситуаций.

Возвращаясь к рассматриваемому садоводческому дискурсу, обращаем внимание на то, что смоделировать этот дискурс и его наиболее частотные коммуникативные ситуации вряд ли возможно в условиях аудиторных занятий по устному переводу. Иноязычное межкультурное взаимодействие в садоводческом дискурсе происходит в следующих возможных и наиболее частотных коммуникативных ситуациях:

- обучающий тренинг по работе в садах

- переговоры по закладке/оптимизации/ уходу сада
- мастер-класс по работе в садах

Основными устными жанрами в указанных коммуникативных ситуациях выступают жанр «беседа» и «переговоры». Участники данных ситуаций являются профессиональные агрономы и/или представители профессий в области сельского хозяйства, садоводства, земледелия, экономики землепользования и т.п., т.е. равностатусные специалисты. Попытки внедрить садоводческий дискурс в учебный процесс подготовки профессиональных переводчиков в реальности будут иметь псевдоаутентичный характер, поскольку на фоне максимальной практической ориентированности процесса обучения многие важные моменты и факторы перевода остаются доступными лишь в теории. Основные препятствия для внедрения в учебный процесс:

- отсутствие носителя иностранного языка для осуществления двустороннего перевода;
- невозможность моделирования и инсценировки ситуации студентами ввиду отсутствия профессиональных предметных знаний в агрономии;
- невозможность практики и тренинга некоторых коммуникативных ситуаций двуязычного диалогового общения;
- ограниченность привлекаемого на занятии материала ввиду отсутствия на занятии специалистов садоводческого дискурса;
- невозможность прохождения переводческой практики в садоводческих профильных организациях и др.

Данный вид специального профессионального дискурса характеризуется не только наличием разветвленной терминосистемы, овладение которой подразумевает глубокое погружение в дискурс, но и рядом социокультурных особенностей, таких как, различные ценностные установки, традиции садоводства в двух неблизкородственных лингвокультурах, статусно-ролевые модели взаимодействия.

Учитывая указанные проблемы, можно констатировать, что овладение компетенцией и технологией письменного специального перевода, в т.ч. в садоводческом дискурсе, реализуется успешнее и проще, в то время как обучение устному специальному переводу в академических рамках может быть эффективным лишь при условии интегративного обучения, с привлечением специалистов.

Еще одним препятствием для внедрения садоводческого дискурса в учебный процесс освоения умений и навыков устного специального перевода является не собственно дискурсивный, а личностный фактор – специфика контингента обучающихся, их когнитивные, социокультурные, личностные и др. особенности, влияющие на качество перевода. Основными проблемами при достижении качества перевода нам видятся следующие:

- недостаточная/плохая подготовка к занятию;
- развитое клиповое мышление и неспособность мыслить широко, выходя за рамки отдельного предложения;
- низкий уровень владения иностранным языком;
- отсутствие предметных знаний/жизненного опыта/переводческого опыта (ограниченность жизненного пространства, отсутствие любознательности, фокусировка на отдельных сферах личного интереса, низкий уровень интеллекта, нежелание личностного роста и развития и др.);
- отсутствие мотивации к обучению.

На проблему ментальной незрелости обучающихся указывают многие преподаватели перевода. Так, В.В. Сдобников обращается к рассмотрению специфики клипового мышления студентов-переводчиков, которое мешает овладению профессиональным переводческим мышлением [17]. Под профессиональным мышлением переводчика А.Ю. Наугольных понимает «целостное видение специфического контекста межкультурной коммуникации, включая осознание своей со-

циально-профессиональной функции и комплекса требований, предъявляемых к процессуально-результативным аспектам переводческой деятельности, служащее основанием для организации умственного труда по оптимальному с точки зрения временных и интеллектуальных затрат алгоритму» [18: 9]. «Борьба» с клиповым мышлением обучающихся подразумевает не только комплекс мер со стороны преподавателя, но и ответственную самостоятельную подготовку к занятиям, к будущей профессии, саморефлексию, тренинг необходимых компетенций со стороны обучающихся. Т.А. Волкова и И.Д. Сивуха провели экспериментальное исследование и подробно рассмотрели динамику освоения предметной области при подготовке к устному переводу и констатировали, что «уровень освоения переводчиком предметной области в той или иной мере влияет на полноту перевода, качество передачи терминологии и специфических сегментов исходного текста (примеры, словесное описание уравнений, графиков, профессиональный юмор), переводческое поведение» [19: 58].

Освоение предметной области представляет собой значительную долю в аналитическом компоненте переводческого действия необходимого для успешной оперативной переводческой деятельности. Аналитическая деятельность подразумевает в первую очередь анализ дискурса, его экстра- и интерлингвистические факторы и признаки. Переводчик, осуществляющий устный перевод в садоводческом дискурсе, должен проанализировать исходные дискурсивные параметры: 1. специфику и особенности садоводства в «своей» и «чужой» культурах; 2. целеполагание конкретной ситуации взаимодействия коммуникации и ее социокоммуникативный компонент, специфику переводческого задания; 3. хронотоп дискурса: в какой обстановке осуществляется/ может осуществляться коммуникация (офис, сад, время суток, условия работы); 4. участники дискурса: статус, должность, контактность общения, знание иностранного языка, симметричность

или асимметричность коммуникации; 5. жанрово-текстотипологические особенности; 6. языковые особенности, специфичность терминологии.

Подводя итог нашим размышлениям относительно целесообразности включения садоводческий дискурс в процесс обучения устному специальному переводу, принимая во внимание все его дискурсивно-обусловленные проблемные факторы, а также особенности современного поколения обучающихся предлагаем в дидактике устного специального перевода дифференцировано подходить к дискурсивному наполнению учебных курсов.

В тех случаях, если есть реальная необходимость подготовить студентов к востребованным на рынке переводческих услуг дискурсам, но эти дискурсы трудно моделируемы в учебном процессе, например, садоводческий, можно руководствоваться не макро целью - научить устному специальному переводу во всех его вариантах, а микро целью - показать терминологическую специфику устного специального перевода, некоторые его сложности и дискурсивно обусловленные особенности и таким образом, в процессе обучения лишь приоткрыть дверь в специальный устный перевод.

Список литературы

1. Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: монография / авт. коллектив: В.А. Митягина и [др]; под общ.ред. В.А. Митягиной. – Москва: Флинта, 2012. – 300с.

2. Переводчик XXI века – агент дискурса : колл. монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 280с.

3. *Гавриленко Н.Н.* Дидактика перевода: традиции и инновации: коллективная монография. Под общ. ред. Н.Н. Гавриленко. – М.: Флинта, 2018. – 223 с.

4. *Гавриленко Н.Н.* Междисциплинарный подход к обучению отраслевому переводу // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. Т. 8. № 29. С. 12–23 DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.29.01

5. *Гавриленко Н.Н.* «Основы дидактики переводческой деятельности: специальный/отраслевой перевод: монография». – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 560 с.

6. *Новикова Э.Ю.* Дидактика устного перевода// Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: монография / авт. Коллектив: В.А. Митягина [и др.]; под общ. Ред. В.А. Митягиной // Второе издание – Москва : Издательство Флинта: Наука, 2012. – С. 88-154.

7. *Волкова Т.А.* Краткий курс металлургического производства для переводчиков. Концепция курса устного технического перевода // Мосты. Журнал переводчиков. 2017. № 1 (53). С. 51-62.

8. *Гарбовский Н.К.* Семь вопросов дидактики перевода или scopos- дидактика переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 4. С. 36-52.

9. *Новикова Э.Ю.* Дискурсивная личность переводчика: переводческие компетенции и ролевой портрет // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 90–102. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.9>

10. *Тарнаева Л.П.* Формирование дискурсивной компетенции переводчика в сфере профессионального общения на основе дискурс-анализа // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: сб.ст. III междунар. Науч.-практ.конф. Симферополь, 25–27 апреля 2019 г. / гл. Ред. М.В. Норец. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 381–386.

11. *Тарнаева Л.П.* Дискурс-анализ в обучении переводу В сфере профессионального общения // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики № 2. 2019. С. 90-105.

12. *Мощанская Е.Ю.* Дискурсивная компетенция устного переводчика // Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира: сб. тезисов второй Международной научной конференции, Нижний Новгород, 4–5 декабря 2021 г. / отв. ред. Р. М. Шамилов. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2022. – Электронные текстовые данные (2,2 МБ). – Н. Новгород: НГЛУ.

13. *Новикова Э.Ю.* Международный туристический дискурс как лингвокультурный трансфер [Текст] : монография / Э. Ю. Новикова ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Волгоградский государственный университет". – Волгоград : Волгоградский гос. ун-т, 2017. – 330 с.

14. *Аликина Е.В.* Интегративное обучение устной переводческой деятельности в структуре педагогики перевода // Русистика без границ. Т 2 (2), С. 56-59.

15. *Новикова Э.Ю.* Формирование профессиональных переводческих навыков методом инсценировок // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Выпуск 16. Том 2. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2011. С. 148-156.

16. *Мощанская Е.Ю.* Анализ ситуации устного последовательного перевода как первый этап ее моделирования в ходе обучения переводчиков // Вестник Пермского Национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 3. – С. 117-129.

17. *Сдобников В.В.* Основные проблемы в обучении студентов переводу // Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира. Сборник тезисов Второй Международной научной конференции. Отв. Редактор Р.М. Шамилов. Нижний Новгород, 2022. С. 10-13.

18. *Наугольных А.Ю.* Профессиональное мышление переводчика как категория дидактики перевода // Вестник Пермского государственного технического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 4, 2010. С. 73-79.

19. *Волкова Т.А.* Динамика освоения предметной области при подготовке к устному переводу: экспериментальное исследование // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 4 (414). Филологические науки. Вып. 112. С. 50-59.

**ОБУЧАЮЩИЙ И МОТИВИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ
КОНКУРСА ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

*Онал Инна Олеговна,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, 630073, пр-т К.Маркса, 20,
onal@corp.nstu.ru*

Аннотация. В статье описывается опыт проведения конкурса письменного перевода общественно-политического текста с иностранного на русский язык. Показано, что конкурс обладает определенным обучающим и мотивирующим потенциалом, так как, во-первых, позволяет оценить уровень переводческих компетенций студентов, во-вторых, предоставляет возможность конкурсантам получить независимую оценку своих умений, наконец, способствует созданию положительной учебной мотивации. Выбор общественно-политического текста для конкурсного перевода обусловлен значимостью текстов общественно-политической тематики в современных условиях расширения экономических и внешнеполитических связей между государствами, а также возрастающей значимостью политических явлений в жизни общества.

Ключевые слова: конкурс перевода, обучение переводу; переводоведение; общественно-политический текст

**EDUCATIONAL AND MOTIVATING POTENTIAL
OF THE WRITTEN TRANSLATION COMPETITION
OF A SOCIO-POLITICAL TEXT**

*Onal I.O.,
Novosibirsk Technical University,
Novosibirsk, 630073, K. Marksa, 20,
onal@corp.nstu.ru*

Abstract. The article describes the experience of holding a competition for the best written translation of a socio-political text from a foreign language into Russian. It shows that the competition of this kind has a certain educational and motivating potential, since, firstly, it allows assessing the level of students' translation competencies, secondly, it provides an opportunity for participants to receive an independent assessment of their skills, and finally, it contributes to creating positive learning motivation. The choice of a socio-political text for translation is due to the importance of texts on socio-political topics in the current expansion of economic and foreign policy relations between states, as well as the growing importance of political phenomena in the life of society.

Key words: translation competition; translation studies; learning to translate; socio-political texts

Введение

Подготовка переводчиков является важной социальной задачей, отвечающей современным потребностям общества. Программы обучения переводу в высших учебных заведениях направлены на формирование переводческой компетенции, в основном, в сфере профессионального общения. Успешной реализации задачи по подготовке специалистов в области профессионального перевода способствует постоянное совершенствование организации учебного процесса, применение разнообразных методов и приёмов обучения, а также различных способов контроля сформированности необходимых навыков и умений.

Обучение переводу осуществляется не только на основе учебных текстов, представленных в соответствующих пособиях, но и с использованием текстов общественно-политического характера, количество которых в средствах массовой информации непрерывно растёт. Это, прежде всего, новостные тексты, выступления государственных и общественных деятелей, а также публикации международных, правительственных и общественных организаций. Высшие учебные

заведения, готовящие переводчиков и лингвистов, включают в учебные программы такие курсы, как «Иностранный язык в СМИ», «Общественно-политический перевод», «Перевод общественно-политических текстов» наряду с курсами по научно-техническому, экономическому и художественному переводу. Опыт показывает, что в последние несколько лет в среднем 12-14% студентов направления «Перевод и переводоведение» гуманитарного факультета НГТУ выбирают темы выпускных квалификационных работ так или иначе связанные с исследованием иноязычных общественно-политических текстов и спецификой их перевода. Отметим также, что первоначально конкурс перевода в нашем вузе проводился по нескольким номинациям, однако вскоре (по количеству поступивших работ) выяснилось, что наибольшей популярностью среди участников пользуются номинации «Перевод общественно-политического текста» и «Перевод рекламного текста», в связи с чем было решено выделить конкурсы по данным направлениям в отдельные мероприятия.

Отбор конкурсных текстов

Известно, что перевод общественно-политических текстов вызывает определенные сложности, обусловленные особенностями произведений данного вида. Общественно-политический перевод обладает рядом особенностей: на лексическом уровне сложности вызывает перевод многозначных слов, неологизмов, фразеологизмов, имен собственных, ложных друзей переводчика, сокращений, безэквивалентной лексики; на грамматическом уровне – атрибутивных словосочетаний, в том числе многочленных конструкций, прямой речи; на стилистическом уровне – прецедентных феноменов, отклонений от литературной нормы, фигур речи и экспрессивных средств. Кроме того, трудности при переводе общественно-политического текста могут быть вызваны различиями в сочетаемости лексических единиц, а также расхождениями норм

идеологического характера, действующих в языке оригинала и перевода.

Для того, чтобы дать возможность конкурсантам проявить свои компетенции в полной мере и облегчить работу жюри в определении победителя, необходимы тексты, обладающие уровнем сложности выше среднего. Подбор такого текста – достаточно трудоемкий процесс, однако если привлечь к поиску текстов студентов, можно использовать данный этап в обучающих целях. Как правило, студенты, имеющие опыт работы с общественно-политическими текстами, уже достаточно хорошо представляют себе сложности перевода текстов данного типа, тем не менее, рекомендуется дополнительная подготовка «рабочей группы», а именно: предоставление студентам материалов по трудностям перевода текстов общественно-политической тематики, ссылок на сайты, где могут содержаться подходящие тексты, а также требований к их объему. В течение установленного срока студенты рабочей группы присылают отобранные ими тексты преподавателю-куратору проекта, который проводит предварительный отбор и выносит тексты-претенденты на голосование. Во время голосования (которое проводится в формате онлайн-анкетирования) участникам предлагается изучить тексты и ответить на ряд вопросов, например: «Насколько сложным является заголовок?», «Имеются ли в тексте реалии, термины, метафоры и другие средства выразительности, представляющие сложность для переводчика?» Несмотря на то, что последнее слово в определении текста-«победителя» остается за преподавателем, очевидно, что, во-первых, сокращаются затраты времени и сил на отбор текста, а во-вторых, преподаватель может оценить текущее состояние навыков студентов по переводческому анализу текста.

Оценка конкурсных работ

Следующим, самым важным, этапом является оценивание работ, поступивших на конкурс. Отметим, что кон-

курсы перевода, прежде всего, полезны тем, что в них возникает реальная конкуренция и участники получают относительно объективную оценку своих компетенций, так как их оценивают сторонние преподаватели и специалисты. Сотрудничество с переводческими компаниями и агентствами, участие профессиональных переводчиков в составе конкурсной комиссии не только обеспечивает престиж конкурса и способствует повышению мотивации участников, получивших призовые места, но и может служить средством выявления перспективных сотрудников для потенциального работодателя.

В российской переводческой традиции выделяют два основных подхода к проблеме оценки качества перевода: количественный (практический) и качественный (теоретический). Первый используется преимущественно для оценки специальных текстов в переводческих компаниях, второй же базируется на понятиях адекватности и эквивалентности и имеет широкий спектр применения, в том числе при обучении будущих переводчиков. Учитывая «пограничный характер» общественно-политических текстов, которые, с одной стороны, имеют черты, присущие специальному дискурсу (содержат терминологические единицы, имена собственные, требуют от переводчика определенных фоновых знаний по истории, социологии, политологии и другим смежным наукам), а, с другой стороны, нередко обладают особенностями художественного текста (содержат средства выразительности, выполняют воздействующую и коммуникативную функции, нередко отражают индивидуальный стиль автора), можно говорить о целесообразности применения обоих подходов при оценке качества перевода указанных текстов.

На необходимость использования комплексной (качественно-количественной) оценки перевода текста общественно-политической тематики неоднократно указывали отечественные специалисты. Так, по мнению В.Н. Крупнова, качество перевода текста общественно-политической тематики необходимо оценивать по четырем основным аспектам: во-

первых, перевод слов и словосочетаний, во-вторых, перевод предложений и текста в целом, в-третьих, передача экспрессивных и стилистических особенностей оригинала, и, наконец, «звучание и сила воздействия» переведенного текста [4]. О.В. Альбукова, в свою очередь, предлагает производить оценку качества перевода публицистических и газетных текстов по трем уровням: микроуровень, мезоуровень и макроуровень [2]. *Микроуровень* – низший уровень оценки качества перевода, где анализ производится на уровне перевода морфем и отдельных лексических единиц с выявлением верной/неверной передачи смысла и оттенков значения на лексическом уровне. Под *мезоуровнем* автор понимает синтаксический уровень оценки качества перевода, на котором анализ соответствия оригинального текста переводу производится на уровне словосочетаний и предложений. Анализ на *макроуровне* производится в рамках коммуникативно-прагматического намерения, показывая соответствие передачи коммуникативной направленности между текстом оригинала и перевода, а также выявляет адекватность перевода в целом.

Организация работы конкурсной комиссии

Для того, чтобы обеспечить максимальную объективность и непредвзятость оценки переводов, каждой конкурсной работе присваивается номер, под которым она проходит проверку вплоть до подведения итогов конкурса. Однако возникает следующая проблема: с одной стороны, даже при наличии подробно расписанных критериев оценки члены конкурсной комиссии могут оценивать работы по-разному, поэтому при распределении работ между членами комиссии одни участники могут получить завышенные, а другие – наоборот, заниженные баллы. С другой стороны, оценивание каждого перевода каждым членом комиссии является достаточно трудоемким процессом, особенно, если учесть, что на конкурс поступает 100 и более работ участников. Опыт проведения кон-

курса привел нас к схеме четырехэтапной проверки переводов: на первом этапе отсеиваются откровенно «слабые» работы с грубыми ошибками, нарушением структуры (например, отсутствием заголовка, отсутствием части текста), элементами плагиата (когда у двух участников обнаруживаются совершенно одинаковые фрагменты текста). На втором этапе члены конкурсной комиссии (2-3 человека) проводят оценивание работ в соответствии с установленными критериями. Затем лучшие работы (около 25% от общего числа) отправляются на проверку в агентство переводов. Наконец, проводится обсуждение работ членами комиссии и выбираются лучшие из лучших, которым присуждаются призовые места. Помимо призовых (1,2 и 3) мест присуждаются поощрительные награды для участников, прошедших в «финал», то есть тех, чьи работы попали в список 25 лучших. По нашему мнению, такой подход дает возможность студенту составить представление о том, на каком уровне он находится и мотивирует к участию в конкурсах в дальнейшем. По тем же причинам сертификаты получают не все участники, а только авторы работ, прошедших предварительный отбор.

Дидактический потенциал конкурса

Содержание обучения общественно-политическому переводу включает знания (языковой материал, способы и приемы речевой деятельности, лексический фон, национальная культура) и навыки и умения письменного перевода (проведение смыслового анализа, знание эквивалентов, переводческих трансформаций и т.п.) [6: 15]. По мнению И. А. Гавриловой, состязательный формат, стимулирующий мотивацию саморазвития и достижения, а также специфика конкурсного материала также дают возможность использовать проведение конкурсов общественно-политического перевода в целях развития межкультурной компетенции [3]. Так, особенностью конкурсов, проводимых автором, является предоставление

дополнительных заданий на специальном сайте, где участники могут проверить свою общую и языковую эрудицию, отвечая на вопросы тестов-викторин. Полагаем, что к составлению подобных викторин также можно привлечь студентов старших курсов, магистрантов и аспирантов.

Удалось ли вам обсудить с преподавателем результаты своей работы?

нет, но мне хотелось бы знать где я мог/могла допустить ошибки	50.0%
нет, но я примерно представляю, где мог/могла допустить ошибки	36.7%
да, был проведен подробный разбор текста и ошибок, допущенных студентами	6.7%
нет, мне это не интересно	6.7%
да, был проведен разбор некоторых фрагментов текста и допущенных ошибок	0.0%

Рис. 1. Результаты опроса участников конкурса (фрагмент)

Не вызывает сомнений, что обсуждение результатов конкурса не только способствует формированию умений и навыков межнационального общения, но и активизирует приобретение студентами новых социокультурных знаний в рамках образовательного процесса. Тем не менее, по данным опроса, проведенного среди участников нашего конкурса, только 6,9% студентов имели возможность провести обсудить с преподавателем ошибки, допущенные при переводе текста. Около половины опрошенных сообщили, что не знают, но хотели бы знать, где они допустили ошибки. Несколько студентов написали в пожеланиях организатору, что хотели бы увидеть работы участников, получивших призовые места (Рис.1).

Полезной практикой является проведение семинаров «по следам» конкурса перевода, где обсуждается текст и анализируются ошибки в качестве «факультативного фрагмента

завершающей фазы конкурса» [1]. Однако предложение о проведении такого семинара, как правило, не встречает поддержки со стороны членов комиссии, уже потративших немало времени и сил на проверку значительного количества конкурсных работ. Альтернативой, на наш взгляд, может быть работа над ошибками, проведенная каждым преподавателем со своими студентами на занятиях, для чего организаторы могут предоставить в открытом доступе тексты переводов, авторы которых удостоились призовых мест. Кроме того, конкурсные тексты могут использоваться для работы со студентами, которые не участвовали в текущем конкурсе как для их подготовки к конкурсу в следующем году, так и исключительно в обучающих целях.

Опрос, проведенный среди участников последнего конкурса, показал, что основную проблему при переводе текста представляло отсутствие необходимых знаний для правильной интерпретации текста. Анализ работ, проведенный конкурсной комиссией, подтверждает это наблюдение. Так, например, Пендер Макин в переводах конкурсантов нередко превращалась в мужчину, а выселение жильцов за неуплату аренды заменялось депортацией мигрантов (Таблица 1).

Таблица 1

Оригинал	Варианты перевода (1 – ошибочный)
<i>Carson v Makin, to be heard on December 8th, may buttress another project of the conservative legal movement.</i>	1. Дело Карсона против Макина, которое будет заслушано 8 декабря, может поддержать еще один законопроект консерваторов. 2. Восьмого декабря Верховный суд рассмотрит дело «Карсон против Макин», и оно может стать очередной победой консервативного блока.

<p>Along with disputes over immigration policy and <i>pandemic-inspired pauses on evictions</i>, the most divisive issue in American politics reached the justices while they were on holiday...</p>	<p>1. В то время, как судьи были в отпуске, помимо разногласий в области миграционной политики и <i>связанной с пандемией приостановки выселения нелегальных мигрантов...</i></p> <p>2. Не утихают споры по поводу иммиграционной политики и <i>моратория на выселение неплательщиков</i>, который был введен из-за последствий эпидемии коронавируса.</p>
--	--

Стоит отметить, что в данном случае отсутствие фоновых знаний могло быть восполнено поиском соответствующей информации, например, в онлайн-источниках, между тем, полученные результаты свидетельствуют о недостаточной сформированности информационно-поисковых навыков как минимум у трети участников.

В качестве второй по значимости проблемы конкурсанты назвали перевод имен собственных и специальной лексики. Проиллюстрировать данные трудности можно, к примеру, вариантами перевода названия Нью-йоркского отделения Национальной стрелковой ассоциации США (*New York State Rifle & Pistol Association*), которое получило следующие интерпретации в текстах переводов: *Нью-Йоркская ассоциация винтовок и пистолетов*, *Нью-йоркский государственный стрелковый и пистолетный союз Брюна* и даже *Нью-Йоркская ассоциация пропаганды огнестрельного оружия*.

Далее приведем примеры заданий, которые можно предложить студентам, имея в распоряжении тексты оригинала, «хороших» переводов и переводов с ошибками и неточностями.

Задание 1. Найдите в тексте термины, подберите к ним переводческие соответствия в словарях и параллельных текстах.

Задание 2. Найдите в тексте имена собственные. Классифицируйте их по типу (имена людей, названия организаций, географические названия и т.п.). Проверьте, имеются ли официальные эквиваленты к данным именам собственным, в случае необходимости предложите свои варианты.

Задание 3. Сопоставьте фрагменты текста оригинала и перевода. Выберите наиболее подходящий вариант из предложенных. Объясните свой выбор.

Оригинал: *On November 3rd, in New York State Rifle & Pistol Association v Bruen, the justices will hear a challenge to New York state's rules governing concealed carry licences.*

Варианты перевода:

1) 3 ноября в деле «Нью-Йоркской ассоциация винтовок и пистолетов против Бруэна» судьи рассмотрят оспаривание правил штата Нью-Йорк, регулирующих лицензии на скрытое ношение оружия.

2) 3 ноября по делу «Государственной ассоциации владельцев винтовок и пистолетов штата Нью-Йорк против Бруэна» (*New York State Rifle & Pistol Association v Bruen*) судьи заслушают возражение против закона штата Нью-Йорк, регулирующего выдачу лицензий на скрытое ношение оружия.

3) Третьего ноября судьи заслушают аргументы по делу «Нью-йоркский филиал Национальной стрелковой ассоциации США против Бруэна». Истцы собираются оспорить законы, которые ограничивают скрытое ношение оружия в общественных местах.

4) Третьего Ноября верховные судьи заслушают проблему, стоящую перед законами штата Нью-Йорк, в части касающейся законодательства о разрешении на оружие, в Нью-Йоркской ассоциации пропаганды огнестрельного оружия Кевина Брюэна.

Задание 4. Сопоставьте текст оригинала и перевода следующих фрагментов. Проверьте, соблюдены ли конвенции

и стиль данного типа текста в языке перевода; имеются ли в тексте перевода ошибки, квалифицируйте их и исправьте.

Оригинал: *Turtles peer down on visitors to America's Supreme Court and support lampposts on its plaza. (But for an institution engraved with the semiotics of slow, steady change, the Supreme Court has been on a bit of a tear...)*

Варианты перевода:

1) *Бронзовые черепахи, служащие опорой для фонарных столбов, расположенных по всей территории вокруг здания Верховного Суда США, пристально наблюдают за посетителями судебной инстанции.*

2) *Бронзовые черепахи, словно символ медленного, но неотвратимого правосудия, поддерживают фонарные столбы у здания Верховного суда США и встречают его посетителей.*

3) *Попадая на территорию Верховного суда Америки, посетителей встречают черепахи- символы спокойствия и неторопливости - они всматриваются в людей и одновременно поддерживают фонарные столбы на судебной площади.*

4) *Здание Верховного суда США всегда было овеяно духом медленных, стабильных перемен, который можно угадать в изваяниях черепах, что прочно поддерживают фонарные столбы на площади перед ним и неустанно наблюдают за посетителями.*

5) *Всех, кто приходит в здание Верховного суда США, встречают черепахи: одна смотрит на посетителей с фронтона, другие поддерживают основания фонарных столбов на площади перед входом.*

6) *На площади у здания Верховного суда Америки неподвижные изваяния черепах изо дня в день безмолвно наблюдают за посетителями, удерживая на себе уличное фонарное освещение.*

7) *Черепахи внимательно наблюдают за посетителями Американского Верховного Суда и поддерживают фонарные столбы на его площади.*

8) *Каменные черепахи, подпирающие панцирями фонарные столбы около здания Верховного суда США, из года в год смеряют посетителей своими глубокими взглядами.*

Задание 5. Оцените перевод, выполненный Вашим коллегой, прокомментируйте свою оценку (а) студенты получают тексты перевода, выполненные в рамках конкурса; (б) студенты предварительно получают задание перевести текст полностью или только фрагмент текста, затем обмениваются работами и проводят оценку.

Участие студентов в поиске и отборе текстов для перевода, непосредственно в самом конкурсе, а также в последующем обсуждении результатов мероприятия, выполнение заданий в рамках работы над ошибками направлены на формирование у будущих переводчиков элементов ряда компетенций, таких, как способность работать с электронными ресурсами для решения лингвистических задач; владение методикой предпереводческого анализа текста, способствующей точному восприятию исходного высказывания; владение методикой подготовки к выполнению перевода, включая поиск информации в справочной и специальной литературе; способность осуществлять письменный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм и др. Таким образом, конкурсы перевода общественно-политических текстов не только развивают навыки межъязыкового преобразования и письменной речи на родном и иностранном языках, но и способствуют формированию профессиональной, межкультурной компетенции и обладают несомненным обучающим, мотивирующим и диагностическим потенциалом.

Список литературы

1. *Алексеева И. С.* Конкурс переводов как диагностический и дидактический инструмент, или Уроки *Sensum de*

Sensu: к 20-лeтнему юбилею конкурса / И.С. Алексеева // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 106–115. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-106-115>.

2. Альбукова О. В. Обзор существующих подходов к проблеме оценки качества перевода / О. В. Альбукова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4-2(58). – С. 65-69.

3. Гаврилова И. А. Конкурсы перевода газетно-публицистических текстов в процессе формирования межкультурной компетенции студентов-юристов / И. А. Гаврилова // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : Материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 10–14 октября 2018 года / Отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 59-62.

4. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика / В.Н. Крупнов. – М.: Международные отношения, 1976. – 190 с.

5. Мухтарова А. Д. Роль фоновых знаний в обучении переводу общественно-политического текста (на материале британской и испанской прессы) / А. Д. Мухтарова, С. С. Боднар // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – 2017. – Т. 2. – № 4. – С. 66-68.

6. Трофимова С.В. Методика обучения общественно-политическому письменному переводу на языковом факультете (на материале французского языка): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2004. – 16 с.

**ИНСТРУМЕНТЫ СОЗДАНИЯ
АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ГЛОССАРИЕВ
ДЛЯ ПОДГОТОВКИ УСТНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ
В СПЕЦИАЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ**

*Парина Ирина Сергеевна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, 603155,
ул. Минина, 31а,
isparina@lunn.ru,*

*Салаев Павел Владимирович,
технический писатель,
Гарда Технологии, г. Нижний Новгород
г. Нижний Новгород, 603057,
проспект Гагарина 50, к.9,
pvsalaev@gmail.com*

Аннотация. В работе рассмотрены различия между программами, предназначенными для составления глоссариев в письменном и устном переводе. Описаны принципы работы и технические возможности систем управления терминологией в устном переводе – как заполняемых вручную, так и формирующих глоссарии автоматически. Показаны трудности, возникающие при обработке с помощью этих систем материалов на русском языке. В заключение представлен собственный инструмент создания автоматизированных глоссариев для устного перевода.

Ключевые слова: устный перевод; синхронный перевод; глоссарий; управление терминологией; цифровые инструменты.

AUTOMATED GLOSSARY MANAGEMENT TOOLS FOR INTERPRETERS IN SPECIAL FIELDS

Parina I.S.,

*candidate of philological sciences, associate Professor,
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Minina, 31a,
isparina@lunn.ru,*

Salaev P.V.,

*technical writer, Garda Technologies
Nizhny Novgorod, Russia, 603057,
Gagarina prosp. 50, k. 9,
pvsalaev@gmail.com*

Abstract. The paper discusses the differences between programs designed to compile a glossary in written translation and interpretation. The operation principles and technical capabilities of terminology management systems, both for automatic and manual glossary compilation in interpreting are described. The paper also concerns difficulties with processing materials in Russian using the terminology management tools in question. In conclusion, a tool for creating automated glossaries with Russian as source language is presented.

Key words: interpretation; simultaneous interpreting; glossary; terminology management, digital tools.

Значимость глоссария в работе устного переводчика едва ли нуждается в подробном обосновании. Уже в 1978 году автор учебного пособия «Теория и практика синхронного перевода» Г.В. Чернов указывает на то, что обязательную часть подготовки к синхронному переводу составляет разработка глоссариев на всех рабочих языках синхрониста. Автор упоминает глоссарии трех видов: тематические, содержащие «процедурную терминологию и фразеологию», а также глоссарии стереотипных выражений для стандартных речевых ситуаций [1: 149].

В практических рекомендациях для сферы синхронного и последовательного перевода, подготовленных экспертной группой союза переводчиков России, глоссарий назван в числе предметов, необходимых переводчику на мероприятии – наряду с блокнотом, ручкой и очками для чтения [2: 24], а также в числе материалов, которые переводчику должен заблаговременно предоставить заказчик [2: 15].

К. Фантинуоли [3] и К. Штолль [4] подчеркивают, что подготовленный заранее глоссарий экономит усилия синхрониста в кабине и позволяет повысить качество перевода. В то же время, «готовых» глоссариев, в которых отражены не только термины определенной области знаний, но и профессиональный жаргон, мало, так что переводчику приходится составлять их самому [5].

В статье 2017 года К. Фантинуоли [3] указывает на удивительно небольшое количество публикаций об использовании компьютерных технологий в подготовке глоссариев для синхронного и последовательного перевода. Анализ литературы позволил нам убедиться в том, что это утверждение справедливо до сих пор.

Невелико и число предлагаемых устным переводчикам инструментов, которые, как отмечает К. Фантинуоли, и по своим возможностям существенно уступают многочисленным системам помощи письменному переводчику. Одна из вероятных причин состоит в ограниченности рынка устного перевода – меньшем числе специалистов и заказов и, соответственно, меньшем спросе на программы для синхронных и последовательных переводчиков. Другая причина заключается в том, что сами переводчики не готовы делать свою работу с терминологией более эффективной: как показывают опросы, большинство до сих пор использует для составления глоссариев стандартные текстовые редакторы – в частности, MS Word и MS Excel [3].

Вместе с тем, за последние десятилетия было разработано большое количество специальных программ для составления, редактирования и хранения терминологических

списков в рамках подготовки к устному переводу. Некоторые из них будут рассмотрены далее.

Системы управления терминологией для устного перевода по своим функциям в целом напоминают системы помощи письменному переводчику, однако есть и различия. Так, системы создания глоссариев для письменного перевода в первую очередь предназначены для того, чтобы «подсказывать» переводчику эквивалент для термина, принятый в рамках конкретного проекта. Такие глоссарии позволяют избежать ошибок в переводе терминов, для которых в обычных словарях предлагается несколько соответствий, и особенно удобны в том случае, если над проектом работают несколько переводчиков, поскольку позволяют обеспечить единообразие используемой терминологии. Системы управления корпоративной терминологией являются частью систем автоматизированного перевода (например, Promt [6], Smartcat [7]) или предлагаются как самостоятельный продукт (ABBYY Lingvo.Pro [8]).

В перечисленных системах клиент составляет глоссарии вручную, либо заполняя «карточки» в самой программе, либо загружая подготовленные заранее текстовые файлы, но существуют и автоматизированные решения. Так, в системе автоматизированного перевода Memsource есть функция извлечения терминов из текста. У этой функции, однако, имеется существенный недостаток: составляемый список терминов, фактически, представляет собой тот же текст, только в виде списка словоформ. Если слово встречается в тексте в разных грамматических формах, все они будут содержаться в списке. В список «терминов» попадают служебные слова, местоимения и числительные. Таким образом, требуется уделить дополнительное время вычитыванию и сокращению глоссария, так что использование этой функции оправдывает себя только в том случае, если предстоит работа с большим количеством текстов однотипного содержания. Иноязычные соответствия для извлеченных терминов в глоссарий также необходимо вносить вручную [9: 68–69].

Системы создания глоссариев для устного перевода призваны облегчить поиск «правильного» эквивалента во время работы в переводческой кабине. Также они помогают переводчику в короткие сроки подготовиться к заказу по новой для него тематике: составить список основных терминов и выучить его. Поэтому функция автоматического извлечения терминов из текста в таких системах может быть чрезвычайно полезной. Желательно, чтобы такие системы предлагали решения и на случай, если заказчик не предоставил переводчику материалов для подготовки, и известна лишь тематика мероприятия.

Существующие системы в основном предназначены для индивидуального использования, хотя есть и такие, в которых терминологическую базу редактируют централизованно – например, система управления терминологией для переводчиков Европейского союза Lithos [10]. Базу данных на всех рабочих языках ЕС для нее ежемесячно пополняет специальная терминологическая служба. Эта система доступна только переводчиком Евросоюза, однако есть ряд программ для управления терминологией для широкого круга пользователей: бесплатных (например, Word Tabulator 2.2.3 [11], Concordancer for Windows 3.0 [12]) и платных (flashterm [13], InterpretBank [14], Interplex [15], Glossary Assistant [16], MonoConc Pro [17], SDL MultiTerm Extract [18] и другие).

С точки зрения функциональных характеристик можно выделить два основных типа: программы, направленные на хранение терминологии в удобном для переводчика формате, и программы для автоматического извлечения терминов из текста.

К первому типу относятся, например, системы Interplex [15] и Glossary Assistant [16] - они предназначены преимущественно для работы с терминологией из глоссариев, предварительно импортированных в виде файлов, а также flashterm [13]. Эта система, наоборот, предлагает интерфейс для внесения данных, которые впоследствии могут быть экспортированы в виде файла Ms Excel. По данным производителя,

система *flashterm* позволяет вносить в глоссарии большое количество дополнительной информации: дефиниции термина на рабочих языках, коллокации, примеры употребления в контексте, описание произношения и формообразования, иллюстрации, - а также осуществлять поиск и сортировать словарные карточки по различным критериям. Программа предоставляется по предварительному заказу, поэтому у нас не было возможности проверить корректность ее работы с русским языком.

Примерами систем второго типа являются доступные для скачивания *Word Tabulator 2.2.3* [11] и *Concordancer for Windows* [12].

Программа *Word Tabulator 2.2.3* [11] легко устанавливается и обладает понятным интерфейсом, однако имеет и существенные недостатки: словоформы из текста не приводятся к леммам, в список попадают все слова из текста, в том числе предлоги и союзы, и возможность автоматически исключить их из результатов поиска отсутствует. Как показала проведенная нами проверка, с русским языком программа работает не совсем корректно, так что в списке терминов можно обнаружить единицы типа *йж, hwnmcy, sodxbфyj*.

Программа *Concordancer for Windows* [12] разработана в Германии, в Техническом университете города Дармштадт, легко устанавливается и быстро работает с немецким языком (хотя в список «терминов» она тоже включает предлоги и артикли). Загруженный нами текстовый файл на русском языке программа обработала некорректно: список извлеченных терминов представляет собой нечитаемый набор символов.

Очевидно, что наиболее удобны для устного переводчика программы, объединяющие в себе функции систем первого и второго типа. Примером такой программы является система *InterpretBank* [14]. Эта программа доступна только по платной подписке, но у нее есть пробная 14-дневная версия.

Особенность этой программы состоит в том, что она позволяет составлять двуязычный глоссарий как вручную, так

и автоматически. В первом случае переводчик вносит термины на исходном языке и их соответствия в переводящем языке в «карточки», либо импортирует в систему документ и выделяет в нем термины, а система копирует их в глоссарий.

Для автоматического формирования глоссария также необходимо импортировать в систему документ, термины из которого и войдут в глоссарий, но есть и другие функции: система может извлекать термины с веб-страницы (для этого достаточно указать электронный адрес) и составлять список терминов по теме, заданной с помощью одного или нескольких ключевых слов.

Также программа позволяет автоматически подобрать для термина список соответствий в переводящем языке. Рассматривая возможности системы InterpretBank, К. Фантинуоли [3] указывает, что поиск соответствий производится по терминологической базе IATE [17] и переводным словарям – таким, как Beolingus [18], Leo [19], dict.cc [20]. Кроме того, в систему можно загружать пары текстов оригинал-перевод и составлять двуязычный глоссарий на их основе.

Помимо этого, система снабжена функцией добавления глосс в документ: импортировав в программу текст, можно автоматически надписать над всеми словами и словосочетаниями, которые уже зафиксированы в двуязычном глоссарии, их соответствия на переводящем языке. Как и другие системы управления терминологией, InterpretBank [14] позволяет экспортировать глоссарии в виде файла Ms Excel.

Как показала проведенная нами проверка, для русского языка формирование списка терминов по заданному ключевому слову осуществляется корректно. Так, сформированный программой глоссарий к ключевому слову «Хохлома» содержит 167 единиц. Все они представляют собой слова и сочетания слов знаменательных частей речи, приведенные к исходной грамматической форме. Соответствуют они и указанной тематике: в основном единицы глоссария обозначают художественные промыслы, виды изделий из дерева и материалы,

используемые при их изготовлении, например: *свистулька, матрёшка, древесина, олифа, декоративно-прикладное искусство, Вологодское кружево, Каслинское литьё*. Большинство единиц из составленного глоссария являются реалиями и, действительно, могут вызвать трудности у переводчика. Как указывает К. Фантинуоли, способность системы отбирать специальную лексику обеспечивается использованием методик корпусной лингвистики [3].

Задача извлечения терминов с заданного сайта на русскоязычном материале выполняется системой хуже. К некоторым российским сайтам система не может получить доступ, с других извлекает текст, но не может автоматически сформировать на его основе глоссарий. Для сравнения, на материале английского языка функция извлечения терминов с указанного сайта работает, хотя результаты также получаются менее точными, чем при поиске по ключевым словам. Поскольку система извлекает слова и словосочетания не с одной страницы, а со всего сайта, в списке оказываются слова и словосочетания, которые могут быть отнесены к специальной лексике, но не соответствуют искомой теме. Так, к странице на английском языке, посвященной хохломе, с сайта *Bridge to Moscow* [21]. Программа составила глоссарий объемом 412 единиц – в котором есть не только словосочетания *traditional matryoshka doll, russian doll painting*, но и *privacy settings, russian tourist visa* и *classic music evening*.

Для русского языка полностью недоступна функция автоматического извлечения терминологии из импортированного текста и функция подбора соответствий на основе загруженных в систему параллельных текстов.

InterpretBank [14], бесспорно, является лучшей из рассмотренных нами программ. Однако набор предлагаемых ею функций для русского языка ограничен – видимо, из-за технических трудностей с распознаванием кириллицы.

Поэтому мы считаем необходимым предложить свой инструмент – «Автоглоссарий» – позволяющий автоматически

составлять глоссарии специальной лексики на основе русскоязычных текстов – документов, предоставленных переводчику организаторами мероприятия или материалов по теме, подобранных переводчиком самостоятельно.

При разработке этой программы выделяется несколько основных задач, с которыми необходимо справляться системе:

- извлечение словоформ из текста;
- приведение словоформ к лемме;
- удаление лемм, не относящихся к специальной лексике (служебных частей речи, местоимений, а также наиболее частотной общей лексики) и сохранение сформированного списка в виде документа;
- подбор соответствий для специальной лексики в переводящем языке. Лексемы нередко имеют несколько соответствий в другом языке, различающихся по семантике, поэтому для точного выполнения этой задачи необходимо участие переводчика. Целесообразным на этом этапе нам представляется обращение через программу к контекстным словарям (таким, как Linguae [21]) и предоставление переводчику возможности выбрать эквивалент из числа предлагаемых в словаре соответствий;
- сохранение двуязычного глоссария в виде документа с возможностью экспорта в офисное приложение.

К настоящему времени подготовлена действующая модель, выполняющая все эти функции, на основе платформы Make (ранее Integromat) [23], позволяющей автоматизировать ручные процессы, на которой, однако, есть ограничение на количество реализуемых бесплатно операций. Решается задача по разработке системы управления терминологией на основе общедоступных и преимущественно отечественных ресурсов.

Предлагаемая система сможет использоваться как в самостоятельной подготовке переводчиков, так и в преподавании устного перевода, и способствует увеличению роли цифровых инструментов в практике и дидактике устного перевода.

Список литературы

1. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. – М.: Междунар. отношения, 1978. – 208 с.
2. Синхронный и последовательный перевод. Рекомендации практикующим переводчикам. 2-я редакция – М.: Р. Валент, 2015. – 64 с.
3. Fantinuoli C. Computerlinguistik in der Dolmetschpraxis unter besonderer Berücksichtigung der Korpusanalyse // Silvia Hansen-Schirra, Stella Neumann, Oliver Čulo (Hrsg.): Annotation, exploitation and evaluation of parallel corpora. – Berlin: Language Science Press, 2017. S. 111–146.
4. Stoll Chr. Jenseits simultanfähiger Terminologiesysteme. – Trier: Wvt Wissenschaftlicher Verlag, 2009. – 342 S.
5. Fantinuoli C. Specialized Corpora from the Web and Term Extraction for Simultaneous Interpreters // Wacky! Working Papers on Web as Corpus. – Bologna: GIDIT, 2006. – Pp. 173–190.
6. Promt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.promt.ru/> (дата обращения: 28.04.2022).
7. Smartcat [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.smartcat.com/blog/kak-sozdat-idealnyi-ghlossarii/> (дата обращения: 29.04.2022).
8. ABBYY Language Services выпускает решение по управлению корпоративной терминологией Lingvo.Pro [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abbyy.com/ru/news/2013/09/abbyy-language-services-vyускаet-reshenie-po-upravleniyu-korporativnoj-terminologiej-lingvopro/> (дата обращения: 29.04.2022).
9. Компьютерная лингвистика. Начальные сведения. Учебно-методические материалы / В. М. Бухаров, Ю. В. Балакина, И. С. Парина, М. Б. Чиков. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021. – 117 с.
10. Lithos [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/education/knowledge-centre-interpretation/conference->

interpreting/terminology-tools-and-resources/terminology-dg-interpretation_en (дата обращения: 28.04.2022).

11. Word Tabulator 2.2.3 – Автоматическое извлечение терминологии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.englishhelp.ru/soft/soft-for-translator/96-word-tabulator.html> (дата обращения: 29.04.2022).

12. Concordancer for Windows 3.0 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.linglit.tu-darmstadt.de> (дата обращения: 28.04.2022).

13. Flashterm INTERPRETER Version [Электронный ресурс]. URL: <https://www.flashterm.eu/> (дата обращения: 28.04.2022).

14. InterpretBank [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interpretbank.com/site/> (дата обращения: 28.04.2022).

15. Interplex Glossary Software for Interpreters and Translators [Электронный ресурс] URL: <http://www.fourwillows.com/interplex.html> (дата обращения: 29.04.2022).

16. Glossary Assistant [Электронный ресурс]. URL: <http://swiss32.com/using-app/> (дата обращения: 28.04.2022).

17. MonoConc Pro [Электронный ресурс]. URL: <https://monoconc.com/> (дата обращения: 29.04.2022).

18. SDL MultiTerm Extract [Электронный ресурс]. URL: https://www.tra-service.ru/shop/#popup_price_2 (дата обращения: 28.04.2022).

17. IATE [Электронный ресурс]. URL: <https://iate.europa.eu/> (дата обращения: 28.04.2022).

18. Beolingus [Электронный ресурс]. URL: <https://dict.tu-chemnitz.de/> (дата обращения: 28.04.2022).

19. Leo [Электронный ресурс]. URL: <https://dict.leo.org/englisch-deutsch/> (дата обращения: 28.04.2022).

20. Dict.cc [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dict.cc/> (дата обращения: 28.04.2022).

21. Bridge to Moscow [Электронный ресурс]. URL: <https://bridgetomoscw.com/khokhloma> (дата обращения: 28.04.2022).

22. Linguee. Wörterbuch Englisch-Deutsch und Suche in einer Milliarde Übersetzungen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.linguee.de/> (дата обращения: 28.04.2022).

23. Make [Электронный ресурс]. URL: https://www.make.com/en?_ga=2.91465689.292191978.1651098336-1511926348.1651098336 (дата обращения: 28.04.2022).

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА С УЧЕТОМ РЕАЛИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Ряховская А.Ю.,
доцент кафедры теории английского языка
и переводоведения,
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского,
г. Брянск, РФ,

Ряховская Я.О.,
студентка юридического факультета,
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского,
г. Брянск, РФ

Аннотация. В статье рассматривается специфика правовых систем государств, относящихся к римскому и англосаксонскому праву. Принимая во внимание самобытный характер правовой системы Великобритании, особое внимание уделено сравнительному анализу некоторых терминов права, имеющих различную интерпретацию в правовых системах России и административно-политических частей Великобритании. В ходе анализа было выявлено, что существенные различия в наименовании министерств, юридических инстанций, должностей наблюдаются и в системах стран общего права частей Соединенного Королевства. В статье предпринимается попытка обоснования выбора корректного эквивалента из многообразия вариантов, предлагаемых словарями.

Ключевые слова: юридический перевод, юридический термин, англосаксонская правовая система, Генеральная прокуратура, судопроизводство, судоустройство

LEGAL TRANSLATION PECULIARITIES IN VIEW OF THE UK REALITIES

Ryakhovskaya A. Yu.,

*associate Professor of the Department
of English Language Theory
and Translation Studies BSU
named after Academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia,*

Ryakhovskaya Ya. O.,

*student of the Faculty of Law Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia*

Abstract. The article deals with the peculiarities of the legal systems of the states related to Roman and Anglo-Saxon law. Taking into account the distinctive nature of the legal system of Great Britain, special attention is paid to the comparative analysis of some legal terms that have different interpretations in the legal systems of Russia and administrative-political parts of Great Britain. The analysis revealed that significant differences in the names of ministries and legal authorities can also be observed in the systems of common law countries of the United Kingdom parts. An attempt has been taken to rationalize the choice of the correct equivalent from the variety of options offered by dictionaries.

Keywords: legal translation, legal term, Anglo-Saxon legal system, Prosecutor General's Office, judicial proceedings, judicial system

Выполнение перевода юридических текстов для выпускников филологического факультета является непростой задачей. Перевод юридической документации требует не только превосходного знания исходного и переводящего языка, но и умения разбираться в тонкостях законодательства

обеих стран. Юридический перевод – один из видов специального перевода, обслуживающий правовую сферу коммуникации [1]. В теории права юридический термин определяется как «слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [7]. Объективные различия в законодательствах стран языка перевода и языка оригинала определяют специфику и неоднозначность переводимых понятий. Проблема, с которой сталкиваются переводчики юридических текстов, заключается в том, что терминологические различия встречаются и в юридической лексике англоязычных стран, принадлежащих к одной правовой семье. Качественное выполнение юридического перевода предполагает умение разбираться в той области права, к которой относится переводимый текст, оперировать многозначностью терминов с учетом контекста и национального правового поля.

Британская система права относится к англосаксонской правовой семье. В Великобритании действует система общего права, которая возникла благодаря деятельности королевских судов. Ее происхождение и развитие неразрывно связаны с королевской властью [2]. Вместе с тем, система права на территории Соединенного королевства не отличается единообразием. Современные границы Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии обозначились сравнительно недавно – лишь сто лет назад. Правовая терминология Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии имеет свои особенности из-за различных исторических, национальных, культурных условий, в которых возникли и развиваются действующие правовые институты.

Различия правовой системы разных стран Великобритании обусловлены разной степенью влияния римского права на представителей англо-саксонской правовой семьи [3]. Так, основным источником английского права является судебный

прецедент. Особенностью английского права является то, что его система не признает деления на частное и публичное право. Также не признается выделение из норм гражданского права торгового права, как это принято во Франции, в Германии и во многих других странах. В Северной Ирландии в качестве источников права суды используют не только британское законодательство, но и акты ирландского парламента, принятые до 1921 г., а также акты парламента Северной Ирландии, который был распущен британскими властями в 1972 г. [4]. Круг судебных прецедентов, используемых ими в качестве источников права, также более широк, поскольку включает решения ирландских судов, принятые на территории всей Ирландии как до, так и после 1921 г.

Несмотря на то, что Шотландия была присоединена раньше других стран, входящих в состав Соединенного королевства, правовая система Шотландии отличается большим своеобразием. Здесь до сих пор действует смешанная система права и используется правовая терминология, во многом отличная от систем Англии, Уэльса и Северной Ирландии. Многие шотландские юристы и правоведы к источникам права Шотландии относят и прецеденты, и юридические трактаты, имеющие институциональное значение, и законодательство. Правовая система Шотландии никогда не была кодифицирована, а складывалась с самого начала из судебных решений шерифов и юстициариев. Необходимо отметить, что шотландский метод толкования норм права ближе к романо-германскому, чем к англосаксонскому, ведь именно в Шотландии, как в романо-германской правовой семье, конкретные правовые вопросы выводятся из общего принципа. В странах англосаксонской правовой семьи, напротив, судьи формируют общий принцип исходя из конкретных случаев. Помимо этого, в отличие от гражданского права Англии и Уэльса, Шотландию обошло развитие исковых приказов [6].

Единая терминология, связанная с деятельностью правовых институтов, все же наблюдается в Англии и Уэльсе, поскольку Акт об объединении был подписан еще в 1536 году. Несмотря на то, что Уэльс может принимать собственные законы в 20 областях права, здесь действует единое уголовное и коммерческое право.

К сожалению, даже специализированные англо-русские словари, популярные среди переводчиков, не дают однозначный вариант при выполнении перевода терминов, относящихся к наименованию подобных должностей и инстанций. Переводчикам часто приходится сталкиваться с целым рядом разных вариантов перевода. Сделать верный выбор в данном случае – значит соблюсти фактическую точность при передаче реалий, которые по определению должны отличаться «смысловой однозначностью». Как показывает практика, чаще переводчики выбирают вариант, переведенный с помощью кальки, полукальки, транскрипции. Этот выбор оправдан и объясняется тем, что абсолютных эквивалентов не существует в силу разного устройства правовых систем. Как показывает анализ стран, входящих в состав Великобритании, данные различия наблюдаются не только в странах одной правовой семьи, но и одного государства. Использование соответствий-аналогов (по Н.В. Комиссарову), или уподобления (в классификации В.С. Виноградова) при переводе терминов, где наблюдаются расхождения в национальных законодательствах, зачастую вносит неопределенность, не отражает специфики переводимых явлений, может являться и фактической ошибкой.

Подобные несоответствия встречаются на уровне наименования отдельных юридических фактов, явлений, должностей, названия министерств и участников судебного процесса. В таблице 1 приведены некоторые термины из области права анализируемых стран, имеющие расхождение в толковании и/или переводе.

Таблица 1

**Сравнительный анализ терминов из области права
Российской Федерации и стран, входящих
в состав Соединенного Королевства**

Термины РФ	Термины Англии / Уэльса	Термины Шотландии	Термины Северной Ирландии
Генеральная прокуратура	The Attorney General's Office (AGO) / The Crown Prosecution Service (CPS)	The Office of the Advocate General for Scotland /Crown Office	The Office of the Advocate General for Northern Ireland/Public Prosecution Service for Northern Ireland
Генеральный прокурор	The Attorney General for England and Wales	The Advocate General for Scotland	The Advocate General for Northern Ireland
судья	The Lord Chief Justice of Northern Ireland Lord Justice of Appeal, High Court Judge, Circuit Judge, District Judge, District Judge, Recorder	Lord President, Lord Justice General, Sheriff Principle	The Lord Chief Justice of Northern Ireland Lord Justice of Appeal, High Court Judge, Circuit Judge, District Judge, District Judge, Recorder
прокурор	Crown prosecutor (in charge of criminal cases)	Procurator fiscal (in criminal and tax law)	Public prosecutor

Функции Генеральной прокуратуры в исследуемых странах существенно отличаются, что находит отражение и в переводе. В России Генеральная прокуратура является единой

федеральной централизованной системой органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, действующих на территории РФ [6]. В ведомстве Генеральной прокуратуры РФ – уголовные, гражданские и административные дела. Допустимый перевод, указанный непосредственно на официальном англоязычном сайте Генеральной прокуратуры, – *The Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. Абсолютного аналога этого института в Великобритании не существует. В Великобритании функции Генеральной прокуратуры РФ выполняет ряд учреждений – Управление Генерального атторнея (*The Attorney General's Office*), Королевская прокурорская служба (*The Crown Prosecution Service*), Государственная служба Великобритании по контролю за правонарушителями (*National Offender Management Service*) и др. Прокуратуры на местах в Великобритании именуются Управление Генерального атторнея Англии и Уэльса (*the Attorney General's Office*) Управление Генерального адвоката Шотландии (*The Office of the Advocate General for Scotland*), Управление Генерального адвоката Северной Ирландии (*The Office of the Advocate General for Northern Ireland*), Ведомства, которые являются государственными органами надзора и обвинения по уголовным делам – Королевская прокурорская служба (*the Crown Prosecution Service*) в Англии и Уэльсе, Управление уголовного преследования в Шотландии (*the Crown Office*), Управление уголовного преследования в Северной Ирландии (*Public Prosecution Service for Northern Ireland*).

Системой органов прокуратуры руководит Генеральный прокурор РФ (*The RF General Prosecutor*). Толкования термина *Attorney General* в словарях и энциклопедиях [8,10] демонстрируют значительные различия в функциях и полномочиях исследуемых должностей. Генеральный атторней в англосаксонской правовой системе является представителем и советником исполнительной власти в судах и является членом парламента. Следовательно, несмотря на встречающийся

в словарях (Multitran, ReversoContext, Glosbe и др.) вариант перевода «Генеральный прокурор Великобритании» в русской интерпретации британской правовой системы более корректно использовать термины «Генеральный Атторней», «Директор публичных преследований» (в уголовной правовой системе Великобритании) в силу явных различий функций и полномочий деятелей судебных систем Великобритании и России [3]. В отношении Шотландии в разных источниках и словарях встречаются термины Лорд-адвокат и Генеральный солиситор (*Lord Advocate/Solicitor General*). Эти термины действительно относятся к сфере полномочий Генерального атторнея, но были актуальны до 1999 года. Сегодня эти функции выполняет Генеральный адвокат Шотландии (*the Advocate General for Scotland*). Соответственно, при выполнении русско-английского перевода следует отдавать предпочтение варианту *the Advocate General for Scotland*, если речь идет о современных реалиях.

В ведомстве прокуроров субъектов РФ (*RF Prosecutors*) – осуществление от имени государства уголовного преследования, надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, а также ведение дел в порядке гражданского и административного судопроизводства [3]. Основной задачей государственных обвинителей Англии и Уэльса (*Crown Prosecutors*) и Северной Ирландии (*Public prosecutor*) на местах является участие в производстве исключительно по уголовным делам, которые рассматриваются в магистратских судах и передаются на рассмотрение в Суд Короны. В Шотландии аналогичную должность занимает фискальный прокурор (*Procurator fiscal*), в ведомстве которого как расследование всех внезапных смертей в Шотландии, так и фискальные штрафы.

В соответствии с Законом о конституционной реформе 2005 г. все судьи в Англии и Уэльсе делятся на три категории: судьи высшего звания (*senior judges*), судьи старшего звания (*superior judges*), судьи младшего звания (*inferior judges*).

В зависимости от ранга в судебной иерархии от наивысшей инстанции к низшей различают следующих судей: Обычный лорд по апелляциям (*Law Lord*), Главный лорд судья (*Lord Chief Justice*), Хранитель судебного архива (*Master of the Rolls*), Лорд судья по апелляциям (*Lord Justice of Appeal*), Судья Высокого суда правосудия (*High Court Judge*), Окружной судья (*Circuit Judge*), Районный судья (*District Judge*), Районный судья магистратского суда (*District Judge (Magistrates' Court)*), Рекордер (*Recorder*) и др. Судебная система Северной Ирландии схожа с английской. Что касается Шотландии, несмотря на объединение парламентов Шотландии, Англии и Уэльса в 1707 г. в единый законодательный орган, не предпринималось попыток объединить шотландскую и английскую правовые системы. Это обусловило существенные различия и в сфере судостроительства. В Шотландии Сессионный суд, рассматривающий гражданские дела, возглавляет Лорд-председатель (*Lord President*), Лорд-главный судья (*Lord Justice General*) находится во главе Высокого суда юстициария. Шерифские суды, суды среднего звена, возглавляют главные шерифы (*Sheriffs Principle*). Низшим звеном являются районные суды, где судьями становятся выборные магистраты (*Magistrates*).

Как демонстрируют примеры выше, важные участники судебного процесса переводятся терминами, представляющими собой реалии исходного языка и языка перевода. Зачастую эти реалии отражают особенности судостроительства не только стран, относящихся к разным правовым семьям, но и различаются среди субъектов одной страны. Так, недостаточно понимать объективные различия в национальном законодательстве России и Великобритании. Выбирая английский эквивалент, необходимо учитывать специфику судопроизводства Шотландии, к примеру, и использовать термин, использующийся в контексте национального законодательства. Выполняя перевод текста, требующего фактической точности, следует избегать подбора примерных эквивалентов, а отдавать предпочтение терминам, переведенным с помощью

кальки, полукальки, транскрипции. Самые востребованные двуязычные словари зачастую предлагают ряд синонимов, что далеко не облегчает работу переводчика. Нахождение адекватного и единственно верного термина во многом зависит от знания переводчиком предметной области. Умение и желание разбираться в нюансах юридических текстов является неотъемлемым условием качественного перевода данных, имеющих правовую силу.

Список литературы

1. *Киндеркнехт А.С.* Ученые записки Орловского государственного университета. № 2(52). 2013. С. 242-246.
2. *Марченко, М. Н.* Сравнительное правоведение. Общая часть. М.: Зерцало, 2001. 560 с.
3. *Ряховская А.Ю., Ряховская Я.О.* Перевод юридических терминов с учетом специфики правовых систем Российской Федерации, Великобритании и США //Актуальные проблемы переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Брянск, 2021. С. 66-72.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.07.2021).
5. Указ Президента РФ от 13.10.2004 N 1313 (ред. от 05.07.2021) "Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49892/ (дата обращения: 01.07.2021).
6. Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 N 2202-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 30.07.2021).

7. Язык закона / Боголюбов С.А., Казьмин И.Ф., Локшина М.Д., Москвин С.С., и др.; Под ред.: Пиголкин А.С. М.: Юрид. лит., 1990. 192 с.

8. Black's Law online dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://alegaldictionary.com/?s=attorney> (дата обращения: 15.07.2021).

9. Dictionary by Merriam-Webster: America's most trusted online dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/public%20defender>(дата обращения: 01.07.2021).

10. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/attorney-general> (дата обращения: 01.07.2021).

11. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/ministry-of-justice> (дата обращения: 01.07.2021).

**АНАЛИЗ ПАРАЛЛЕЛИЗМА,
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ
И НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДУ ФУ «ПЕСНЬ О ТОМ,
КАК ОСЕННИЙ ВЕТЕР РАЗРУШИЛ МОЮ
КАМЫШОВУЮ ХИЖИНУ»**

*Скворцов Арсений Владимирович,
доктор литературы (КНР), доцент Московского городского
педагогического университета, г. Москва,
Кондратова Татьяна Ивановна,
канд. филол. наук, доцент Московского городского педагогического
университета, г. Москва*

Аннотация. В работе выполняется синтаксический анализ всех строк произведения Ду Фу «Песнь о том, как осенний ветер разрушил мою камышовую хижину» на уровне словосочетаний от малого (отдельных лексем) к большому (группам подлежащего и сказуемого). Затем на основе этого анализа стихотворение переводится на русский язык прозой весьма близко к тексту первоисточника. Выполняется анализ изобразительно-выразительных средств, использованных Ду Фу. После этого прозаический перевод песни трансформируется в художественный.

Ключевые слова: Ду Фу, классический китайский язык, поэтический перевод.

**ANALYSIS OF PARALLELISM, VISUAL
AND EXPRESSIVE MEANS AND A NEW ARTISTIC
TRANSLATION OF DU FU'S WORK "THE SONG
ABOUT HOW THE AUTUMN WIND DESTROYED
MY REED HUT"**

*Skvortsov A.V.,
Doctor of Literature, docent of
MCU, Moscow,*

Kondratova T.I.,
Candidate of Philological Sciences, docent of
MCU, Moscow

Abstract. The work performs a syntactic analysis of all the lines of Du Fu's work "The Song about how the autumn wind destroyed my reed hut" at the level of phrases from small (individual lexemes) to large (groups of subject and predicate). Then, based on this analysis, the poem is translated into Russian in prose very close to the text of the original source. The analysis of visual and expressive means used by Du Fu is performed. After that, the prosaic translation of the song is transformed into an artistic one.

Keywords: Du Fu, classical Chinese, poetic translation.

Настоящая работа посвящена анализу изобразительно-выразительных средств и переводу на русский язык произведения Ду Фу «Песнь о том, как осенний ветер разрушил мою камышовую хижину». В качестве ключевого изобразительно-выразительного средства, используемого в этом стихотворении, выступает параллелизм. Анализ опубликованных работ, посвященных исследованию параллелизма в китайской поэзии, показывает, что часть авторов ограничивается словесным описанием параллельных конструкций, не подкрепляя его каким бы то ни было синтаксическим анализом [1, 2]. На фоне этих работ выделяются следующие статьи [3, 4] и монография [5], в которых параллелизм танских стихотворений исследуется с опорой на анализ по непосредственным составляющим всех строк стихотворений. Новизна настоящего исследования заключается в том, что этот метод применяется для анализа нового языкового материала – песни Ду Фу, параллелизм которой ранее не изучался. Предлагаемый в настоящей работе перевод пени Ду Фу также является новым.

Цель настоящего исследования заключается в выполнении художественного перевода произведения Ду Фу «Песнь

о том, как осенний ветер разрушил мою камышовую хижину». Для достижения этой цели были решены следующие задачи: 1) познакомиться с известными переводами этого произведения на современный китайский язык; 2) выполнить синтаксический анализ по непосредственным составляющим всех строк рассматриваемого произведения; 3) на основе такого разбора выполнить анализ изобразительно-выразительных средств песни; 4) выполнить прозаический перевод текста первоисточника на русский язык; 5) трансформировать прозаический перевод в художественный.

В качестве основного метода исследования выступает анализ всех строк рассматриваемого стихотворения по непосредственным составляющим от малого к большому.

Что касается практической значимости настоящего исследования, то его результаты могут быть использованы в процессе чтения лекций по дисциплинам «Основы классического китайского языка вэньянь» и «История китайского языка».

В настоящее время лучшим способом грамматического анализа стихотворений на классическом китайском языке является разбор всех строк произведения на уровне словосочетаний от малого к большому. Применительно к песни Ду Фу о том, как осенний ветер разрушает тростниковую крышу его жилища, такой анализ представлен на рисунках 1-3.

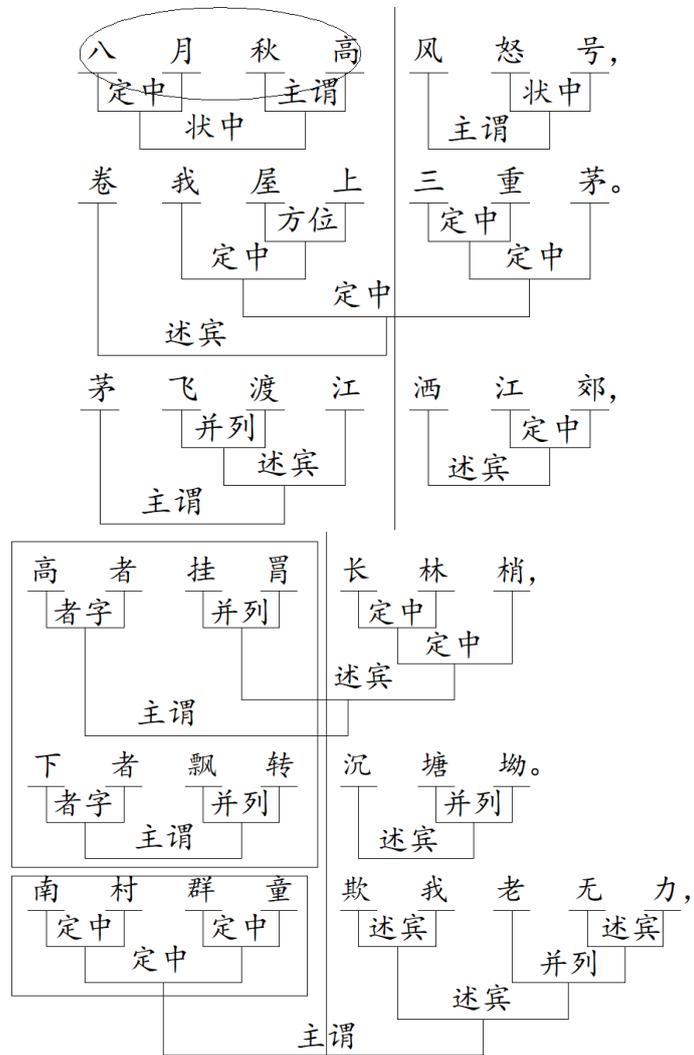

Рис. 1. Анализ на уровне словосочетаний стихов 1– 6

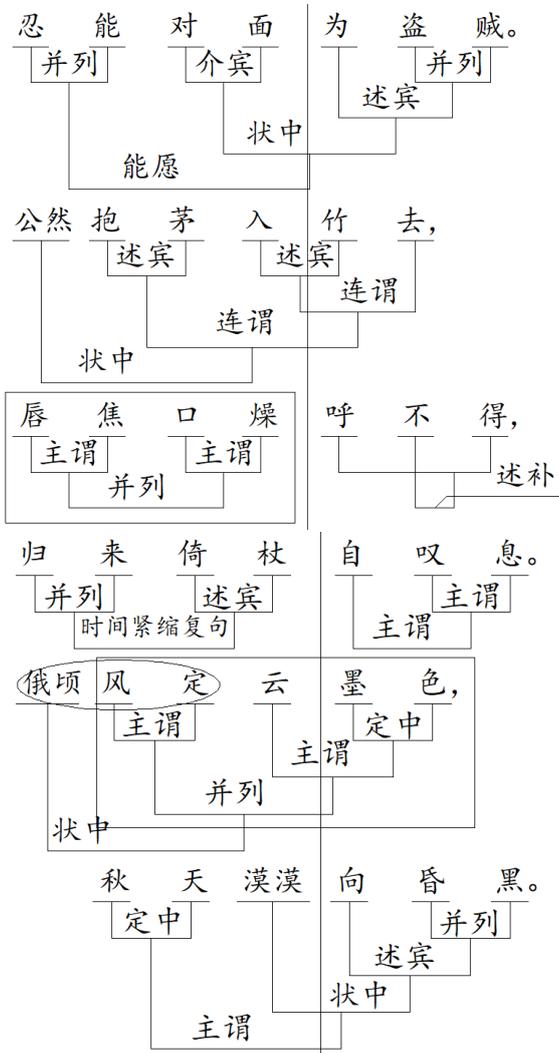
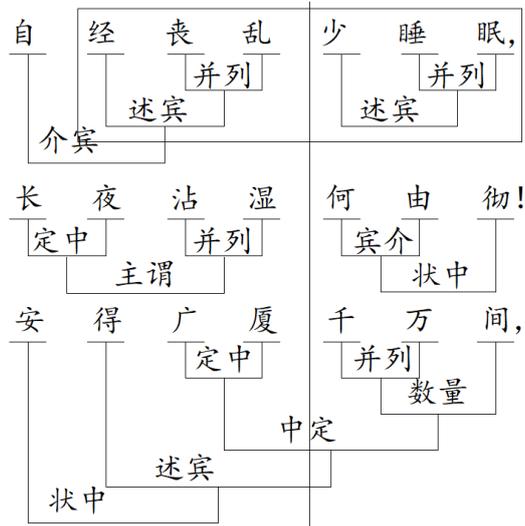

Рис. 2. Анализ на уровне словосочетаний стихов 7–16

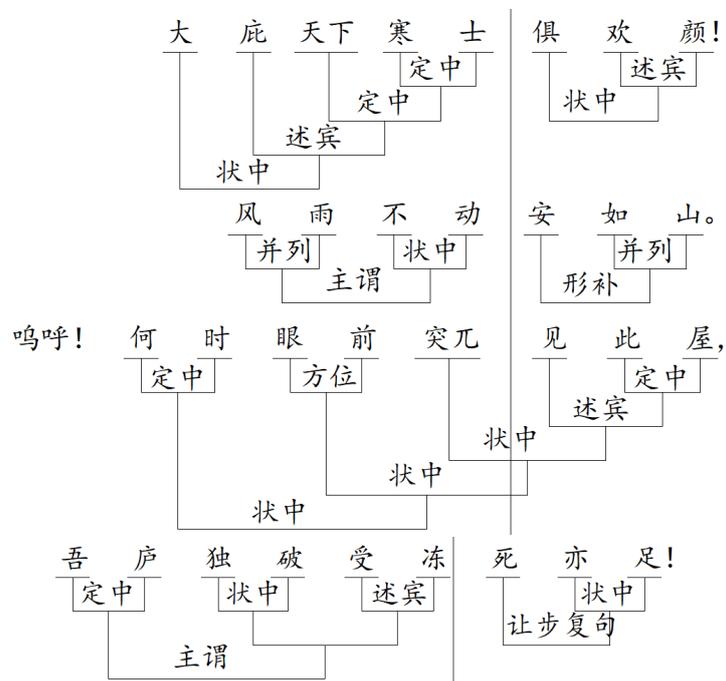

Рис. 3. Анализ на уровне словосочетаний стихов 17– 23

При переводе стихотворений с классического китайского языка на русский подстрочный перевод всех лексем строки является необходимым, но не достаточным условием корректного перевода. Поясним это положение на примере перевода второго стиха рассматриваемой нами песни. Значения всех лексем второго стиха представлены в таблице 1.

Таблица 1

Словарные значения всех лексем второго стиха

№	лек- семы	значение 1	значение 2	значение 3	значение 4
1	卷	сворачивать, закручивать, скатывать	завивать (о волосах)	изогнутый, скрученный	свиток
2	我	я	мой		
3	屋	комната, помещение, дом, жилище	крыша		
4	上	верхний	высший	подниматься, восходить	послелог; переводится предлогом «на»
5	三	три	многочисленный		
6	重 (chóng)	двойной, повторный	многослойный		
7	茅	тростник, камыш	тростниковая хижина, шалаш		

Словарные значения лексем, представленных в таблице 1, не позволяют нам понять смысл второго стиха. При его переводе на русский язык необходимо помимо словарных значений лексем также опираться на синтаксический анализ этого стиха, представленный на рис. 1. Этот анализ показывает, что между лексемами 卷 и 茅 имеют место глагольно-объектные отношения: 卷/茅 означает «скручивать (теребить, завивать) тростник». Между лексемами 三重 и 茅 имеют место

определительные отношения: 三重茅 означает «многослойный (или трехслойный) тростник». Между 我屋上和三重茅 также имеют место определительные отношения: 我屋上三重茅 означает «трехслойный тростник на моей крыше» или «трехслойный тростник на крыше моего жилища». Вся вторая строка 卷我屋上三重茅 переводится следующим образом: тербить трехслойный тростник на крыше моего жилища. Этот стих представляет собой группу сказуемого. В качестве подлежащего же выступает лексема 风(ветер), упоминавшаяся выше, в первом стихе.

Прозаический перевод песни, выполненный А.В. Скворцовым на основе синтаксического анализа всех стихов на уровне словосочетаний, представим в таблице 2.

Таблица 2

**Прозаический перевод песни о том, как осенний ветер разрушал тростниковую крышу жилища Ду Фу
(автор перевода – А.В. Скворцов)**

Текст песни-первоисточника	Перевод песни на русский язык	Номер стиха
八月秋高风怒号,	Август. Осень в разгаре. Ветер свирепо завывает.	1
卷我屋上三重茅。	Он тербит трехслойный тростник на крыше моего жилища.	2
茅飞渡江洒江郊。	Тростник перелетает через реку и рассыпается вдоль ее берега.	3
高者挂胃长林梢。	Одна часть тростника цепляется за верхушки высоких деревьев,	4
下者飘转沉塘坳。	а другая, кружась, долетает до пруда и тонет в нем.	5
南村群童欺我老无力,	Дети из южной деревни, пользуясь тем, что я стар и немощен,	6

忍能对面为盗贼。	запросто становятся разбойниками и грабителями, несмотря на мое присутствие.	7
公然抱茅入竹去,	Они нагло берут в охапки мой тростник и исчезают с ним в бамбуковом лесу.	8
唇焦口燥呼不得,	Несмотря на то, что у меня горло пересохло от крика, я не могу их остановить.	9
归来倚杖自叹息。	Возвращаюсь назад и [горько] вздыхаю, опираясь на свою трость.	10
俄顷风定云墨色。	Вскоре ветер успокаивается. Тучи окрашиваются в черный, как тушь, цвет.	11
秋天漠漠向昏黑。	Осенний день в полной тишине погружается в темноту.	12
布衾多年冷似铁。	Моему одеялу из тряпок много лет. Оно холодное, словно кусок железа.	13
娇儿恶卧踏里裂。	Мой сын, засыпая в неудобном положении, брыкался, так что одеяло порвалось.	14
床头屋漏无干处。	У изголовья кровати крыша протекает, нет ни одного сухого места.	15
雨脚如麻未断绝。	Дождь льет, как из ведра, и не думает останавливаться.	16
自经丧乱少睡眠。	После начала смуты я потерял сон.	17
长夜沾湿何由彻!	Долгие ночи, полные сырости, как же вас скоротать?	18
安得广厦千万间。	Будь у меня возможность заполучить огромное здание с несчетным количеством комнат,	19
大庇天下寒士俱欢颜!	я бы укрыл в нем всех бедных ученых Поднебесной, доставив всем им самую искреннюю радость!	20

风雨不动安如山。	С таким зданием ветер и дождь ничего не смогут поделать. Оно будет непоколебимо стоять, как скала.	21
呜呼！何时眼前突 兀见此屋。	Увы! Когда я перед собой наконец увижу такое здание,	22
吾庐独破受冻死亦 足！	то смогу спокойно умереть даже в том случае, если только мое жилище будет ветхим и холодным.	23

Заметим, что автор перевода, представленного в таблице 2, использовал перевод песни на современный китайский язык, содержащийся в [6: 129–131; 7: 305–306].

Разбор всех стихов песни на уровне словосочетаний позволяет нам выполнить анализ параллелизма этого произведения.

Параллельные фрагменты, характеризующиеся вертикальной симметрией, представим в таблице 3.

Таблица 3

Параллельные фрагменты песни, характеризующиеся вертикальной симметрией

	Параллельные фрагменты		Тип словосочетаний
1	沉塘坳	为盗贼	Глагольно-объектные словосочетания, в которых объект выражен двусложной лексемой, состоящей из двух корней-синонимов.
	Тонуть в пруду	Быть разбойниками и грабителями	
	向昏黑	少睡眠	
	погружаться в темноту	потерять сон	
2	洒江郊	无干处	

	рассыпаться вдоль берега реки	нет сухого места	глагольно-объектное сло- восочетание с вкрапле- нием определительного
	见此屋		
	увидеть такое здание		
3	冷似铁	安如山	словосочетания типа «прилагательное + допол- нительный элемент»
	холоден, как же- лезо	тверд, словно скала	
4	八月秋高	俄顷风定	Обстоятельство + предикативное словосочетание
5	Август. Осень в разгаре.	Вскоре ве- тер успока- ивается.	
	床头屋漏 У изголовья кро- вати крыша про- текает		
6	高者挂罥	下者飘转	Предикативные словосо- четания
	Одна часть трост- ника повисает и цепляется (за верхушки высо- ких деревьев)	Другая часть парит в воздухе и кружится	

С семантической точки зрения, тесно связаны между собой по смыслу следующие пары параллельных в вертикальном направлении фрагментов: 1) 高者挂罥— 下者飘转 (Одна часть тростника повисает и цепляется (за верхушки высоких деревьев), а другая часть парит в воздухе и кружится). В этих фрагментах использованы антонимы: 高 (высокий) — 下 (низкий). 2) 冷似铁—安如山 ([одеяло]холодно, как лед— [здание]твердо, словно скала). В этом фрагменте используются

противоположные по смыслу лексемы 冷(холодный) — 安(уютный). 3) 向昏黑—少睡眠 (Погружаться в темноту— потерять сон). Эти фрагменты передают грустное настроение автора, недовольного условиями своей жизни.

Фрагменты песни, характеризующиеся горизонтальной симметрией, представим в таблице 4.

Таблица 4

**Характеризующиеся горизонтальной симметрией
фрагменты песни**

№	Параллельные в горизонтальном направлении фрагменты	Тип словосочетаний
1	南村 群童 группа детей из южной деревни	два определительных словосочетания
2	抱茅 入竹 взять охапку тростника и войти в бамбуковый лес	два глагольно-объектных словосочетания
3	唇焦 口燥 губы пересохли, и во рту пересохло	два предикативных словосочетания
4	风定 云墨色 Ветер успокоился. Тучи окрасились в темный, словно тушь, цвет	два предикативных словосочетания
5	布衾 多年 Тряпичному одеялу много лет.	два определительных словосочетания
6	娇儿 恶卧 Мой сын лежал в неудобном положении	определительное словосочетание+обстоятельство
7	秋高 风怒号。 Осень в разгаре. Ветер свирепо завывает.	Два предикативных словосочетания. Количественный параллелизм нарушен.

8	自经丧乱 少睡眠。 После начала смуты потерял сон.	Два глагольно-объектных словосочетания. (Чтобы в этом убедиться, достаточно мысленно исключить из рассмотрения лексему 自, нарушающую параллелизм.)
---	---	--

Значительная часть параллельных в горизонтальном направлении фрагментах расположена слева от вертикальной оси симметрии песни (см. рис. 1–3) и поэтому имеют локальный характер. Исключение составляют фрагменты: 2, 4, 7 и 8, в которых параллельные части расположены по обе стороны от оси симметрии.

Помимо параллелизма в анализируемой нами песне важную роль играют весьма разнообразные изобразительно-выразительные средства: 1) олицетворение: 风怒号 ветер свирепо завывает. 2) Метафора: 南村群童……为盗贼。 Дети из южной деревни...становятся разбойниками и грабителями. 3) Эпитет: 公然抱茅入竹去 Они без всякого стеснения берут в охапки мой тростник и исчезают с ним в бамбуковом лесу. 3) Сравнение плюс антитеза: 冷似铁—安如山(Одеяло) холодно, словно кусок железа — (здание) прочно, словно скала. 4) Сравнение: 雨脚如麻 Струи дождя словно конопляные нити. 5) Риторические восклицания: а) 长夜沾湿何由彻! Долгие ночи, полные сырости, как же вас скоротать? б) 安得广厦千万间, 大庇天下寒士俱欢颜! Будь у меня возможность заполучить огромное здание с несчетным количеством комнат, я бы укрыл в нем всех бедных ученых Поднебесной, доставив всем им самую искреннюю радость! В этом фрагменте риторическое восклицание используется одновременно с гиперболой. в) 呜呼! 何时眼前突兀见此屋, 吾庐独破受冻死亦足! Увы! Когда я перед собой наконец увижу такое здание, то смогу спокойно

умереть даже в том случае, если только мое жилище будет ветхим и холодным.

Прозаический перевод, представленный в таблице 2, обладает рядом недостатков. Он лишен ритма и рифмы, вследствие чего не соответствует требованиям русского читателя. Этот недостаток в некоторой мере компенсируется достаточно точной передачей смысла песни-первоисточника. Исключение составляет стих 16: 雨脚如麻未断绝。 Точный перевод этого фрагмента следующий: Струи дождя словно конопляные нити. (Дождь) никак не останавливается. В таблице 2 используется русский эквивалент: дождь льет, как из ведра. Этот эквивалент привычен русскому читателю, однако его использование приводит к потере в тексте перевода сравнения струй дождя с конопляными нитями.

Прозаический перевод песни-первоисточника, представленный в таблице 2, нуждается в дальнейшей обработке и трансформации в перевод художественный. Художественный перевод песни-первоисточника, выполненный Т.И. Кондратовой, представим в таблице 5.

Таблица 5

**Художественный перевод песни-первоисточника,
выполненный Т.И. Кондратовой**

Текст песни-первоисточника	Художественный перевод песни на русский язык	Номер стиха
八月秋高风怒号，	Август. Осень уж близко. Воет ветер сердито,	1
卷我屋上三重茅。	Качает крышу жилища, Что тростником покрыта.	2
茅飞渡江洒江郊，	Тростинки с крыши уносит:	3
高者挂罥长林梢，	Одни уж на кронах высоких –	4

下者飘转沉塘坳。	Другие летят далёко И тонут в пруду глубоком.	5
南村群童欺我老无力，	Из южной деревни дети Знают: я стар и бессилен.	6
忍能对面为盗贼。	Не ночью грабят – при свете, Сколько бы ни просил их.	7
公然抱茅入竹去，	Тростник мой хватают в охапки, В лес бамбуковый тащат.	8
唇焦口燥呼不得，	Я же лишь тяжко вздыхаю: Кричи не кричи – им не страшно.	9
归来倚杖自叹息。	И снова вздыхаю горько, На старую трость опираясь.	10
	От слез пересохло горло. Назад домой возвращаюсь.	
俄顷风定云墨色，	Но вот затихает ветер, А тучи туши чернее.	11
秋天漠漠向昏黑。	Тихо спускается вечер, Скрывая все в темноте.	12
布衾多年冷似铁，	Лоскутное одеяло Старо, холодно, как металл.	13
娇儿恶卧踏里裂。	Мой маленький сын, засыпая, Брыкался, всю ткань изорвал.	14
床头屋漏无干处，	Крыша течет над кроватью, Сухого в ней места не сы- щесть!	15
雨脚如麻未断绝。	Как под дождем таким спать мне? А дождь не становится тише.	16
自经丧乱少睡眠，	После начала смуты Совсем потерял свой сон я.	17
长夜沾湿何由彻！	Сырыми ночами, мутными Как скоротать мне время?	18

	(Как мне дождаться рас- света?)	
安得广厦千万间·	Если б хозяином был я Дома, комнат прелестных,	19
大庇天下寒士俱欢 颜!	Всех бедных ученых укрыл бы, К радости всей Поднебесной.	20
风雨不动安如山。	Ветер такому дому Были б с дождем не страшны. Дадут здесь приют любому, Ведь дом тот прочнее скалы.	21
呜呼! 何时眼前突 兀见此屋·	Боже, когда я увижу его, Тогда наконец я спокойно умру,	22
吾庐独破受冻死亦 足!	Даже если жилище мое Будет ветхим стоять на ветру.	23

Сопоставление переводов песни, представленных в таблицах 2 и 5, позволяет сделать вывод о том, что русскоязычному читателю будет гораздо ближе и понятнее перевод художественный, нежели прозаический. Однако саму возможность трансформировать перевод прозаический в художественный можно рассматривать как обоснование для выполнения прозаического перевода, который следует рассматривать в качестве промежуточного этапа на пути к созданию литературного произведения.

В рамках настоящего исследования авторы разобрали все строки «Песни о том, как осенний ветер разрушил мою камышовую хижину» по непосредственным составляющим от малого к большому. Затем выполнили прозаический перевод этого произведения на русский язык. После чего трансформировали прозаический перевод в художественный. В результате окончательный перевод этого стихотворения, с одной

стороны, максимально сохраняет смысл первоисточника, а с другой – характеризуется наличием рифмованных созвучий и надлежащего ритма. Такой перевод удовлетворяет требованиям и ожиданиям самых широких масс русскоязычных читателей.

Что касается перспектив дальнейшего исследования, то можно выполнить сопоставление опубликованных к настоящему моменту переводов «Песни» на русский язык.

Список литературы

1. *Дрейзис Ю.А.* Параллелизм классического типа как механизм связности в современной китайской поэзии // *Культура и цивилизация. Ногинск: Аналитика Родис, № 4, 2016, с. 192–202.*

2. *Костанда И.А.* Особенности употребления параллелизма в китайских поэтических текстах (IV–VI вв. н.э.) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26). Ч. I. С. 93–95.*

3. *Скворцов А.В., Кондратова Т.И.* Анализ изобразительно-выразительных средств и новый художественный перевод китайской народной песни «Туты на меже». *Известия ВГПУ, 2020. № 3 (288). С: 203–208.*

4. *Скворцов А.В., Кондратова Т.И.* К проблеме адаптации грамматических категорий вэньяня в современных переводах: на примере стихотворения Бо Цзюйи «Старый торговец углем» [J] // *Вестник Московского городского педагогического университета, Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2019. – № 2 (34) 2019. – С. 69–76.*

5. *Скворцов А.В., Кондратова Т.И.* Анализ параллелизма и перевод на русский язык избранных танских стихотворений. Монография. – М.: Издательский дом ВКН, 2021. – 432 с.

6. 倪其心, 吾鸥. 杜甫诗选译. — 南京: 凤凰出版社, 2017 (Ни Цисинь, У Оу. Сборник стихотворений Ду Фу с переводом на современный китайский язык. Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2017).

7. 张国举. 唐诗精华注译评. — 长春: 长春出版社, 2009 (Чжан Гоцзюй. Комментарий, перевод и оценка лучших танских стихотворений. Чанчунь: Чанчунь чубаньшэ, 2009).

АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ СЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Усачев Вадим Анатольевич,

*канд. филос. наук, доцент кафедры иностранных наук
Донецкого национального университета экономики
и торговли им. Михаила Туган-Барановского, г. Донецк,*

Усачева Галина Михайловна,

*канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных наук
Донецкой академии управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк,*

Усачев Олег Анатольевич,

*Учитель английского языка и литературы
школы № 2200, г. Москва*

Аннотация. Фразеологические единицы представляют собой не простые сочетания, так как могут употребляться в определенном контексте, иметь различные аналоги и эквиваленты, что требуют особого внимания при их переводе. В статье анализируется опыт лексического исследования фразеологических сочетаний английского языка на материале прилагательных, употребляющихся в различных описаниях.

Ключевые слова: фразеологическое сочетание; перевод; прилагательное; словообразование; тип; слово.

ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL COMBINATIONS OF ENGLISH WORDS

Usachev V. A.,

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department of Foreign Sciences, Donetsk National
University of Economics and Trade named
after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk,*

Usacheva G. M.,
*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Foreign Sciences of the Donetsk Academy
of Management and Public Administration under the Head
of Donetsk People's Republic, Donetsk,*
Usachev O. A.,
*Teacher of English Language and Literature,
School № 2200, Moscow*

Abstract. Phraseological units are not simple combinations, as they can be used in a certain context, have various analogues and equivalents, which require special attention when translating them. The article analyzes the experience of lexical research of phraseological combinations of the English language on the material of adjectives used in various descriptions.

Key words: phraseological combination; translation; adjective; word formation; type; word.

Изучение всего многообразия и богатства словарного состава английского языка представляет собой дело большой сложности, так что к решению этой задачи нельзя приступать, не выработав четкой методики этой работы. Настоящая статья и представляет собой описание опыта лексического исследования, исследования фразеологических сочетаний на материале современного английского языка. Существуют различные принципы, на основании которых разные исследователи пытались подойти к изучению словарного состава языка. Давно нашло широкое распространение деление различных слов языка по определенным рубрикам, исходя из общего индивидуально-лексического характера их значения [3, с. 107]. Практически такая методика выделения материала для исследования сводится, например, к следующему: если известно, что для обозначения качества в языке существует определенная лексико-грамматическая категория - прилагательные, то для

максимальной конкретизации сферы исследования нужно подвергнуть анализу не всю данную лексико-грамматическую категорию слов, а разбить ее на группы, исходя из конкретных значений слов. Так, лексическому исследованию будут подвергаться прилагательные, обозначающие цвет, форму и размер. Таким же образом для исследования может быть взята другая лексико-грамматическая категория слов, которая служит для выражения действия, то есть глаголы. С целью уточнения сферы исследования объектом изучения должны явиться не вообще все глаголы английского языка, а определенные их группы, исходя из их семантики. Так, лексическому анализу будут подвергаться глаголы, выражающие чувства, мыслительные процессы.

В нашей работе мы будем описывать методику исследования, проведенную на материале прилагательных, употребляющихся во фразеологизмах английского языка при описании наружности человека. Для исследования в первую очередь необходимо выделять слова, обозначающие жизненно необходимые выражения, непосредственно окружающие нас в действительности, составляющие, по мнению М.Я. Эльжуркаевой, неотъемлемое содержание нашего восприятия, предметы, явления, состояния, действия и качества нашего общества и природы в целом [4, с. 96]. Слова индивидуально-творческого образования, с разнообразной экспрессивно-стилистической окраской, которую они приобретают только в каком-то контексте, не являются предметом анализа в рамках описанного здесь анализа.

Известно, что фразеологическое сочетание слов в языке могут быть разного характера. В основном они могут быть свободными и связанными, где степень связанности также может быть разной. Естественно, что нас, прежде всего, интересует несвободные сочетания слов, так как они представляют наибольшую трудность при обучении языку. В этой связи хотелось бы напомнить об интересных наблюдениях над

различными несвободными сочетаниями слов в родном русском языке. Так, классификация основных типов фразеологических единиц, выработанная В.С. Виноградовым, представляет собой три типа словосочетаний, а именно: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Из этих трех типов для исследования выберем фразеологические сочетания, то есть такие соединения слов, которые выступают не как эквиваленты слов, не как неразложимые единицы, а как соединения слов в предложении, образуемые по правилам грамматики. Слова, поступая в распоряжение грамматики, входят в сложные и разнообразные лексические взаимоотношения при этом друг с другом [2, с. 124]. Это означает, что слова ограничены в своих связях внутренними семантическими отношениями самой языковой системы. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. В силу ряда причин в языке складываются традиционные, присущие только данной системе языка, сочетания слов, которые с одной стороны, смыкаются со свободными сочетаниями, а с другой стороны имеют определенные границы в данном фразовом окружении. Такие фразеологические сочетания имеют самые большие трудности при обучении иностранному языку. Трудность овладения такими сочетаниями усложняется тем, что если фразеологические сращения и фразеологические единства получили свое отражение в словарях, то фразеологические сочетания лишь эпизодически в отношении некоторых слов регистрируются в них. Приведем несколько примеров. Так, например, слово *arched* было встречено в пределах избранной темы лишь в сочетании с существительным *eyebrows*. Словосочетание *close-stopped* в сочетании с существительными *hair* означает «коротко подстриженные, под гребенку волосы». Слово *flabby* в сочетании с существительным *cheeks* означает «обвислые щеки». Слово *glittering* сочетается с существительным *eyes* и означает «лучистые глаза». Как показывает исследование, разные прилагательные сильно отличаются друг от друга

по их способности сочетаться. Так, например, из приведенных выше слов *arched*, *flabby*, *close-cropped* могут широко сочетаться с существительными, никакого отношения к внешности человека не имеющие. И наоборот, слова, например, *aquiline*, *auburn*, *hazel*, *livid*, *mottled*, *swarthy* очень ограничены в своих лексико-фразеологических возможностях. Так, слово *auburn* сочетается только с *hair* и означает «красивого каштанового оттенка, рыжевато-золотистые волосы». Слово *hazel* сочетается только с существительным *eyes* и означает «карие глаза». Слово *livid* сочетается только со словом *face* и означает «мертвенно-бледное лицо». Слово *swarthy* сочетается с существительными *face* и *complexion*, *man* и означает «смуглый цвет кожи, какой бывает у уроженцев южных регионов». Почти все указанные прилагательные принадлежат к группе слов, обозначающей признак цвета. Характерно, что среди прилагательных, обозначающих признак формы, слов с узкой сочетаемостью очень мало, а среди прилагательных, обозначающих признак размера, их нет совсем.

Кроме описания сочетаемости отобранных прилагательных, были сделаны разнообразные частные наблюдения. Так, например, оказалось, что из разных цветов, обозначаемых прилагательными, наиболее детализированными в английском языке является коричневый цвет. Оказалось, что имеется большое количество разных прилагательных, обозначающих различные его оттенки, начиная с темно-коричневого, почти черного, и кончая совсем светлым цветом. Если расположить прилагательные, обозначающие коричневый тон, по степени убывания коричневого оттенка, то получается следующая картина: *swarthy*, *dark brown*, *olive-colored*, *sunburnt*, *hazel*, *chestnut*, *brown*, *tanned*, *bronzed*, *red-brown*, *auburn*, *brownish*.

Следующие наблюдения позволяют сделать вывод, что наименее детализированным является понятие синего цвета. Прилагательное *blue* является универсальным лексическим средством для обозначения различных оттенков синего и голубого цвета, причем уточняются эти оттенки употреблением

слова blue в сочетании с другими прилагательными. Так в английском языке встречаются сочетания: dark blue, cornflower blue, blue-grey, steel-blue, blue-green, pale blue и другие.

В результате изучения употребления прилагательных, обозначающих размер, можно заключить, что понятие большого размера значительно более детализировано, чем понятие маленького размера. Это значит, что представление о большом размере имеет богатое лексическое выражение в сравнении с антонимичным ему понятием. Так, мы имеем слова big, colossal, enormous, gigantic, great, huge, immeasurable, immense, large, monstrous, titanic и другие слова в противоположность им словам little, puny, small, tiny.

Интересно проследить, какие синонимические группировки намечаются в данной сфере понятий, какое слово является синонимическим доминантом и в чем различие между синонимами. Этот момент исследования связан с установлением наличия или отсутствия эмоциональной окраски в отобранных словах, а также с описанием стилистических особенностей употребления данных слов. Так, наблюдения над употреблением прилагательных, обозначающих форму, показывает, что в синонимическом ряду prominent, bulging, protruding, protuberant синонимическим доминантом можно считать прилагательное prominent, прилагательное bulging означает «выпуклый», причем предполагается «выпуклость, выпячивание как бы в силу давления изнутри», прилагательное protruding означает «выдающийся вперед, высовывающийся углом», в отличие от прилагательного protuberant, которое предполагает круглую, ровную выпуклость.

В синонимическом ряду small, puny, little, tiny прилагательное small является синонимическим доминантом. Это слово нейтрально по сравнению с прилагательными puny, little, tiny, в которых ярко выражена эмоциональная окраска.

В заключении при исследовании весь материал был подвергнут морфологическому анализу, то есть были исследованы закономерности словообразования в рассматриваемой

области. Изучение словообразование представляет, как известно, очень большой интерес, так как в нем ясно можно видеть проявление внутренних законов развития языка [1, с. 231].

Язык является продуктом своей эпохи. Свидетельствует об этом тот факт, что различные исторические пласты в составе языка обнаруживаются в различении продуктивных и непродуктивных основ, в разграничении разных степеней непроемкости основ, в семантическом весе и общественной их жизнечности. Исходя из этого, при морфологическом описании отобранных слов упор был сделан не на нерегулярные, непродуктивные словообразовательные типы слов, а на типы жизнечные, продуктивные, присутствующие в современном языке. В качестве примеров непродуктивных типов можно привести прилагательные: *aquiline*, *massive*, *pallid*, *protuberant* и другие, которые хотя и насчитывают в своем составе значительное количество слов, но уже больше не пополняются.

Наибольший интерес для исследователей лексики представляют продуктивные типы словообразования. Необходимо иметь ввиду, что даже наиболее производительные словообразовательные типы не свободны от ограничений фонетического, морфологического и лексико-семантического характера, связанных внутренними законами развития языка [5, с. 175].

Как известно, в современном английском языке для прилагательных устанавливается ряд продуктивных суффиксов: *-able*, *-less*, *-ish*, *-like*, *-y* и другие. Из отобранных для исследования слов прилагательные, образованные с помощью продуктивных суффиксов, были рассмотрены с точки зрения сложного взаимодействия составляющих их частей. Прежде всего, они были разбиты на группы, в зависимости от образующих их суффиксов. Затем было важно установить в пределах одного типа образования все разновидности сочетаний одного и того же суффикса с разными по значению основами. Так,

например, в группе прилагательных на –ish слова: greenish, bluish, roundish, smallish и другие представляют одну категорию, а слова babyish, boyish, girlish, childish – другую, так как суффикс –ish в первом случае образует прилагательное от прилагательного и обозначает наличие в слабой степени данного качества, которое выражено основой, а во втором случае – образует прилагательное от существительного и означает что-то подобное тому, что выражено основой, причем в этом случае слова приобретают особый стилистический оттенок и способны выразить пренебрежительное или насмешливое отношение к чему-то высказанному. Точно так же в группе прилагательных на –y различаются такие слова, как creamy, misty, pearly, rosy, sandy, silvery и другие, в которых суффикс означает что-то напоминающее своим качеством на то, что выражено основой.

В заключение следует сказать, что подобные исследования лексического состава английского языка, проведенные в разнообразных семантических сферах и лексико-грамматических категориях, позволяет нам убедиться, что стратегия перевода варьируется в зависимости от контекста и особенностях эмоционально-экспрессивной окраски и семантики фразеологических единиц в целом. Для правильного и адекватного перевода необходимо владеть всеми тонкостями приемов построения и употребления фразеологических единиц, так как большое количество слов ограничено в своих связях семантическими отношениями внутри самой языковой системы, и у многих слов их лексические значения могут проявляться только в связи с определенным кругом понятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева, И.С.* Введение в переводоведение: учебное пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Академия, 2004. – С. 231.

2. *Виноградов, В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): учебное пособие / В.С. Виноградов. – Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – С. 124.

3. *Эльжуркаева, М.Я.* Проблемы перевода фразеологических единиц. / М.Я. Эльжуркаева // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II Международная научная конференция (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб.: Реноме, 2013. – С. 107.

4. *Уоррелл, А.Дж.* Английские идиоматические выражения. – М.: Художественная литература, 2003. – С. 87.

5. *Шанский, Н.М.* Стилистическое использование фразеологических оборотов. // Фразеология современного русского языка. – СПб.: ЛКИ, 2006. – С. 175.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА МЕТАФОРЫ
В ТЕКСТЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ЩЕГОЛ» Д. ТАРТТ)**

*Федотова Ксения Игоревна
Московский городской педагогический
университет, Москва, 129 226,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1,
fedotovaki@mgpu.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблематике обучения иностранному языку и переводу в старшей школе. В качестве материала выступает современный роман «Щегол» американской писательницы Донны Тартт. Автор исследует актуальные на современном этапе становления основного общего образования цели обучения и ключевые компетенции. В конце предлагается алгоритм работы с аутентичной художественной литературой.

Ключевые слова: обучение иностранному языку; иноязычная коммуникативная компетенция; трансформации в переводе, художественная литература.

**USING COMPARATIVE ANALYSIS OF METAPHOR
IN ORIGINAL TEXT AND ITS TRANSLATION
FOR TEACHING EFL
(BASED ON “THE GOLDFINCH BY D. TARTT)**

*Fedotova Kseniia Igorevna,
Moscow City University, Moscow,
129 226, 4 Vtoroy Selskohoziastvenny proezd,
fedotovaki@mgpu.ru*

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of foreign language teaching and teaching translation in high school

context. The material used as a basis of the study is a contemporary novel “The Goldfinch” by an American writer Donna Tartt. Current aims and key competences of general education in Russia are analyzed. A framework for using authentic literary text is provided at the end of the study.

Keywords: foreign language teaching; foreign language communicative competence; transformations in translation; literary text.

В качестве цели образования традиционно понимается воспитание граждан и формирование положительных личностных качеств, создание будущих рабочих кадров согласно социальному заказу общества. И.Л. Бим и Н.Д. Гальскова также подчёркивали, что цели и результаты обучения социально детерминированы [1]. Отсюда следует, что в ответ на изменения окружающего мира и общества должны происходить и сдвиги в системе образования.

В последние десятилетия в связи с принятием в образовании антропоцентрической парадигмы произошёл постепенный переход от ориентации на получение знаний, умений и навыков к ориентации на личность. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования среди личностных характеристик выпускника средней школы называет: уважение к культуре и духовным традициям своего народа, креативность и понимание ценности творчества, владение основами научных методов познания окружающего мира, мотивированность на инновационную деятельность. В рамках обучения иностранным языкам личностное становление обучающихся должно происходить с помощью изучаемого языка, познания другой культуры и собственных лингвокультурных истоков. К результатам освоения основной образовательной программы также относится мировоззрение, основанное на диалоге культур, толерантное сознание и поведение в поликультурном мире. Центральным понятием обуче-

ния иностранному языку становится иноязычная коммуникативная компетенция – «способность и готовность осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка», что, в свою очередь, должно привести к развитию личности обучающихся, сформировать у них научное мировоззрение, развить критическое мышление, а также повысить конкурентоспособность будущих выпускников на рынке труда [2]. В числе требований к результатам освоения углубленного курса иностранного языка ставится умение выделять общее и различное в культуре родной страны и страны изучаемого языка, а также умение перевода с иностранного языка на русский.

Вышеуказанные результаты коррелируют с целями устойчивого развития, определяемого в Декларации ООН как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [3]. Н. Д. Гальскова также отмечает, что при определении стратегической цели обучения иностранному языку (ИЯ) необходимо ответить на вопрос: какие качества, знания и умения должны быть сформированы у школьника, чтобы он мог комфортно существовать в мире сегодня и завтра? [1] Таким образом, необходимость смотреть в будущее и адаптироваться к стремительно меняющейся глобальной ситуации актуализирует важность новых подходов в сфере преподавания иностранных языков.

На наш взгляд, одним из инновационных подходов к формированию вышеуказанных качеств является обучение ИЯ на материале метафоры.

Согласно общепринятому определению, метафора – это «троп, состоящий в употреблении слова, которое обозначает некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для обозначения другого, сходного с данным, класса объектов или индивида» [4]. На протяжении всей истории ме-

тафора привлекала внимание исследователей своей способностью совмещать несовместимое, давать точную и ёмкую характеристику одних предметов и явлений через другие, на первый взгляд совершенно не связанные. Испанский поэт и драматург Федерико Гарсия Лорка связывал её со стремлением уйти от обыденного взгляда на мир, «прорыть новый канал рассудка» [5].

В 20 веке метафора стала подвергаться тщательному изучению не только филологами и философами как результат поэтического творчества, но всё больше – с практической стороны в рамках разных областей знания, включая логику и психологию. Стали появляться теории о том, что метафора – своеобразный «ключ к мышлению». Причём если раньше взаимосвязь этого концепта с мировосприятием человека отмечалась больше в контексте лингвокультурологических исследований, то теперь объектом исследования стал некий универсальный образ мира. Особенно ценными здесь нам представляются высказывания учёных о взаимосвязи метафоры с познанием и творчеством. Так, американский учёный М. Минский писал о создании межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой и способствующих применению знаний и опыта из одной сферы для решения проблем в другой. Советский и российский лингвист Н. Д. Арутюнова тоже подмечает это важнейшее свойство: «Всякое обновление, всякое развитие начинается с творческого акта» [5]. Она подчёркивает важность метафорического творчества в языке, видя в нём истоки многих семантических процессов, а, значит, изучение метафоры может способствовать пониманию происхождения значения слова.

Нельзя не упомянуть и американских учёных Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, чья книга «Метафоры, которыми мы живём» стала поистине революционной в этой теме. Их основная идея заключается в том, что метафора не просто является отражением нашего образа мира, но и предопределяет

способ и стиль мышления об определённых объектах и в целом диктует поведение людей во многих типичных ситуациях. Важнейшим также является утверждение о том, что наиболее фундаментальные ценности конкретного общества соотносятся с метафорической структурой базисных концептов его культуры [6]. Таким образом, именно метафора может стать средством формирования социокультурной компетенции, которая наряду с языковой, речевой, компенсаторной и учебно-познавательной входит в понятие иноязычной коммуникативной компетенции [7].

Однако, как отмечают Лакофф и Джонсон, проблема заключается в том, что хотя в словарях и содержатся определения понятий, в них нет информации о том, как они осмысливаются посредством метафор, что не позволяет носителю языка понять некоторые фразы, употреблённые в переносном значении. Следовательно, именно посредством анализа художественного текста мы можем вычленивать центральные для него метафоры и проследить, каким образом в них трансформируется значение. А при помощи сопоставительного анализа метафор в тексте оригинала и перевода становится возможным заметить культурные различия и идентифицировать стратегии, предпринимаемые переводчиком для их преодоления.

Существуют свидетельства того, что различные образные средства использовались для передачи знаний и воздействия на читателя с древних времён, например, в «Диалогах» Платона и Библии. Образовательная ценность метафоры как инструмента познания подробно раскрывается американским ученым-когнитивистом Э. Ортоном, основываясь на трёх тесно связанных свойствах: компактности (*compactness thesis*), невыразимости (*inexpressibility thesis*) и яркости (*vividness thesis*). Во-первых, метафора позволяет передавать цельные отрезки восприятия, не очерчивая конкретные детали, а как бы «запаковывая» их в ёмкое выражение, где недостающие детали реципиент восполняет сам на основе личного опыта, вос-

приятия и мышления, тем самым создавая свою интерпретацию. Во-вторых, принцип невыразимости подкрепляется тем, что в любом языке есть значения, передача которых невозможна без данного средства (например, в английском языке нет дословных выражений для описания движения мысли). В-третьих, внутренняя не дискретизированность метафорических выражений делает эмоциональные, сенсорные и когнитивные аспекты значения более доступными, приближая метафору к воспринимаемой реальности. А поскольку воображение и образность высоко коррелирует со способностью к обучению, данное свойство способствует запоминанию и улучшает понимание, делая его более глубоким за счёт связи с личным опытом. Ортони также называет метафору эффективным инструментом движения от известного к неизвестному [8], что отсылает нас к мысли М. Минского о её эвристическом потенциале.

Вслед за западными учебными пособиями, использующими концептуальные метафоры для организации лексического материала, отечественные исследователи предлагают варианты применения метафор в обучении языку. Е. П. Казакова отмечает их важную роль в освоении новых реалий, поскольку образная лексика участвует в формировании неологизмов. Фразеологизмы, сгруппированные на основании концептуальной метафоры, организуются в своеобразную интеллект-карту, что способствует запоминанию материала и развитию творческого мышления. Более того, культурологическая информация, которая расшифровывается обучающимися в процессе анализа метафоры, расширяет их кругозор и даёт понимание мировоззрения носителей языка [9].

Однако несмотря на универсальность данного языкового средства, многие исследователи отмечают трудность его перевода, в связи с чем становится актуальным обучение стратегиям сохранения специфики образа метафоры. Важно также отметить, что вопрос точного перевода метафоры – это не только вопрос красоты и эстетики текста, но зачастую и залог

успеха донесения основной идеи автора читателю. Опираясь на определение А. Д. Швейцера, который характеризовал перевод как процесс поиска решения, обусловленного во многом функциональными доминантами текста, некоторые российские исследователи обращают внимание на ключевую метафору как текстовую доминанту, с помощью которой автор ведет диалог с читателем [10]. Textoобразующая функция концептуальной метафоры обуславливает её влияние на доминирующие текстовые метафоры, а помещенная в заглавие ключевая метафора способствует конструированию и выстраиванию смысла всего повествования. В научных текстах образные выражения также выполняют важнейшую смыслообразующую и убеждающую функции, вследствие чего недостаточно точно переведённое метафорическое выражение может разрушить всю систему аргументации [11]. Таким образом, для успешного перевода метафоры и соблюдения максимально возможной эквивалентности необходим учёт как правил перевода метафор и типа текста, так и культурных особенностей.

В свою очередь, сопоставительные исследования в последнее время приобретают всё более практико-ориентированный характер [12] и становятся эффективным способом обучения переводу. Это объясняется тем, что, определяя достоинства и недостатки имеющихся переводов, обучающиеся выполняют глубокий анализ текста и вырабатывают стратегию создания собственного варианта. При этом реализуется проблемный подход, стимулирующий интерес и способствующий лучшему усвоению знаний. Ещё одним эффективным приёмом является сопоставительный анализ переводов, выполненных обучающимся, поскольку соревновательный формат повышает мотивацию к качественному выполнению работы. В задачи преподавателя при этом входит организация обсуждения удачных и неудачных решений, выделение оригинальных способов передачи авторского замысла.

Немаловажным является и использование аутентичных (оригинальных) материалов, то есть написанных носителями языка для носителей [13]. Российские и зарубежные исследователи отмечают следующие преимущества введения в обучение современной иноязычной литературы: содержащаяся в ней культурологическая информация, способствующая расширению картины мира, возможность познакомиться с современным живым языком в отсутствие естественной коммуникации с носителями, ситуационная аутентичность, дающая возможность понять значения новых слов и их контекстуального употребления, развитие лексических и грамматических языковых навыков, стимулирование более творческого использования языка, а также реализация воспитательных задач [14,15].

В качестве материала исследования был выбран роман «Щегол» (2013) американской писательницы Донны Тартт, получивший в 2014 году Пулитцеровскую премию. Произведение близко по жанру к так называемому роману воспитания и показывает моральное и психологическое развитие и становление главного героя – тринадцатилетнего Тео. Как и предыдущие книги Тартт, роман был высоко оценён критиками в ряде изданий (Sunday Times, Daily Mail, Independent, Sunday Telegraph, Guardian и др.) благодаря богатому языку со множеством исторических и литературных аллюзий, яркими, цепляющими деталями и пронизывающе реалистичной атмосферой, а также захватывающему сюжету и актуальности поднимаемых в нём проблем. Перевод на русский язык был выполнен А. Завозовой в 2015 году. Подтверждённое положительными отзывами качество работы объясняется как высокой компетентностью переводчицы, так и её любовью к творчеству Тартт. На наш взгляд, всё это делает данный роман и его перевод подходящим материалом для сопоставительного анализа.

Далее представим алгоритм работы с аутентичным литературным произведением, включающий сопоставительный анализ метафор в тексте оригинала и перевода:

1. Работа с внешним оформлением книги: чтение и обсуждение заглавия с использованием оригинальной обложки в качестве невербальной опоры.

- Have you heard about the novel “The Goldfinch” or Donna Tartt?

- Based on the title and cover, what do you think the novel is about?

Book Summary:

Aged thirteen, Theo Decker, son of a devoted mother and an absent father, miraculously survives a catastrophe that otherwise tears his life apart. Alone and rudderless in New York, he is taken in by the family of a wealthy friend. Theo is tormented by longing for his mother and down the years he clings to the thing that most reminds him of her: a small, captivating painting that ultimately draws him into the criminal underworld.

2. Работа с отрывком, содержащим развёрнутую метафору, обсуждение, выделение стилистических особенностей и средств выразительности.

Read the given fragment:

Downstairs—weak light, wood shavings on the floor—there was something of the feel of a stable, great beasts standing patiently in the dim. Hobie made me see the creaturely quality of good furniture, in how he talked of pieces as “he” and “she,” in the muscular, almost animal quality that distinguished great pieces from their stiff, boxy, more mannered peers and in the affectionate way he ran his hand along the dark, glowing flanks of his sideboards and lowboys, like pets. He was a good teacher and very soon, by walking me through the process of examination and comparison, he’d taught me how to identify a reproduction: by wear that was too even (antiques were always worn asymmetrically); by edges that were machine-cut instead of hand-planed (a sensitive fingertip could feel a machine edge, even in poor light); but more than that by a flat, dead quality of wood, lacking a certain glow: the magic that came from centuries of being touched and used and

passed through human hands. To contemplate the lives of these dignified old highboys and secretaries—lives longer and gentler than human life—sank me into calm like a stone in deep water, so that when it was time to go I walked out stunned and blinking into the glare of Sixth Avenue, hardly knowing where I was. [16]

- What is your impression of it?
- What parts of the text attract your attention?
- What stylistic means of expression (metaphors, epithets, similes) can you name?

В данном отрывке реализуется ключевая метафора: предметы искусства – это воплощение вечной жизни:

- развёрнутая метафора передаётся при помощи олицетворений *great beasts; stiff, boxy, more mannered peers*; эпитетов *creaturely, muscular, almost animal + quality; dignified*; сравнения *like pets*, которые выражают идею одушевлённости;
- метафоры *a certain glow: the magic that came from centuries of being touched and used; lives longer and gentler than human life* выражают идею связи с вечностью.

3. Чтение перевода на русский язык. Выполнение сопоставительного анализа, объяснение различий, распределение использованных переводческих трансформаций по классификации Л. С. Бархударова [17].

Read the given fragment again, compare it to the Russian translation:

Из-за тусклого света и опилок на полу иногда казалось, что тут – будто на конюшне – стоят себе покорно в полумраке высоченные животные. Хоби помог мне разглядеть одушевленность в хорошей мебели: тем, что о разных предметах он отзывался как о “нем” или о “ней”, тем, как по-настоящему редкие образцы отличались от своих нескладных, угловатых и вычурных собратьев почти животной мускулистостью, и тем, как ласково он проводил рукой по темным, блестящим бокам буфетов и комодиков, будто животных гладил. Учителем он был хорошим, и очень скоро

пошагово объяснив мне, как правильно осматривать мебель и как ее сравнивать, он научил меня отличать копию от подлинника: по слишком ровно стершемуся покрытию (антикварная мебель всегда изнашивалась несимметрично, по краям, которые были обточены на станке, а не оструганы вручную рубанком, машинную обточку можно было нащупать натренированными пальцами даже при слабом свете), но в основном по плоской мертвечине дерева, которому не доставало определенного сияния – волшебства, которое рождалось после того, как дерева веками касались руки. Стоило только мне подумать о судьбах этих почтенных старинных комодов и секретеров, о судьбах куда более долгих и тихих, чем человеческие, и я проваливался в покой, будто камень в глубокие воды, да так, что, когда пора было уходить, я, ошеломленно моргая, выходил в грохот Шестой и с трудом вспоминал, где нахожусь. [18]

- Choose several differences and try to explain them.

Пример:

оригинал	перевод
1) see the creaturely quality of good furniture	разглядеть одушевленность в хорошей мебели
2) the muscular, almost animal quality that distinguished great pieces from their stiff, boxy, more mannered peers	по-настоящему редкие образцы отличались от своих нескладных, угловатых и вычурных собратьев почти животной мускулистостью
3) but more than that by a flat, dead quality of wood, lacking a certain glow: the magic that came from centuries of being touched and used and passed through human hands	но в основном по плоской мертвечине дерева, которому не доставало определенного сияния – волшебства, которое рождалось после того, как дерева веками касались руки

- Classify the translation techniques using the table below.

тип трансформации	перестановка	замена	добавление	опущение
пример	the muscular, almost animal quality that distinguished... -> отличались <...> почти животной мускулистостью	creaturely quality -> одушевленность	centuries of being touched and used and passed through human hands -> после того, как <u>дерева</u> веками касались руки	

4. Домашнее задание: выбрать один из предложенных отрывков и выполнить свой перевод.

Homework: choose one of the given fragments and translate.

На следующем уроке предлагается организовать обсуждение переводов учащихся в группах и презентовать свои выводы по использованным стратегиям.

Таким образом, образовательный потенциал сопоставительного анализа метафор в тексте оригинала и перевода обусловлен эвристическим и творческим потенциалом метафоры как способа мышления, а также заключённой в ней и в художественном тексте культурологической информацией. Выполнение предложенных упражнений способствует развитию аналитических умений и освоению приёмов перевода. На наш взгляд, ценным также является то, что проводимая работа

с текстом способствует раскрытию его глубинных идей, а сложность развёрнутой метафоры заставляет отойти от механического чтения и перевода, научиться видеть новые значения слов, стимулирует творческое мышление обучающихся. Аутентичная художественная литература, в свою очередь, предлагает богатый материал для соотнесения культуры страны изучаемого языка с родной, тем самым реализуя принцип диалога культур. Применительно к старшей школе, работа с подобными произведениями может стать благодатной почвой для обсуждения актуальных проблем и реалий жизни в стране изучаемого языка, а самостоятельная работа над переводом и последующее групповое обсуждение способствуют развитию учебной автономии и навыков командной работы соответственно. Наконец, в рамках факультативных занятий для старшеклассников данный алгоритм работы позволит заложить основы филологической и переводческой компетенций.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Современная цель обучения иностранным языкам: От комплексного подхода к интеграции [Текст] / Н. Д. Гальскова // Теория и практика обучения иностранным языкам: традиции и инновации: Сборник статей международной научно-практической конференции памяти академика РАО Инессы Львовны Бим. – Москва : ТЕЗАУРУС, 2013. – 331с.
2. Бим, И. Л. Иностранный язык в системе школьного филологического образования [Текст] / И. Л. Бим, М. З. Биболетова, А. В. Щепилова, В. В. Копылова // Иностранные языки в школе. – 2009. – №1. – С. 4–8.
3. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml> (дата обращения: 20.04.2022).

4. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2208483> (дата обращения: 20.04.2022).

5. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры / перевод под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5–32.

6. Lakoff, G. Metaphors we live by [Текст] / G. Lakoff, M. Johnsen. – London : The university of Chicago press, 2003. – 276 p. – ISBN: 0-226-46801-1.

7. Таюрская, Н. П. Иноязычная коммуникативная компетенция: зарубежный и российский опыт [Текст] / Н. П. Таюрская // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2015. – № 1 – С. 83–87.

8. Ortony, A. Why metaphors are necessary and not just nice [Текст] / A. Ortony // Educational Theory. – 1975. – Vol. 25. – P. 45–53.

9. Казакова, Е. П. Использование концептуальных метафор в разработке пособий по английскому языку для студентов экономических специальностей [Текст] / Е. П. Казакова // Человеческий капитал. – 2020. – № 7. – С. 113–120.

10. Маругина, Н. И. Когнитивный аспект перевода метафоры (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык) [Текст] / Н. И. Маругина // Язык и культура. – 2008. – №4. – С. 87–95.

11. Плотникова, Ю. Ю. Сопоставительный анализ как эффективный метод обучения переводу [Текст] / Ю. Ю. Плотникова // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы : Материалы III Международной студенческой научно-теоретической конференции, Рязань, 26 марта 2021 года. – Рязань : Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, 2021. – С. 90–94.

12. *Harmer, J.* How to Teach English [Текст] / J. Harmer. – Harlow : Pearson Longman, 2010. – 290 p. – ISBN 978-1-4058-4774-2.

13. *Абаева, Е. С.* Специфика современных исследований сопоставительного характера [Текст] / Е. С. Абаева // Филологическое обеспечение профессиональной деятельности учителя английского языка и русского языка как иностранного: Сб. научных статей. Выпуск № 1. – Москва : Языки Народов Мира, 2022. – С. 106–113.

14. *Макаренко, А. В.* Использование современной художественной литературы на уроках иностранного языка [Текст] / А. В. Макаренко // Интерактивная наука. – 2018. – № 11(33). – С. 36–38.

15. *Мартьянова, А. К.* Чтение аутентичных текстов при обучении английскому языку в старших классах [Текст] / А. К. Мартьянова // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании : Всероссийская (с международным участием) герменевтическая конференция, посвященная памяти заслуженного деятеля науки, профессора, доктора филологических наук Георгия Исаевича Богина, Тверь, 20–23 октября 2017 года. – Тверь : Тверской государственный университет, 2018. – С. 171–176.

16. *Tartt, D.* The Goldfinch / D. Tartt. – New York : Little, Brown and Company, 2016. – 976 p. – ISBN 978-0316055420.

17. *Бархударов, Л. С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода [Текст] / Л. С. Бархударов. – Москва : URSS, 2021. – 240с. – ISBN 978-5-9519-2112-3.

18. *Tartt, D.* Щегол [Текст] / Д. Тартт. – Москва : Corpus, 2020. – 832 с. – ISBN 978-5-17-085448-6.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА АЛЛЮЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Черпахина Регина Дмитриевна,
ассистент кафедры иностранных языков
Инженерной академии РУДН*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема адекватной интерпретации аллюзии на различные культурные и исторические контексты. Проведен стилистический анализ и классификация аллюзий, приведены примеры их адаптации к определенной культурной действительности.

Ключевые слова: перевод, аллюзия, стилистическая фигура, культурный контекст.

Введение. При всем многообразии стилистических средств, аллюзия является пожалуй одним из самых интересных и многообразных. Аллюзия – это стилистический прием, содержащий намек на некий общеизвестный факт, исторический или политический, закрепленный в каком-либо культурном контексте. В переводе с латинского «allusio» означает «намекать». Применение данной стилистической фигуры позволяет внедрить в повествование нужный автору подтекст. Автор произведения, посредством использования аллюзии подводит читателя к определенным параллелям и аналогиям, что позволяет лучше понять творческий замысел писателя.

Очень часто аллюзии используются прямо в названии произведения в попытке заинтересовать читателя и пробудить у него определенные ассоциации. Такие приемы часто используются в популярной литературе и кинематографе. Например, фильм «Дневник Бриджет Джонс» и сериал «Дневник доктора Зайцевой» вполне вероятно вызовет у читателей некие ассоциации с первым, уже достаточно известным произведением и читатель захочет купить и почитать книгу отечественного

автора. Перед современным переводчиком стоят не только задачи адекватного переноса произведения на привычный нам культурный контекст, но и для успешного решения маркетинговой задачи- заставить читателя, через чувства и ассоциации купить данное произведение. Проблема использования аллюзии состоит в том, что толкование аллюзии требует определенного культурного и интеллектуального уровня читателя. Проблема перевода аллюзии заключается в сложности перенесения ее в другой культурный и исторический контекст. В данной статье представлена попытка осветить и проанализировать работу переводчиков по интерпретации аллюзии в художественной литературе.

Основная часть. Для грамотного использования аллюзии следует учитывать следующие характеристики:

- Аллюзия должна быть легко считываемой
- Аллюзия должна указывать на какой либо общеизвестный факт либо произведение должно содержать ссылку на источник аллюзии.
- Аллюзия должна быть правильно и грамотно использованной в произведении.

Очень часто аллюзия используется в названиях книг, статей, в репликах персонажей фильмов. Это помогает лучше раскрыть личность героя и в сделать его ближе к читателю. Ссылаться можно не только на какой-либо культурный или исторический контекст. Аллюзии также разделяют на мифологические, литературные, библейские и философские. На это влияет источник аллюзии. Аллюзии могут быть прямыми и косвенными. Как понятно из названия прямые аллюзии содержат не завуалированные высказывания, цитаты и имена собственные. Например, “Сизифов труд” или “Пришел, Увидел, Победил” или мудрая Афина. Косвенная аллюзия, в свою очередь используется для завуалированной отсылки на мифологические, исторические, литературные и политические события, иногда делая аллюзию фундаментом всего повествования. Например,

название комедийной пьесы «Пигмалион» Бернарда Шоу является аллюзией на античный миф о скульпторе Пигмалионе, который изваял статую настолько прекрасную что влюбился в свое собственное творение. В данном случае Бернард Шоу хотел вызвать у читателя определенные параллели с мифом и даже позволил себе немного поиграть с ожиданиями читателя в плане построения сюжета.

Также аллюзию содержит название сборника рассказов писателя- фантаста Сергея Абрамова «Новое платье короля», которая у подготовленного читателя должна побудить необходимые для автора ассоциации с философской сказкой Ганса Христиана Андерсена. Автор, опять же посредством использования аллюзии играет на определенных ожиданиях читателя.

Прямыми аллюзиями являются не переделанные цитаты из поэзии и прозы. Например название произведения Харуки Мураками « Норвежский лес» содержит в себе прямую отсылку на песню группы The Beatles и обязательно содержит ссылку на этот факт, поскольку песня «Norewegian Wood» не является настолько популярной как другие песни группы. Для названия антиутопии «Дивный новый мир» Олдос Хаксли взял прямую цитату Миранды из пьесы Уильяма Шекспира «Буря»: «Как прекрасен род людской! О дивный новый мир, где обитают такие люди!»

Описанные выше примеры являются образцами прямой аллюзии, которую автор заложил с целью задать определенный тон повествованию, а также, чтобы продемонстрировать схожесть конфликтов которые автор затрагивает в своих произведениях.

Использует аллюзии в названиях своих произведений и Дарья Донцова, например «Блеск и нищета Инстаграмма» отсылает нас к произведению Оноре де Бальзака «Блеск и нищета куртизанок». Таким образом автор намекает, на какие сюжетные ходы и темы будет опираться повествование.

Также, при переводе названий зарубежных книг и фильмов перед переводчиком стоит задача интерпретировать одну аллюзию в другую, приемлемую для определенной культурной среды.

Рассмотрим пример адаптации аллюзии для русскоязычного общества. Знаменитая фраза «Элвис покинул здание» часто используется в кино и музыке и является отсылкой на события 15 декабря 1956, когда Элвис и его группа под крики обезумевших поклонников покинул шоу Louisiana Hayride.

В оригинале криминальная комедия Джоэла Цвика «Элвис покинул здание» называется «Love me tender» (Люби меня нежно), что в свою очередь отсылает нас к известной балладе Элвиса Пресли. В данном случае переводчик заменил одну аллюзию, на другую, более широко известную отсылку на творчество Элвиса Пресли. В данном случае, адаптация аллюзии на русский язык, является более чем корректной, так как выражение Элвис покинул здание является крылатой, а на сленге спецслужб является кодовой и обозначает что объект наблюдения покинул здание, что является неким намеком на содержание фильма и соответствует жанру криминальной комедии.

При переводе русской литературы на иностранный язык, зарубежные переводчики очень редко кардинально меняют названия книг и фильмов. Например роман «Тихий Дон» в английской версии называется “And Quiet Flows the Don”. Такой вариант перевода выбран не случайно: в английском языке слово Don обозначает “член совета” и “преподаватель” а использование глагола «to flow» содержит намек на сюжет и героев романа.

Из более современных примеров можно привести название романа Виктора Пелевина “Generation П”. Автор призывает читателей трактовать обозначение буквы П по своему усмотрению и единого названия для книги не предоставляет. Некоторые расшифровывают букву П в названии книги

как Generation Пепси, таким образом, автор дает нам возможность предположить, что действие книги будет происходить после развала СССР и будет описывать события 90-х годов. Есть и более непристойный вариант трактовки данного названия, которое настраивает читателей на более упаднический и философский лад и наводит на размышления о судьбе целой страны, а не отдельно взятого поколения.

Роман Юрия Мамлеева “Шатуны” недавно вышел под названием The Sublimes. Первоначально роман назывался Sky above hell (Небо над адом) и содержал религиозную аллюзию на рай и ад и не передавал содержание романа, поскольку название звучало пафосно и вычурно что не соответствовало содержанию и настроению романа. В современном варианте роман на английском языке вышел под названием “The Sublimes” что на английском означает «наивысшая точка», также «sublime» может переводиться как «величие действий» или «величие идей», что конечно является злой иронией переводчика романа. Более опытные читатели могут найти в названии отсылку на произведения короля ужасов Стивена Кинга, например «The Langoliers» или The Tommyknockers, причем наличие определенного артикля «the» наводит на мысли об объединении людей или в данном случае нелюдей, связанных общей «величественной идеей».

Роман Александра Солженицына “В круге первом” содержит косвенную аллюзию на произведение Данте Алигьери “Божественная комедия” и при переводе на английский язык исходное название было адаптировано прямо и без изменений, но с указанием ссылки на источник аллюзии. В ссылке сказано что первый круг ада по Данте это пристанище некрещенных детей и добродетельных нехристиан. В романе место нехристиан и некрещенных детей занимают представители интеллигенции, несправедливо осужденные в период сталинских репрессий.

Название фантастической повести Братьев Стругацких “Хищные вещи века” на английский язык адаптировали как

“The Last circle of Paradise” что также является литературной аллюзией на “ Божественную комедию” что заставляет нас проводить с поэмой Данте и с его описанием 9 кругов ада. В данном случае автор предлагает читателям предположить сколько же кругов в рае и какие испытания ждут героев романа.

Роман “Малыш” тех же Стругацких в английском варианте называется “Space Mowgli” (Космический маугли) и вынуждает проводить параллели с произведением Редьярда Киплинга, о мальчике воспитанном дикой стаей волков, но в декорациях космической фантастики.

И наконец советский военный фильм “Солдат Иван Бровкин” 1955 года в английском варианте звучит как Private Ivan (Рядовой Иван), здесь авторы отсылают нас к фильму “Спасти Рядового Райана” (Save Private Ryan). Здесь мы наблюдаем попытки переводчиков привлечь внимание англоязычных зрителей путем пробуждения ассоциаций с военным фильмом Стивена Спилберга. Действие картин происходит во время Второй мировой войны и решение переводчиков использовать именно эту трактовку абсолютно обоснованно, так как оба фильма похоже описывают жизнь и судьбу одного человека в условиях кровавой войны.

Суммируя вышесказанное, мы можем заключить что авторы очень часто посредством включения аллюзии играют на определенных ожиданиях читателя. Изучив один сюжет книги и встретив похожее название, читатель подсознательно ждет использование одних и тех же сюжетных решений и конфликтов, что позволяет автору использовать клише в свою пользу.

Заключение. В современном мире перед переводчиком стоит задача не только грамотно подать материал, но и успешно продать его. Как мы можем заметить использование аллюзии в литературе и кино позволяет очень успешно предлагать потребителям те или иные произведения искусства. Изучив материалы по теме, одной явных проблем перевода

аллюзий является нежелание переводчиков исследовать новые и свежие способы интерпретации аллюзии. Например, если в зарубежном произведении фигурирует красивая девушка из далекого штата, а в названии будет содержаться аллюзия на песню про этот маленький штат, то многие переводчики будут пытаться назвать фильм «Золушка из Техаса» или «Принцесса из Оклахомы». Проблема интерпретации аллюзии в том, в конечном итоге этот стилистический прием уже не будет выглядеть свежим оригинальным. Поэтому, стоит заключить, что проблемой является не только адекватное переосмысление аллюзии для определенного культурного контекста, но и культурное обогащение читателей через новые пути интерпретации данного стилистического приема.

Список литературы

1. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств. – УРСС – Москва, 2016. – 375 с.
2. *Бельчиков Ю.А.* Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения. -УРСС-Москва, 2013. – 176 с.
3. *Голуб И., Розенталь Д.* Занимательная стилистика- АСТ- Москва 2021- 304 с.
4. *Мухина Ю.* Средства репрезентации иронии в художественном тексте- LAP, 2011. – 180 с.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕНОС ПРИ ПЕРЕВОДЕ,
СВЯЗАННЫЙ С РАЗЛИЧИЕМ СТИЛЕЙ И ЖАНРОВ
ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ
ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ)**

Шелестюк Елена Владимировна,

д. филол. н., доцент,

Челябинский государственный университет, Челябинск

454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129,

shelestiuk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурный перенос при переводе, связанный с различием жанров и стилей в разных языках. Рассматривается историческая подоплека различия литературных стилей в русском и английском языках, основные отличия в соответствующих газетно-публицистических стилях. Делается вывод о нежелательности сплошного калькирования стилистических особенностей разных языков при переводе и необходимости стилистической адаптации.

Ключевые слова: лингвокультурный перенос, стилистическая адаптация, языковая и культурная интерференция, доместикация, форенизация

**LINGUOCULTURAL TRANSFER IN TRANSLATION
ASSOCIATED WITH THE DIFFERENCE IN STYLES
AND GENRES OF LANGUAGES (ON THE EXAMPLE
OF THE TEXT OF THE NEWSPAPER
AND JOURNALISTIC STYLE)**

Shelestyuk Elena Vladimirovna,

Doctor of Philology, Associate Professor,

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

129 Kashyirin Brothers 454001, Chelyabinsk, Russia

shelestiuk@yandex.ru

Abstract. The article discusses a linguocultural transfer when translating related to the difference in genres and styles in different languages. The historical excursus to the development of literary styles in Russian and English is made, the main differences in the respective newspaper and journalistic styles is considered. It is concluded that the continuous calquing of the stylistic features of different languages when translating is undesirable, and the stylistic adaptation is needed.

Keywords: linguocultural transfer, stylistic adaptation, language and cultural interference, domestication, foreignization

Введение

Основная цель статьи – указать особенности лингвокультурного переноса, лежащего в основе адаптации при переводе текстов публицистического стиля в паре русский язык – английский язык.

Феномен *лингвокультурного переноса (лингвокультурного трансфера)* означает перенос базовых культурных знаний (пресуппозиций) переводчика на оригинальный текст, побуждающий этого переводчика к определенной интерпретации сообщения и определяющего приоритетность той или иной стратегии перевода. Лингвокультурный перенос отражает пресуппозиции переводчика о родном и иностранном языке, соответствующих культурах, конкретном тексте, его смыслах, стиле, коммуникативно-прагматической цели, авторе, адресатах и т. д. Лингвокультурный перенос проявляется в ряде оппозиций, среди которых наиболее важными являются: 1) локальный vs целостный; 2) бессознательный vs сознательный; 3) связанный с глубинными vs поверхностными структурами; 4) связанные с различием жанров и стилей в разных языках; 5) связанные с различием статусов языка оригинала и перевода.

В данной статье мы сконцентрируемся на четвертой оппозиции: *лингвокультурном переносе и адаптации при переводе, связанных с различиями стилей и жанров ИЯ и ПЯ.*

Под *стилистической адаптацией* мы понимаем оправданный стилистическими соображениями перенос свойств соответствующего стиля принимающей культуры на переведенный текст. Необоснованное же перенесение характеристик стилей исходного языка на язык перевода может быть охарактеризовано как *стилистическая дезадаптация*.

Необходимость стилистической адаптации как типа лингвокультурного переноса

До конца XX в. стандартной практикой в переводе была стилистическая адаптация оригинала к нормам и стандартам целевой лингвокультуры. Переводчики подсознательно улавливали существенные различия в литературных стилях, в нормах и узусах разных языков и культур. В настоящее время различия в стилях нередко нивелируются за счет растущей форенизации переводов и переносу образцов английского («мирового») языка на языки мира. Однако, как мы полагаем, учет различия в стилях литературных вариантов разных языков необходим для более эффективной коммуникации.

Такое мнение разделяет большинство российских переводоведов, например, теоретик перевода В. Н. Комиссаров подчеркивает: «Языковые особенности аналогичных стилей в ИЯ и ПЯ нередко не совпадают. Поэтому принадлежность текстов оригинала и перевода к определенному функциональному стилю предъявляет особые требования к переводчику и оказывает влияние на ход и результат переводческого процесса. Специфика определенного вида перевода зависит не только от языковых особенностей, которые обнаруживаются в соответствующем стиле каждого из языков, участвующих в переводе, но, главным образом, тем, как соотносятся эти особенности между собой, насколько совпадают стилистические характеристики данного типа материалов в обоих языках. Если какие-то особенности обнаруживаются только в одном из языков, то при переводе происходит своеобразная стилистическая адаптация: специфические средства изложения в

оригинале заменяются языковыми средствами, отвечающими требованиям данного стиля в ПЯ» [8].

Остановимся на важных различиях в стилях русского и английского языков. В учебниках, руководствах и справочниках по стилям, например, И. Р. Гальперина, А. Д. Швейцера, В. Н. Комиссарова, Т. А. Казаковой, Е. В. Бреуса, Уильяма Струнка (William Strunk “The Elements of Style”), Р.М. Горрелла, Ч. Лэрда (Robert M. Gorrell, Charlton Laird “Modern English Handbook”) и других, предпринимались попытки выявить закономерности стилистического выражения. Основываясь на этих источниках, приведем ниже ряд наблюдений о различиях в публицистических стилях русского и английского языков, которые легко могут быть экстраполированы на научный, официальный и беллетристический стили.

В первую очередь сосредоточимся на русском языке. Русская литературная речь выкристаллизовалась как своеобразный византийско-славянский извод европейской традиции словесности. Коммуникативная убедительность в ней достигается в соответствии с классическими канонами: рафинированный язык, возвышенный тон речи, риторический пафос. Такие стилистические каноны были обусловлены достаточно глубоким разделением высоких и обиходно-разговорных вариантов языка – с множеством промежуточных видов речи разной степени литературности и книжности. В литературном русском языке наблюдается синтез церковнославянской (эллино-славянской или византийской) «витийственной» культуры XIV–XVII вв. с галло-германо-латинской культурой XVIII–XIX в. Кроме того, с XVIII в. происходит сближение русского литературного варианта с общественно-бытовым, точнее черпание слов и оборотов в первый из второго. В XIX в. взаимодействие официально-деловой и журнально-публицистической речи обуславливает растущую тенденцию к отвлеченно-литературным формам выражения. Увеличилось количество отглагольных существительных (преимущественно на *-ание, -ение, -ивание, -евание*, но также *-сть, -ство, -изна, -изм*

и др.), абстрактных существительных и участилось их употребление. Было существенно стереть или затушевать оттенок индивидуализирующей, нередко фамильярной, конкретно-бытовой изобразительности и выразительности действия, присущий простой форме того или иного глагола, для этого активно использовались фразы из «более или менее абстрактного глагола, выражающего собой оттенок деятельности или действия вообще, т. е. из глагола с почти замершим (в данной связи) конкретным значением, и из зависимого отглагольного имени существительного, которое и раскрывало суть, содержание действия» (ср. *ввести о заблуждение, дать отпор, впасть в ярость* и т. д.). В газетной, журнально-публицистической, официально-деловой, научной речи развивается своеобразная манера искусственно-книжного, перифрастического, синтаксически сложного изложения. Между словом и выражаемым понятием, предметом возникает промежуточная сфера условно-описательных приемов изображения [3].

В результате эволюции в русском языке сложился канон литературного стиля, в котором важно создание стилистического эффекта официальности, серьезности и важности сообщения. В этих целях используется книжная лексика, церковнославянские, немецкие, французские кальки, нередко греческие, латинские, французские заимствования (транслитерации, транскрипции), префиксально-суффиксальные образования, сложные слова, возвышенные риторические синтаксические структуры, обстоятельственные фразы.

В стилистическом плане, «в русском языке коммуникативная установка убеждения достигается с помощью риторического пафоса, возвышенного и торжественного тона изложения. Для достижения этого стилистического эффекта применяется широкий набор языковых средств, в том числе книжная лексика, большое число определителей, эмоционально насыщенные слова, развернутые сложносочиненные предложения, обилие причастных и деепричастных оборотов, всевозможные фигуры речи и эмфатические конструкции» [1].

В русских письменных стилях преобладают номинативная структура и организация, имеется тенденция к *номенотризму*, которая проявляется в субстантивизации или объективации действий и процессов [1, 2, 6, 7, 8]. Информация сосредоточена вокруг имени, в то время как глаголы в основном предидируют его, связывают определенное понятие с реальностью. Следствием этого является наличие в письменных стилях (включая публицистический) большого количества отглагольных существительных, например, *осложнение, урегулирование, преодоление, усилие, возобновление, требование*, которые появляются в синтаксических позициях подлежащего, дополнения, определения и даже обстоятельственных комплексов. Ср. Наши *усилия* направлены на *преодоление* раскола в международном профсоюзном движении горняков. – Our aim is *working towards overcoming* the split in the international movement of coal miners' unions. *Возобновление* переговоров откладывалось под самыми различными предлогами. – Under all sorts of pretexts, the two communities refused to *resume* negotiations. Из-за *агрессивности* своего характера он растерял всех друзей. – His *belligerent* manners caused him to lose one friend after another. В мире уже сложились силы, которые побуждают к *вступлению* в мирный период. – There are already forces in the world that prompt us *to enter* an era of peace. ООН много сделала в *целях сближения* позиций в югославском конфликте. – The United Nations has done much *to bring* the warring factions in the Yugoslavian conflict *closer together* (примеры из [1]).

Значительная часть русской книжной лексики, относящейся к формальным областям речи, образована абстрактными и обобщенными словами, выражающими понятия, существующие только в уме: *отношение, сущность, суть, сфера, курс, обеспечение, сознание, обострение, ускорение, облегчение, задача, мера, особенность*, иногда – духовно-нравственные слова, как *духовный, совесть, мудрость, надежда*. Многие из этих слов представляют собой общесла-

вянские формы, греко-славянские кальки, восходящие к старославянскому периоду, многочисленные поздние слова, образованные по аналогии с ними, немецкие кальки, галлицизмы, латинизмы. При этом абстрактные и отглагольные существительные в русских предложениях часто занимают позицию подлежащего (это не соответствует нормам английского публицистического стиля). Поскольку английской письменной речи абстрактные и отглагольные существительные в качестве подлежащих не свойственны, при переводе на английский они нередко опускаются или разворачиваются в самостоятельное предикативное мини-высказывание. Ср.: *Сущность* этой литературы заключается в пламенном стремлении к внелитературным задачам. – These writers passionately strive towards goals that lie outside of literature. *Перенос* идеологических противоречий в *сферу* межгосударственных отношений никогда не приводит ни к чему хорошему. – Attempts to carry over ideological differences to relations between states have never been of any use (примеры из [1]).

В русском языке широко распространены сочетания существительных, в частности, абстрактных, в родительном падеже (в такой же или даже большей степени, чем атрибутивные комбинации типа N+N в английском языке), например, *одержание победы, нанесение поражения, оказание влияния (помощи, услуги, давления), совершение преступления, проведение анализа, организация мероприятий, достижение результатов, созыв конференции, реализация программ, заключение договора, предоставление займа (независимости), возникновение опасности, развязывание войны, создание предприятий*. В английском газетно-публицистическом стиле такие сочетания не распространены, они более часты в официально-деловых текстах.

Общее правило перевода русских абстрактных/отглагольных существительных и сочетаний существительных состоит в том, чтобы «вербализовать» их, превращать в предикативные фразы и высказывания с личными местоимениями

или сокращать до единичных существительных/прилагательных. Это связано с тем, что английский язык вербоцентричен, при описании предметных ситуаций он предпочитает глаголы [8]. Например: В статье говорится о распространенности военного сотрудничества даже на ракетно-космическую область. Все это приходилось учитывать в ходе *подготовки* концепции. The article says that military cooperation also covers space and missiles. – We had to take this into account *as we worked out* the basic concept. Рабочие требовали *увеличения* заработной платы, *сокращения* рабочего дня, *улучшения* жилищных условий. – Workers demanded *higher wages, shorter hours and better* (improved) housing. Участники конференции подчеркивали необходимость *установления единства* профсоюзов. – Participants in the conference stressed the needs for trade union *unity*. *Новизна* задач, а вместе с нею и *трудности* их этим не ограничиваются. – It is not only this that makes out tasks *novel and difficult* (примеры из [1]).

Именной характер газетной речи в русском языке выражается также в высокой частотности отыменных предлогов (*в области, в отношении, по линии, в соответствии, в свете, в сфере, на ниве, на поприще, насчёт, в части, по поводу, в аспекте, в смысле, в отношении, по отношению, с намерением, с целью, с прицелом, в целях, с перспективой, с расчётом на, в расчёте на, на предмет, в рамках, для реализации, в надежде*), сложных отыменных союзов (*ввиду того что, в связи с тем что, с тем чтобы, в силу, за счёт, по причине, вследствие, согласно, на основании, опираясь, руководствуясь, благодаря, в наличие, в отсутствие*).

Наряду с абстрактными и отглагольными существительными, русский газетно-публицистический стиль характеризуется широким использованием книжных глаголов: *реализовывать(ся), констатировать, гарантировать, обеспечивать, предназначать(ся), предусматривать, посвящать* и др. Также в русских литературных стилях весьма распространены

глагольно-именные абстрактные клише с ослабленным значением глагола (*оказывать содействие/помощь/сопротивление; предоставлять поддержку, выразить благодарность/удовлетворение, выносить решение, возбуждать иск, подавать жалобу, выразить удовлетворение, находить применение, нанести визит, принимать меры, предпринимать шаги, выдвигать предположение* и др.). Подобные глагольно-именные сочетания в газетно-публицистическом стиле английского языка встречаются редко, они характерны для официально-делового стиля. В русско-английских переводах они зачастую сокращаются до одного слова.

Что касается синтаксиса, то в целом синтаксис информационных материалов в русском языке носит книжный характер, а синтаксис газетно-публицистического стиля в английском языке – нейтральный и разговорно-идиоматический характер. В русских письменных стилях нормой являются сложные предложения, причастные и деепричастные обороты, для публицистических и научно-технических материалов английского языка характерно преобладание простых предложений [8]. В русском газетно-публицистическом стиле отмечается высокое использование пассивных конструкций (собран высокий урожай, открыта новая здравница и пр.), которые не свойственны не книжным стилям русского языка, а также безличных и обобщенно-личных форм глаголов информационной семантики (сообщают, информируют, передают).

Теперь сосредоточимся на литературных стилях английского языка. В англо-американском историческом развитии на каноны литературы большое влияние оказала протестантская традиция, подкрепленная переводом Библии на английский язык («Авторизованная версия» Библии). Еще до начала этого периода, в XVI в., многие британские писатели призывали писать в простой, четкой манере, без избыточной элегантности стиля. Ср. призыв Роберта Эшема писать об «английский вопросах на английском языке и для англичан»

(“English matter in the English speech for English men”), осуждение Шекспиром “taffeta phrases”, “figures pedantical”, “inkhorn mates”. С приходом к власти пуритан после Английской буржуазной революции 1640–1660 гг. фактологичность, строгость и отсутствие претенциозности в литературном стиле надолго вытеснили искусственную риторико-стилистическую витиеватость, эвфуизмы, заумные слова²⁶. Неприемлемыми стали и излишние заимствования. В 1664 году был создан специальный комитет, целью которого была нормализация и улучшение английского языка (не столько в духе рестрикций, сколько в духе перехода с латинско-греческих на национальные формы). Значительную роль в регуляции норм сыграли грамматики, появившиеся в этот период, в том числе, «Grammatica Linguae Anglicanae», написанная Джоном Уоллисом (1653 г.), который выступал против слепой имитации латинских и греческих грамматик [4].

В результате значительного отхода от классических форм английский язык выработал специфический канон, который решает проблему выразительности иначе, чем, например, русский литературный язык. В англоязычной журналистско-стилистической методологии пафос бичуется как искусственный и официозный прием. Убедительность достигается не за счет возвышенного тона и абстрактных понятий, а через личное обращение к адресату, к его обыденному пониманию и эмоциям. Рекомендуется избегать книжной лексики и оборотов речи, но использовать присущие живой речи лексические единицы и выражения – идиомы, метафоры, фразовые глаголы.

26 Пуританская традиция проявилось еще более сильно позже в США, ср. осуждение употребления в журналистике нежелательных, усложняющих понимание фраз, таких как *a great crowd – a vast concourse; came to see – was assembled to witness; great fire – disastrous conflagration* и др. американским эссеистом Джеймсом Расселом Лоуэллом.

Как упоминалось выше, английский язык вербоцентричен. Если русский язык больше характеризуется именными структурами, то в английском языке используются предикативные формы. Именные тема и рема реже встречается в английских публицистических текстах, чем в русских. Реже, чем в русском языке, встречаются абстрактные и отглагольные существительные, статические обобщенные глаголы и прилагательные. Книжные и абстрактные слова, такие как, например, *сущность, сфера, курс, обеспечение, сознание, задача*, не оказывают возвышенного стилистического эффекта на англоязычных реципиентов, они воспринимаются как слишком формальные. В английском тексте существительные – равно как и прилагательные, глаголы, наречия – носят преимущественно конкретно-понятийный, нередко разговорный и идиоматический характер. При переводе с английского на русский их следует заменять на более абстрактные и книжные слова и выражения, глаголы и прилагательные нередко превращаются в отглагольные существительные. Например, *Trump's tariffs have led to lower prices, less business, lower profits, and fewer jobs.* – Тарифы Трампа привели к *снижению цен*, сокращению бизнеса, *снижению прибыли* и *сокращению рабочих мест* [13]. *Humala's policy aimed at betrayal of national interests has evoked growing indignation in the country.* – Политика Хумала, направленная на предательство национальных интересов, вызвала *рост возмущений* в стране [12]. *A default on public debt (exceeding 320 billion euros) will be followed by a default of Greek bonds holders* [11]. – *Следствием* дефолта по государственному долгу (более 320 миллиардов евро) будет дефолт держателей греческих облигаций.

Акцент в английской журналистской фразеологии нередко делается на чувственном восприятии и эмоциональном воздействии. Это достигается с помощью коротких слов германского происхождения, ассимилированных романских слов, идиоматических фраз, метафор, акциональных глаголов и т. д. Среди них заметны глаголы с послелогоми: *turn down*

(отвергнуть), look up to (восхищаться), put up with (мириться с), make up for (компенсировать), stand behind (поддерживать), stand by (защищать), give up, hand in (сдаться); идиоматические глаголы с телесной составляющей: back out (отступить), stand up to (противостоять), head off (предотвратить), bow to (покорно принять), sniff at (игнорировать); образные глаголы: hound, roar, hammer out, iron out, curb и т. д.

При переводе идиоматических оборотов, эмоционально-экспрессивных фраз на русский язык их следует нейтрализовать и, в соответствии с канонами русского публицистического стиля, использовать книжные обороты. Например, The politicians *find it especially difficult to leave behind the stereotypes and experience of the past.* – Этим политикам *трудно отойти* от стереотипов, от опыта прошлых времен. The wave of reaction that is now trying to *clear up the way for* a shift will *ebb away.* – Реакционная волна, стремящаяся сейчас *устранить препятствия* для переворота, *обречена на неудачу.* The *hardest hit* are the majority of northern territories. – В *особо тяжёлом положении* оказывается подавляющее большинство северных регионов (примеры из [1, 2]). An assault on Iran could absolutely fail... On the other hand, it might just succeed, leaving anyone who confronted it *in inferior odour* with the US for years to come. – Вооруженное вторжение в Иран, безусловно, может потерпеть фиаско... С другой стороны, оно может иметь успех, оставив страны, выступавшие против, в *немилости* у США на долгие годы [10].

Что касается синтаксиса, то следует учитывать, что английский язык характеризуется преобладанием лаконичных предложений с плотным смыслом, логические связи между частями высказываний более имплицитны, чем в русском. По приблизительным подсчетам, в научно-технических текстах, например, простые предложения составляют более 50% от общего числа предложений [8]. В меньшей степени, но все же отмечается преобладание простых предложений и в английском публицистическом стиле по сравнению с русским.

Методологи перевода, как правило, рекомендуют соблюдать стилистические каноны соответствующих языков. В случае переводческой пары русский-английский в англо-русском переводе рекомендуется «повышать стиль», т. е. делать его более абстрактным и официальным, соблюдать именной характер, номенотричность высказываний везде, где это необходимо. В таких переводах часты абстрактные и отглагольные существительные, книжная лексика, встречаются слова латинского и греческого происхождения, риторический пафос, сложный синтаксис, безличные и неопределенно-личностные предложения. В русско-английском переводе рекомендуется «понижать стиль», делать высказывания более конкретно-понятийными, идиоматичными, соблюдать глагольный характер, вербоцентричность высказываний везде, где это необходимо. В таких переводах преобладает идиоматическая, яркая лексика, конкретно-понятийная образность, акциональные глаголы, личные предложения.

Заключение

Стилистическая дезадаптация, связанная с неоправданным лингвокультурным переносом, может привести к коммуникативному сбою. Стилистически неадаптированный переведенный английский текст может показаться российским реципиентам несерьезным, субъективным, поверхностным, не заслуживающим доверия. И наоборот, стилистически неадаптированный переведенный русский текст может показаться английским реципиентам абстрактным, напыщенным, выспренным, не по существу. Вместе с тем подчеркнем, что адаптация стиля не должна влечь за собой изменений смысла, смещения акцентов и прямой доместикации текста. Стратегия адаптации предполагает такие тактики как соблюдение баланса доместикации и форенизации, модерацию и умеренную нейтрализацию эмоционально-экспрессивной составляющей текста.

Также важно, что в связи с экспансией и доминированием «мирового» английского у многих переводчиков

появляется искушение переводить с английского на языки мира методом «сплошной кальки», т. е. практически полного структурно-семантического подобию оригиналу на английском. На наш взгляд, как из соображений благозвучия, так и из соображений сбережения своего языка и обеспечения языкового разнообразия переводчику следует проявлять повышенное внимание к тексту на родном языке, его аутентичному звучанию и стилистической адекватности.

Список литературы

1. *Бреус, Е. В.* Основы теории и практики перевода с русского на английский язык [Текст]: учебник для вузов / Е. В. Бреус. – Москва: УРАО, 2004. – 207 с.
2. *Бреус, Е. В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский [Текст]: учебник для вузов / Е. В. Бреус. – М.: УРАО, 2005. – 104 с.
3. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: [Текст] : Учебник / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1982. – 528 с.
4. *Гальперин, И. Р.* Стилистика [Текст]: учебник для вузов / И. Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1977. – 334 с.
5. *Гарбовский, Н. К.* Теория перевода [Текст]: учебник и практикум для вузов / Н. К. Гарбовский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 387 с.
6. *Гарбузова, Т.* Особенности перевода общественно-политических текстов [Текст] / Т. Гарбузова // ЭБ БГУ: Общественные науки: Языкознание, 2013. – № 4. – С. 214–221.
7. *Зражевская Т. А., Беляева Л. М.* Трудности перевода с английского на русский [Текст] / Учеб. Пособие для вузов. – М.: Международные отношения, 1972. – 122 с.
8. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода. Лингвистические аспекты [Текст]: учебник для ВУЗов / В.Н. Комиссаров. – М.: Альянс, 2013. – 253 с.

9. *Микоян, А.С.* Проблемы перевода текстов СМИ [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/12.htm>.
10. Сайт Фонда стратегической культуры [Электронный ресурс]: <https://www.strategic-culture.org/news/2014/09/19/give-diplomacy-with-russiaa-chance/>
11. Сайт Фонда стратегической культуры [Электронный ресурс]: <https://www.strategic-culture.org/news/2015/06/29/tragic-history-xx-century-crisis-faced-greece/>
12. Сайт Фонда стратегической культуры [Электронный ресурс]: <https://www.strategic-culture.org/news/2015/10/13/act-of-treason-secret-ussites-in-peru/>
13. Сайт Фонда стратегической культуры [Электронный ресурс]: <https://www.strategic-culture.org/news/2019/11/07/trumps-trade-war-has-direconsequences/>
14. *Швейцер А. Д.* Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках [Текст] / А. Д. Швейцер. – М.: УРСС Эдиториал, 2009. – 236 с.
15. *Baker M.* In other words: A course book on translation [Text] / M. Baker. London: Routledge 1992. – 296 p.
16. *Bell, R. T.* Translation and translating: Theory and practice [Text] / R. T. Bell. – London and New York: Longman, 1991.– 114 p.
17. *Gorrell, Robert M., Laird, Charlton.* Modern English Handbook [Text] / R. M. Gorrel, Ch.Laird. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1976. – 485 p.
18. *Strunk, William.* The elements of style [Text] / W.Strunk. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1920. – 56 p.

ИСПАНСКАЯ СЕКЦИЯ

CRÓNICAS PERIODÍSTICAS: RELATOS E INMIGRACIÓN

*Dra CARMEN RODRÍGUEZ WANGÜEMERT,
PhD, Universidad de La Laguna, España
crodrigu@ull.es*

Resumen. La inmigración constituye en este trabajo un pretexto. Es un eje temático para profundizar en el análisis de la narrativa usada en las crónicas del periodismo interpretativo. Se analiza el mensaje, como centro de la actividad informativa, y como relato con cuyas técnicas se narra, explica y muestra la realidad seleccionada con criterios profesionales. El estudio de una muestra de crónicas sobre la inmigración en Canarias durante 2006, aporta el objetivo principal de reconocer en ese género los fundamentos que dan señal de identidad y garantizan el futuro del relato, para exponer la actualidad como núcleo de la credibilidad periodística. De manera secundaria, contextualiza la situación de una parte ínfima de la inmigración, que afecta mundialmente a cerca de 195 millones de personas. Aporta, en ese sentido, al contexto abierto por diferentes disciplinas sociales para la revisión del concepto de ciudadanía, una mirada desde el género periodístico crónica.

Palabras clave: crónicas, relatos, narrativa, inmigración, ciudadanía, géneros periodísticos

JOURNALISTIC ARTICLES: REPORTS AND INMIGRATION

Abstract. In this study, immigration is a pretext giving a point of focus in order to analyse in depth the narrative used in interpretative journalism. The message is analysed as the centre of

informative activity and also as the news report which narrates, explains and shows a reality selected by professional criteria. The study of a selection of articles on immigration in the Canary Islands in 2006 fulfills the main objective of recognizing in this genre the essential features which give identity to and guarantee the future of the news story as the nucleus of journalistic credibility. In addition, the study contextualises the situation in one small part of immigration, which affects around 195 million people worldwide, giving a journalistic point of view to the context opened by different social disciplines for the revision of the concept of citizenship.

Keywords: articles, news stories, narrative, immigration, citizenship, journalistic genres

Introducción

Cuanto acontece, la realidad, se tiene en cuenta en todo trabajo que trate de las estructuras narrativas de los textos. También cuando se valoran los géneros periodísticos, como estructuras a través de los que esos escritos fueron pensados. Lo que sucede, el contenido, puede —tal vez deba— sustraerse si no constituye el objetivo central del análisis, pero, con una aproximación parcial a la temática de la que se ocupan los textos, pueden sustraerse conclusiones de relevancia. Planteamos aquí uno de esos casos. En nuestro estudio, que no es un análisis de contenido, sino que valora las acciones relacionadas con la configuración pretextual y textual de las crónicas periodísticas, ha sido una decisión metodológica primordial escoger relatos sobre la inmigración. Con esa decisión, se pretende detectar hacia donde deriva la tarea especializada del cronista y establecer así algunas de las tendencias técnicas del género.

Las migraciones, el debate social que suscitan y sus repercusiones en la sociedad, sirven en este estudio parcial sobre las crónicas como un pretexto. Son el eje temático para cotejar las hipótesis sobre las decisiones narrativas de los informadores, y sobre las garantías que ofrece el relato para mostrar información a la sociedad.

Las pretensiones del trabajo que presentamos aquí están perfectamente acotadas, pero derivan de a un proyecto de mucha

mayor amplitud²⁷. Numéricamente supone el primer acercamiento a los 59 textos que fueron publicados durante 2006 en *El País* sobre la inmigración llegada a Canarias en cayucos, cuya autoría corresponde a su corresponsal en las islas. Consiste en valorar el alcance del relato como fórmula para mostrar y explicar una realidad compleja; para satisfacer la idea de su sentido.

Migraciones, ciudadanía y periodismo

Nada justificaría realizar en este apartado una “crónica” de los acontecimientos sobre la migración, inmigración y la ciudadanía. Pero sí vemos necesario intentar sintetizar la auténtica dimensión del contenido objeto de los textos que estudiamos. Conocer el ámbito de las crónicas seleccionadas es importante, por varias razones. En primer lugar, porque durante 2006 la llegada de personas en situación irregular a Canarias es incuantificable. Además de quienes arribaron a las costas desde el continente africano (18 mil), hubo entradas de personas en situación irregular por los aeropuertos en el Archipiélago que obligan a sumar indefinidamente esa cifra.

En segundo lugar, porque hay que contar con la espectacularidad que motiva la llegada continua de pateras y cayucos, así como las medidas gubernamentales para la atención de esas personas, en una población que ve, sobre todo por lo que ofrecen los medios informativos, incrementar esas llegadas (en 2005 llegaron 4 mil). Pero también, porque hace falta situarlas en la justa medida, pues constituyen una parte ínfima de las migraciones en el mundo. La realidad es que la emergencia de los desembarcos desvela problemas mucho más generales en el asunto de la inmigración.

²⁷ El proyecto amplio en el que estamos trabajando consiste en la valoración de los mensajes periodísticos utilizados en los medios de comunicación, tanto canarios como de tirada nacional, en el tratamiento de la inmigración y en los efectos que tiene en la nueva configuración de la ciudadanía. Abarca el proyecto un análisis de la información de los últimos diez años.

Cerca de 195 millones personas, un 3 por ciento de los individuos que lo conforman, representan el continente móvil (Pastore, 2007) y suponen el principal factor de transformación social, cultural y demográfico de muchos países ricos.

La movilidad humana siempre es un asunto político de valor ambiguo, que se mueve entre la real necesidad de personas para el fortalecimiento de la economía y entre la amenaza, que llegan a convertir a la política migratoria en un cúmulo de actuaciones y de experimentación continuas. Además, los inmigrantes irregulares no son todos iguales, también por esas fluctuaciones mencionadas y por los diferentes tratamientos según a qué países europeos arriben.

En la perspectiva del inmigrante, a pesar de las costes humanos altos, persiste la idea de que si los que están perfectamente instalados en Italia o en España, por ejemplo, hubiesen estado a la espera de la política activa de entradas anunciadas por los respectivos gobiernos, aún estarían esperando: “hasta ahora, los inmigrantes han demostrado una comprensión de los mecanismos reales de las políticas migratorias que superior a la demostrada por los legisladores” (Sciortino, 2007:107).

Se une a esto el controvertido sentido de la ciudadanía, un término ambivalente. Casi quince años después de la creación formal de la Unión Europea, todavía no se han establecido unos necesarios parámetros comunes en el ámbito de las leyes de ciudadanía. Aunque no se considera necesario imponer una única ley europea, sino establecer un método abierto de coordinación para “regular aspectos de la legislación nacional que violan los principios de la solidaridad europea o que constituyen una discriminación y exclusión arbitraria de ciudadanos de terceros países” (Baubök, 2007:99).

En consecuencia, el dilema de la ciudadanía supone, siguiendo a Schierup, que no pueda considerarse la inmigración y la exclusión social como un dilema por la simple aparición de formas de exclusión racial, sino que esos procesos provienen de la crisis europea dual de la nación y del Estado de bienestar (2007:105).

Todo deriva en una problemática europea, en el medio de la cual la integración se transforma en un esfuerzo individual más que en un planteamiento de igualdad de derechos y de oportunidades. La complejidad del asunto sobrepasa las posibilidades y objeto de estas líneas. En estas controversias de dimensión aún incalculable, habrá de valorarse el papel de la información periodística, del mensaje.

Dimensión del estudio del mensaje

Situada nuestra muestra en su minúscula dimensión con respecto a la situación mundial, expondremos las razones que nos obligan a establecer su interés precisamente por las conexiones que hay con otras realidades periodísticas similares. Conviene reparar en que el centro de todo es el mensaje. El mensaje del buen periodismo, el que, con Casals (2006) convenimos que es el que selecciona con criterios claros de interés general y público. También el que los verifica, relata los hechos y los asuntos sociales y que los explica y orienta el debate público con argumentos.

El análisis de las crónicas sobre la inmigración irregular en Canarias ofrece, en el plano más o menos abstracto en el que se promueven los vínculos entre los diferentes mensajes en el sistema actual globalizado, fundamentos para establecer los cimientos teóricos del periodismo actual y las tendencias futuras. Además de posibilitar establecer el parangón con otras realidades similares, desde el ámbito investigador, se plantea como un trabajo comprometido y que defina: “la función que desempeña la información en la vida de todo ciudadano: nuestro sentido de la realidad” (Casals, 2006: 62).

Las dimensiones del mensaje en la composición informativa actual muestran que ni el conocimiento ni la comunicación son lineales. Los ‘contagios’ y los vínculos que genera cada texto llegan a crear nuevas relaciones y otros mensajes.

No en vano, entre las características actuales del circuito informativo está la de superabundancia (uno de los efectos), el afán

de complementar las informaciones también puede llegar a distorsionar. Por ello, atendemos en este trabajo el aspecto de la dimensión de los mensajes, orientando esas minuciosas miras a la necesidad de observar que verdaderamente ofrezca las garantías explicativas que tradicionalmente ha tenido el relato, como la mejor forma de narrar realidades.

El mensaje lo integra un código (lingüístico, sonoro o visual); un contenido y una tratamiento o forma. La forma, y por tanto la importancia de lo narrativo, en nuestro caso, o el conjunto de disposiciones lógico-lingüísticas que se piensen y se adopten, es lo que aquí nos ocupan.

Sobre el interés

Superada la primera fase pretextual de la tarea selectiva (por el interés general y el público), para fundamentar teóricamente el presente trabajo conviene reparar sintetizadamente en el interés que se puede captar desde la perspectiva de la forma. En ese sentido, por encima de la importancia que la coherencia semántica tenga en las redacciones periodísticas, sus narraciones o relatos deben cohesionar en una referencia extratextual que es la realidad. El texto no se agota así en ser representación de algo concreto porque: “es la vida humana en general y las prácticas que la configuran, en particular” (Muñoz-Torres, 2002: p.146).

El sentido que entre los lectores pueden suponer las narraciones interesantes, implica la consecución de acciones operativas entre quienes las reciben. La fundamentación teórica del presente artículo versa sobre la consideración de que las narraciones que interesan y bien narradas no producen indiferencia. Al contrario, llegarían a promover, proponer y asentar representaciones de acciones.

Desde luego que no actúa de forma equivalente entre quienes las reciben. Analizar los efectos en el diálogo social, por más que los medios de comunicación actúen como actores sociales, es sumamente arduo, pero sobre todo es propósito de un trabajo de mayor calado que el que aquí presentamos.

La narrativa y los géneros en periodismo

El futuro de la prensa, y en realidad su presente, está determinado por el periodismo interpretativo, que se caracteriza por superar la estricta barrera distintiva objetividad/subjetividad. Pero también se caracteriza por la necesidad de la pervivencia de los géneros, por más que se ha preconizado sobre su desaparición y su estado de permanente crisis.

Con todas sus consideraciones cambiantes, los géneros fundamentan la naturaleza básica para la tarea interpretativa. Sánchez Sánchez y López Pan (1998:18) afirman: “[...] los géneros son instituciones vivas que evolucionan para ajustarse a las funciones propias de la actividad a la que sirven”. Sobre la interpretación, la reducimos a que supone: una valoración objetiva basada en antecedentes, análisis, conexión y exposición comprensiva de los acontecimientos. Además, que tiene por objeto informar y explicar.

Con diversas matizaciones, la mayoría de los autores consideran géneros interpretativos a la noticia explicativa, el reportaje, la entrevista y la crónica. Siguiendo el trabajo de Natividad Abril (2003) incluimos en esa enumeración los textos noticiosos que derivan de la información sobre conferencias, las ruedas de prensa y mesas redondas y los comunicados de prensa e informes. En estos últimos el criterio unificador es su carácter metalingüístico que imprimen al mensaje, dado que concentrará contenidos derivados de actos de habla, por la traslación de discursos al lenguaje periodístico impreso. Y, en todos ellos se puede dar forma narrativa o de relato.

Reviste gran interés para el periodismo interpretativo reflexionar sobre aquellos textos periodísticos dependientes de un hecho en el que predomina el mensaje oral de un interlocutor. En su opinión, se deriva no solo en un contenido comunicativo sino también en un acontecimiento en sí mismo, y en un tipo de textos en los que predomina lo discursivo.

En cualquier tarea de cubrir una actividad informativa, desde nuestra perspectiva para analizar las crónicas sobre inmigración, se manifiesta la necesidad de traslación de numerosos tipos

de discurso. Eso es, siempre existe algún interlocutor: protagonista, fuente informativa, intermediario social o testigos, cuyos testimonios (en estilo directo o diferido), pasan a formar parte del texto informativo.

Crónicas y narrativa periodística

Además de esa breve presentación de la formulación de los géneros, conviene enfatizar la idea de que en todos ellos puede recurrirse al relato, esa forma para la que, coincidiendo con Sánchez (2004) se exige saber más que los meros datos de un acontecimiento, porque es necesario poner en relación hechos y personas y establecer causas y efectos al tiempo que se ponen en orden todos esos elementos.

En la tarea del cronista, del especializado en hacer crónicas, que puede a la vez ser especializado en alguna área temática en especial, esa posibilidad se deviene como tanto mayor. El cronista, que también lo será reportero en según qué casos, dependiendo de la forma que él mismo disponga para explicar y mostrar unos contenidos, con el mejor recurso con el que podrá contar será con el del relato, de la narración y su secuencialidad.

Varios estudios avalan esa afirmación, que ha sido tendencia. Por una parte, los estudios que sobre la narrativa facticia da lugar a la escritura periodística propiamente dicha, con su creciente diferenciación de géneros y estilos entre los que las crónicas son grandes protagonistas (Chillón, 1999: 107); también las aproximaciones desde la perspectiva de que las crónicas, de entre los géneros interpretativos, aglutina los cuatro elementos que fundamentan la interpretación y cuyo manejo se facilita con el procedimiento de la narración: acontecimiento principal, antecedentes y contexto, reacciones e interpretaciones y análisis valorativo (parte que aglutina las consecuencias previsibles de la noticia).

La explicación será la que dé carácter propio a este género. Y también el conocimiento, la especialización y la confianza en el periodista intérprete favorecen el fortalecimiento de la credibilidad

y fiabilidad (Rodríguez, 2005:172), en un género que nunca desapareció entre los géneros característicos del periodismo latino, a pesar de la presión imperante de la división de géneros de origen anglosajón.

La vigencia de los medios guardará en nuestra opinión, por todo lo expuesto y siguiendo el planteamiento de Garza (2006), relación con la vigencia del relato, que preconiza para el futuro del periodismo una coordinación ajustada entre los géneros periodísticos y la convergencia de medios y soportes electrónicos y convencionales.

Recapitulando algunas de las ideas ya también expuestas, en especial la de que el periodismo está vinculado a su existencia como instrumento de solidaridad con la vida y con el ser humano, la tarea informativa implica asumir decisiones personales en el ejercicio profesional y desarrollar a sus máximas consecuencias las posibilidades narrativas de los géneros periodísticos (Garza, 2006:146).

La crónica, como hemos defendido también en anteriores trabajos, vuelve a aparecer como una opción superadora, como un regreso al periodismo narrativo como la mejor solución para ofrecer análisis, explicación y reflexión en un trabajo minucioso de labor diferenciadora por su confección narrativa, de estructura secuencial.

Investigación descriptiva de las crónicas

En los apartados 3, 4 y 5 ha quedado planteado el fundamento teórico preciso para afrontar esta parte descriptiva de la investigación. Han sido planteados los elementos del mensaje del que se ocupa este trabajo: código (lingüístico y del medio impreso) y tratamiento (forma como planteamiento y disposición del emisor) para conformar las crónicas que tratan sobre la inmigración y que nos ocupan.

Hemos hecho constar que este acotado análisis se desmembra de una investigación más amplia en la que venimos desde hace

años trabajando. El objetivo general es analizar las formas de representación de la inmigración, en la prensa canaria y en la de tirada nacional, para aportar propuestas de elaboración textual que a través del periodismo promuevan la convivencia y en la comprensión de la nueva configuración de las poblaciones que serán las de los próximos años en nuestro país. Por ello, nada descarta que los futuros resultados confronten algunas de las aportaciones actuales, por lo que hemos estimado que el procedimiento de mayor rigor por el momento es el de plantear un análisis descriptivista.

Merece la pena exponer que nuestro proyecto no está aislado. Convive, aporta e intercambia con muchos de los proyectos planteados desde instituciones, asociaciones y varios grupos desde la Universidad para exponer pautas para afrontar las medidas más propias para atender desde diversas disciplinas las modificaciones sociales que implica la inmigración. Además, está contemplado contar con la participación de los profesionales periodistas ‘especializados’ en esta temática, quienes han realizado los textos sobre los que se investiga.

Cuenta Canarias, concretamente promovido por la Consejería de Empleo y Asuntos Sociales, con un Decálogo firmado por los medios de comunicación y el Gobierno canario en 2002, que lleva por subtítulo: Por una comunicación integradora y no xenófoba. Su contenido, integrado por 10 principios, está expuesto y presentado para su debate y en su caso renovación o matización de sus principales valores, a través de las iniciativas de algunos talleres y foros en los que los miembros del grupo de investigación hemos participado. También han intervenido los periodistas canarios dedicados a cubrir la información sobre inmigración.

Entre los antecedentes de trabajos científicos relacionados con la inmigración y que ilustran el procedimiento del que nosotros abordamos, destacamos la de Giró y Jarque (2006), que expone un exhaustivo análisis sobre prensa escrita e inmigración, concretamente analizando editoriales de la prensa catalana, sus argumentaciones en relación con casos de situaciones que han sido conflictivas. También el análisis más amplio de los discursos, dentro de la

perspectiva de la existencia de un debate social amplio, propuesto por Baños (2002), merece nuestra atención.

El contexto actual en Canarias es que se mantiene a la expectativa continua ante la inmigración. Cuando redactábamos estas líneas persistían los acontecimientos concretos de la llegada de cayucos y, aunque se ha ‘normalizado’ entre la población, el lógico debate que suscita ocupa gran espacio en los medios informativos. La agenda periodística está además plagada de noticias en las que se desatan las reacciones y también las posiciones de los programas políticos por las elecciones de mayo de 2007.

Todas esas circunstancias nos orientaron hace meses a elegir la valoración del género crónica para este primer tramo de investigación. Las crónicas publicadas en *El País*, imbricadas, desde la perspectiva del presente análisis, con el periodismo isleño, permiten, como corpus de trabajo, independizarlas con más facilidad que otros textos publicados en los medios de las Islas.

La muestra y los objetivos

Hay algunas razones más que nos llevan a elegir las crónicas publicadas en *El País* durante 2006. Han sido realizadas por su corresponsal Juan Manuel Pardellas, que cuenta con una larga experiencia y con un gran reconocimiento en la elaboración de textos relacionados con la inmigración. Eso nos acerca a la observación de la especialización profesional desde una doble vertiente, como profesional narrador y como periodista que conoce — y por tanto tiene más capacidad interpretativa contextual— una determinada área de la información de actualidad.

De su trayectoria destaca la publicación del conjunto de textos elaborados entre 2001 y 2004 en un libro titulado *Héroes de ébano*, que merecieron el Premio de Periodismo Ernesto Salcedo 2004 de *La Opinión de Tenerife*.

Estas circunstancias permiten corroborar rápidamente en su trabajo algunos de las premisas sobre las crónicas y sobre las que no nos extenderemos. Garantizan sus textos el concepto de crónica:

- Conexión inmediata con la actualidad, y con escasa perspectiva tiempo/espacio para elaborar el texto.
- Autor de continuidad y conocimiento que explica y relata
- Estilo informativo que admite la técnica literaria de la visibilidad como complemento a la explicación
- Estructura de mayor libertad y espacio para la explicación que la de la noticias.

Además, se trata de:

- Valorar en los textos los esfuerzos narrativos de los periodistas para exponer la realidad y para ofrecer su sentido.
- Cotejar cómo se valoran y se traslucen en el texto los métodos de observación indagación y verificación (necesarios como garantía de credibilidad)
- Analizar los procedimientos narrativos: explicar y mostrar.
- Proponer, si procede, tipologías sobre las crónicas.

La muestra abarca los ya mencionados 59 textos. Suponen casi el 38 por ciento de las crónicas de esta misma autoría que fueron publicados por *El País* durante 2006, cuyo registro asciende a 156 textos. Distribuidas por meses, como mero carácter orientativo exponemos que en septiembre se contabilizan 16, frente a los 2 del pasado diciembre, los 3 de mayo o los 6 de marzo. Pero el valor cuantitativo es el que menos aporta a esta parte del trabajo.

Procedimiento

Desde la observación y lectura detenida de los textos hemos planteado un procedimiento que permita distinguir entre las dos categorías de textos: explicativos y mostrativos. También hemos tomado como ejemplo una representación de los mismos, como estructura que en lo esencial se repiten. De cada una de las categorías trabajamos con algunos ejemplos, tras una selección cualitativa, para evitar reiteraciones innecesarias.

Tenemos cierta dificultad para renombrar las categorías, aunque sí damos garantías de que en todas ellas se opera desde principio de pensamiento del autor de la utilización de la narrativa periodística o relato para contar.

Así ocurre también en los textos que podríamos llamar ‘fundamentalmente expositivos’, en los que hay un amplio esfuerzo por ofrecer narraciones o relatos, mucho mayor que en las noticias convencionales, pero cuya estructura mantiene los convencionales de las noticias. Además, en los títulos sus características esenciales son la utilización de titulares enunciativos, y, aunque presentan secuencias destinadas a la explicación (básico en las crónicas), no se hallan más rasgos determinantes para considerarlos crónicas puras.

La categorización, excluyendo a los estrictamente expositivos, podría convenirse por tanto según lo siguiente:

A. Crónicas para la explicación: la estructura externa organizada en titular, primer párrafo con una introducción descriptiva y la contextualización y el resto del relato con orden de párrafos con unidad de sentido, en los que paulatinamente se aportan matices descriptivos y explicativos.

La relación siguiente de títulos²⁸ ilustra sobre esta categoría

1. “Dos buques de la Armada buscan otro barco con cientos de inmigrantes cerca de Canarias”

Subtítulo: “los 160 sin papeles paquistaníes que arribaron a Tenerife prestan declaración ante la policía.

(17 de septiembre de 2006).

2. “Un sindicato policial asegura que los agentes de Canarias tienen que comprar sus vacunas”

Subtítulo: “El SUP y la CEP insisten en la insalubridad de los centros de internamiento de inmigrantes”

(20 de septiembre de 2006)

3. “7.331 ‘sin papeles’ han llegado a Canarias desde el 1 de septiembre”

(28 de septiembre de 2006)

4. “Una treintena de policías custodia a los más de 7.300 inmigrantes acogidos en Canarias”

(8 de septiembre de 2006)

²⁸ Todos pertenecen a *El País*, por lo que solo indicaremos la fecha junto al título.

5. “Agentes senegaleses identifican a miles de inmigrantes retenidos en centros de Canarias”

(11 de septiembre de 2006)

6. “Las comunidades del PP se muestran ahora dispuestas a acoger a menores de Canarias”

Subtítulo: “Galicia, Extremadura y Aragón reciben a 14 inmigrantes de entre 16 y 18 años llegados desde las islas”

(6 de octubre de 2006)

7. “Cuando sobrevivir es una tragedia”

Subtítulo: “15 ‘sin papeles’ tiraron por la borda de un cayuco a otros 18 que no resistieron”

(1 de diciembre de 2006)

8. “Otros 24 sueños rotos”

Subtítulo: “El buque hospital ‘Esperanza del Mar’ rescata los cuerpos sin vida de un grupo de ‘sin papeles’”.

A. 1. Si bien las similitudes en las estructuras, objetivos o función del género son comunes en estos textos, merece exponer algunas diferenciaciones desde los titulares y desde la posición del narrador ante el texto.

Sobre los titulares, la síntesis a través de la cual se expresa la máxima representación interpretativa de los textos, destacamos que en los casos 6, 7 y 8 representan aquellos en los que las presuposiciones del contexto están más cohesionadas con la conformación de las palabras del título. Esa idea guarda conexión también con la presencia o visibilidad del narrador en el texto, que aparece más presente (o visible) en aquellos textos en los que la explicación, la intervención analítica supera a la necesidad de ser expositivo o exponer un acontecimiento puntual de la inmediatez o actualidad inmediata. El narrador “desaparece”, sin embargo, cuando la voz de la fuente está continuamente presente, con declaraciones o simplemente narrando los acontecimientos. Y eso ocurre en los textos de los titulares 1 al 5.

B. Crónicas para mostrar (visibilidad): La estructura en este caso también responde a la de la crónica ya descrita.

Algunos títulos son:

1. “Nadie nos preparó para esto”
Subtítulo: “Jueces, funcionarios y abogados dedican hasta 17 horas diarias para tramitar miles de expedientes de inmigrantes en Tenerife”

(13 de septiembre de 2006)

2. “Papá, estoy en Canarias, llegué bien”

Subtítulo: “Lo primero que hizo uno de los 110 inmigrantes que llegé ayer en cayuco a La Gomera fue pedir un móvil para hablar con su familia en Senegal”

(25 de mayo de 2006)

3. “No creo que viva. Por favor, llame a mi amigo”

Subtítulo: “Uno de los senegaleses que aparecieron en Barbados pidió ayuda para su familia antes de morir”

(28 de mayo de 2006)

4. “La carta escondida”

Subtítulo: Un inmigrante de Costa de Marfil deja ocho hojas manuscritas antes de abandonar el centro de Fuerteventura, en las que relata su huida de África y alaba el trato recibido a su llegada a España”

(30 de octubre de 2006)

5. “En memoria de los ‘sin nombre’

Subtítulo: “los cuatro polisonos enterrados en Las Palmas destapan la indefensión de otros 2000 que llegaron a España en tres años”

(23 de marzo de 2006)

6. “El sueño que se perdió en Barbados”

Subtítulo: “Los emigrantes senegaleses que murieron en el yate de un español dejan a sus familias en extrema pobreza y dolor”

(28 de diciembre de 2006)

B.1. Las diferencias que los títulos reflejan como representación sucinta del resto del relato son significativas. Los títulos de carácter indicativo y por tanto con una alta carga de presuposiciones, dan cuenta de que se opta por una narración en la que se da voz o se utiliza un caso que ejemplifique en su relato el alcance de lo que sucede: cercanos o más propios de las noticias de interés

humano. Procedimiento por medio del cual también se persigue enfatizar en la credibilidad.

Recapitulación

Hemos planteado descriptivamente numerosos aspectos que permiten ahondar en la narrativa periodística y en la narrativa de las crónicas concretamente.

La metodología expositiva abre siempre nuevos caminos para analizar las complejidades que ella misma señala y, para garantizar la supervivencia de las propias propuestas que se abren, no nos parece oportuno concluir contundentemente.

El objeto de estudio, el enclave contextual de la inmigración tan amplio y las repercusiones para la configuración de las nuevas tendencias de la información para contar, sí plantea muchas reflexiones para el futuro de una sociedad y de su ciudadanía. La grandeza de la información no puede estar mejor recogida que en las siguientes palabras, que transcribimos a modo de recapitulación: “Todos los buenos periodistas han comprendido y defienden públicamente que el conocimiento de la realidad está ligado al sentido de veracidad y de libertad. Y, desde luego, ya sabemos que es en el desconocimiento donde se engendra el virus del odio, de la guerra y del miedo. Del miedo al otro, a todos los otros. Nosotros y los otros algún día dejarán de ser identidades excluyentes gracias a la comunicación. Gracias sobre todo a una profesión tan necesaria como es el periodismo (El buen periodismo). (Casals, 2006: 64).

Bibliografía

1. *ABRIL, Natividad (2003): Información Interpretativa en prensa.* Madrid, Síntesis
2. *BAÑÓN HERNÁNDEZ, Antonio (2002): Discurso e inmigración. Propuestas para el análisis de un debate social.* Murcia. Servicio de Publicaciones de la Universidad de Murcia.

3. BAUBÖCK, Rainer (2007): “¿Quiénes son los ciudadanos de Europa?”, en *Vanguardia dossier*, 22. Enero-marzo 2007. pp. 95-99.

4. CANTAVELLA, Juan (2004): “La crónica en el periodismo: explicación de hechos actuales”, en CANTAVELLA, Juan y SERRANO, José Francisco (coords.): *Redacción para periodistas: informar e interpretar*. Barcelona, Ariel Comunicación.

5. CASALS CARRO, María Jesús (2005): *Periodismo y sentido de la Realidad. Teoría y análisis de la narrativa periodística*. Madrid, Fragua.

6. 2006: “La enseñanza del periodismo y las nuevas tecnologías de la información y de la Comunicación”, en *Estudios sobre Mensaje Periodístico*, 12. Madrid, Servicio de Publicaciones de la Editorial Complutense, pp. 59-70.

7. CHILLÓN, Albert (1999): *Literatura y periodismo. Una tradición de Relaciones promiscuas*. Barcelona, Bellaterra, Servicio de Publicaciones de la Universidad Autónoma.

8. GARZA ACUÑA, Celso José (2006): “Vigencia del relato como sentido de la realidad”, en *Estudios sobre Mensaje Periodístico*, 12. Madrid, Servicio de Publicaciones de la Editorial Complutense, pp. 59-70.

9. GIRO, Xavier y JARQUE, José Manuel (2006): « Prensa escrita e inmigración: estudio sobre la opinión de los diarios sobre la inmigración procedente de fuera de la Unión Europea y sobre la cobertura informativa de conflictos destacados que tienen relación con ella (octubre 1999-junio 2002)”, en *ZER*, 20, p. 251-270.

10. MUÑOZ-TORRES, Juan Ramón (2002): *Por qué interesan las noticias. Un estudio de los fundamentos del interés informativo*. Barcelona, Herder.

11. MURCIANO, Marcial (2006): “Políticas de comunicación ante los retos del nuevo milenio: pluralismo, diversidad cultural, desarrollo económico y tecnológico y bienestar social”, en *ZER*, 20, 371-398.

12. PARDELLAS; Juan Manuel (2004): *Héroes de ébano*. Santa Cruz de Tenerife. Ediciones Idea.
13. PASTORE, Ferruccio (2007): “El continente móvil. Migraciones y relaciones internacionales”, en *Vanguardia dossier*, 22, Enero-marzo 2007. pp. 110-114.
14. PÉREZ WOLFRAM, Clara (2002): “Género y discurso sobre la inmigración en prensa”, en VV.AA. *Análisis de prensa 2002. Inmigración, racismo y xenofobia*. San Sebastián. Dirección de Inmigración del Gobierno Vasco.
15. PETIT, Martí (2006): “La Convenció de la unisco sobre diversitat cultural: un tractat que arriba massa tard?”, en *Televisió e immigració*, Quaderns del CAC, 23-24, pp. 181-189.
16. RODRÍGUEZ WANGÜEMERT, Carmen (2005): “Las crónicas: algunas ideas sobre la credibilidad en el periodismo interpretativo”, en *Estudios sobre el mensaje periodístico*, 11, pp. 167-180.
17. SÁNCHEZ, José Francisco (2004): “La narración periodística”, en CANTAVELLA, Juan y SERRANO, José Francisco (coords.): *Redacción para periodistas: informar e interpretar*. Barcelona, Ariel Comunicación.
18. 1998: “Tipologías de géneros periodísticos en España. Hacia un nuevo paradigma”, en *Comunicación y Estudios Universitarios*, 8, pp. 15-35.
19. SCHIERUP, Carl-Ulrik (2007): “El atolladero europeo”, en *Vanguardia dossier*, 22. Enero-marzo 2007. pp. 100-105.
20. SCIORTINO, Giuseppe (2007): “Algunos elementos para comprender a los ‘irregulares’”, en *Vanguardia dossier*, 22. Enero-marzo 2007. pp. 106-109.

**LA GLOBALIZACIÓN Y LA MODERNIZACIÓN
DEL SISTEMA EDUCATIVO.
EL PAPEL DE LOS MEDIOS DE COMUNICACIÓN
EN LA RIOJA, ARGENTINA**

Dra Estela Maris Palis,
PhD, Universidad Nacional de La Rioja, Argentina,
licempal@yahoo.com.ar

Resumen. En la actualidad las nuevas tecnologías producen cambios que requieren ser estudiados para comprender como se manifiestan las nuevas prácticas y los roles de los sujetos que se ven involucrados en los distintos contextos.

En principio partimos de las ideas del sociólogo Manuel Castells, académico de las Tecnologías de la Información y la Comunicación (TIC). Además de dar continuidad a las obras de Gobierno Digital y Modernización de la Administración Pública, pero aplicado al Sistema Educativo local.

Es indiscutible que la revolución tecnológica ha producido cambios en todos los ámbitos y es nuestra obligación como comunicadores detectar, descubrir y repensar nuevas prácticas para lograr eficiencia y eficacia en la comunicación y en la difusión de la información.

En este aspecto, se considera cómo se adecuan planes y programas nacionales en el marco de la globalización, no solo desde las innovaciones materiales, sino también desde procesos que impliquen transformaciones en el proceso enseñanza aprendizaje, por un lado, y en la comunicación del poder político de turno, para difundir las políticas públicas a través de los medios de comunicación.

Palabras Clave: Globalización, modernización, tecnología, educación, medios.

**GLOBALIZATION AND MODERNIZATION
OF THE EDUCATIONAL SYSTEM.
THE ROLE OF THE MEDIA
IN LA RIOJA, ARGENTINA**

Abstract. At present, new technologies produce changes that need to be studied in order to understand how the new practices and roles of the subjects that are involved in the different contexts are manifested.

In principle, we start with the ideas of sociologist Manuel Castells, an academic in Information and Communication Technologies (ICT). In addition to continuing the works of Digital Government and Modernization of Public Administration, but applied to the local Education System.

It is indisputable that the technological revolution has produced changes in all areas and it is our obligation as communicators to detect, discover and rethink new practices to achieve efficiency and effectiveness in communication and dissemination of information.

In this regard, it is considered how national plans and programs are adapted in the context of globalization, not only from material innovations, but also from processes that imply transformations in the teaching-learning process, on the one hand, and in the communication of power Political of turn, to spread public policies through the media.

Keywords: Globalization, modernization, technology, education, media.

Introducción

Manuel Castell centra sus estudios en ideas que resultan de investigaciones y experiencias comprobables de la investigación científica. Teniendo en cuenta sus teorías, éstas surgen de cuestionamientos y situaciones por las que atraviesan las sociedades en el mundo, ¿Cómo se advierte la modernización tecnológica en el

sistema educativo? ¿Cómo el poder define las políticas educativas de una sociedad?

Así, es interesante reflexionar sobre las sociedades que intentan incluir políticas de modernización y sobre el control de los medios relacionados con el poder. Como expone Castell (2009) en su obra *Comunicación y poder*, estas decisiones de condicionan ciertos ámbitos sociales: nuestro interés, el educativo.

En principio, este análisis es resultado de las inquietudes que surgieron en mi tesis doctoral: *El gobierno electrónico en el poder ejecutivo de la provincia de La Rioja, República Argentina*, realizado en la Universidad de La Laguna. En esta nueva etapa se reflexiona sobre la *globalización y los aspectos tecnológicos* en relación al sistema educativo. Teniendo presente que el poder manipula los sistemas, se considera cómo se advierte el sistema educativo en este marco, y cómo los medios de comunicación locales transmiten las actividades de esa gestión.

También, si a partir de la implementación de programas como alfabetización digital, las instituciones comprenden que la transformación no solo es la incorporación de herramientas digitales en el aula, sino todo un proceso que incluye capacitación docente, habilidad para transformar saberes a una serie de actividades digitales, la búsqueda de información en las redes, etc.

Al respecto, en la actualidad una de las principales estrategias para superar las sociedades tradicionales latinoamericanas es la incorporación e innovación tecnológica. Pero esta superación a través de la incorporación de tecnologías y de equipamientos culturales siempre produce transformaciones sí están en relación a las disposiciones subjetivas y perceptivasⁱ. Es decir este movimiento renovador produce transformaciones subjetivas, que modifican los procesos, no solo en cuanto a la incorporación del equipamiento. Sino por una sincronización de fundamentos como: decisiones, inversiones, capacitaciones y adecuación de la educación para la producción de conocimientos, etc.

Es decir, debemos considerar que los cambios no solo son materiales en las escuelas, sino que los cambios se producen en los

modos de trabajar, de enseñar y aprender. Como plantea Castells (2009), si nos referimos al cambio de herramientas, lo único que habremos conseguido es suplantarlo la máquina de escribir por uno más moderno como la computadora.

Pero en esta cuestión, es importante distinguir entre *información* y *conocimiento*, más aún si nos referimos al sistema educativo. Tengamos en cuenta que el viejo modelo educativo se basa en la transmisión de información y en la actualidad eso no es posible, teniendo claro que la información está toda en la red. Hoy el desafío es el acompañamiento para la producción de un conocimiento significativo (Prieto Castillo, 2004).

Dicho esto, en la actualidad la cantidad de información que uno puede adquirir, es ilimitada gracias a las nuevas tecnologías. Es decir que la globalización, internet y los medios de comunicación consiguieron que la información esté por todas partes, sin discutir si su veracidad.

Por un lado, los hombres disponen de ella para poder informarse de todo cuanto ocurre a su alrededor. Por otro lado, son los medios de comunicación los que las transmiten. Ahora, esa información que transmiten, ¿Es objetiva?, o los medios de comunicación responden a una línea política y desde esta base construyen su discurso (Schmucler, 1979). Esa pregunta es importante, para comprender de qué manera los medios transmiten las políticas públicas en el contexto educativo.

Avancemos un poco más, para Ruesch y Batesonⁱⁱ “todo lo que hace el ser humano en el día es comunicación”, con esta premisa, podríamos pensar que estamos todo el día en plena comunicación, expuestos permanentemente a recibir información.

Ahora el tema es si el término información significa conocimiento, ¿Estamos conociendo en todo momento? Para comprender mejor esta cuestión, intentemos reconocer que es información, detengámonos en algunas de sus características:

La información, está compuesta por *multiplicidad de datos* y en la actualidad hablamos de la cantidad ilimitada de información que manejan los seres humanos, como dice Castells (2015), el 97

% de información ya está en internet, está ahí y solo hay que buscarla.

La información depende de aspectos del mundo exterior al sujeto en sí, la información la *proveen agentes externos*. En este caso el individuo puede o no incorporarlo a su proceso cognitivo.

También es *adaptable* a cualquier medio, es decir no solo a los medios tradicionales (gráfica, radio, televisión) sino a los nuevos medios y formatos que proponen las Tics, (internet, Smartphone, etc.)

En este sentido, se comprende que la *información* es el primer paso para adquirir el conocimiento:

- a) Es una capacidad cognitiva.
- b) Promueve capacidades intelectuales. Permite discernir, reflexionar, etc.
- c) crea y recrea nuevos conocimientos.

Por lo tanto si la información le interesa al sujeto, el paso siguiente es incorporarla para aumentar su conocimiento.

Entender que en la actualidad estamos en una revolución de la información y de la comunicación es comprender que tenemos que cambiar el modelo en todos los ámbitos, económico, cultural, social, educativo, etc.

En este sentido, el sistema educativo debe adaptarse no solo en el uso de las herramientas digitales, sino en el trabajo de docentes y alumnos para adecuar los modos pedagógico-didácticos en el marco de un proceso de comunicación que contribuya a generar conocimiento en el aula, es decir, no la mera transmisión de información sino la creación de conocimiento con significado. Como Prieto Castillo (2004) refiere que, es aprendizaje significativo cuando abre caminos a la construcción del propio discursoⁱⁱⁱ.

Metodología

El estudio fue exploratorio-descriptivo. Este tipo de estudio hizo variar la estrategia de investigación, por eso iniciará con un tipo de investigación exploratoria que ayudó a “preparar el terreno”. El objetivo de tomar al principio de esta investigación

aspectos exploratorios se debe a que éste es un tema que no ha sido estudiado en la provincia de La Rioja. Si bien hay estudios a nivel nacional e internacional, no se ha realizado particularmente en la provincia. (Sampieri, Hernandez y otros, 1997)

El resultado de este estudio contribuyó a aumentar el grado de información con respecto al tema y obtener datos de un hecho poco investigado y poco conocido para los ciudadanos de la provincia.

En cuanto a los aspectos del tipo descriptivo, particularmente se buscó especificaciones respecto a las características de las personas relacionadas, o sometidas a nuestro análisis, (funcionarios riojanos, ciudadanos que acuden a la búsqueda de algún servicio y docentes).

Con estos procedimientos se intentarán describir las características de la implementación del Plan Nacional de Gobierno para la incorporación de las nuevas tecnologías, en la provincia de La Rioja. En este trabajo se manejarán datos cuantitativos y cualitativos, con instrumentos de recolección de información.

En cuanto a la técnica, se hace referencia a los procedimientos de encuestas y entrevistas en profundidad, por medio de estos instrumentos se recolectará información.

Cabe destacar que en este estudio se pretende referir las características más importantes del Plan, en lo que respecta a su, eficacia, eficiencia y transparencia. Se quiere describir el fenómeno tal cómo se presenta en la realidad de La Rioja, cuyos resultados servirá para plantear otros estudios posteriores más estructurados.

En el trabajo se encuestó a los alumnos y se entrevistó con los docentes de los distintos establecimientos educativos de la Provincia.

La modernización y decisiones de los funcionarios

En el trabajo de investigación *El gobierno electrónico en el poder ejecutivo de la provincia de La Rioja República Argentina*^{iv}, se pone de manifiesto, que las iniciativas para comenzar el proceso de modernización en el Estado, están íntimamente relacionadas

con decisiones de los funcionarios. En este caso pudo conocerse que los cortos periodos de los gobernadores afectaban el proceso de cambio hacia la modernización. Es decir que el cambio de modelo político cuando asume un funcionario modifica las disposiciones del anterior. Que puede dar continuidad a las disposiciones o no, es decir se ven condicionadas.

Para Manuel Castells (2009): *“Las decisiones de poder condicionan ciertos ámbitos sociales”* (p. 34). Es decir que las decisiones de los que tienen poder condicionan los ámbitos sociales, en nuestro interés en la educación.

Así el sistema de salud, educación, cultura, entre otros, dependen del poder político de turno y para su desarrollo tiene una fuerte dependencia de las decisiones de los funcionarios. En este contexto, la educación en Argentina estuvo fuertemente condicionada por las políticas del gobierno. Por eso en el periodo 2007-2015 la mirada hacia la modernización del Estado, sobre todo en lo que respecta a la educación, estuvo enmarcada por planes de inclusión digital como el plan nacional denominado “Conectar Igualdad” y otro provincial, “Joaquín V. González”.

Junto a estos programas, se desarrolló un nuevo plan educativo para incluir a los jóvenes riojanos de toda la provincia, en las nuevas tecnologías de la información y la comunicación.

A partir de esta iniciativa de modernizar la administración pública, se comenzó a pensar en otras áreas. En este sentido, la educación en la provincia fue fundamental. Pero los actores intervinientes, según los resultados obtenidos, pensaron que esta transformación tecnológica era sinónimo de calidad educativa.

Coincido con Castells (2009) cuando se refiere: “quienes tienen el poder son los que definen las reglas”, y en nuestro caso el poder político define la política a seguir según el funcionario de turno^v.

Esto se extiende en los diferentes ámbitos que confluyen en la sociedad (cultura, educación, economía, etc.) por eso se intenta conocer cómo funciona y cómo se estructura el “poder” en nuestra sociedad, desde el sistema educativo. No es la tecnología la que

determina el poder sino el poder la que determinará la tecnología (Castells, 2011).

Es decir, que el estado juega un papel fundamental que decide cuáles serán las reglas para iniciar la modernización en la educación Riojana. Castells plantea que el Estado construye poder y éste poder se constituye en el ámbito de la comunicación. Y ese es nuestro punto.

En primer lugar, en el caso de La Rioja, el gobierno hizo una fuerte inversión de herramientas digitales pero con falencias en su implementación que resultan de la escasa capacitación de los docentes y nula articulación con los contenidos en las curriculas dentro de la actividad del proceso enseñanza-aprendizaje.

En segundo lugar, la decisión para la inclusión digital en la educación fue una política de los estados nacional y provincial, que de alguna manera llevó a que la difusión de estos planes sea netamente propagandística.

Castells (2009) dice: “El poder se ejerce mediante la coacción, posibilidad de ejercerla y/o mediante la construcción de significado partiendo de los discursos a través de los cuales los actores sociales guían sus acciones” (p: 33).

En este caso el gobierno riojano incorpora a partir del 2007 un sistema centralizado para manejar la prensa y difusión de gobierno. Todo lo que se difunde desde las áreas de gobierno (educación, cultura, salud, etc.) son aprobadas para su por el director del área. Es decir que toda información es visada para seguir un lineamiento que responde al Estado provincial.

Asimismo, Castell (2009) dice: “El poder de la sociedad red es el poder de la comunicación” (p.85). En este contexto, la frase es importante para comprender porque los medios locales no difundieron otro tipo de temática, más que la promoción de las entregas del equipamiento, y no el desarrollo de la educación a partir de la innovación y transformación, que tendría que haber sido noticia.

En la provincia de La Rioja, el medio gráfico es el medio con más credibilidad, quizás por lo tradicionalista que es su sociedad. Pero no es intención entrar en una descripción de cómo los

medios trabajan con el gobierno, pero si es necesario comentar que existen dos diarios que trabajan bajo pautas oficialistas.

Al respecto, las informaciones enviadas por el equipo de prensa –de Casa de Gobierno- al medio gráfico, desde el año 2010 en adelante, tuvieron que ver solo con la entrega de equipamiento a las escuelas, tratando de difundir que la transformación educativa y el gran logro es la compra de equipamiento y la informatización en las escuelas .

Esto, de alguna manera marcó y definió la política educativa de los últimos gobiernos riojanos. Es importante destacar que los medios gráficos en la provincia, marcan tendencia o “agenda setting” (agenda política o de medios). Que si bien no es intención de analizar este concepto, lo tomamos con la idea tradicional de Maxwell McCombs y Donald Shaw (1972)^{vi}. Es decir que el gobierno solo muestra lo que desea mostrar destacando algunos temas.

En relación a esto, en su libro *Comunicación y Poder*, Castells analiza y expone la aparición de nuevos medios de comunicación frente a nuevos movimientos sociales, éstos presentan y favorecen los cambios.

Estos cambios hacen referencia a la auto-comunicación de masas, es decir que esta nueva manera de agenda setting limitan el poder de los medios (antes lo tenían) y en la actualidad gracias a Internet las audiencias se vuelven más independientes, autónomas. Si bien en la actualidad ha proliferado el surgimiento de diarios digitales, éstos siguen dependiendo de pautas publicitarias del Estado provincial.

Ahora bien esto es respecto al modo de las nuevas prácticas periodísticas, otro aspecto es reflexionar sobre los cambios de modelos educativos a partir de la globalización, del rol de Internet y cómo el Estado en un ámbito definido (La Rioja), interviene en los medios para transformar la realidad con un discurso propio.

Es el Estado provincial el que define las reglas de juego manipulando los medios de comunicación, sobre qué se difunde o no sobre la educación en la provincia.

El nuevo modelo educativo

Generar conocimiento, es el nuevo desafío del modelo, basado en un trabajo organizativo entre la institución, sociedad, directivos, docentes y alumnos. En este contexto el gobierno provincial debe estar de acuerdo con las políticas educativas. Mejor dicho la realidad es que la educación en la provincia debe estar de acuerdo con las políticas de gobierno del estado provincial.

Aunque venimos destacando la independencia del sistema educativo, en los tiempos que corren aún existen sociedades que están íntimamente ligadas a las políticas de gobierno: ese es nuestro caso. Pero a pesar de ello intento reflexionar cómo este proceso podría ser provechoso si fortalecemos los instrumentos que estén al alcance.

Deberíamos comprender qué es educar. En primer término no significa enviar a las personas a la escuela, porque en ese caso hablamos de proporcionar a los sujetos la posibilidad de recibir enseñanza.

Por ejemplo en la actualidad existen instituciones que proporcionan desayunos a sus alumnos (más aun en las escuelas rurales). Esto de alguna manera atrae a muchas familias de pocos recursos a enviar a sus hijos a la escuela para que puedan aprovechar este beneficio. Por eso debemos entender que es educación y qué asistencia brindan las escuelas para sectores más vulnerables.

Entendemos que esto no significa educar, sino que solo hablamos de la capacidad de mejorar situaciones sociales y económicas, que los gobiernos están obligados a ejecutar en las instituciones. Educar es crecer, crear, desarrollar habilidades para mejorar la realidad, la vida.

Pero considero que las nuevas modalidades educativas apuntan a mejorar no solo las capacidades, sino a mejorar las formas de trabajo, el salario de los trabajadores y una extensión de ese trabajo a la sociedad. Debemos entender que los cambios no solo son cambios en la educación respecto a lo tecnológico, sino que un el mundo globalizado, todo cambio, la cultura, el modo de ver las cosas, el trabajo, etc.

La pregunta es si los educandos, educadores, instituciones, Estado, etc., abren posibilidades para estas transformaciones: ¿Dan lugar al nuevo modelo en la educación? ¿Ponen al alcance de la educación nuevas tecnologías? ¿Planifican sistemáticamente cómo debería ser el proceso de cambio? ¿Se pensó en la capacitación de los docentes, se los acompaña?

El acceso y las posibilidades que demanda el mercado global

Cómo se mencionó anteriormente, la incorporación de las Tics en el sistema, es sinónimo de calidad educativa. Pero muchos creen que solo se trata de invertir en la compra de laptops para el aula, o sea de equipamiento. Este proceso de cambio implica mucho más que la inversión en herramientas digitales, implica producir conocimiento, equipar las aulas, preparar los docentes, y comprender el nuevo proceso de enseñanza-aprendizaje y las necesidades de los jóvenes estudiantes. En este caso Internet es una fuente de información rica para convertir la información en conocimiento, y una herramienta que abre una ventana al mundo.

En este sentido es importante destacar que el proceso de transformación no se da de un día para otro, sino es un trabajo progresivo que lleva tiempo. Es decir quienes tenemos la responsabilidad de formar, debemos ser conscientes que tipo de seres estamos formando y para qué tipo de actividades.

Para que esto se logre, se deberá tener en cuenta el mercado actual respecto a las demandas laborales que se produzcan y la economía global, como dice Haggett (2001) los procesos y los patrones están afectados por la globalización. Al modificarse los procesos en una parte del mundo, evidentemente afectarán los cambios en otra.

Es importante destacar que la brecha existente en América Latina no solo se refiere a las posibilidades de las sociedades de conseguir equipamiento, sino también, de conseguir buenas conexiones de red y sobre todo, como dice Lugo (2015), *capital cultural y habilidades* para convertirlo en conocimiento^{vii}.

Hoy en día hay muchos lugares donde la gente no tiene acceso a la red - este no es el caso de la provincia de La Rioja- el problema sería la falta apropiación de las TICS para desarrollar el nuevo proceso, de acuerdo a una encuesta de la Universidad Nacional de La Rioja, realizada en el 2015, en escuelas de la provincia^{viii}.

Cuando se habla de desigualdad no solo se refiere a las posibilidades de acceso a internet, sino también, la desigualdad que se presenta si los chicos cuyos padres tienen conocimientos pueden colaborar con sus hijos en la elaboración de investigaciones o contenidos, esto sería en una familia de clase media de escuelas privadas. Por el otro lado, están de clase media baja o baja, donde la institución brindó equipamiento a sus alumnos pero no poseen acompañamiento de sus padres debido a que no poseen conocimientos o estudios que les permitan acompañar en el aprendizaje a sus hijos.

Es decir que en este último caso los alumnos saben moverse con libertad en la red con ayuda de sus padres. En este ejemplo, los primeros, pueden generar conocimiento más rápido que aquellos escolares que no poseen el acompañamiento.

También, muchos alumnos acceden sin control a ciertos ámbitos de la red que no son adecuados, pero a través del historial, los padres con conocimientos pueden controlar los accesos o sitios visitados. Por el contrario los alumnos que no poseen este control porque tienen padres sin conocimientos informáticos, están más expuestos al acceso a contenidos no aptos, por ejemplo grooming, divulgación personal sin controles, etc. Pero este no es el punto de este trabajo sólo intento reseñar algunos aspectos que plantea la brecha.

Entonces, es momento de reflexionar sobre lo que se hizo para acortar esas diferencias. Ahora queremos analizar que ha cambiado en la provincia en estos últimos años en el sistema educativo, que es lo que se innovó. Qué es lo que cambia en el aula en el proceso de enseñanza-aprendizaje.

Por eso siguiendo a Lion (2006), una innovación se produce cuando cambian las costumbres y se emprende un nuevo camino,

no solo de la manera de enseñar sino en las maneras de aprender, también en el contexto y en los entornos de aprendizaje.

Pero, ¿qué ha cambiado?

Queremos saber qué ha cambiado a partir de la innovación tecnológica en las escuelas, es decir ¿Qué cambio en los alumnos, en las prácticas docente, en el proceso educativo riojano?, ¿Qué benefició a la educación en la provincia? ¿Cómo se vive esta revolución tecnológica?

Como se expresó anteriormente, en La Rioja la política es el eje de las actividades por las que todas las instituciones actúan y llevan a cabo sus acciones. Es sin duda el motor de todas las acciones públicas. Todo esto acontece en el marco de lo que presupuestariamente se destine a la provincia, sea mucho o poco.

Aproximadamente hace 5 años la provincia se sumó al proceso de modernización del Estado nacional con acciones desacertadas por la falta de organización y planificación por parte de los actores políticos y sociales.

En este contexto, es importante mencionar que los resultados obtenidos en la investigación denominada *El gobierno electrónico en el poder ejecutivo de la provincia de La Rioja República Argentina* (2013), mostraba que los políticos referenciales del momento no tenían una decisión firme sobre cómo llevar a cabo el proceso de modernización de la administración pública, a pesar de ello y de disponer de programas nacionales con presupuestos para ejecutarlos, comenzaron las acciones en distintas áreas e instituciones dependientes del estado provincial.

Una de ellas fue en el campo de la educación, donde se puso en marcha los programas mencionados. Cada alumno riojano del nivel primario y secundario recibía una computadora, es decir que se adjudicaba una computadora por alumno.

En la aplicación de este programa, La Rioja fue una de las pocas provincias que pudo entregar una computadora por estudiante. Pero en este contexto, los programas contaban con pautas

establecidas y diseñadas para los docentes, además de una breve capacitación que les proporcionaban.

Con todo esto el gobierno provincial complementó el programa con la red wifi gratuita en espacios públicos e instituciones educativas para perfeccionar estas acciones, pero todas estas acciones no alcanzaron. Las instituciones, docentes y alumnos no incorporaron esta herramienta tecnológica al proceso enseñanza aprendizaje. Los docentes si bien disponían de capacitaciones no todos realizaban, no adaptaron el equipamiento a sus aulas tampoco a sus currículas y el programa actualmente presentó miles de dificultades.

Tal es así, que el uso que se les dio en el ámbito de la escuela es prácticamente nulo y que en promedio, en tres años solo se les pidió hacer entre 2 o 3 trabajos con esta herramienta.

Quizás en estos fundamentos deba preguntarme si la provincia estaba preparada para llevar a cabo este proceso de modernización o si este proceso, disponía de organización y sistematización para subsumirse en esta transformación tecnológica.

Evidentemente todo lo contrario poner en marcha este plan para los funcionarios fue una actividad netamente propagandística, desarrollando una larga campaña de comunicación por los distintos medios riojanos sobre la entrega de laptops que permitió instalar en la audiencia y lectores del medio gráfico: *la bondad y el esfuerzo del gobierno para llevarlo a cabo*. Es importante destacar que se difundía la entrega de las laptops pero no los resultados del proceso de modernización en sí.

Por eso a partir de la lectura de Manuel Castells entiendo que el legítimo compromiso del estado provincial riojano debería haber contenido una lógica organizativa y administrativa que supere todo tipo de formalidades y avanzar en una pura transformación pedagógica del sistema educativo. Creo que en el caso de la experiencia riojana, la falencia estuvo dada por la falta de uso del equipo y no se logró un perfeccionamiento del proceso de aprendizaje, no existió un trabajo de guía y mentor para la construcción y creación de conocimiento por parte de los alumnos. Como describe Len Masterman^{ix} (2003) en muchas de sus artículos sobre los

paradigmas en la educación en las décadas anteriores los docentes temían la incorporación de las tecnologías en el aula y sobre todo a ser suplantados por ella.

Pero no se dan cuenta que todo responde a los viejos preceptos de la antigua educación y que en la actualidad solo se trata de acompañamiento y mediación del aprendizaje significativo, (Prieto Castillo, 2011).

Por último se puso a disposición todo el servicio a los usuarios “*Internet Para Todos*” con un sistema de conformación de Sociedades anónimas con participación mayoritaria del estado (SA-PEM), aspecto que si bien no era una mala idea, tampoco logró mejorar el proceso.

Indudablemente tanto la entrega de laptops e internet no fueron herramientas bien aprovechadas para modernizar el modelo educativo e innovar hacia una nueva cultura de la educación.

Datos genuinos

Estas reflexiones ayudaron a comprender que el sistema educativo posee ciertas carencias, sobre todo respecto a la planificación y organización para llevar a cabo un cambio cultural y organizativo, a pesar de los programas y de las herramientas digitales.

Muchos de los datos contenidos en este trabajo, fueron relevados en un proyecto realizado y aprobado por la Secretaría de Políticas Universitarias de Voluntariado Universitario sobre Conectar Igualdad, denominado *Las nuevas tecnologías y el acceso a Internet en el proceso de enseñanza-aprendizaje*.

Este trabajo permitió conocer algunos datos interesantes: el 100% de los estudiantes riojanos de nivel medio encuestados, poseen laptops, en su mayoría de los programas Joaquín V. González y Conectar Igualdad.

También que el 85% de los consultados afirmaron que si bien utilizan las laptops en las escuelas no lo hacen en su totalidad para fines académicos, sino para otras aplicaciones que proporciona Internet, como descarga de juegos, música, ver videos, etc., y el resto solo lo usa para paquetes de office.

Pero lo curioso es que el 95% de los estudiantes reconocen que el uso de estas herramientas (laptops y la red) podría facilitar el aprendizaje, porque través de la imagen, videos y otros formatos les es más fácil y menos aburrido trabajar. Respecto al 5% restante, manifestó que no les ayuda para nada porque los profesores no muestran interés en aprender enseñar con estas nuevas herramientas de trabajo.

Con estos datos, es momento de pensar nuevas formas de trabajo y de cambio de modelo educativo, de producción de proyectos que motiven a los estudiantes a la búsqueda y curiosidad para la investigación a partir de la incorporación de técnicas y estrategias pedagógicas.

Reflexiones Finales

Es indudable que el sistema educativo necesita profundos cambios en el contexto socio-político en el que vivimos. El crecimiento y desarrollo de la educación, requiere de políticas educativas adecuadas al nuevo modelo centrado en las tecnologías de la información y la comunicación. Más aún en países como Argentina que a pesar de haber atravesado diferentes propuestas, no fueron satisfactorias al momento de la práctica.

Por esto uno de los principales retos que tiene la educación es la formación de profesores, es decir la *formación de formadores* en todos los niveles. La formación de los docentes es un aspecto fundamental para acompañar y guiar a los estudiantes en la construcción de conocimientos significativos. El trabajo del docente debe favorecer a los estudiantes en la búsqueda de la información para que sea capaz de articularlo con proyectos creativos e innovadores capaces de ponerse en práctica en la sociedad.

Otro factor importante dentro de las políticas educativas es la *evaluación* permanente para detectar cómo se avanza en los planes diseñados por los gobiernos. Esto permitirá descubrir qué se está haciendo bien y qué se debe trabajar para el éxito del programa. Ciertamente en la aplicación se deberán relacionar tres elementos: equipamiento, capacitación docente, y excelentes

conexiones de internet que permitan abrir el mundo a los estudiantes brindando libertad y democratización en un mundo globalizado. Igualmente, quedan a consideración, las decisiones de los funcionarios respecto a las políticas instrumentadas de un periodo a otro; el desequilibrio que existe entre la modernización, las disposiciones y permanencia de los gobernantes en sus funciones.

El futuro se avecina y no sabemos qué nos depara: los estudiantes deben estar preparados y capacitados para afrontar cualquier desafío educativo que permita crear en la sociedad nuevas prácticas, nuevos trabajos, nuevas formas. En este sentido, la sociedad debe acompañar los cambios, la instituciones educativa no puede afrontarlos sola, debe existir apoyo a los docentes por parte del gobierno y la sociedad.

Por último es importante remarcar que en contextos como el que se describe en este trabajo, es imposible la independencia de decisiones en el sistema educativo. Por esto el gobierno provincial a través de los medios adopta pautas coordinadas de trabajo que manifiestan el discurso oficial, utiliza la información para promocionar un discurso político que realza la información educativa que se desea y oculta las falencias del sistema.

Como expresó Manuel Castells (2016) en el décimo segundo ciclo del posdoctorado del Centro de Estudios Avanzados de Córdoba si yo controlo la información controlo las mentes, ésta es la premisa fundamental del poder del Estado, con este criterio la institución educativa debería romper las relaciones verticales de poder para lograr independencia en las estructuras organizativas.

Bibliografía:

1. *BALLESTERO, F. (2002): La Brecha Digital: el riesgo de exclusión en la Sociedad de información.* Madrid: Ed. Fundación AUNA
2. *BARBERO JESÚS MARTÍN, (2003) La Educación desde la Comunicación* Ed. Norma Bogotá.

3. BECK, U. (1998): *¿Qué es la Globalización?* Buenos Aires: Ed. Paidós
4. CASTELLS, Manuel, (1998) *¿Hacia el Estado red? Globalización económica e instituciones políticas en la era de la información*, ponencia en el seminario Sociedad y Reforma del Estado, Sao Paulo.
5. CASTELLS, Manuel, (1998) *La era de la información: economía, sociedad y cultura*, tomos I Madrid: Ed. Alianza.
6. CEPAL (2002) *Globalización y Desarrollo*, Informe del vigésimo noveno período de sesiones, Brasilia, Brasil, 6 al 10 de mayo.
7. FINQUELIEVICH, SUSANA, (2005) *Desarrollo local en la Sociedad de la Información. Municipios e Internet*". Buenos Aires, Ed. La Crujía.
8. HAGGETT, P. (2001) *Geography: A global synthesis*. New York: Prentice Hall.
9. KAPLÚN, MARIO (2002) *Modelos de educación y modelos de comunicación* En Una pedagogía de la comunicación. La Habana Ed. Caminos.
10. KAUFMAN, ESTER (2005) *Redes Sociales, Tics y Formación de Funcionarios*, en Susana Finkelievich (Coord.) *Desarrollo Local en la Sociedad de la Información. Municipios e Internet* Buenos Aires Ed. La Crujía.
11. MARTINEZ, EVELIO SERRANO, ARTURO (2003) *La Brecha Digital: Mitos y Realidades*, México, Ed. UABC
12. MASTERMAN, L. (1996) *La enseñanza de los medios de Comunicación* Madrid. Ed. De la Torre.
13. PEREZ TORNEROS JOSE MANUEL, (2002) *El desafío Educativo de la TV*. Barcelona. Ed. Paidós.
14. PISCITELLI, ALEJANDRO (2002) *Meta Cultura. El Eclipse de los Medios masivos en la Era de Internet*. Buenos Aires, Ed La Crujia
15. PISCITELLI, ALEJANDRO (2005) *Internet: la Imprenta del Siglo XXI* Primera edición. Barcelona Ed. Gedisa
16. PRIETO CASTILLO, (1999) *La Comunicación en la Educación* Bs. As. Ciccus, La Crujía.

Páginas de internet

BECERRIL-PADUA Martín (junio de 2016) *Policentrismo en las ciudades latinoamericanas*. Ponencia preparada para XXII Latin American Studies Association Congress. Disponible en: <http://revista-theomai.unq.edu.ar/numero1/artbecerrill.htm>

BIBLIOTECA DE LA UOC Y FUNDACIÓN TELEFÓNICA (junio de 2016). Jovent i educació en lera de la globalització. Disponible en <http://www.manuelcastells.info/es>

INTERNET PARA TODOS (Mayo de 2016) *Plazas con wifi, Conectar Igualdad, Pc Para Todos, Robótica en las escuelas*. Disponible en <http://www.iparatodos.com.ar>

REVISTA DIGITAL UNIVERSITARIA - UNAM18 (diciembre 2002) *Democracia Digital*. México, abril. Disponible en internet: <http://www.democraciadigital.org/particip/arts/0104egobierno.html>.

CRISTOBAL COBO ROMANÍ Y HUGO P. KUKLINSKI (2007) *Planeta Web Inteligencia Colectiva* o FAST FOOD E-BOOK de acceso gratuito. Versión 0.1 / Disponible en <http://www.planeta-web2.net/>

HUERGO, JORGE Y MARÍA BELÉN FERNÁNDEZ, (2000) *Cultura escolar/cultura mediática*. In-tersecciones, Santafé de Bogotá, Universidad Pedagógica Nacional. Disponible en: https://culturacomunicacionyeducacionlaprida.files.wordpress.com/2013/05/huergo-jorge_entre-la-cultura-escolar-y-la-cultura-mediatica.pdf

¹ Huergo, Jorge (17/06/2016) “*Los medios y tecnologías en educación*”, disponible en http://www.me.gov.ar/curriform/publica/medios_tecnologias_huergo.pdf.

¹ BERLO, David K. (1999) “*El proceso de la comunicación: introducción a la teoría y a la práctica*”, de Ruesch y Bateson , la gente puede comunicarse a muchos niveles, por muy diversos motivos, con gran número de personas y en múltiples formas.

¹ PRIETO CASTILLO, Daniel (2004) “*La Enseñanza en la Universidad*” Apuntes, Especialidad de Docencia Universitaria Superior. Mendoza. Ed. De la Facultad de Filosofía y Letras de Universidad Nacional de Cuyo.

¹ Tesis Doctoral: Dra. Estela M. Palis “El gobierno electrónico en el poder ejecutivo de la provincia de La Rioja República Argentina” Universidad de la Laguna España. 2013

¹ Manuel Castells, expone conceptos en la presentación de su libro *Comunicación y Poder*. 2009

¹ Sobre “La teoría del establecimiento periodístico de temas de discusión” *Agenda Setting* 1972.

¹ Nota de Lugo María Teresa, disponible en <http://www.perfil.com/ciencia/El-impacto-de-la-cultura-digital-en-la-escuela-20150228-0172.html>

¹ Investigación de La SPU para Voluntariado Universitario presentada en la REDCOM, denominado “*Las nuevas tecnologías y el acceso a Internet en el proceso de enseñanza-aprendizaje*”.

¹ Len Masterman: profesor de Educación Audiovisual en la Universidad de Nottingham (Inglaterra),s consultor de la UNESCO y del Consejo de Europa sobre temas de educación audiovisual. Su libro *Teaching the Media* (“La enseñanza de los medios de comunicación”, Edic. de la Torre, Madrid, 1993) ha ejercido una gran influencia en resto de Europa, Canadá, y Australia

LA IMPORTANCIA DEL RADIOTEATRO EN ARGENTINA

*Dr. Daniel Cohen,
PhD, Universidad Nacional de Córdoba, Argentina,
danielcohencba@hotmail.com*

Resumen. Tal como ha llegado a nuestros días, el melodrama será hijo del descubrimiento romántico de la subjetividad sentimental moderna. De ahí que, aunque tenga raíces más antiguas, la historia del melodrama pueda comenzar con las novelas y los dramas románticos tal como fueron asumidos y reformulados más tarde por los modos realistas y naturalistas, muchas veces folletinescos, de representar la sociedad, las desventuras de los individuos, y sus entramados sentimentales. La estructura melodramática ha sido vista como una derivación menor de la cultura masiva. Sin embargo se puede aseverar que sus orígenes son anteriores a los procesos culturales industriales.

Palabras clave: la historia del melodrama; radioteatro; fenómeno cultural, actores; espectáculo

El radioteatro fue uno de los fenómenos culturales más importante de nuestro pueblo. Así lo demuestra la participación activa del público en sus historias. La correspondencia, los correos de lectores, la presencia del público en las emisoras, eran moneda corriente por aquellos tiempos. El acercamiento no se limitaba sólo a la experiencia radial.

Cuando en Argentina el siglo XX caminaba sus primeras décadas, un surco novedoso llamado radiodifusión se abrió en el aire. No tardó en expandirse. Entre los años '30 hasta avanzados los '50, por allí circularon audiciones de radioteatro que resultaron pilares del proceso de popularización del nuevo medio y, a su vez, se constituyeron en el antecedente histórico por antonomasia de ficción radiofónica.

Íntimamente ligados al folletín por entregas y al circo criollo, los exitosos teatros del aire de antaño, hacen pie en toda la tradición cultural de lo oral. Mixtura de comicidad circense y drama popular, con elencos de compañías radio teatrales rodando en gira por cines, clubes de barrio y escenarios improvisados en los más variados destinos. Estas presentaciones ofrecían a los radioescuchas la posibilidad de ver efectivamente lo que hasta entonces sólo habían podido oír e imaginar. Las apariencias, ahora frente a sus ojos, se confrontaban con aquellas que habían creado en el territorio íntimo de la fantasía. Y esa oportunidad de “ver lo que sólo se escuchaba”, los condujo indefectiblemente a develar misterios, confirmando o derrumbando las certezas e ilusiones acuñadas.

Cuando las compañías salían de gira por los barrios y pueblos, se producía el milagro, los actores dejaban de ser voces y se recreaba ese espectáculo que era *"mucho menos y mucho más que el teatro"*.

"La novela" obtenía respuestas inesperadas por parte de los escuchas: tales como esperar a la salida de una función al *"villano"* para *"escarmentarlo"*, o acciones menos riesgosas como el insulto al parlante del mueblecito de la radio.

"...La gente nos esperaba en el camino, porque sabía el recorrido que íbamos hacer. Nos esperaban en la calle. Eran cuadras y cuadras de público saludando. Era un día de fiesta. Esperaban ansiosos, ese momento, porque para ellos era un suceso...", recuerda Nancy Valdez, diva en los años dorados del radioteatro rosarino.

Así como otrora los actores del circo criollo viajaban para realizar sus funciones en giras interminables por el interior del país, las compañías radio teatrales, herederas de aquel, presentaban sus espectáculos en cines, teatros, clubes y parroquias; al aire libre o en lugares cerrados, con o sin escenario. Se trasladaban en colectivos donde llevaban escenografías y vestuario.

La novela se transmitía todos los días por radio y llegaba a los lugares más lejanos: comunidades aisladas, trabajadores de zo-

nas rurales, pueblos con rutas poco accesibles que tenía a este medio como único contacto con el exterior. A pocos días de comenzada una obra, ya se salía de gira, mientras que por la radio se anunciaban los lugares donde se realizarían las presentaciones.

La participación activa de los oyentes rompía con la concepción de obra terminada, donde la elaboración estaba basada en la dialéctica texto-público. La dicotomía ficción-realidad casi no existía. La imaginación fluctuaba entre estos dos polos. El radioteatro activó el imaginario social, lo puso a trabajar:

"Este no es del orden de la ilusión, es el tejido significativo que estructura la vida social cotidiana de los actores sociales" [4].

Este género abre un espacio de comunicación entre el autor y su público, recreando si se quiere de manera confusa y fragmentaria la visión del mundo, las costumbres y las creencias populares, donde el espectador se siente protagonista de ese universo. El texto no es el lugar central del sentido.

Luego de esta discutida etapa inicial, el teatro radiofónico comienza a desarrollarse con rapidez, ganando en calidad y trascendencia con otros autores, temas e intérpretes. Mayores exigencias del público, que concluye por cansarse de las ingenuidades y del grueso melodramatismo del primitivo radioteatro, contribuyen a elevar su nivel general, aunque no consigan redimirlo de muchos de sus pecados de origen. Martinelle Massa, Blomberg, Olga Casares Pearson, Mecha Caus, Pedro López Lagar, Antuco Telesca, Manuel A. Meaños, Silvia Guerrico, Rafael García Ibañez, Nora Gullen, Guillermo Bataglia, Atilano Ortega Sanz, Gloria Ferrandiz, Abel Santa Cruz, Nene Cascallar, etc. son nombres que marcaran líneas de evolución y estilos bien definidos (incluso socialmente) en el quehacer radioteatral de los años '40 y '50. Ya avanzada la década del '40 se percibe una sensible reacción contra los temas y estilos anteriores. El cine y la creciente difusión de grandes novelas universales comienzan a desplazar, en las preferencias de las amas de casa que forman el numeroso público mayoritario de los radioteatros, a los ingenuos folletines lacrimógenos de la década anterior.

Los "ídolos" de la radio se mimetizan con las grandes figuras del cine, y así vemos a López Lagar interpretando el papel de Lawrence Olivier en *Cumbres Borrascosas* y a Nora Cullen interpretando el papel de Bette Davis en *Amarga Victoria*. Desde ese punto de vista el radioteatro siguió una vía típica, inaugurada por su modelo cinematográfico cuando los grandes manipuladores de Hollywood se propusieron "elevar su puntería" y ofrecer al público un producto de cierta jerarquía cultural y artística. Dicha vía fue coincidentemente, la adaptación de grandes obras de la literatura universal.

Cortada "cultural", en el fondo, los manipuladores del "medio" tendieron su ojo sagaz sobre Balzac, Tolstoi, Dickens, y Hugo, pero también sobre F. M. Hull, Pierre Benoit y Xavier de Montepin (promovidos ellos también a la categoría de "clásicos"), para brindar por turno su particular versión de *La Piel de Zapa*, *Ana Karenina*, *Los Miserables* (y también, porque no, de *El árabe*, *La Atlántida* y *La panadera*).

El radioteatro pasa, o intenta pasar, a niveles de mayor emotividad y verosimilitud. Como anota Gueñol en su interesante *Evocación del radioteatro*, que puede servir como punto de partida documentado y de primera mano para una historia del género, los actores y actrices bajan la voz y musitan, como lo hacen Oscar Casco e Hilda Bernard, y se busca la creación de un clima más depurado, a través de la incorporación de efectos especiales y de fondos o cortinas musicales pensadas con un criterio funcional [2].

En la primera mitad del siglo XX, cuando la radio vivía su momento de mayor esplendor, la televisión no existía y las familias se reunían alrededor del receptor para seguir los capítulos de las novelas de turno, el radioteatro se impuso como género radial.

La palabra da a entender que se trata de "teatro escuchado por la radio". Sin embargo, la idea queda mucho más clara cuando pensamos que es "una obra «vista» por alguien que no ve". En esta noción aparecen, con más claridad, los requisitos que un radioteatro debe cumplir para alcanzar sus objetivos.

Los primeros radioteatros constituían una mezcla entre breves dramatizaciones, relatos y canciones folklóricas, desarrollado todo en un ambiente campero. Sólo con posterioridad se irá estandarizando el radioteatro seriado con predominio absoluto del melodrama. La diversificación temática del género buscaba abarcar a la totalidad del público: hubo radioteatros gauchescos, históricos, policiales, infantiles, sentimentales, comedias familiares e incluso adaptaciones de obras de teatro.

La misma naturaleza del medio radiofónico, poco propicia para la marcación de matices y para la utilización del conjunto de los recursos autorales y actorales, acentuó el carácter esquemático y estereotipado de los personajes, así las heroínas remarcaron su desamparo, sus angustias llorando inacabablemente, y los villanos, por encima de toda medida, impostaron sus voces hasta convertirlas en ruines e intolerables expresiones de la perversidad humana.

Historias que se desgranaban día a día en interminables enredos y desventuras de los personajes, invitando con sus voces a continuar la angustiada espera del próximo episodio. A medida que la siniestra villana -sin moverse de su sitio- deambulaba alucinada por la casona, del micrófono de la sala de transmisión, un experto hacía vibrar un serrucho que reproducía sorprendentemente el sonido de un trueno, subsanando así la falta de códigos visuales y gestuales de los actores.

Resulta obvio, pero igual es necesario destacar, que el radioteatro al no contar con componentes visuales para ayudar a transmitir las ideas o emociones, dependía íntegramente del diálogo, la música y los efectos de sonido, que ayudaban al oyente a imaginar la historia.

El Radioteatro: Cruce de preferencias populares

Con todo lo que se ha dicho y escrito en los últimos años sobre ella, sigue siendo dificultoso definir qué es la cultura popular. Por un lado, para los partidarios de la alienación absoluta de las masas, la cultura popular como una expresión social, como una creación positiva del pueblo no existiría en la práctica y sólo habría

remedos de la cultura culta, manipulados por los medios de comunicación de masa para la consecución de sus fines.

Por otro lado, nosotros adoptaremos la postura de Néstor García Canclini, quien advertía acerca de la identidad existente entre las dos concepciones, ya que ambas parten de dotar a los medios de comunicación de un poder omnímodo. Suponiendo que las operaciones efectuadas por los medios masivos con las culturas tradicionales y locales fueran el recurso clave del imperialismo para imponerse, entonces “la tarea prioritaria del antropólogo, el sociólogo, el historiador, es estudiar las costumbres tradicionales que se pierden, las herencias en desintegración. Investigar la cultura se reduce entonces a investigar las culturas populares y dentro de estas, a conocer y rescatar lo que se desvanece o es amenazado por el desarrollo urbano industrial” [1, p. 36].

Como es evidente la cultura popular se vuelve algo muerto e investigarla se convierte en una labor similar a la arqueología. Entenderemos con García Canclini, que “cultura es la producción de fenómenos que contribuyen, mediante la representación o reelaboración simbólica de las estructuras materiales a comprender, reproducir o transformar el sistema social”, es decir, todas las prácticas e instituciones dedicadas a la administración, renovación y reestructuración del sentido [1, p. 41].

Una parte considerable de los investigadores argentinos de las culturas populares ha caído en las redes del populismo. A muchos de ellos se podrían aplicar los dichos de Grignol y Passeron: “la fuerza de atracción del populismo se debe a que propone sus incitaciones bajo la índole triple de la sensibilidad y del proyecto político, de la inclinación de la literatura y del arte por los objetos inéditos y del deber metodológico de la neutralidad ética, al punto confundidos con la conversión a la causa de los ofendidos y humillados (...) Nada nos parece más falso que la idea según la cual el olvido de la dominación combinado con la intención de rehabilitación sería para el investigador la vía directa, obligada y fácil de rendir justicia a las culturas populares” [1, p. 10].

Para romper con los peligros que entraña el populismo no queda otro camino que introducir en el análisis la posición legitimista, es decir, considerar las consecuencias que trae a la propia cultura popular su funcionamiento como cultura dominada, subalterna respecto a otras.

Pero la llamada posición legitimista, a su vez, es susceptible de caer en un error de análisis de similar gravedad: la asimilación de la relación de dominación social con la de dominación simbólica. En este sentido son clásicas las simplificaciones del marxismo vulgar, para quien debe tomarse de manera literal la famosa frase de Marx en *La Ideología Alemana*: “las ideas de la clase dominante son también las ideas dominantes de cada época.”

Atendiendo a los riesgos mencionados, podemos seguir a García Canclini cuando dice “para refutar las posiciones clásicas desde las cuales se define a las culturas populares no basta prestar atención a su situación actual. Es preciso desconstruir las operaciones científicas y políticas que pusieron en escena lo popular. Tres corrientes son protagonistas de esta teatralización: el folclor, las industrias culturales y el populismo político. En los tres casos veremos lo popular más que como pre-existente como algo construido.” [1, p.196].

El radioteatro se encuentra en la intersección de dos preferencias de la cultura popular: la radio y el melodrama. Surgido con la comercialización de la radiofonía, Argentina constituye al respecto un caso pionero. Esto se debe por un lado a la avanzada técnica radiofónica nacional en los inicios de la “*telefonía sin hilos*”. Como se recuerda, Argentina es el país en donde se realiza una de las primeras emisiones musicales y la primera en incorporar avisos comerciales. Por otra parte, en nuestro país se asienta una sólida tradición de teatro popular.

Como reconociera Martín-Barbero:

"En América del Sur los maestros del radioteatro fueron los argentinos".

Y esto porque "en el país «literario» por excelencia de América Latina el desprecio de los escritores por la radio durará

muchos años y marcará el desencuentro entre un medio pletórico de posibilidades y una estructura cultural cruzada por paradojas sorprendentes. Y su adscripción entonces a la esfera de lo popular, esto es de lo oral: la de los payadores y el circo criollo, tendiendo el puente entre el folletín gaucha y los cómicos ambulantes con la radio” [3, p.183].

El circo había llegado a estas costas a mediados del siglo XIX, traído por compañías europeas rápidamente afincadas en el país. Sin embargo, el hecho distintivo del circo criollo es la incorporación, en la década de 1880, de la pantomima y posteriormente de las adaptaciones de folletines, los llamados dramones. Se constituye así el verdadero circo criollo, espectáculo de primera y segunda parte. En la primera se realizaban los números circenses clásicos, en tanto que en la segunda se presentaba alguna obra, normalmente de temática gauchesca. Como muestra de la interrelación de los géneros populares vale recordar que la primera obra representada por un circo criollo fue una adaptación del folletín de Eduardo Gutiérrez, “Juan Moreira”.

Así los primeros radioteatros constituían una mezcla entre breves dramatizaciones, relatos y canciones folclóricas, desarrollado todo en un ambiente campero.

¿Y el Melodrama?

La estructura melodramática ha sido vista como una derivación menor de la cultura popular masiva. Sin embargo se puede aseverar que sus orígenes son anteriores a los procesos culturales industriales.

Para Martín Barbero, el origen del melodrama debe rastrearse en los relatos fantásticos del medioevo, pasando por la literatura de cordel, los cómicos ambulantes, el teatro del pueblo, el circo, la literatura de folletín, hasta arribar a las modernas manifestaciones melodramáticas: radio y teleteatro. Recibió su nombre de esa mezcla de música y drama nacida en el barroco. Se trataba de un género eminentemente popular, ligado al circo y al entretenimiento.

miento plebeyo, en el que una trama sencilla desencadenaba situaciones elementales, cuyas tonalidades emocionales estaban subrayadas por la música. Es decir: la profunda pasión popular por contar historias ha ido encontrando en la utilización de los medios técnicos propios de cada época, su posibilidad de concreción. Y esto a despecho de las suspicacias de las élites acerca de modelos estilísticos tomados como simplistas o vulgares. Como afirmara Beatriz Sarlo:

"En el siglo XX se percibe que allí donde el discurso de la cultura culta o letrada se fragmenta, desconfiando de la posibilidad de representar algo que pueda ser pensado y percibido como un todo, las formas populares han seguido practicando el relato, con la tranquila convicción de que una historia tiene personajes, peripecias, clímax, desenlace; la pasión de narrar impuso sus leyes al folletín, a la novela de aventuras, a la sentimental" [5, p. 34].

El carácter popular del melodrama, por su simplicidad argumental y temática, su falta de refinamientos, la manera como se coloca, sin ninguna vergüenza, es lo más cercano a la experiencia común, al sentido común, a lo que es más inmediatamente identificable por un público masivo al que no se le pide ningún esfuerzo de interpretación. Y debemos retener, también, el papel de la música como un comentario o un subrayado emocional, algo que la televisión y el cine (cada vez más próximos en lo que está siendo llamado "*la constelación audiovisual*") usan con plena conciencia para la creación de una atmósfera sentimental: una música tramposa que nos transmite inmediatamente las emociones de los personajes y que provoca, por sí misma, una potentísima identificación emocional.

Tal como ha llegado a nuestros días, el melodrama será hijo del descubrimiento romántico de la subjetividad sentimental moderna. De ahí que, aunque tenga raíces más antiguas, la historia del melodrama pueda comenzar con las novelas y los dramas románticos tal como fueron asumidos y reformulados más tarde por los

modos realistas y naturalistas, muchas veces folletinescos, de representar la sociedad, las desventuras de los individuos, y sus entramados sentimentales.

La estructura melodramática ha sido vista como una derivación menor de la cultura masiva. Sin embargo se puede aseverar que sus orígenes son anteriores a los procesos culturales industriales.

“Desde 1790 se va llamar melodrama, especialmente en Francia e Inglaterra, a un espectáculo que es mucho menos y mucho más que el teatro. Porque lo que ahí llega y toma la forma – teatro, más que con una tradición estrictamente teatral, tiene que ver con las formas y modos de los espectáculos de ferias y con los temas de los relatos que vienen de la literatura oral, en especial con los cuentos de misterio, con los relatos de terror” [5, p.120].

A finales del siglo XVII el teatro popular es prohibido y las salas quedan reservadas solo para las obras *"cultas"*. Sin embargo, pese a esta prohibición, las representaciones populares siguen su camino y se encuentran con la mímica y pantomima, sin diálogos que corrompan el lenguaje oficial.

“Frente al teatro culto, que es en ese tiempo un teatro eminentemente literario, esto es, cuya complejidad dramática está dicha y se sostiene por entero en la retórica verbal, el melodrama apoya su dramaticidad básicamente en la puesta en escena y en un tipo de actuación muy peculiar...” [5, p.126].

Todo el melodrama tiende al derroche. Esta *"retórica del exceso"*, es la exageración desenfadada de los sentimientos que someten al público a respuestas extremas.

Lejos de las quejas críticas contra la banalidad de los teleteatros, adscribimos a la idea de Jesús Martín Barbero, cuando encontraba en el melodrama el género ficcional por excelencia de las culturas populares latinoamericanas; de ahí su éxito.

Referencias

1. *García Canclini, Néstor*. Culturas híbridas. University of Minnesota Press, 2005.

2. *Hache, Ana María y Cohen, Daniel*. El radioteatro cruce de preferencias populares. En “Lenguajes de la radio”. Editorial Brujas, Córdoba 2010.

3. *Martín Barbero, Jesús*. De los Medios a las mediaciones. GG. Barcelona, 1987

4. *Verón, Eliseo*. El Espectáculo de la pasión. Ediciones Colihue, S.R.L, 1993.

5. *Sarlo, Beatriz*. La imaginación técnica: Sueños modernos de la cultura argentina. Buenos Aires: Nueva Visión, 1991.

EL CIMIENTO DE UNA SOCIEDAD JUSTA

*Dr. Eduardo Dalmasso,
PhD, Universidad Nacional de Córdoba, Argentina,
ed102668@gmail.com*

Resumen. Se trata de estudiar los valores vigentes y, a partir de ellos, discernir qué está pasando en una sociedad determinada. Por ejemplo, en Argentina, considero que cuando uno analiza las tendencias sobre los valores que predominan, podemos darnos cuenta de lo que pasa, como sociedad determinada. Luego, es posible proponer acciones que tendrán que ver con el concepto de sociedad que sostengan como válido, para la dignidad de las personas, los actores que las enuncien. Los valores representan un importante papel en la conducta humana. Negarlo, pienso que no sólo equivale a alejarse de la tradición del pensamiento democrático, sino también a limitar nuestra racionalidad. Los valores contribuyen a la regulación del contexto institucional, por la manera en que se forman.

Palabras clave: sociedad; justicia; identidad; ciudadanía

Considero, de forma intuitiva, y quizás por mi concepción del significado y el alcance de la noción de sociedad, que cuando se habla de ciudadanía, desde una perspectiva filosófica política, siempre aparecerán dos aspectos centrales a integrar y esclarecer: justicia y pertenencia comunitaria. Tomada así, la *justicia* está referida a la cuestión de los derechos individuales (Rawls/Adam Smith), mientras que la *pertenencia* nos remite a la noción de vínculo comunitario o de identidad (Adam Smith/Taylor).

Este es un juego de relaciones que propongo a partir de lo que expone Smith sobre el *hombre egoísta* (actúa en medio de espectadores a los que tiene que respetar), la posición de Rawls sobre los fundamentos de la justicia individual como principio de equidad dentro del marco de las relaciones sociales capitalistas y la

posición de Taylor respecto a los fundamentos de conductas que parten de lo social (para apreciar el bien y la justicia). Un ida y vuelta con puntos de partida y énfasis ideológicos distintos.

Mediante este doble juego de integrar a Adam Smith con Rawls, y al primero con Taylor, se puede acceder a una noción de ciudadanía que, en tanto se apoye en instituciones estables de la libertad constitucional, nos acerca a la idea de democracia. No obstante, a pesar de la importancia que le otorgo a los autores citados, es necesario que me detenga en otros con importantes coincidencias. Uno de ellos es Jürgen Habermas, quien define que la viabilidad de la democracia está en relación directamente proporcional con el equilibrio que guarden entre sí las instituciones normativas, y las cualidades y actitudes de la acción ciudadana.

Esta concepción, que configuraría la ortodoxia democrática del mundo occidental, aparece con un enfoque diferente en los conceptos de Cornelius Castoriadis. Este psicoanalista nos proporciona una visión de la problemática que considero mucho más rica, si bien no es excluyente de la anterior. Castoriadis se reubica en una perspectiva conceptualmente más crítica al realizar la distinción entre la *democracia como procedimiento*, o concepción individualista del liberalismo clásico, y la *democracia como régimen*, que nos remitiría a una forma de objetivación comunitaria de un proyecto humano. Es decir, una concepción de vida colectiva puesta en escena.

Concretamente nos dice:

“A partir del momento que surge en la historia efectiva el proyecto de autonomía como autonomía a la vez individual y colectiva, debemos considerar la idea -y no es simplemente una idea- de una sociedad que no sería sólo un sistema con una finalidad, un para sí más allá de los individuos que ella fabrica y que la componen, sino que sería capaz de reflexionarse, de ‘autoinstituirse’ explícitamente y de decidir con conocimiento de causa y tras deliberación; o sea una sociedad que puede y debe llamarse autónoma” [3, p. 56].

Para Castoriadis, según lo interpreto, toda concepción de la democracia, que se detiene exclusivamente en lo procedimental, abandona de hecho el valorar las significaciones imaginarias concernientes a los fines de la vida colectiva. Bloquea, de esta manera, cualquier discusión sobre los fines que hacen a la forma del régimen político.

Dentro de este contraste, la propuesta habermasiana, que se desprende del trabajo tomado como referencia [6], nos conduciría a un proceso de comprensión de tipo sincrónico. Regulado éste por las demandas de mercado y por las seguridades básicas de propiedad y de libre comercio que necesitan de una ética ciudadana. Castoriadis, en cambio, nos estaría ofreciendo una visión más diacrónica. En el sentido de una construcción socio-histórica no necesariamente condicionada por los principios ilustrados ni el capitalismo aunque, como veremos, necesariamente matizada por la irrupción de cambios significativos en su comprensión de otros factores de carácter cultural. En la visión de Castoriadis se desprende el valor del aprendizaje y el sentido de pertenencia a través de una simbología convocante.

El concepto de ciudadano en el modelo habermasiano

Me parece, de la lectura de *Tres modelos de democracia* [6], que la raíz más fuerte del concepto en Habermas parecería basarse primeramente en la del ciudadano liberal. Es decir, aquel que está parado sobre los derechos subjetivos, ámbito en el que tiene garantizada la pluralidad de opciones; sólo limitadas por una legalidad previamente pactada, y en el que queda libre de coacciones externas. Éste ciudadano es tal en tanto ejerce estos derechos frente al Estado y los demás habitantes, haciendo valer sus intereses privados. De modo que, en confluencia con otros intereses privados, puedan ejercer efectiva influencia sobre la administración estatal o sus resortes de poder. Sin embargo, en la óptica de Habermas, este ciudadano, en la actualidad, parece no alcanzar. De allí que:

“En situaciones de pluralismo cultural y social, tras las metas políticamente relevantes, se esconden a menudo intereses y

orientaciones valorativas que de ningún modo pueden considerarse constitutivos de la identidad de la comunidad en conjunto, es decir, del conjunto de un forma de vida subjetivamente compartida”. [6, p. 45].

Lo que hoy se difunde, desde lo conceptual para el mundo de las organizaciones, es que si los procedimientos no se asientan sobre un cúmulo de valores que definen determinados comportamientos, y se defienden tanto para la esfera pública como para la esfera privada, los sistemas tienden a perder efectividad. Vale la pena señalar que en la actualidad se reconoce, por lo menos en el nivel académico norteamericano, que los sistemas empresariales y organizaciones en general no alcanzan un funcionamiento apropiado y eficiente si sólo están basadas en sistemas normativos o procedimentales.

A partir de lo expuesto, extractamos:

“Conforme a este modelo, la deliberación, en lo que a su contenido se refiere, puede apoyarse en un consenso de fondo entre los ciudadanos que se basa en la común pertenencia a una misma cultura, y que se renueva en los rituales en que se hace memoria de algo, así como de un acto de fundación republicana.” [6, p.4].

Esta incorporación es precisamente la que tiene por objetivo amalgamar un procedimiento integral para la deliberación y la toma de decisiones, en la medida en que combina en la negociación política los componentes de la autocomprensión ética, y estructura la comunicación en términos normativos. El complemento dimensional estará en la *acción comunicativa*: “interacción simbólicamente mediada [orientada] de acuerdo con normas intersubjetivamente vigentes” [6, p. 47]. Ambas dimensiones, rebautizadas como la política instrumental y la política dialógica respectivamente, tendrían como fin asegurar las condiciones básicas de comunicación en los procesos políticos que, a su vez, permitirían arribar a resultados racionales.

Habermas, sin embargo, acepta que mientras no cambie la organización de la naturaleza humana y mientras hayamos de mantener nuestra vida por medio del trabajo social, la técnica como

corazón de la acción instrumental es innegable e irremplazable. En esta afirmación subyace que el componente cultural perdería peso como consecuencia de que si la acción instrumental responde a la *naturaleza humana* nos disciplinaría. Mientras que la acción comunicativa, como medio intersubjetivo en el que se objetivan las normas sociales de manera dialógicamente negociadas, quedaría supeditada al valor que adquiere lo procedimental o el disciplinamiento *técnico* en el ethos social.

Esto nos lleva, me parece, a la correlación entre normas positivas y el sentido de los valores articuladores de las mismas. Aparece así un individuo que es humanizado y socializado por el entorno social, a modo de una previamente razonada o espontánea *paideia*. Una persona convertida en un potencial ciudadano, que es poseedor de lo que Castoriadis denomina *infrapoder implícito instituyente*. A esto lo entiende como la capacidad de los individuos de aceptar las reglas como factor de convivencia pero también con el poder de modificarlas si las necesidades percibidas lo demandan.

El entorno en el que se produce la interacción de los individuos sociales, con la sociedad instituida como poder explícito instituido, es el mundo o campo social-histórico. Este individuo social, como portador del infrapoder implícito, interactuando en ese entorno, se constituye en el productor del imaginario colectivo instituyente en pugna constructiva (aprendizaje) con la sociedad instituida o el poder explícito instituido.

Es importante señalar que este planteo de dinámica social no reniega de las formas procedimentales. Castoriadis entiende que la libertad es tal, en la medida en que el individuo se desempeña en un medio regido por el imperio de la ley, que debería ser considerada por todos los ciudadanos como propia. Esto, al igual que la posición última de Habermas, creo se correlaciona con lo que Gustavo Ortiz expresa al decir:

“Si caracterizamos las instituciones como significados normativos que orientan de manera vinculante la acción o en definitiva, como valores institucionalizados, se puede inferir lo siguiente: a) Las instituciones pueden ser exitosas si son entendidas

en sus pretensiones específicas de validez, es decir en cuanto significados normativamente vinculantes que orientan las acciones humanas; b) entender significados normativamente vinculantes o valores, no es lo mismo que entender significados puramente cognitivos: estos últimos implican referencias a un determinado estado de cosas que se dan en el mundo y son susceptibles de verdad o falsedad; a los primeros, en cambio, se los entiende cuando se aprehenden sus pretensiones de validez, cuando sabemos qué los hace aceptables; c) el entender significados normativos es un proceso eminentemente intersubjetivo, de obtención de acuerdo entre sujetos lingüística e interactivamente competentes” [8, p. 265].

Alexis de Tocqueville escribió, en *La democracia en América*, que le parecía notable como en Estados Unidos el hombre no respetaba o acataba las órdenes o disposiciones de otro hombre, sino sólo las de la ley. En el planteo de Habermas se sigue apelando a ese ciudadano, aunque haya pasado mucho tiempo, porque la construcción de esa democracia se realizó sobre la base de una confluencia étnico-religioso-cultural. Lo interesante es que el sentido de respeto por lo procedimental está ligado a los valores subyacentes.

Pienso que, más allá de su escepticismo, al señalar Habermas los problemas de la democracia procedimental tomando como referencia la contemporaneidad norteamericana, nos está proponiendo un tercer modelo de democracia, como alternativa a los modelos republicano y liberal que constituyen el centro de la discusión filosófico-política entre comunitaristas y liberales en EEUU. De hecho, plantea un modelo menos idealista que el republicano, pero más abierto a cuestiones sociales y culturales. Aspectos que estarían situados en igualdad de condiciones con las económicas, y que el modelo liberal *per se* no reconoce por fuera de la pugna de los intereses privados.

A mi entender, desde el abordaje de la reflexión en torno al concepto de ciudadano, ya sea desde la óptica de Habermas o de Castoriadis, subyace la idea de que en el sentido de las acciones reguladas, a través de las normas que ajustan las acciones, aparece

claramente la cuestión de los valores como fundamento y sentido de la cohesión social.

La Visión aristotélica sobre el ciudadano

Aristóteles [1] plantea que, si una ciudad deviene progresivamente unitaria, ese unitarismo recaería en un individualismo del hombre sobre sí mismo. Según el autor, es la diversidad de elementos lo que da unidad a la ciudad, pues las capacidades diferentes de los ciudadanos comunes en conducta recíproca garantizan la graduación y la complementariedad indispensables para la armonía social, hecha posible, a su vez, por la libertad que éstos tienen de diferir entre sí cualitativamente. De esta forma, la igualdad otorgada por la reciprocidad salvaguarda la cohesión social, pues la participación práctica es la que le da unidad al conjunto.

Asimismo, la postura aristotélica que propugna que *se gobierne sobre la base de bienes buscados en comunidades efectivamente existentes*, discurre con actuales posturas liberales (Rawls/Dworking) que instan que *la teoría de la justicia tiene que ser definida con independencia de las particularidades prácticas de una sociedad*.

Aristóteles considera que la determinación del bien práctico no puede proceder de una disquisición teórica independiente de la experiencia histórica y social. Su método exige que toda investigación comience con un examen "dialéctico" de las opiniones en presencia, para dirimir cuál o cuáles tienen una índole radical e irreducible, y qué otras presentan un carácter meramente derivado o accidental. La filosofía política tiene que abarcar o comprender todas las variantes de una práctica dada, de las que en absoluto se puede prescindir.

Ahora bien, es necesario tomar en cuenta que toda práctica individual debe ser examinada en función del sistema social al que pertenece y en qué medida se acerca o aparta de los "bienes" manifiestos en una sociedad determinada.

Aristóteles distinguió entre "la vida" y "la vida buena". "La vida" presenta una significación meramente estructural. De "la

vida buena", en cambio, parte la exigencia propiamente política que remite a las actividades más elevadas y específicamente humanas: la contemplación de la verdad y la virtud ciudadana que asume el hombre al asociarse en una comunidad plural y autárquica.

Según Llanos [7], estaríamos muy próximos a los hechos que expone la hipótesis aristotélica respecto a una situación de crisis de la *polis*: ser un conjunto de hombres que sólo tienen en común los intercambios comerciales y las alianzas guerreras, de manera tal que no constituyen una comunidad cívica, no pueden discutir acerca de la justicia, no se da propiamente entre ellos actividad política, ni existe verdadera convivencia ya que las relaciones mutuas son iguales cuando están unidos en un mismo lugar, que cuando están separados.

Para comprender mejor el trasfondo socio-histórico del que surge el pensamiento de Aristóteles nos valdremos de John Dunn. Este autor dice:

“Entre las instituciones sociales y políticas de la polis, cuyos ciudadanos gobernaban y eran gobernados por turno, y las técnicas auto-críticas y analíticamente precisas del pensamiento griego, existía una clara afinidad electiva. Ambos se apoyaban, en última instancia, en las prácticas de la discusión pública, en la franca aportación (y aceptación) de razonamientos que eran las bases de las conclusiones” (...) *“A pesar del atractivo que el conocimiento esotérico tenía a menudo para algunos grupos de pensadores griegos, así como la clara condescendencia política aristocrática incluso en la Polis griega más incondicional de la democracia, los griegos aprendieron a desarrollar las matemáticas, la lógica, la filosofía y varias ciencias naturales como estructuras de creencia públicamente responsable, de la misma manera que aprendieron a desarrollar el gobierno democrático como una estructura de autoridad públicamente responsable”*[5, pp. 315-316].

En otras palabras, a pesar de las sospechas mutuas permanentes y la animosidad intermitente entre la investigación científica y la autoridad democrática, ambas estaban arraigadas en la misma experiencia colectiva social. La participación, el alto valor

otorgado al conocimiento, la capacidad de razonar socialmente en términos de crítica y auto-crítica, y su desarrollo comercial y productivo, permitieron el florecimiento de uno de los periodos más destacados de la historia de la humanidad.

Aristóteles abordó el tema de la ciudadanía sosteniendo que el verdadero fundamento del Estado y del derecho es la virtud. Sin ella ninguna institución podría ser legítima.

“El fin de la sociedad política no es solamente vivir con sus semejantes, sino realizar el bien. Por lo tanto el hombre más virtuosos en sociedad tiene más derechos a ser ciudadano que el más rico o más libre, ya que en virtud los supera” [1, cap. V].

En mi opinión, en el pensamiento de Aristóteles, el fundamento de la acción política en democracia tiene reglas claras: la política se ejerce para el bien común, aunque no deje de expresar la lucha por el poder. En el momento en que la política abandona esa esencia pierde credibilidad y la sociedad inevitablemente acentúa sus fracturas. Más allá de la evolución de las distintas formas sociales hacia el modelo de sociedad burguesa, en donde el concepto de reproducción y un economicismo pragmático prima sobre el concepto de virtud en el sentido aristotélico. Hannah Arendt ha estudiado este vuelco como la supremacía del trabajo sobre la acción, pero tampoco en estas sociedades se puede soslayar el concepto de valor como substrato de las acciones racionales. Lo importante es rescatar que el ideario de la virtud, según Aristóteles, se asienta en valores que rescatan lo público y común como parte esencial de la acción del ciudadano, incluso otorgándole una categoría superior. Por ello, la importancia de la transcripción de John Dunn.

Sobre la conformación de las conductas humanas.

Carlos Donoso, autor a quien sigo acerca de la crítica de Charles Taylor al liberalismo político desde los argumentos comunitarios, dice que éste representa una detracción muy profunda a posturas tales como el individualismo y el contractualismo, característicos del liberalismo. En el marco del pensamiento de Taylor, algunos puntos centrales son:

La concepción antropológica, que trata especialmente algunos conceptos claves de su filosofía como los de la dimensión moral de la vida humana y la identidad personal.

El concepto de comunidad y su discusión con las visiones atomistas de la sociedad.

Su punto de vista en torno a los derechos colectivos y el multiculturalismo.

Sobre su concepción antropológica, a Taylor le preocupa captar el concepto de ser humano a partir de integrar el concepto de razón y emociones. Es más, no concibe en la naturaleza del hombre la posibilidad de dividir ambas manifestaciones, que son propias del hombre en acción e integrado a un mundo de relaciones. Para Taylor, como bien lo manifiesta Donoso, en el centro de la interpretación de lo que es ser un ser humano está la idea de moralidad, entendida ésta como algo objetivo que se da por intermedio de las emociones humanas.

La idea de moralidad resulta del diálogo, de experiencias y de objetivos que una comunidad se plantea y de la cual el individuo forma parte. Esta comunidad prescribe mediante normas lo que es bueno o malo y, al ser parte de una comunidad, estas reglas explícitas e implícitas se internalizan. Es decir, la moralidad tiene que ver con la preservación de una comunidad determinada a partir de su aprendizaje y relación con la naturaleza y sus formas de vinculación con otras comunidades.

Subyace la idea de que, el sentido positivo o negativo con el cual el hombre identifica sus emociones, está ligada a las prescripciones que una sociedad ha adoptado. Identifica, entre otras: la vergüenza, la dignidad, la culpa, el orgullo, la admiración y el desprecio, la obligación moral, el remordimiento, la auto-infravaloración y la auto aceptación.

"El pensador canadiense observa que estas emociones –las que sentimos ‘en cuanto sujetos’–, son precisamente la base de nuestra comprensión de qué es ser un ser humano, en contraste con ser un mero cuerpo o un mero animal. Estas emociones (de-

seos, aspiraciones, motivaciones, etc.) incorporan lo que es importante para nosotros en nuestra vida, lo que nos importa en cuanto sujeto humano. Por lo tanto, en el análisis de las emociones humanas, Taylor ha descubierto que, además de darnos un sentido de la situación (intencionalidad), ellas nos abren el dominio del bien humano. La aserción es muy fuerte: a través de las emociones somos capaces de darnos cuenta de qué es el bien para nosotros en cuanto sujetos humanos" [2, p. 34].

En la interpretación de Donoso, Taylor advierte que los temas de la identidad personal y el bien, de la individualidad y la moral, están inextricablemente entretreídos. En otras palabras, el yo se desarrolla, a su juicio, en relación al bien y, por lo tanto, está situado en el terreno de la moral, para Taylor el bien definido por las reglas morales, es lo que caracteriza la evolución del ser humano como coconstituyente de una comunidad que acrecienta su conciencia de sí. Donoso trae a colación el pensamiento de Carlos Thiebaut, pienso que por la claridad con la que expresa el valor de los marcos referenciales en el pensamiento de Taylor:

“Carlos Thiebaut, (...) sintetiza el análisis fenomenológico que hace Taylor de nuestra vida moral señalando que dicho análisis nos sugiere que "todo acto, toda valoración moral, están inmersos en una serie de marcos valorativos que constituyen el horizonte sin el cual no podría realizarse ni ese acto ni esa valoración" [11, p. 69]. Agrega Thiebaut que, de acuerdo a este planteamiento, esos marcos irrenunciables "son, de hecho, la matriz de nuestra moral, el horizonte sobre cuyo fondo y a cuya luz se recortan e iluminan todos nuestros actos de valoración, de preferencia, de elección. Constituyen, por así decirlo, una especie de espacio moral en el que nos movemos y sin ellos sería imposible la moral misma. Esos marcos u horizontes pueden tener, y tienen, formas históricas diversas –desde la ética del honor o del guerrero hasta la ética universalista que se apoya sobre las ideas o los marcos de dignidad o autonomía-, en cada una de las cuales son diversos los comportamientos que se desean y se ensalzan y son diferentes las razones por las que ello es así" (Ibíd.). Por esto, sería profundamente

erróneo proponer, como hacen algunas éticas modernas, que tales marcos sustantivos no existen, aduciendo "que uno de ellos –digamos, por ejemplo, el del teísmo católico medieval- haya quedado obsoleto o se haya desvanecido con otras ruinas de la historia. También las morales burguesas que emergen del desencantamiento del mundo medieval poseen su horizonte valorativo sustantivo" [4, p.9].

"Yo defiendo la firme tesis de que es absolutamente imposible deshacerse de los marcos referenciales; dicho de otra forma, que los horizontes dentro de los cuales vivimos nuestras vidas y que les da sentido, han de incluir dichas contundentes discriminaciones cualitativas." [10, p. 43].

Para Taylor, la respuesta a quién es una determinada persona, equivale a conocer dónde esa persona se encuentra. En el sentido de los compromisos e identificaciones que proporcionan el marco u horizonte dentro del cual se intenta determinar lo que para ella es bueno o valioso, lo que debe hacer, lo que se aprueba o rechaza. Por eso, las llamadas *crisis de identidad* representan:

"(...)una aguda desorientación que la gente suele expresar en términos de no saber quiénes son, pero que también se puede percibir como una desconcertante incertidumbre respecto al lugar en que se encuentran. Carecen del marco u horizonte dentro del cual las cosas adquieren una significación estable; dentro del cual es posible percibir, como buenas y significativas, ciertas posibilidades vitales, y otras, como malas o triviales" [10, p. 43].

El vínculo entre identidad y orientación dentro del espacio moral es esencial. Esta visión de Taylor, sobre la identidad, se enfrenta a la visión naturalista, para la cual es posible que nos deshagamos por completo de los marcos referenciales y consideremos meramente nuestros deseos y aversiones, nuestros gustos y antipatías, sin aceptar ninguna distinción cualitativa. La cuestión de los marcos referenciales vendría a ser algo artificioso. Para Taylor, en cambio, esto pertenece a la clase de cuestiones ineludibles. Es parte de la acción humana existir en un espacio de cuestiones sobre los bienes potentemente valorados, antes de cualquier elección o cambio cultural aleatorio. "A la luz de lo que comprendemos como

identidad, la imagen de un agente humano libre de todos los marcos referenciales representa más bien una persona dominada por una tremenda crisis de identidad" [10, p.47].

El pensamiento de Taylor avanza en profundidad en conceptos que otros autores sólo enuncian. Conceptos a los cuales otros dan importancia, pero no desarrollan en los términos del proceso experiencia/aprendizaje, ni tampoco respecto al valor de los lazos que se van tejiendo en una comunidad a partir de enfrentar diferentes estados de naturaleza y como consecuencia de su propia evolución.

Taylor da un giro crucial sobre el concepto de identidad y referencias. No hay para este autor una moralidad intrínseca. Esta se desarrolla dentro de los valores de una comunidad, que le proporciona el sentido de identidad y le proporciona el marco para plantear y desarrollar sus acciones, aún las de carácter teleológico.

Pienso a partir de Taylor, que toda práctica, aún de carácter individual, conlleva modelos sociales y obediencia a reglas. La sujeción de las propias actitudes, elecciones, preferencias y gustos de los individuos a esos modelos, es lo que define la práctica. Por supuesto, las prácticas tienen historia y evolucionan; no obstante, no podemos iniciarnos en una de ellas sin aceptar la autoridad de las que consideramos mejores desde el punto de vista social.

La importancia de abordar un concepto desde varias miradas

Adam Smith analizó la necesidad de simpatía y compromiso. "Las acciones más humanas no requieren abnegación, dominio de uno mismo, un gran ejercicio del sentido de la corrección, ya que hacen lo que nuestra simpatía nos impulsaría motus proprio a hacer" (...) "pero con la generosidad la cuestión es distinta" (...) "y lo mismo ocurre con algunos valores más amplios, como la justicia, que requieren que la persona refrene la búsqueda de su interés personal" (...) "hace que el espectador imparcial asuma los principios de su conducta y puede exigir un mayor ejercicio del espíritu cívico". Para la visión smithiana de "la corrección de la humanidad y la justicia" es fundamental "la concordia entre los sentimientos

del agente y de los espectadores” [9, pp. 324-325]. La visión de Smith, de la persona racional, es situada firmemente en compañía de otras, justo en medio de una sociedad a la que pertenece. Las evaluaciones de las personas, así como sus actos, invocan la presencia de otras y el individuo no está dissociado del público.

En esta última sección del blog, (Miradas políticas y otras) hemos recorrido la opinión de diversos autores sobre los principios que rigen o deberían regir las diferentes acciones de los hombres en cuanto ciudadanos. Lo interesante es que en todos ellos subyace una cosmovisión, donde los valores predominantes juegan un papel activo. Es por ello que pensamos que, analizando el tipo de valores que predominan en nuestra sociedad, es posible discernir una tipología sobre el estado de cohesión social y sus consecuencias en la cultura política.

Weber, Habermas, Castoriadis, Aristóteles y por último Taylor, enfocan el tema de valores desde distintos ángulos, nadie puede soslayarlos. Aún Habermas cambia el énfasis de lo meramente procedimental al introducir el significado de la cultura, aunque en su concepción de lo público los espacios de autonomía sigan siendo su fuente de preocupación. Taylor y Castoriadis visualizan el significado de lo social en las conductas. Más preocupado en la dinámica el último, mientras que Taylor se concentra más en el tema de identidad y conductas. En Aristóteles, el tema de virtud representa el reconocimiento del sentido de identidad y contribución del ciudadano de la polis, al engrandecimiento de la misma. Por último, Weber percibe e investiga las limitaciones del pensamiento materialista para explicar lo que influencia ciertas conductas de una comunidad en particular.

Traer a colación a Adam Smith para cerrar este trabajo, no tiene otro sentido que llamar la atención en que aún los padres del pensamiento liberal se ven obligados a reconocer la importancia del *otro* en cuanto a las acciones de los individuos. Que, si bien plantean que las estrategias de acción desde un punto de vista individual, tienen que ver con la identidad personal, eficacia y fines personales, estas acciones no pueden soslayar el marco de

referencia, constituido por los intereses del resto de ciudadanos que integran una comunidad. Ésto es lo que John Rawls ha llamado *los poderes morales que compartimos*.

“Una capacidad para el sentido de la justicia y para la concepción del bien. Rawls considera que la presuposición de estos poderes compartidos es fundamental en ‘la tradición del pensamiento democrático’, junto con los poderes de la razón (y los del discernimiento, la reflexión y la inferencia relacionados con estos poderes)”. [9, p. 326].

Hemos podido entonces apreciar que ninguno de los autores tratados con cierto detenimiento puede, ni quiere, dejar de lado el ethos social reflejado en valores. Estos valores, a mi juicio, nos permiten apreciar el estado de cohesión y fines que prevalecen en la práctica de una sociedad determinada.

No se trata de resguardar ciertos valores por haber correspondido a una etapa que, visto desde la óptica del pensamiento conservador, habría que sostener. Se trata de estudiar los valores vigentes y, a partir de ellos, discernir qué está pasando en una sociedad determinada. Por ejemplo, en Argentina, considero que cuando uno analiza las tendencias sobre los valores que predominan, podemos darnos cuenta de lo que pasa, como sociedad determinada. Luego, es posible proponer acciones que tendrán que ver con el concepto de sociedad que sostengan como válido, para la dignidad de las personas, los actores que las enuncien.

Los valores representan un importante papel en la conducta humana. Negarlo, pienso que no sólo equivale a alejarse de la tradición del pensamiento democrático, sino también a limitar nuestra racionalidad. Los valores contribuyen a la regulación del contexto institucional, por la manera en que se forman. Parsons habla de la *orientación del valor*: puede describirse como una idea organizada y generalizada, que influye en el comportamiento hacia la naturaleza, hacia el lugar que el hombre tiene en ella, hacia las relaciones de los hombres entre sí, y hacia lo deseable y lo no deseable, en la medida en que todo está relacionado con el hombre y con el medio ambiente, así como con las relaciones interhumanas.

Dentro del contexto que vengo señalando, la afirmación de Parsons no difiere esencialmente de las consecuencias que Taylor atribuye a la moralidad aceptada en función del modelo aprendido y adoptado por una comunidad determinada. Dicho de otro modo, nuestras prácticas significan relaciones que tienen que ver con el presente y con el pasado. Esto implica que habrá prácticas sujetas a revisión, pero también un aprendizaje de las mejores. El tema es que en este proceso que nos lleva del pasado al presente, y de éste al futuro, constituyen un prerrequisito fundamental las virtudes de justicia, valor y veracidad, como ejes para mantener las relaciones que se dan dentro de las prácticas.

Referencias

1. *Aristóteles*. Política. Libro I, Cap. V. Editorial Gredos, 1955.
2. *Carrasco Jose Manuel R.* El origen y significado de los principios de la dirección científica de Frederik W. Taylor y su adopción en Europa en el primer tercio del sigloXX. Tesis doctoral, 2013.
3. *Castoriadis, C.* Ce qui fait la Grèce I, D'Homère à Heraclite: Séminaires 1982–1983. Paris:Seuil, 2004.
4. *Donoso Pacheco, Carlos.* Charles Taylor: una crítica comunitaria al liberalismo político. Santiago de Chile : Red Polis, 2006.
5. *Dunn, John.* Rethinking modern political theory, Essays 1979-1983. University Press, Cambridge, 1995.
6. *Habermas, J.* Traducido por Manuel Jiménez Redondo. *Tres modelos de democracia*, Filosofía de la Educación, Escuela de Filosofía, 2004. Publicado originalmente en Debats, N° 39, Marzo de 1992, España, Universidad de Valencia.
7. *Llano Cifuentes, Alejandro.* Humanismo cívico, Madrid, Ariel, 2004.
8. *Ortiz Millán, Gustavo.* Murmullos Filosóficos 2 (4). UNAM, 2000.

9. *Sen, A.* Development as freedom. New Delhi; Oxford : Oxford University Press, 2000.

10. *Taylor, Charles.* Sources of the self: the making of the modern identity. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

11. *Thiebaut, Carlos.* La ética de la autenticidad: Introducción de Carlos Thiebaut Pensamiento Contemporáneo. February 2, 1994.

ECONOMÍA INFORMACIONAL: IMPACTO SOBRE EL CRECIMIENTO, DESARROLLO TECNOLÓGICO Y LA COMPETITIVIDAD EN AMÉRICA LATINA

*Dr. Efraín Molina,
PhD, Universidad Nacional de La Rioja, Argentina,
emolinaromano@gmail.com*

Resumen. La economía informacional y las tecnologías asociadas se esparcen con inusitada rapidez, pero los beneficios en términos de crecimiento acelerado, más empleo de la fuerza laboral y mejores servicios a la sociedad tardan en materializarse. Ello a causa de una persistente suma de factores: la brecha digital entre los países y al interior de ellos; la escasa regulación y la concentración económica en lo referido a las plataformas digitales; la carencia de programas estatales y privados que sumen nuevas y mejores habilidades a los trabajadores para ser más productivos y de este modo evitar el desempleo en un entorno dinámico; finalmente, el atraso en América Latina en cuanto a prácticas responsables que permitan a los ciudadanos ser partícipes del mejoramiento de la calidad institucional de sus Estados y lograr una complementariedad entre el desarrollo tecnológico y el desarrollo social.

Palabras clave: disciplina económica; las tecnologías; la brecha digital; el desarrollo tecnológico; el desarrollo social

Introducción

Es conocido que los fundamentos de la moderna disciplina económica se encuentran en la obra de los filósofos morales ingleses y escoceses del siglo XVIII. Sobre los dos pilares de la Ilustración: la racionalidad cartesiana y el empirismo baconiano, basaron su trabajo Adam Smith (1723-1790), David Ricardo (1772-1823), Thomas Malthus (1766-1834) y John Stuart Mill (1806-1873). A su vez, sus análisis se apoyaron en tres tradiciones que les eran muy cercanas: la tradición de la filosofía política de Locke (con las

ideas del interés propio, la propiedad privada y la teoría del valor); el pensamiento mercantilista y su noción de valor de intercambio; los fisiócratas franceses y su noción del *laissez faire, laissez passer*.

Si nos circunscribimos al momento actual, existe un renovado interés por impulsar una economía política que analice la sociedad global a partir de las transformaciones estructurales del modo de producción capitalista, en la medida en que el proceso de transnacionalización en curso obedece a la dinámica sociocultural del capitalismo, y de sus formas de dominación (Quirós y Sierra, 2001:14).

Desde una visión histórico-estructural (Sánchez Ruiz, 1992), tanto lo económico como lo político constituyen dos de las estructuras básicas de la sociedad, que interactúan de forma compleja entre sí y con la cultura, para determinar el espacio social que, en el capitalismo, constituye una estructura social desigual, aunque cambiante.

En la economía, la información es un elemento determinante en la toma de decisiones¹, aunque en la mayoría de los casos los consumidores y los productores no tienen la misma información en lo referente a las variables más importantes de su elección.

El rol del conocimiento en los sistemas sociales, (tanto como producto del pasado, como determinante del futuro), es irremplazable dado su carácter formador de actitudes, comportamientos y reacciones. Tallón (1989, 11:26), sostiene que la información es lo que el proveedor difunde y propaga antes de concluir la operación comercial; información es lo que el consumidor requiere antes de definir su compra y conseguir el servicio o producto deseado. De aquí, que la estimación económica de la información alcance cada vez límites más elevados, y por lo tanto la información es un recurso económico de alto valor².

En las últimas tres décadas surge a nivel mundial una economía que Castells (1996) denomina informacional y global para identificar de ese modo sus rasgos principales y distintivos. La nueva economía, se caracteriza por tres grandes rasgos interrelacionados: en primer término es una economía que está centrada en

el conocimiento y en la información como bases de producción, como bases de la productividad y bases de la competitividad, tanto para empresas como para regiones, ciudades y países.

En segundo lugar, es una economía basada en la productividad generada por conocimiento e información, es una economía global³. La tercera característica, estrechamente vinculada a las dos anteriores, es que se trata de una economía que funciona en redes: en redes descentralizadas hacia el interior de la empresa, en redes entre empresas y en redes entre las empresas y sus redes de pequeñas y medias empresas subsidiarias⁴. Es justamente esta economía en redes la que permite una flexibilidad y adaptabilidad en grados crecientes. Castells (2001:208).

Se trata entonces de una economía informacional, una economía global y organizada en red, y ninguno de esos factores puede funcionar sin la existencia del otro. No es el abordaje de una mera economía del conocimiento, es una economía más variada y compleja y eso es lo que se llama la nueva economía⁵.

A continuación, se presentan los aspectos conceptuales y marco teórico de referencia que hacen al análisis de la competitividad territorial a partir de los patrones de la economía informacional. Luego, se explicitan datos cuantitativos e indicadores de desarrollo tecnológico a escala global para analizar la posición relativa de América Latina. Finalmente, se abordan la discusión general y conclusiones.

Marco teórico referencial

La economía actual aparece como un gran sistema interconectado en el que todo recurso que se libera, queda a disposición de otra área económica que le encuentra valor. Si lo circunscribimos a la faz macroeconómica, la nueva economía se vincula a situaciones y períodos de la economía global caracterizados, entre otros, por incrementos continuados de la productividad de los países desarrollados. Por ende, nos encontramos ante un conjunto difuso de elementos que tratan de recoger las características del

nuevo entorno en el que se desenvuelven los procesos económicos generadores de valor agregado a lo largo del tiempo.

Sin embargo, tanto el tiempo como el espacio, no representan ya condicionantes para la interacción social o la circulación de los diferentes factores de la producción. Se comienza a tener un arraigo y pertenencia a una comunidad virtual de grupos de personas con intereses que pueden ser similares pero que se encuentran dispersos geográficamente⁶. Castells (1996), introduce el concepto de “sociedad-red”⁷, refiriéndose a una estructura social hegemónica que se deriva de una interacción de factores: la crisis del Estado benefactor del capitalismo, la interacción de la revolución de la tecnología de la información y la comunicación y finalmente el surgimiento de nuevos movimientos sociales.

La nueva sociedad informacional, no es una simple sociedad del conocimiento, sino una sociedad que descansa en la acción del conocimiento sobre sí mismo como principal fuente de productividad. (Castells, 1996:43).

Según señalan Castells y Himanen (2002) existen tres grandes modelos de desarrollo de sociedad de la información: el modelo de Silicon Valley caracterizado por una sociedad informacional abierta con un rol preponderante del mercado; el modelo de Singapur, una sociedad informacional autoritaria y el modelo de Finlandia con una sociedad informacional abierta y caracterizada por un fuerte componente de bienestar social.

Los tres modelos mencionados conducen en términos internacionales a una sociedad económicamente competitiva, pero con logros disímiles en los aspectos del bienestar individual de sus ciudadanos. Los autores consideran que el modelo de sociedad de la información desarrollado por una sociedad está determinado básicamente por la escala de valores que propugne y lleven adelante su gobierno, las empresas y los ciudadanos. De este modo, según los valores que se arraiguen e impulsen desde estos ámbitos se conseguirá uno u otro modelo.

Para Castells (1996), los modos de desarrollo⁸ son los dispositivos tecnológicos mediante los cuales el trabajo actúa sobre la

materia para generar el producto, determinando en definitiva la cantidad y calidad del excedente. En el modo de desarrollo agrario, la fuente del aumento del excedente es el resultado del aumento cuantitativo de mano de obra y recursos naturales en el proceso de producción, así también como de la dotación natural de esos recursos. En el modo de producción industrial, la fuente primordial de productividad es la incorporación de nuevas fuentes de energía y la capacidad de descentralizar su uso durante la producción y los procesos asociados de circulación.

Finalmente, en el desarrollo informacional, la fuente de la productividad se halla en la tecnología de la generación del conocimiento, el procesamiento de la información y la comunicación de símbolos.

Queda claro entonces, que el conocimiento y la información aparecen como decisivos en todos los modos de desarrollo, ya que el proceso de producción siempre se asienta sobre cierto grado de conocimiento y en el procesamiento de la información en sí.

En este contexto, como lo expresa Calderón (2010) siguiendo a Castells (1988, 1989, 1995), el proceso de la transición histórica hacia la economía informacional estaría determinado por la presencia de una economía global y redes de información a escala mundial, y, por otro lado de sociedades civiles nacionalistas, de culturas comunitaristas y de Estados cada vez más prescindibles. Sin embargo, lo que es específico del modo de desarrollo informacional, lo constituye la acción del conocimiento sobre sí mismo como fuente de productividad. Cada modo de desarrollo posee un principio de actuación estructuralmente determinado, el informacionalismo se orienta al desarrollo tecnológico, hacia la acumulación de conocimiento y grados crecientes de complejidad en el procesamiento de la información.

Calderón (2010), cita que el desarrollo informacional propició los procesos de globalización y estos, a su vez, lo impulsan. El desarrollo informacional se basa en la producción e interconexión de empresas, personas y organizaciones en redes que tienen

la particularidad de poder actuar en tiempo real desde cualquier lugar conectado del mundo. Se basa en el uso de las tecnologías de información y comunicación, sin las cuales no resultaría posible el desarrollo moderno.

No se trata del reemplazo del modelo de desarrollo industrial, sino de la incorporación progresiva a su lógica. “Los resultados sugieren que mayor será la productividad total de los factores de un país en desarrollo cuanto mayor sea la masa de capital de I+D de sus contrapartes comerciales –que se utiliza como sustituto de la masa de conocimientos incorporada en la composición del comercio del país, cuanto más abierto esté el comercio extranjero con países industriales y cuanto más capacitada esté su fuerza de trabajo” (FMI, 1995:55).

Se puede postular como lo señala López (2002), que el proceso de instauración de la nueva economía trae aparejado un aumento simultáneo de las posibilidades de crecimiento económico.

Por lo tanto, aquellos países o regiones en los que haya germinado la iniciativa privada para la obtención de producciones relacionadas con la nueva economía, en los que el entramado empresarial hayan adaptado sus procesos productivos a las nuevas tecnologías de la información y comunicación, en los que las administraciones públicas propicien la digitalización de sus servicios, y en los que sus ciudadanos pueda usufructuar los beneficios derramados por la nueva economía, gozarán de crecimientos económicos complementarios.

En sintonía con esta línea argumental, aquellos países o regiones en los que el proceso de implementación de las tecnologías relacionadas con la nueva economía no se produzca (aunque la propia dinámica económica los lleven a poseer cierto nivel de crecimiento), serán plausibles de un cierto crecimiento económico incremental en relación con las otras zonas más aventajadas citadas antes. De este modo, la existencia de tasa de crecimiento sostenido conduce a un diferencial acumulado en el transcurso del tiempo. Es de esperar, entonces, que esta situación de no corregirse, tienda a agravarse y profundizarse, dado que justamente en las regiones o

países más desarrollados es donde se materializa el proceso de aparición y consolidación de la economía informacional por todo el entramado; mientras que regiones o países menos desarrollados, con lentitud para la incorporación de estos patrones en sus diferentes ámbitos, se ven relegados y privados en forma total o parcial de los beneficios asociados⁹.

Castells y Himanen (2011:29) sostienen que “La competitividad de los territorios y firmas pasó a depender fuertemente de su habilidad para seguir las reglas de la economía informacional: creación de valor transformando información en conocimiento, y luego aplicación del conocimiento a todas las tareas a ser ejecutadas sobre la base de la capacidad tecnológica y humana incorporada en el sistema”.

Se daría una suerte de sinergia entre informacionalismo y productividad entre países, regiones y firmas, bajo dos condiciones: cambio organizacional bajo la forma de redes y mejora de la calidad del trabajo humano sobre la base de la educación y la calidad de vida.

La competitividad a la que se hará referencia, es la que Fajnzylber (1983) denominó “competitividad auténtica”. Según el autor, para lograrla sería fundamental reforzar la capacidad interna de creación industrial asociada con una participación en aumento de los agentes de la producción y del conocimiento, se trataría en definitiva de propiciar la creación de un núcleo endógeno de crecimiento y desarrollo tecnológico¹⁰.

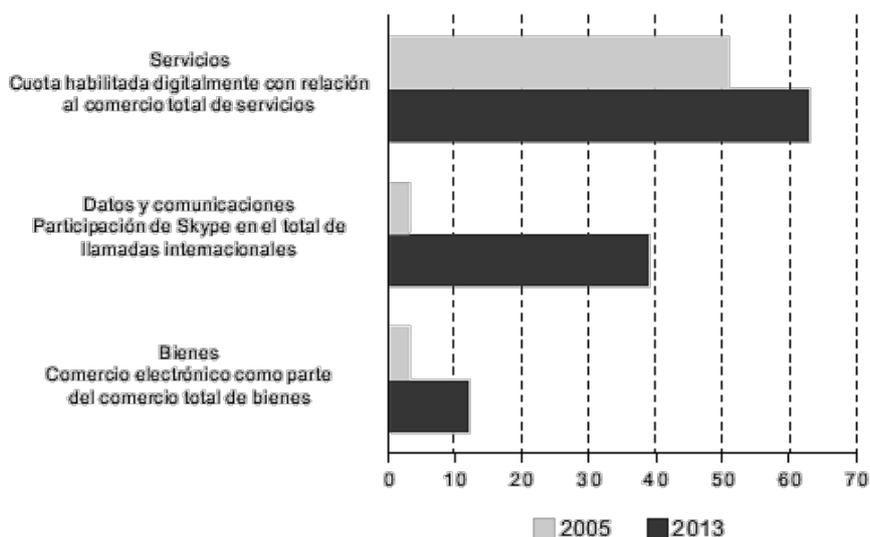
Crecimiento, desarrollo tecnológico y competitividad

La economía mundial aparece con un grado de conectividad creciente y el avance de la digitalización propicia que la economía global sea necesariamente una economía digital.

La mayor difusión de las tecnologías digitales generó un incremento pronunciado del componente digital de los flujos globales entre 2005 y 2013, tal como se observa en la Figura 1. El efecto principal derivado de esta situación ha sido la transformación de todos los flujos económicos al disminuir tanto los costos

incrementales de producción y distribución como los costos de transacción.

Cabe destacar, que este impacto se produce principalmente por medio de tres mecanismos: la creación de bienes y servicios digitales, el agregado de valor al sumar lo digital en bienes y servicios que en principio no son digitales y, finalmente, el desarrollo de plataformas de producción, intercambio y consumo. (CEPAL, 2015:17).

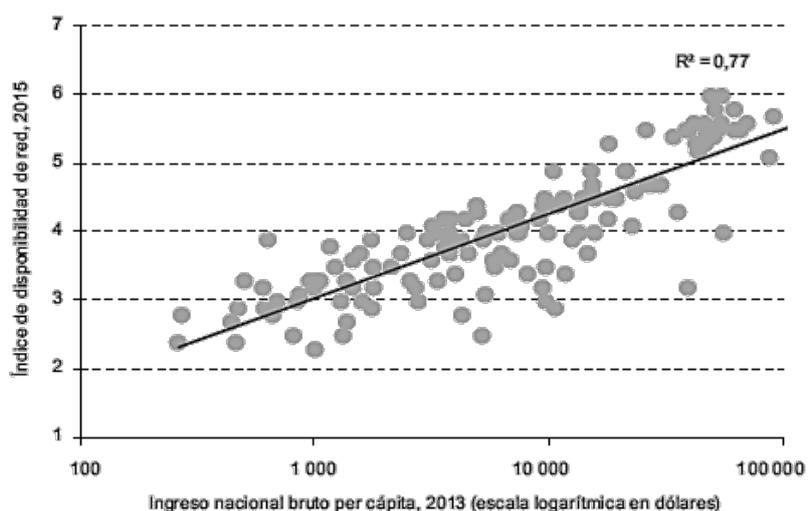

Fuente: McKinsey, *Global Flows in a Digital Age*, 2014.

Figura 1. Cuota del componente digital de los flujos globales de bienes, datos y comunicaciones y servicios, 2005 y 2013
(en porcentajes)

Si se recurre al Índice de Disponibilidad de Red (Networked Readiness Index), elaborado por el Foro Económico Mundial, como una proxy de las capacidades de una nación para desarrollar la economía digital, y se lo vincula con el ingreso per cápita (Figura 2), se puede observar que existe una correlación claramente positiva. Si bien este dato no es una causalidad concluyente, sí sugiere

un doble componente: aquellos países que poseen mayores capacidades digitales poseen mayor riqueza relativa y que los países más ricos han desarrollado en mayor grado las capacidades citadas precedentemente.

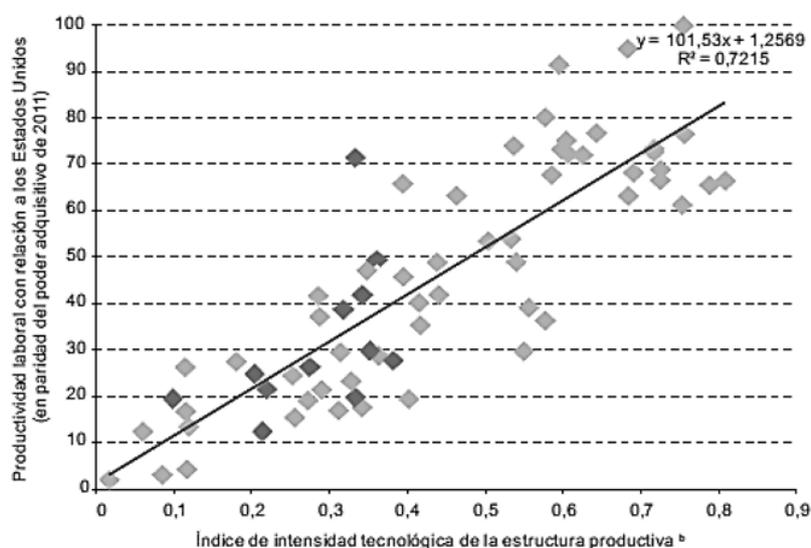
Fuente: Foro Económico Mundial, *The Global Information Technology Report 2015. ICTs for inclusive growth*, 2015.

Figura 2. Capacidades en tecnologías digitales e ingreso per cápita

En la Figura 3 se ilustra el comportamiento de una muestra de 68 países (incluye 12 de América Latina) en la cual se resalta una correlación positiva entre las capacidades tecnológicas de un país y la distancia de la frontera tecnológica. En el eje de las ordenadas se representa la productividad del trabajo de un país en relación con esa misma variable en los Estados Unidos (variable sustitutiva (proxy) de la distancia o brecha de productividad que lo separa de la frontera tecnológica).

En el de las abscisas, se ubica un índice de intensidad tecnológica de la estructura productiva, que es el resultado combinado de cuatro indicadores: participación de las exportaciones de alta tecnología en el total de exportaciones, gastos en investigación y

desarrollo (I+D) como porcentaje del PIB, patentes por millón de habitantes y porcentaje de usuarios de Internet en la población, el que capta la difusión de las TIC en la economía¹¹ (CEPAL, 2015:18). Esta asociación se confirma también, al correlacionar diferentes indicadores de intensidad tecnológica de la estructura productiva de un país con la productividad relativa. Si se consideran indicadores de intensidad tecnológica con TIC, el índice de correlación es 0,849; y al considerar el mismo índice pero sin incluir TIC, el valor arroja a 0,726.

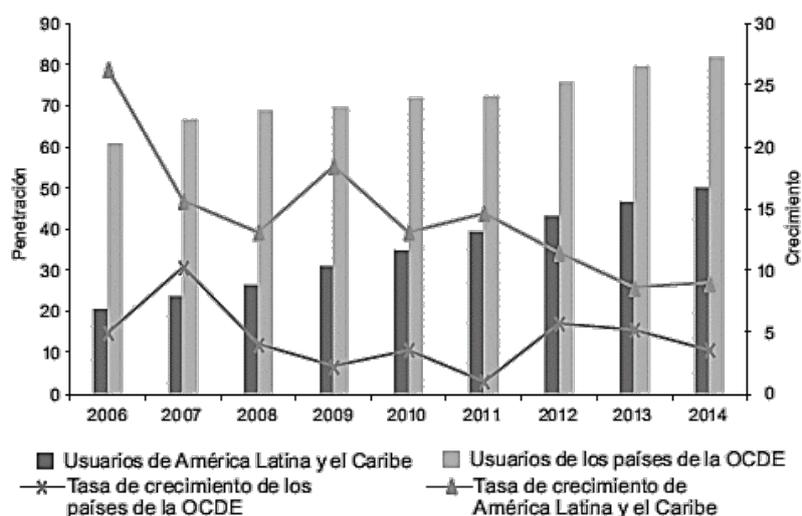

Fuente: Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL).
^a Datos de 68 países; los de América Latina se muestran en oscuro

Figura 3. Intensidad tecnológica de la estructura productiva y productividad relativa, 2013a

La CEPAL (2015:11) sostiene que el despliegue y la incorporación de las tecnologías digitales en las economías y sociedades de América Latina y el Caribe, al igual que en todo el mundo, solo le cabe el calificativo de “espectacular”. La Figura 4 presenta el

crecimiento de los usuarios de internet en el periodo 2006-2014 en América Latina y países de la Organización de Cooperación y Desarrollo Económicos (OCDE). En poco más de una década, concretamente a partir de 2003, más que se duplicaron los usuarios de Internet, que ya alcanzaban al 50,1% de la población en 2014; con más de 700 millones de conexiones a telefonía móvil, y más de 320 millones de usuarios únicos.

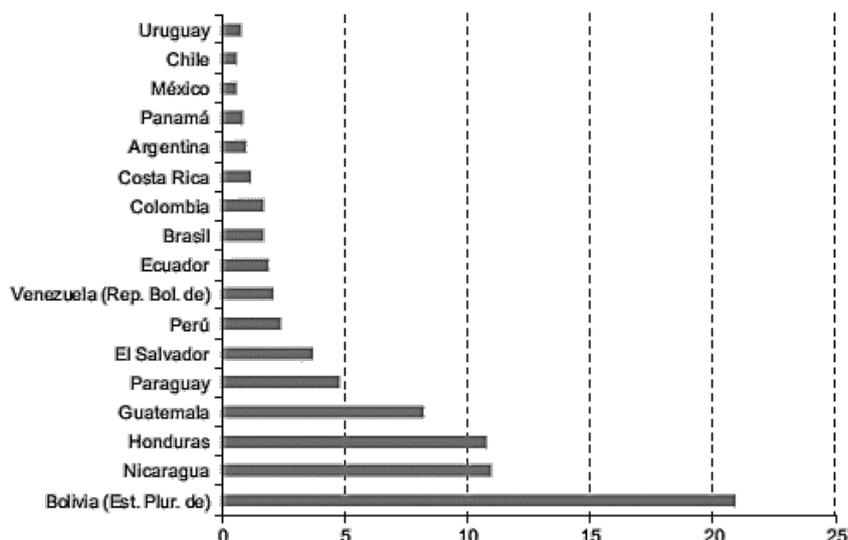
Fuente: Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), sobre la base de datos de Unión Internacional de Telecomunicaciones (UIT), *World Telecommunications Indicators Database*, 2015.

² Los datos de la OCDE no incluyen a Chile ni a México.

Figura 4. América Latina y el Caribe y países de la Organización de Cooperación y Desarrollo Económicos (OCDE) a: usuarios de Internet, 2006-2014
(En porcentajes del total de la población)

La expansión del acceso y la apropiación de las tecnologías digitales en la región, encuentra su basamento en tres factores que en conjunto se potenciaron durante una década: el fuerte crecimiento económico en término de producto bruto, la significativa

reducción de la pobreza y finalmente, la merma de los costos de los equipos y las tarifas de acceso a los servicios, ítem último que se puede observar en la Figura 5.

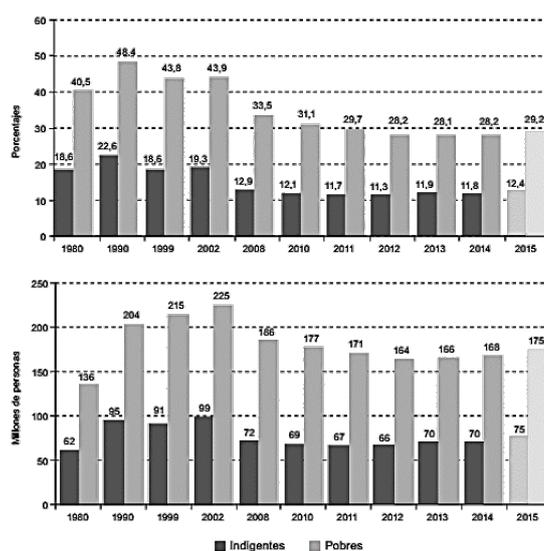
Fuente: Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), Observatorio Regional de Banda Ancha (ORBA).

Figura 5. América Latina (17 países): tarifa de banda ancha fija de 1 Mbps, agosto de 2014
(En porcentajes del PIB mensual per cápita de 2013)

Este escenario de expansión contribuyó al incremento en los niveles de inversión de operadores privados y públicos, tanto en la construcción como en la expansión de redes (en especial de 3G). Pero el panorama comenzó a cambiar de modo significativo a mediados del año 2015. Según datos de la propia CEPAL (2015), las expectativas de crecimiento económico en la región para el bienio 2015-2017 equivalen a un tercio de las que se registraron entre 2003 y 2012, lo que repercutirá en forma negativa sobre la inversión y el consumo. Por otra parte, la reducción de la pobreza, como

se observa en la Figura 6, muestra un estancamiento desde el año 2012 a una tasa cercana al 28% de la población total.

Todo ello hace presuponer como muy poco probable que, para la década venidera, se pueda repetir el aumento del mercado digital propiciado por la expansión de la clase media en 82 millones de personas que se materializó entre los años 2002 y 2012.

Fuente: Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), sobre la base de tabulaciones especiales de las encuestas de hogares de los respectivos países.
 * Estimación correspondiente a 19 países de la región, incluido Haití. No se incluye Cuba. Los datos de 2015 corresponden a una proyección.

Figura 6. América Latina: evolución de la pobreza y la indigencia, 1980-2015 a
(En porcentajes y millones de personas)

Sin embargo, es preciso destacar que el conjunto de los países de la región han exhibido progresos en diferentes magnitudes debido a la gran heterogeneidad en términos de ingreso per cápita, productividad y desarrollo social, entre otros factores. Así, por ejemplo, mientras los países más avanzados de la región se aproximan a las tasas de penetración y uso de los países desarrollados, en los más rezagados, por contrapartida, los avances que se pueden

medir resultan lentos y genera una brecha con aquellos que tiende a ensancharse de un modo significativo.

Finalmente, en términos de competitividad y tomando como referencia datos provenientes del Informe de Competitividad Global 2014-2015, elaborado por el Foro Económico Mundial (2014) que analiza a 144 naciones del mundo, señala para el caso de América Latina, que es prioritario reforzar la competitividad mediante las inversiones y la implementación de reformas estructurales para consolidar los progresos tanto económicos como sociales alcanzados en los años anteriores.

Por ello, la fortaleza económica de la región, para poder continuar por esta senda, dependerá de afianzar las bases de su economía, para lo que debe impulsar su competitividad. Aquí, son cruciales la educación como sustento del crecimiento económico y la corrupción como factor de estancamiento o retroceso económico. Además, se citan como elementos de igual importancia, la eficiencia gubernamental, los niveles de déficit y de deuda pública, los alcances en el campo de la innovación y de tecnología de la información y de las comunicaciones como un aspecto central y ya abordado en forma precedente.

Conclusiones

Atender al contexto histórico, tener por guía temporal a la filosofía moral, entender lo social como un todo e impulsar el compromiso del investigador con la realidad, aparecen como tareas insoslayables que proporcionan los instrumentos críticos necesarios para profundizar en las reglas de la economía informacional; como así también sus efectos sobre el desarrollo tecnológico de los territorios para obtener una visión y comprensión global, finalidad en la que se encuentra inserto el presente trabajo.

Aun cuando el estudio de la economía incluye vastos campos teóricos en su desarrollo, el área de la economía informacional ha tenido un uso más limitado en teorías y conceptos con respecto a otras corrientes económicas, cuya causa puede ser causalidad de su relativo reciente desarrollo.

El estudio de la economía como disciplina social, se ha encontrado tradicionalmente vinculada al análisis político a diferentes niveles; de allí que cada una de las investigaciones de política de la comunicación se transformen en un desarrollo natural de la investigación en el campo de la economía de los medios.

La economía política propiamente dicha, constituye una de las áreas de mayor desarrollo teórico. Sin embargo, la investigación de la economía informacional ha tenido hasta el presente una orientación enfocada fundamentalmente al análisis descriptivo. No se ha alcanzado aún un riguroso análisis metodológico que se nutra de la matemática, la estadística o la econometría, por ejemplo, para lograr un mayor grado de profundidad que permita explicar los fenómenos complejos actuales.

De este modo, resulta apropiado el enfocar estudios posteriores en el campo de la economía del bienestar, a partir del análisis de los efectos generados por el desarrollo tecnológico que propicia una brecha significativa entre los individuos con exceso de información y aquellos otros que no la poseen o la poseen en forma limitada. Esta situación genera un condicionamiento en el comportamiento y las posibilidades de desarrollo de cara al futuro inmediato.

Las inversiones en ciencia y tecnología realizadas por los países latinoamericanos son en general, aún muy bajas. Según datos del Estado de la Ciencia (2015), la evolución positiva del PBI propició un aumento de los recursos económicos destinados a I+D: así se pasó de casi 27 mil millones de dólares (medidos en paridad de poder de compra) en 2004 a más de 60 mil millones de 2013, es decir, un crecimiento del 126%. En términos relativos al PBI, el conjunto de países latinoamericanos realizó una inversión que representó el 0,77%.

Comparativamente, este dato continúa siendo inferior a la inversión realizada por los países industrializados; por ejemplo, Israel y Corea superan el 4%, mientras que Alemania y EEUU están cerca del 2,8%. Y si bien durante los últimos 10 años se ha duplicado la inversión en actividades de investigación y desarrollo

(I+D), solo tres países, México, Brasil y Argentina, representan el 91% de las inversiones en el sector. El sistema de innovación, queda entonces vinculado con el nivel de crecimiento, ya que son justamente, los países con menor crecimiento los que registran aún menor inversión en investigación y mayor grado de importaciones de alta tecnología y a su vez un aumento sostenido en el consumo de internet.

Se debe enfatizar que la suma de políticas orientadas al desarrollo y fortalecimiento de habilidades y conocimientos son necesarias para aumentar la tasa de crecimiento, pero a su vez pueden propiciar un efecto derrame en términos económicos para aumentar el bienestar de la sociedad en su conjunto.

La economía informacional y las tecnologías asociadas se esparcen con inusitada rapidez, pero los beneficios en términos de crecimiento acelerado, más empleo de la fuerza laboral y mejores servicios a la sociedad tardan en materializarse. Ello a causa de una persistente suma de factores: la brecha digital entre los países y al interior de ellos; la escasa regulación y la concentración económica en lo referido a las plataformas digitales; la carencia de programas estatales y privados que sumen nuevas y mejores habilidades a los trabajadores para ser más productivos y de este modo evitar el desempleo en un entorno dinámico; finalmente, el atraso en América Latina en cuanto a prácticas responsables que permitan a los ciudadanos ser partícipes del mejoramiento de la calidad institucional de sus Estados y lograr una complementariedad entre el desarrollo tecnológico y el desarrollo social.

Referencias Bibliográficas

1. CALDERÓN, Fernando (2010). *Sociedades en movimiento. Entre las reformas estructurales y la inflexión histórica*. Universidad Mayor de San Simón, Centro de Estudios Superiores Universitarios. Ciudad: Plural Editores.

2. CASTELLS, Manuel (1988). *Nuevas tecnologías, economía y sociedad*. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid.

3. CASTELLS, Manuel (1989). *Informational City: Information, Technology, Economic Restructuring and the Urban Regional Process*. Cambridge, Mass: Basil Blackwell.
4. CASTELLS, Manuel (1995). Les flux, les réseaux et les identités: où sont les sujets dans la société informationnelle?, en François Dubet y Michel Wieviorka (comps.), *Penser le sujet*. París: Fayard.
5. CASTELLS, Manuel (1996). *The information age: Economy, society and culture. The rise of the network society. Vol. I*, Blackwell Publishers, Cambridge, Massachussets.
6. CASTELLS, Manuel (2001). “La ciudad de la nueva economía”. *Papeles de Población*, vol. 7, núm. 27, enero-marzo, 2001. Universidad Autónoma del Estado de México. Toluca, México.
7. CASTELLS, Manuel y HIMANEN, Pekka (2002). *El Estado del bienestar y la sociedad de la información. El modelo finlandés*, Madrid: Alianza Editorial.
8. CASTELLS, Manuel y HIMANEN, Pekka (2011). “Reconceptualizar desarrollo en la era de la información global”. Oxford, Oxford University Press.
9. CEPAL (Comisión Económica para América Latina y el Caribe) (1990). *Transformación productiva con equidad*. LC/G. 1601 P. Santiago de Chile. Publicación de las Naciones Unidas. N° de venta S.90. ii. G.6.
10. 1992a *Equidad y transformación productiva: un enfoque integrado*. LC/L 668. Santiago de Chile.
11. 1992b *Educación y conocimientos: eje de la transformación productiva con equidad*. LCIG 1702 (SES 2414). Rev. 1. Santiago de Chile.
12. 1994a *Políticas para mejorar la inserción en la economía internacional*. Santiago de Chile.
13. 1994b *El regionalismo abierto en América Latina y el Caribe. La integración económica al servicio de la transformación productiva con equidad*. LCIL 808 (ceg.19/3). Santiago de Chile.

14. CEPAL (Comisión Económica para América Latina y el Caribe) (2015). *La nueva Revolución digital. La revolución digital de la Internet del consumo a la Internet de la producción*. Santiago, Chile.

15. ESTADO DE LA CIENCIA (2015). *Principales Indicadores de Ciencia y Tecnología Iberoamericanos / Interamericanos*. Red de Indicadores de Ciencia y Tecnología Iberoamericana e Interamericana.

16. FAJNZYLBER, Fernando (1983). *La industrialización trunca de América Latina*. México: Nueva Imagen.

17. FFRENCH-DAVIS, Ricardo (1997). “Transformación productiva con equidad: las dimensiones externa y financiera en la propuesta actual de la CEPAL”. *Estudios Internacionales*. Año 30, No. 117 (Enero-Marzo 1997), pp. 99-115. Instituto de Estudios Internacionales Universidad de Chile.

18. FMI (Fondo Monetario Internacional) (1995). *Estudios económicos y financieros. Perspectivas de la economía mundial*. Washington.

19. FORO ECONOMICO MUNDIAL (2014). *The Global Competitiveness Report 2014–2015*. Ginebra, Suiza.

20. LÓPEZ, Ana (2002). “El índice de adelanto tecnológico y la brecha digital mundial”. *Centro de Predicción Económica (CEPREDE). N-Economía*. Madrid

21. QUIRÓS, Fernando y SIERRA, Francisco (dir) (2001). *Crítica de la economía política de la comunicación y la cultura*. Comunicación Social ediciones, Sevilla.

22. RAUSELL-KÖSTER, Pau y CARRASCO-ARROYO, Salvador (2003). “Algunos Apuntes Sobre la Economía de la Comunicación y La Cultura”, en J.M Jordan, Antuñano, I (edit) (2003): *Política Económica: Fundamentos, Objetivos e Instrumentos*. Editorial Tirant Lo Blanch. Valencia.

23. SÁNCHEZ RUIZ, Enrique E. (1992). *Medios de difusión y sociedad. Notas críticas y metodológicas*. Guadalajara: Universidad de Guadalajara.

24. *TALLÓN, José.* (1989). “La economía de la información y documentación en las organizaciones”, pp. 11-26. Facultad de Ciencias de la Información, Documentación de las Ciencias de la Información (1986-1991). Universidad Complutense de Madrid.

NOTAS

1. Las teorías de los mercados perfectos se basan en la condición previa del mismo nivel de información entre todos los participantes. La información y la comunicación constituyen un factor esencial del conocimiento.

2. La información tiene el valor económico, en el sentido de que cualquiera que disponga de ella puede conseguir importantes beneficios en el mercado, en contra de aquellos otros que carezcan de su conocimiento específico. La información puede tener valor como entretenimiento, y puede tener valor comercial, pero independientemente de cuál sea su valor, la gente está dispuesta a pagar por ella. Muchas de las estrategias de los vendedores de información se basan en el hecho de que los consumidores valoran de formas muy distintas unos mismos bienes de información.

3. El término global no quiere decir que todo esté globalizado, sino que las actividades económicas dominantes están articuladas globalmente y funcionan como una unidad en tiempo real, en torno a dos sistemas de globalización económica: la de los mercados financieros interconectados y la organización a nivel mundial de la producción de bienes y servicios y de la gestión de estos bienes y servicios.

4. En el ámbito empresarial, la nueva economía se asocia al fuerte ritmo de creación de empresas en torno a ideas innovadoras de productos o de servicios, elevada valoración de las empresas por los mercados financieros y tasas sostenidas de crecimiento de ventas.

5. Rausell Köster y Carrasco Arroyo (2003), hacen referencia también a la “nueva economía”. Según estos autores, se refiere a sucesos que van desde la irrupción de las nuevas tecnologías

de la comunicación hasta la intangibilidad de los bienes producidos.

6. En el "Libro Blanco sobre la educación y la formación" (Comisión Europea, 1995) se afirma que la sociedad del futuro será una sociedad del conocimiento, un conocimiento que partirá del mismo individuo desarrollándose durante toda su vida (nunca termina) y serán la educación y la formación los principales instrumentos de identificación, pertenencia y promoción social individual, grupal y hasta nacional.

7. Representa una nueva economía basada en lo informacional global y una nueva cultura con fundamento en la virtualidad real.

8. Los grados de productividad dependen de la relación entre mano de obra y materia, como una función del empleo de los medios de producción por la aplicación de la energía y el conocimiento. Este proceso se caracteriza por las relaciones técnicas de producción y define los modos de desarrollo.

9. French-Davis (1997:99), postula un interrogante reiterado en economía de si es posible crecer con equidad. La respuesta es que es difícil crecer sin equidad, aunque también es difícil lograr equidad y crecimiento en forma conjunta. Sin embargo, existen espacios de convergencia entre ambas dimensiones, que facilita la consecución y retroalimentación de ambos objetivos. En esta línea existen propuestas de la Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL) basadas en el enfoque de la transformación productiva con equidad; allí se busca generar crecimiento económico con equidad. Para lograr este cometido se necesita difundir productividad a través del conjunto de la sociedad.

10. Cuantos más individuos puedan insertarse en la economía con mayor capacidad para producir, mayores serán las probabilidades de alcanzar un nivel de crecimiento acompañado de mayor equidad.

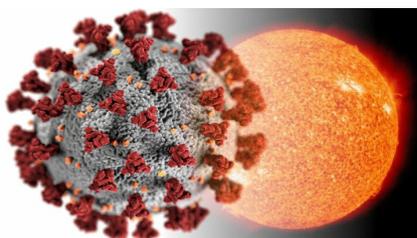
11. La CEPAL desarrolló y profundizó estos conceptos (CEPAL 1990, 1992a, 1992b, 1994a, 1994b). Se sostiene que lo que se necesita es lograr un crecimiento económico basado en una

lógica endógena que promueva la incorporación de tecnología y el uso renovable de los recursos humanos y no en el abuso de la fuerza de trabajo y en la explotación indiscriminada de los recursos naturales. Más allá de una lógica estrictamente económica, la competitividad también depende de la capacidad de gestión empresarial, tanto para el funcionamiento racional moderno de una empresa a nivel nacional como para el desarrollo de estrategias de globalización a nivel internacional.

12. Índice=0,125*patentes+0,125*(I+D)+0,25*participación de las exportaciones de alta tecnología+0,5*TICS.

COVID 19: MENSAJE DE LA NATURALEZA?

*Dr. Jorge Adino De Bernardo,
PhD, Universidad Nacional de Córdoba, Argentina*

Resumen. Mientras los habitantes de este planeta se preguntan sin repuesta científica si el COVID 19 es un virus derramado ocasionalmente en un laboratorio, intencional o proveniente de la naturaleza, a lucha por encontrar un antídoto se torna dificultosa y todos los intentos son validos para retornar a una normalidad que ya no será igual que antes. Lo verificable es que la propagación es universal sin respetar fronteras o los sitios más ocultos de la geografía habitada por el ser humano.

Palabras clave: COVID 19; naturaleza; ser humano; contaminación; normalidad

Si utilizamos el concepto de la física que cuando se aplica una fuerza en un sentido se obtiene otra fuerza en sentido contrario, quizás este ejemplo nos sirva para ubicarnos que con la naturaleza no se juega, dado que prevalece de distintas maneras con anterioridad a nuestra especie, originando variaciones y transformaciones en menor o mayor grado en esta esfera que habitamos y gira en un

universo sin límites. Ante tal interrogante sobre el origen y proyección de la especie humana, alimenta hechos que aceleran procesos naturales contribuyendo a la contaminación del medio ambiente, al deterioro ecológico tanto en la tierra como en el espacio que nos rodea acumulando chatarra factible de contaminación terrestre y de colisión con astronaves tripuladas.

Así las cosas las guerras y conflictos de diversa índole que comprenden aspectos políticos, ideológicos y de creencias religiosas se propagan llevando a grandes sectores de la población mundial a la migración y hacinamiento privando del trabajo a individuos y familias muchas de las cuales sobreviven en verdaderos campos de concentración o perdiendo sus vidas en los mares buscando un futuro mejor. La ciencia y la tecnología de un saber hacer a legado un bienestar y un progreso que en esta pandemia nos permite estar al corriente como se desarrolla y avanza, pero también nos ofrece la imagen negativa de sociedades agobiadas por la indigencia ante la falta de planes, motivaciones o recursos de quienes las dirigen.

A esto que he dado en denominar la tripandemia de contenido virosico, político y económico no se sale si los estados no prestan la debida atención a la salud, la educación y la seguridad interior y planetaria en todos sus aspectos. Los organismos mundiales como las Naciones Unidas, la Organización Mundial de la Salud, la Cruz Roja Internacional, la Organización Mundial para la Alimentación y la Agricultura, más numerosas ONG y acciones colectivas e individuales, han sido desbordadas por los acontecimientos y cada nación fue aplicando la metodología que mejor consideraron para el momento.

La aviación y los medios masivos de transporte que facilitaron la movilidad a escala global incentivando el comercio y el turismo pasaron a ser los medios de transporte del virus a distintas latitudes obligando a fabricantes y operadores a modificar sus productos y procedimientos de utilización para afrontar un futuro impensado. Si bien las investigaciones prosiguen por distintas vías para determinar si el origen del virus tiene que ver con una

procedencia animal, lo cierto es que el ser humano se ha convertido en una especie de serpiente con similitud a la cobra, que al sentirse acorralada expulsa su veneno hasta dos metros en forma de spray coincidiendo con el distanciamiento social que incluye a todos los humanos entre sí, conocidos, desconocidos o familias privadas de su intimidad y afectos, provocando males mayores en niños y mayores conminados a un régimen de prisión domiciliaria interminable, a la vez que la economía arrasa con sectores productivos de la población activa perdiendo empresas grandes, medianas y pequeñas generando millones de desocupados sin alternativas de reincorporarse a un trabajo formal en lo inmediato, accediendo a un asistencialismo precario de los gobiernos sean del mundo desarrollado o en vías de desarrollo, estos a su vez con escasos recursos.

A todo ello se suma la inseguridad ciudadana por incremento de la delincuencia y conflictos regionales o internacionales impredecibles para filósofos, sociólogos o libre pensadores, impedidos de vaticinar el devenir, mientras en el planeta asolado por la pandemia conviven en primera línea sanitarios, miembros de seguridad, bomberos combatiendo incendios que desdibujan la topografía terrestre, acompañados de fenómenos naturales provocados por el cambio climático que impactan con graves consecuencias. Por si esto fuera poco se advierte una marcada crisis en los sistemas políticos acosados por una realidad a la cual no saben dar respuesta, trasladando pesimismo e incertidumbre en los dirigidos y generando escenarios de anarquía, desgaste y agobio social. Un momento oscuro de la humanidad que nos compromete a repensar el futuro que se avecina.

La nueva anormalidad

Seguramente para las generaciones presentes lo que se avecina será la nueva anormalidad y normalidad para las que estén llegando a este mundo que ha dejado de ser un escenario natural para ser un mundo artificial, si tenemos en cuenta la cantidad de energía nuclear acumulada para la autodestrucción de la especie,

dependiendo solamente de quien sea el primero en pulsar tan solo un botón.

El camino a la búsqueda de soluciones duraderas pasa por establecer lazos de entendimiento superadores de los aspectos contrapuestos entre naciones y opuestos a quienes desde centros de poderes ocultos, al decir de algunos dirigentes comprometidos con la vida, buscan la reducción de la población mundial en la medida de no estar incluidos en semejante aberración. La urgencia respecto a la realidad que nos invade ha puesto a los habitantes de este planeta en pie de igualdad en cuanto al temor, las preocupaciones y sus eventuales soluciones.

Es ahora el momento de recapacitar sobre el rol de los organismos internacionales que fueron creados para consolidar la paz y la integración de las naciones sin hegemonías discordantes que prolonguen las guerras frías u otras modalidades de agresiones que comprometan la estabilidad necesaria para planificar recursos y alcanzar sustentabilidad. Claro está que para ello deben estar involucradas todas las naciones para alcanzar un consenso que no sea privativo de unas en perjuicio de otras.

Una disyuntiva y un interrogante para optar por lo ideal, lo real o lo posible por parte de quienes tienen la responsabilidad de dirigir y orientar el destino de la humanidad. El desafío que se presenta es cómo será la forma de relacionarnos, de alternar lo interpersonal con la virtualidad en el comercio, la producción, en la enseñanza y en la economía, atendiendo al concepto del fenómeno de cambio que en este caso comprende a todos de distinta manera, ya sean niños más predispuestos o mayores que lo rechazan o les cuesta insertarse.

Nace una nueva metodología de enseñar y aprender donde los sistemas educativos y sus integrantes tienen ante sí el compromiso de actualizarse y modificar precipitadamente sus usos y costumbres para que este COVID 19 sea considerado como un alerta para reflexionar sobre un transcurrir desenfrenado de la humanidad agotando recursos sin imaginar las consecuencias para las genera-

ciones actuales y las que vendrán. También es un llamado de atención a ciertos medios que ejercen la incomunicación y redes sociales en tiempos de la pos verdad, que al desorientar y confundir tienen ahora la alternativa de reflexionar y adecuar sus mensajes a las necesidades de la gente para una sociedad más justa y solidaria.

LA DEMOCRACIA EN ARGENTINA

*Dr. Ricardo del Barco,
PhD, Universidad Nacional de Córdoba, Argentina,
estudiodelbarcoserra@gmail.com*

Resumen. Ausencia, continuidades y rupturas. Me propongo en este artículo reseñar la evolución de la cuestión democrática en Argentina, desde 1853 hasta nuestros días.

Palabras clave: democracia, Argentina, derechos humanos, gobernantes

QUE ENTIENDO POR DEMOCRACIA

En primer lugar señalo frente a la ambigüedad del término democracia, que entiendo por tal y así defino la democracia como el gobierno del pueblo, esto significa que el mismo elige sus gobernantes. Y esto es correcto, porque, el término democracia significa un sistema de reglas acerca de la elección de los gobernantes por parte del demos. Esto es parte de la democracia, pero no es “la democracia”. Pues existen otras dimensiones que son constitutivas de la misma y cuya omisión genera graves consecuencias. Me refiero a la relación entre el demos y los gobernantes, la significación del principio mayoritario, el rol de la minoría, el sentido del pluralismo, el respeto de los derechos humanos y el conjunto de creencias básicas compartidas.

Los gobernantes en tanto en cuanto son los vicarios de la multitud pueblo, no pueden actuar como dueños del poder, cuya titularidad inmediata reside en el pueblo. Por tanto deben comportarse como el administrador fiel, eficaz y prudente de lo que le ha sido confiado. Me parece muy apropiado recordar aquí las precisiones que hace Jacques Maritain, sobre el concepto que estamos tratando y así nos dice. “Quisiera hacer algunas observaciones relativas a los dos casos típicos diferentes: el del estado democrático, donde la libertad, la ley y la dignidad humana son los dogmas fundamentales y la racionalización de la vida política se persigue

dentro de la perspectiva de las normas y los valores morales, y el del estado totalitario, en donde sólo se toman en consideración el poder y una determinada tarea a cumplir por el todo, y en el que la racionalización de la vida política se persigue dentro de la perspectiva de los valores y normas meramente artísticos o técnicos.

Consideremos primero el caso del estado democrático. En él, la fiscalización del estado por parte del pueblo, incluso aunque el estado trate de eludirla, se halla inscrita en los principios y armazón constitucional del cuerpo político. El pueblo dispone de medios regulares, estatuidos por la ley, para ejercer su vigilancia. Elige periódicamente a sus representantes y, directa o indirectamente, a sus funcionarios administrativos. No solamente el pueblo destituirá a éstos de sus cargos en los comicios siguientes a su elección, si desaprueba su gestión, sino que a través de las asambleas de sus representantes fiscaliza, supervisa y presiona a su gobierno durante el tiempo en que éste ejerce el poder.” [1]

En segundo lugar, me refiero al lugar y sentido del principio mayoritario: Este es una de las reglas más frecuentemente utilizadas para decidir y esta es la primera significación. La segunda significación es la concepción de expresión de la soberanía popular, que a su vez es infalible. Esta mayoría que decide no es infalible como lo señalara Rousseau, quien introdujo un principio letal para la democracia. La infalibilidad de cuño Rousoniano, está en la base de las mayores tragedias de las democracias contemporáneas. Porque si la mayoría no se equivoca, significa que la minoría está en el error, y carece de sentido su rol. Si por el contrario se acepta la regla mayoritaria como principio de decisión que puede legítimamente imprimir al cuerpo político una orientación determinada -pero esa decisión fruto de la mayoría-, puede ser cambiada, cuando varíe la mayoría y esta `pase a ser minoría. En una auténtica democracia, mayorías y minorías son siempre circunstanciales. La mayoría de hoy es potencialmente la minoría del mañana, y la minoría de hoy es potencialmente la mayoría de mañana. También debe aclararse que el principio mayoritario no se aplica a todas las cuestiones. Hay un núcleo básico que no puede ser

decidido por mayoría o minoría. Es este núcleo lo que constituye la base común sobre la cual se edifica la vida democrática y sobre la que reposan todas las diferencias que ostentan las personas y los grupos. Este núcleo está constituido por la dignidad fundamental de la persona y sus derechos, comenzando por la inviolabilidad de la vida. Utilizando un claro ejemplo, digo, que por más que hubiere una decisión franca y claramente mayoritaria que sostuviere la desigualdad de la mujer o de las personas de color o de los minusválidos o de los indigentes. Esa decisión sería antidemocrática, porque aunque surgiera de una votación mayoritaria, vulnera el núcleo básico sobre el cual reposa el sistema mismo. En tercer lugar y analizando el rol de la minoría señalo un acierto y un error; es acertado el criterio de que sin el respeto a las minorías no hay democracia, pero es un desacierto la ponderación exacerbada de los roles minoritarios que llevan a la sociedad y al estado a constituirse sobre un acuerdo inestable e ineficaz de parcialidades con grave riesgo de la gobernabilidad del sistema y del debilitamiento del ejercicio de la autoridad como garante y promotora del bien común. En cuarto lugar, me refiero al tema del pluralismo, entendido éste como ausencia de una versión de la sociedad dogmáticamente definida por un grupo o por una persona e impuesta coercitivamente desde el vértice superior del estado. Significa también el pluralismo, la existencia de una diversidad de grupos y de sociedades intermedias, estilos de vida distintos, tradiciones diversas que imposibilitan la unanimidad y la uniformidad. Pero este pluralismo de personas, de intereses y de formas de estructuración social no significa una reivindicación sin más del relativismo, ni exime a la sociedad de encontrar elementos de unidad con respeto a la diversidad.

Como tengo dicho, la democracia supone un núcleo fundamental sobre el cual reposa la convivencia, la fe cívica al decir de Maritain. En la sociedad de tiempos que ya no existen, existía una unidad de creencias, por ejemplo durante la cristiandad medieval. Todos pertenecían a esa fe común, desde el príncipe hasta el más humilde servidor. Pero en la sociedad moderna asistimos a una realidad plural, pluralidad que se caracteriza por creencias

distintas, y estilos de vida distintos, frente a esa realidad caracterizada por la fragmentación se plantea la necesidad algunos elementos unitivos. Maritain la denomina la fe secular, nuestro autor al preguntarse sobre: “¿Cuál será el contenido de la carta moral, el código de la moralidad social y política a que me estoy refiriendo, y cuya validez está implícita en el cuerpo fundamentado de una sociedad de hombres libres? Tal carta se referiría, por ejemplo, a los puntos siguientes; derechos y libertades de la persona humana; derechos y libertades política: derechos y libertades sociales y sus correspondientes responsabilidades, derechos y deberes de las personas que forman parte de una sociedad familiar y libertades y obligaciones de esta con respecto al cuerpo político, derechos y deberes mutuos entre los grupos y el estado; gobierno del pueblo, por el pueblo y para el pueblo, funciones de la autoridad en una democracia política y social, obligaciones morales –que obligan en conciencia– con respecto a las leyes justas, así como a la Constitución que garantiza las libertades del pueblo, exclusión de la posibilidad de recurrir a los golpes de estado en una sociedad que es realmente libre y que se halla regida por leyes cuyo cambio y evolución dependen de la mayoría popular, igualdad humana, justicia entre las personas y el cuerpo político, justicia entre el cuerpo político y las personas; amistad cívica e ideal de fraternidad, libertad religiosa, tolerancia recíproca y mutuo respeto entre las diversas comunidades espirituales y escuelas de pensamiento; convicción cívica y amor a la patria; reverencia hacia su historia y herencia, comprensión para las diversas tradiciones que se amalgamaron al crear su unidad; obligaciones de cada persona respecto del bien común del cuerpo político y deberes de cada nación hacia el bien general de la sociedad civilizada, así como la necesidad de adquirir conciencia de la unidad del mundo y de la existencia real de una comunidad de pueblos sobre el planeta.” [2]

LA AUSENCIA (1853-1912)

La democracia en argentina, ha transcurrido a lo largo de los 164 años que van desde la Constitución de 1853 hasta el

presente en una línea que se caracteriza por ausencias, continuidades y rupturas. Me refiero aquí a lo primero.

Entre la sanción de la Constitución de 1853 y el comienzo de la presidencia de Julio Argentino Roca 1880, diré que la cuestión democrática no está presente. El régimen constitucional se define como una república representativa. La cuestión política se elabora y formula en clave republicana, entendiendo por tal el sistema de gobierno limitado, que se opone a la concentración despótica del poder. El gran objetivo era superar el pasado Rosista y establecer un gobierno con un Presidencialismo fuerte, pero limitado, en primer lugar por la imposibilidad de reelección inmediata, y en segundo lugar por el rol del legislativo como contralor y una justicia independiente. Digo ausencia para referirme a un tiempo en el que la palabra y la idea de democracia no estuvieron presentes. Establezco como tal el periodo que va de la Constitución hasta la reforma política de 1912.

La primera etapa la denomino republicana, al calor del texto constitucional, el estado argentino busca estructurarse como una república, es decir como poder limitado, que garantiza a los habitantes una amplitud de derechos civiles, al mismo tiempo que limita el ejercicio de los derechos políticos a un reducido grupo de ciudadanos. Advierto en este periodo dos momentos, el que llamo aristocrático, entendido como gobierno de los mejores y el momento que llamo oligárquico en el cual los pocos más ricos tienden a gobernar en su beneficio. En el periodo de 1880 a 1912, la república aristocrática, tiende a convertirse en oligárquica. Es allí donde comienza a gestarse la impugnación a la clase gobernante, por diversos motivos. La expresión de José Manuel Estrada en su discurso de despedida a los alumnos de la Facultad de Derecho, dice textualmente: “gobernantes provenientes de las oligarquías descompuestas no serán mis jueces” En la revolución del 90 contra el gobierno de Miguel Juárez Celman ,aparecen los reclamos frente a un gobierno de poder concentrado, que pierde el sentido republicano y una voluntad popular que se expresa a través de la impugnación de tinte revolucionario, que se organiza en naciente

fuerzas políticas partidarias que reclaman la apertura del sistema político. La cuestión democrática comienza a plantearse en términos de reforma electoral, cuyo primer resultado fue la adopción del sistema circunscriptorial de 1902 y luego el debate y la sanción de la Ley Sáenz Peña.

Todo ello culmina en la Reforma de 1912, que tiene a los reformadores del antiguo régimen y los nacientes impugnadores de la mano de la UCR, como sus autores.

CONTINUIDADES Y RUPTURAS

Entre La reforma política (1912 y 1930) digo de continuidad; desde la revolución septembrina de 1930 y 1983, hablo de rupturas, y continuidades interrumpidas por nuevas rupturas, la de 1943, 1955, 1962, 1966 y 1976. En este periodo, se encuentra además de los golpes militares, los periodos de lo que llamo democracia tutelada, entendiendo por tal procesos que se inician con elecciones populares, pero en los hay distorsiones de la voluntad popular, tales como el fraude, el veto de candidaturas y la proscripción política. Además del rol tutelar que se auto asigna el poder militar, sobre los gobiernos electos.

Al propio tiempo que se indicaba una amenaza interna, “el anarquismo revolucionario”. Y el “maximalismo bolchevique” en los treinta, el “comunismo” en los cuarenta y los cincuenta, el” castro comunismo” “la guerra revolucionaria” de los setenta. La aludida amenaza era otro poderoso justificativo para quebrar las reglas democráticas.

LAS CONTINUIDADES

Las continuidades democráticas. Estas estuvieron siempre marcadas por una elección y clausuradas por un golpe militar, salvo el periodo 1916-1928. En cada una de ellas hubo un desapego parcial de las reglas democráticas. En el periodo radical (1916-1930) por la crítica de los opositores que acusaron al gobierno de demagógico y antirrepublicano. En el periodo “conservador” (1932-1943), por la práctica de la proscripción y el fraude. En el

periodo peronista (1946-1955) por el intento del gobierno de desconocer o limitar las libertades públicas y de la oposición a no reconocer el origen democrático del gobierno. En los periodos de los gobiernos de Arturo Frondizi (1958-62) y Arturo Illia (1963-66), por la proscripción del peronismo. Y en el periodo justicialista (1973-76) por la práctica de la violencia política desde sectores vinculados al gobierno y parte de la oposición revolucionaria.

En el primer periodo democrático (1912 -1930) que se inaugura con la reforma electoral que establece el sistema secreto universal y obligatorio y bajo el cual se celebraran tres elecciones presidenciales 1916 (Yrigoyen) 1922 (Alvear) y 1928 (Yrigoyen), y se clausura abruptamente con el golpe militar de 1930.

En este periodo encontramos la primera gran discusión ideológica acerca de la democracia como fórmula política. Dos tradiciones o familias ideológicas se enfrentan, los nacionalistas y los liberales. Utilizo intencionalmente el plural porque bajo la denominación nacionalista encontramos distintas vertientes y similar con el liberalismo.

Una de las versiones más significativas del nacionalismo es la que denominaremos católica que rechaza la democracia, a la que califica como un resultado del liberalismo anticristiano. Allí encontramos una dimensión de la polémica que enfrente a otra tradición del mismo origen, y que podríamos denominar el liberalismo cristiano.

En esta polémica encontramos lo que denominamos la oposición a un estilo democrático de tradición popular que se opone desde un aristocratismo decadente al Irigoyenismo. Es curioso advertir que estas críticas no vienen solo de los sectores políticos partidarios opuestos, que genéricamente llamaríamos conservadores, sino de aquellos de su propio partido. En efecto el llamado antipersonalismo, representara una de las críticas más feroces a Irigoyen. Destaco dentro de ellas la del senador Benjamín Villafañe, que fuera gobernador de Jujuy y senador nacional, quien además de sus intervenciones parlamentarias, destino varios libros a expresarse sobre el tema, su Chusmocracia, revela más allá de la crítica antes

citada una visión negativa de la democracia, formulada desde una suerte de reivindicación del gobierno de las mejores que la democracia impediría. Así Villafañe sostenía en una de sus intervenciones en el Senado de la Nación, que “[...] El Senado provocaba risa dolorosa: radicales y conservadores rivalizaban en la tarea de sondear los pensamientos del Dictador y someterse a sus mandatos. Les venían de molde, a estos padres conscriptos, con las salvedades de toda excepción, las palabras con que Tácito pintaba la efigie de los Senadores de Calígula y Claudio: hombres nacidos para la servidumbre”.

Cuando alude a los “hombres chatos”, Villafañe aclara: “En las naciones, los hombres microscópicos son los que descomponen el organismo social, como los microbios de la lepra o de la avariosis destruyen los tejidos del cuerpo humano. Nada más digno de lástima que el hombre desubicado del sitio que le señaló el destino. El hombre sin evolución, sin la herencia intelectual que florece en los sentimientos que se llaman honor, dignidad, decencia, que se traducen en escrúpulos para todo lo malo y señalan el camino del deber y del heroísmo, del bien por el bien mismo, el pobre diablo elevado por el favor de los dictadores o tiranos, o los caprichos de la fortuna, a posiciones encumbradas en la sociedad, es la simiente de la tragedia, cuando no personaje de la más triste comedia. El fruto del conventillo convertido sin méritos en personaje, lleva a la sala, a la política, a la prensa, a donde va, el alma del bajo fondo. El cuello largo, el talle erguido, el gesto severo, no sirve más que para denunciar de lejos y hacer resaltar al criado vestido de frac, introducido de contrabando entre las gentes decentes”. [3]

Las citas mencionadas reflejan con crudeza el desprecio de “la democracia plebeya” que en el lenguaje de Villafañe ha encumbrado a la resaca social.

Me pregunto si además de la crítica a la democracia, hay una crítica a los partidos políticos. La respuesta es afirmativa y en esto no hay demasiadas novedades ya que la crítica al sistema democrático en la evolución de las ideas argentinas, estuvo siempre vinculada a la crítica de los partidos políticos. Por ello Villafañe

comienza alabando a la reforma de Sáenz Peña, para terminar criticando sus resultados, que habrían posibilitado que la plebe inculta accediera al gobierno. Y en una serie de escritos posteriores al golpe militar del 6 de setiembre de 1930, seguirá reivindicando una idea corporativa que reemplaza al sistema de partidos que reputa decadente. Todo ello con la mirada elogiosa hacia la “espada salvadora”, la misma que elogiara Leopoldo Lugones en su famoso discurso celebratorio de la batalla de Ayacucho.

En diciembre de 1924, Lugones encuentra un nuevo escenario para exponer sus controvertidas ideas políticas en su viaje a Lima con la delegación argentina que preside el ministro de Guerra, Agustín P. Justo, y el 17 de diciembre pronuncia en “La fiesta de los poetas” su famoso “Discurso de Ayacucho”. “Allí vuelve a intentar extender su consagración literaria al campo político, pues convocado como el poeta portador de un bello decir, aprovecha su autoridad literaria y la gran audibilidad que le confiere ese espacio para proponer una interpretación del pasado que busca desprender efectos concretos sobre las prácticas políticas del presente. La batalla conmemorada, según Lugones, no es un mero símbolo de la independencia hispanoamericana, como estaría dispuesta a aceptar la historiografía oficial, sino más bien la prueba de la capacidad política del ejército, Allí vuelve a tener efectos concretos sobre las prácticas políticas del presente. La batalla conmemorada, según Lugones, no es un mero símbolo de la independencia hispanoamericana, como estaría dispuesta a aceptar la historiografía oficial, sino más bien la prueba de la capacidad política del ejército, esto es, de que éste constituye el único actor social apto para corregir el desorden y la demagogia que padecen en la actualidad las sociedades de Hispanoamérica como consecuencia de la democracia, el colectivismo y el pacifismo. El ejército es la última aristocracia, vale decir la última posibilidad de organización jerárquica que nos resta entre la disolución demagógica. Sólo la virtud militar realiza en este momento histórico la vida superior que es belleza, esperanza y fuerza”. [4]

“El único remedio está en acabar con la política. Adoptar un decenio de vacaciones políticas. [...] Ha sonado otra vez para bien del mundo, la hora de la espada. [...] (esta) hará el orden necesario, implantará la jerarquía indispensable que la democracia ha malogrado hasta hoy, fatalmente derivada [...] hacia la demagogia o el socialismo. Pacifismo, colectivismo, democracia, son sinónimos de la misma vacante que el destino ofrece al jefe predestinado; es decir, al hombre que manda por su derecho de mejor, con o sin ley [...]. El sistema constitucional del siglo XX está caduco. El ejército es la última aristocracia; vale decir, la última posibilidad de organización jerárquica que nos resta entre la disolución demagógica. [...] El Estado nada tiene que ver con la libertad. Su objeto es el orden.” [5]

Es interesante detenerse en el planteo de Lugones, pues su influencia fue notable en las décadas posteriores, aunque no siempre es citado ni recordado como tal. La caducidad del sistema constitucional según el poeta devenido en ideólogo político, mostraba que solo una aristocracia podía fijar el rumbo del estado, y esta era, “el ejército como última aristocracia. Allí se encontraba el reaseguro frente a la democracia manejada por la plebe inculta, autora de toda clase de desbordes.

Es real que no fue Lugones la única expresión de esta crítica a la democracia, pues como tenemos dicho una tradición nacionalista de compleja composición sembró desde esa época y reapareció en sucesivos golpes militares, lo que llamare el antidemocratismo militante. No había ni ocultamiento ni vergüenza en formular el rechazo al sistema democrático. Entre muchos otros. Entre muchos otros, podemos citar a Ernesto Carulla, Ernesto Palacio, Rodolfo y Julio Irazusta. Un interesante trabajo de Eduardo Toniolli nos presenta una detallada exposición de estos planteos. Así sostiene que” [...] Progresivamente, la Ley Sáenz Peña comenzará a ser el mecanismo institucional receptor de todas las críticas, en tanto habilitante del ascenso al poder del viejo caudillo radical. Algunos, como Rodolfo Irazusta, frente a la evidencia de que las decisiones adoptada por el demos contradecían las premisas del buen

gobierno, llegarán a mirar con nostalgia las prácticas institucionales del régimen conservador - prácticas propias de un época en el que “el sufragio era sólo una simulación” y “no había peligro”, caracterizando como “nefasta” a la Ley Sáenz Peña, y coincidiendo eventualmente con la alarma de Leopoldo Melo – radical antipersonalista – frente a la “emboscada del cuarto oscuro” y sus consecuencias. La traducción práctica de esta alarma se plasmará en propuestas restrictivas del sufragio universal. De esta manera, Ernesto Palacio planteará la necesidad de plasmar en una ley reglamentaria las disposiciones – limitativas y excluyentes dirá – del artículo 25 de la Constitución de 1853, que “muestran como la amplitud de los derechos concedidos al inmigrante exige, como condición previa, el reconocimiento de su dignidad”, imponiendo mecanismos selectivos a la hora de otorgar carta de ciudadanía a los extranjeros, y con ella el derecho al voto. Asimismo pugnará por una organización jerárquica del sufragio, que a la manera de Esparta, otorgue mayor amplitud de derechos a quienes puedan invocar mayores servicios brindados a la comunidad. De esta manera, Palacio discutirá la validez del concepto de ciudadanía nacido con la Declaración de los Derechos del Hombre: “En vez de atender a las desigualdades naturales y atribuir a cada uno los derechos correspondientes a sus méritos, en vista del mayor bien de la comunidad, decidí, por el contrario, que no había merecimiento más grande que el de pertenecer al género humano, y que para ese ser maravilloso que era el Hombre (cuya inicial cambió, por supuesto, en mayúscula) todos los derechos resultaban escasos [...] La ciudadanía contemporánea, fundada en el simple hecho del nacimiento, hubiera espantado a un filósofo de la antigüedad.”, “Es ya una mancha de nuestro tiempo el hecho de que la mujer haya ingresado a la fábrica, consumiendo allí, en trabajos impropios las energías que le fueron conferidas con mejores fines. Sólo faltaba contaminarlas hacia el comicio demagógico para sacarlas del todo del hogar”. Ahora bien, si – como hemos señalado - aquellos planteos doctrinarios primarios irán definiendo con mayor claridad sus alcances

en el plano de la política práctica mediante propuestas de restricción de la ciudadanía, la definición del enemigo a vencer culminará perfilando contornos precisos del carácter de aquel nacionalismo. La figura de Hipólito Yrigoyen, encarnación del democracia extremo, concitará las diatribas más encendidas y las críticas más agudas, todas ellas aderezadas con un clasismo evidente y virulento. De esta manera el repudio a la intervención directa del “populacho” en el gobierno, se transformará en rechazo clasista frente el ascenso de las masas al escenario político, movilizadas no por el PS – al decir de Rodolfo Irazusta, “el viejo partido de las reivindicaciones físicas” – si no por un Yrigoyenismo más impreciso en sus definiciones, pero más efectivo para encauzar el “sentimiento socialista”, despojándolo “de esa frialdad ideológica inhumana que lo caracteriza en su estado original y que debe a su origen judío y a su crianza protestante.”. En este sentido, resultarán habituales las referencias despectivas en torno a la “calidad” o la preparación de los diputados que obtuvieron sus escaños a través de las listas Yrigoyenistas, calificados sucesivamente como “individuos que hasta ayer realizaban menesteres modestos de solemnidad”, “diputados con hambre atrasada” o “rematadores, triperos y almaceneros”. [6]

LAS RUPTURAS

Las interrupciones producidas por el poder militar a la institucionalidad democrática, fueron seis en total, 1930, 1943, 1955, 1962, 1966 y 1976. En todas se repitió el formato de comenzar con un golpe, culminar con una llamado a elecciones, de la cuales surgió un gobierno al que potencialmente le esperaba un nuevo golpe. En cada uno de ellos estuvieron presentes dos tradiciones encontradas, la nacionalista y la liberal. La primera planteaba un cambio de régimen de naturaleza corporativa en el cual los partidos no estaban presente o era reducidos a un papel secundario. La segunda buscaba una salida electoral mediante la cual se instalara un gobierno que en el discurso debería ser republicano, pero del cual estarían excluidos los partidos y o grupos peronista asumió un 4 de

junio de 1946, día y mes en el que se había producido el golpe militar .definidos como antidemocráticos. En el treinta se buscaba desde esta tradición excluir a los radicales, en el 55 ,62, 73 a los justicialistas. Cada golpe buscaba una continuidad a través del proceso eleccionario y ello solo se logró una vez ,en el golpe del 43,en el cual el gobierno surgido de la elección de 1946,se sintió heredera del pronunciamiento militar. Simbólicamente el nuevo gobierno peronista asumió un 4 de junio de 1946.

En todos los casos las Fuerzas Armadas, aparecen como los “árbitros del juego político” que expulsan a los infractores de las reglas de juego. Teóricamente estas están contenidas en la Constitución Nacional, de la cual se apartan para “preservarla”.

Esa “ultima aristocracia” en el lenguaje Lugoniano, se percibía como tal y siempre estaba potencialmente dispuesta a “terminar con la demagogia” en el golpe setiembre, “a acabar con el fraude, la venalidad y al corrupción”, según el mensaje del General Rawson del 4 de junio de 1943, a “terminar con la dictadura” en el golpe de los libertadores del 16 de septiembre del 55, a “evitar el regreso del peronismo” en el derrocamiento de Frondizi del 28 de marzo de 1962. En el golpe del 28 de junio de 1966, el manifiesto de los golpistas señala que “su auténtico fin es salvar a la República y encauzarla definitivamente por el camino de su grandeza”. Y en el golpe del 24 de marzo de 1976 señalaban como finalidad “erradicar la subversión y promover el desarrollo económico de la vida nacional basado en el equilibrio y participación responsable de los distintos sectores a fin de asegurar la posterior instauración de una democracia, republicana, representativa y federal, adecuada a la realidad y exigencias de solución y progreso del Pueblo Argentino”.

En todos los casos se advierte la invocación a la Republica, a veces a la democracia, que serán instaladas una vez que fueran erradicados los factores que contribuyen a su desvirtuarían. Me parece importante advertir que todos estos procesos estuvieron precedidos por una lucha política en la que el gobierno y la oposición, a veces ambos, otras uno de los dos, revelaba un escaso

compromiso con las reglas democráticas, manifestado por la proscripción, el fraude y o la intolerancia. También es perceptible que la defensa de la democracia como sistema político presentó un desarrollo escaso, tanto en el debate político, en los medios intelectuales y en la prensa. Por el contrario las críticas a la democracia tuvieron una presencia intensa y permanente. Intelectuales, políticos y periodistas proveen una larga lista de aquellos que veían al sistema democrático, como demagógico, débil o inoperante. Al propio tiempo escaseó la defensa teórica y en la praxis política del sistema democrático. Los procesos democráticos, vivieron siempre con la sombra de un golpe que ya había ocurrido y que siempre podía volver a suceder. Este golpe sentido era visto con temor por los gobernantes y muchas veces con expectante simpatía por los opositores políticos.

En cada intervención militar reaparece la crítica a los partidos políticos y la oposición entre la política de partidos y la que pretende ser una visión integradora del Estado. En el golpe de 30 y del 43, esta visión estuvo inicialmente presente. En el golpe del 55 la crítica estuvo dirigida fundamentalmente a un sistema de partido que se definió como “totalitario” y la proscripción del peronismo fue su resultado.

Esta posición que denominé “anti partido” reaparece con el fuerza en el periodo del llamado Onganía (1966-1970). Un autor ha señalado que: “El énfasis en la unidad nacional tenía su raíz en la visión del sistema de partidos como factor de disgregación y faccionalización. Por ende, cuestionan sus posibilidades de representatividad de los intereses nacionales en tanto portadores de intereses parcializados, que responden sólo a un sector social. Así, la lógica partidaria representa la colonización de las estructuras estatales por facciones, que representan intereses electorales. A su vez, el reparto partidario de los cargos dentro de las esferas del Estado relegaría la aptitud y la idoneidad de la administración. Como consecuencia, la política partidaria sería ineficiente para tomar decisiones con celeridad y racionalidad”.

Es cierto también que en este periodo se introduce una novedad con respecto a intervenciones anteriores y se trata del rol de

las Fuerzas Armadas. Una de las condiciones que impuso Onganía al asumir la presidencia fue que los jefes de las FF.AA. se mantuvieran apartados del poder. Con ello, mantenía cierta autonomía con respecto a los cuerpos castrenses, a la vez que los alejaba de las decisiones políticas (que podían generar faccionalización interna). Esto abrió el camino a la integración mayoritaria del primer gabinete a un conjunto heterogéneo de actores civiles.

El diagnóstico gubernamental aquí esbozado nos permite apreciar que las autoridades entendían que los mecanismos de participación y representación de los actores sociales al interior del Estado debían ser trastocados, abandonado un criterio pluralista para adoptar otro corporativo. Éste último refiere al conjunto de “estructuras desde las que se ejerce oficialmente la representación de intereses ‘privados’ frente al Estado, por parte de organizaciones” (O’Donnell, 1975: 5), que se instituyen a partir de categorías “ideológicamente selectivas, no competitivas, funcionalmente diferenciadas” (Schmitter, 2007: 620) a las cuales se les concede la representación frente al Estado a cambio de aceptar ciertos controles. Esta lógica es el telón de fondo sobre el que se pensaron las reformas del periodo”. [7]

En este periodo se produce una medida frontal contra los partidos políticos, se los disuelven. Dejan de existir y de esta manera se concreta el viejo ideario nacionalista, organizar la sociedad con prescindencia total de los partidos políticos.

Podría señalarse también como una novedad sobre las experiencias militares anteriores la aparición de una confusa ideología llamada comunitarismo que imagina una sociedad sin partidos. Estos, de alguna manera son reemplazados por ámbitos creados desde el estado que buscan canalizar la participación más bien a escala vecinal y municipal. Ninguna de estas iniciativas llegaron a concretarse y al abrupto relevo de Onganía en 1970, se dio por concluida esta etapa y una vez la línea de que se corresponde a la tradición liberal se impuso en el gobierno militar.

LA DEMOCRACIA ADVINIENTE. DEL AUTORITARISMO A LA TRANSICIÓN DEMOCRÁTICA

En las postrimerías de la dictadura militar, podemos encontrar entre otros antecedentes, dos documentos que nos parecen valiosos. Uno de naturaleza eclesial y otro de naturaleza política suscrito por los partidos políticos. El primero es el documento titulado Iglesia y Comunidad Nacional de Mayo de 1981 y el segundo es el Primer Documento de la MULTIPARTIDARIA del 14 de julio de 1981. Leyendo el documento Iglesia y Comunidad Nacional, encontramos las siguientes definiciones: “Si nos atenemos al nivel directamente político, vemos que el tipo de régimen democrático no presenta un único modelo rígido y uniforme. Por lo cual, a lo ancho del mundo, diversos modelos han sido propuestos, algunos han sido ya experimentados, ninguno satisface completamente, y la búsqueda queda abierta entre las tendencias ideológicas y pragmáticas”. También nuestro pueblo se encuentra desafiado por la necesidad de encontrar un modelo adaptado a su propio genio. La experiencia histórica nos enseña que la importación de fórmulas de un país a otro no es la solución mejor para acertar políticamente. La asimilación de la experiencia de otras naciones, que es una actitud de sentido común, no puede suplantar la necesidad de un impulso creativo hacia la búsqueda de un modelo, que ha de surgir de nosotros mismos. El tipo de sociedad democrática, no obstante su flexibilidad, que le permite traducirse en una pluralidad de modelos concretos y adaptados a cada pueblo, se conserva dentro de ciertos cauces, fuera de los cuales perecería la misma democracia. Puestos ante la tarea de una reorganización de la Nación, habrá que mantener a salvo elementos que, de ser pasados por alto, podrían desnaturalizar o debilitar la estructura democrática y hasta su propio espíritu. Algunos de estos elementos han sido enunciados por la doctrina social de la Iglesia, la cual considera “perfectamente conforme con la naturaleza humana que se constituyan estructuras jurídico-políticas que ofrezcan a todos los ciudadanos, sin discriminación alguna y con perfección creciente, posibilidades efectivas de tomar parte libre y activamente en el establecimiento de los

fundamentos jurídicos de la comunidad”. Ante la difícil tarea de reestablecer la democracia, señalamos algunas condiciones esenciales para que ella pueda alcanzarse en plenitud, como así también algunos requisitos particulares.

Todos los ciudadanos deben sentir la responsabilidad de ser protagonistas y artífices de su propio destino como pueblo, cada uno según sus personales condición. Son ellos quienes, depositarios de la autoridad que procede de Dios, por su consentimiento dan legitimidad a un gobierno democrático. Esto implica la necesidad de evitar inhabilitaciones injustas, proscripciones arbitrarias de grupos o partidos, condicionamientos políticos de diverso tipo que distorsionen la libre expresión de los ciudadanos, a no ser que se trate de movimientos cuya ideología y prácticas sean contrarias a la naturaleza misma de la democracia, la cual debe custodiar y defender, según justicia, su propia existencia. La mayoría tiene el derecho de gobernar y decidir el rumbo político de la Nación, y la minoría o las minorías tienen el derecho de disentir con ese rumbo y proponer caminos alternativos. La mayoría debe respetar a la minoría en la libre expresión del disenso. La minoría debe respetar a la mayoría en su derecho a la conducción sin una oposición sistemática a la tarea de gobierno en bien de todo el país. Las actitudes de una y otra deben estar siempre subordinadas al bien común. La separación y el equilibrio de los poderes ejecutivo, legislativo y judicial, que la Constitución consagra, deben tener vigencia permanente y efectiva, evitando la indebida injerencia de un poder en otro y favoreciendo el juego libre y el mutuo control entre sí. Los partidos políticos son actualmente organismos de la democracia, cuya función esencial consiste en representar en modo global las diferentes ideologías y opciones políticas de una sociedad pluralista y aplicar consecuentemente su programa, si la voluntad popular los conduce al gobierno. Aunque el sufragio es uno de los medios para cumplir esas funciones, los partidos no pueden convertirse en meras empresas electorales cuyos objetivos terminan al día siguiente del comicio. Deben ser verdaderas escuelas de educación cívica y de esclarecimiento político, y practicar una democracia

interna que permita la confrontación de ideas y la renovación de los cuadros dirigentes. La oposición y el disenso deben ser constructivos. En un régimen político democrático hay adversarios, pero no enemigos. La finalidad de la oposición no es la anulación del que piensa distinto, sino la fiscalización serena y justa de la actuación de la mayoría gobernante y la propuesta de alternativas legítimas al juicio del pueblo. La democracia republicana exige la periodicidad de los mandatos públicos, la amplia publicidad de los actos de gobierno y un garantizado respeto por la libertad de expresión. La sana democracia deberá evitar estos peligros: la anarquía, o sea, la falta de un adecuado y eficiente ejercicio de la autoridad; el totalitarismo que recarga el ejercicio de la autoridad con acento excesivo y absorbe la actividad de los cuerpos intermedios y de los particulares; el abuso de poder, que distorsiona el ejercicio de la autoridad en bien propio o de grupos sectoriales; la demagogia, que es caricatura de la democracia. Sería demagogia prometer lo que no se está dispuesto a cumplir, o cualquier otra forma de ganar al pueblo con engaño. Pero no debe confundirse la demagogia con la atención y el interés serio de los gobernantes por el pueblo. Por el contrario, es obligación del gobernante preocuparse por el bienestar del pueblo que preside. No conciben con una verdadera democracia diversas formas de autoritarismo, que pueden invadir la mentalidad y la práctica política. El autoritarismo político descansa sobre un prejuicio de discriminación: sobre la falta conciencia de que solamente un grupo, o una persona por sus condiciones intelectuales o morales, estaría investido de capacidad y derecho para conducir a la Nación y, por consiguiente, de autoridad para gobernar. En su forma extrema, el autoritarismo no acepta la democracia y cae en la dictadura; pero a veces se presenta con una tentativa de adaptación a la democracia, aunque usando diversos mecanismos de marginación política. El autoritarismo suele enmascarar una forma de dominación de un solo grupo social sobre el resto de la sociedad. Es lo que rechaza la Iglesia cuando reprueba aquellas formas políticas que “desvían el ejercicio de la autoridad en la prosecución del bien común, para ponerla al servicio de un

grupo o de los propios gobernantes". No puede haber democracia política verdadera y estable sin justicia social. Ello implica la convalidación y cumplimiento en la práctica de aquellos logros sociales que sean justos y legítimos, alcanzados en nuestro caso por el pueblo argentino a través de su historia, y defendidos por la propia Constitución Nacional. No hay posibilidad de progreso político o de crecimiento económico sin un paralelo desarrollo social que, según las necesidades y los valores del pueblo, vaya creando instituciones y estructuras dirigidas a constituir la sociedad con igualdad de oportunidades reales y efectivas para todos sus miembros, y a tutelar, proteger y compensar la situación de sus miembros más débiles o marginados. Un signo de una democracia con sentido cristiano debe ser la universalidad de aquella justicia, con especial atención a los más necesitados. No hay democracia posible sin una leal convergencia de aspiraciones e intereses entre todos los sectores de la vida política con miras a armonizar el bien común, el bien sectorial y el bien personal, buscando una fórmula de convivencia y desarrollo de la pluralidad dentro de la unidad de objetivos fundamentales. Esa convergencia exige, por una parte, la iniciativa privada de las personas y los grupos sociales, y por otra, una planificación y coordinación democráticas por parte el Estado, en cumplimiento de su función de administrador del bien común. No hay democracia estable sin una sana economía y una justa distribución. La libertad y los derechos inherentes a toda democracia implican la responsabilidad y el deber de entregar lo mejor de cada uno a la empresa común de construir una patria justa. La democracia en la Argentina, por su tradición, exige también un alto grado de conciencia nacional, que signifique resguardar nuestra cultura y valores tradicionales sin cerrarnos por eso a los valores universales legítimos." [8]

Como se advierte en el documento antes citado, ninguno de los temas esenciales del régimen democrático y republicano, son omitidos. Y así de destaca el legítimo rol de la mayoría para gobernar, el de las minorías para existir y disentir. El equilibrio y control recíproco de los poderes para evitar el autoritarismo. La

necesidad de integrar las demandas políticas de un régimen democrático con una redistribución justa de los bienes en una economía que debe privilegiar la situación de los más postergados. La predominancia del bien común sobre los intereses sectoriales y el reemplazo de la destructora categoría política del “enemigo” por el adversario político asimismo se destaca el rol esencial de los partidos políticos como instrumentos de la práctica política y escuela de formación cívica de los ciudadanos.

En los años posteriores y hasta hoy este documento ha servido y sirve para un punto de encuentro entre distintas familias ideológicas y partidarias, en el debate sobre el régimen democrático.

Los partidos políticos, que fueron congelados por la dictadura militar al reaparecer en la vida pública, lo harán en la llamada Multipartidaria que agrupaba al Partido Justicialista, la Unión Cívica Radical, la Federación Demócrata Cristiana, el Movimiento de Integración y Desarrollo y el Partido Intransigente, constituidos en la JUNTA POLITICA CONVOCANTE, manifiestan que: “La Convocatoria Nacional, si bien tiene origen en los partidos políticos, es una gestión que se despliega en toda la comunidad argentina por encima de las diferencias partidarias, religiosas, económicas, sociales y culturales. Mira al país como un todo, a través de su pueblo y procura suspender la discusión acerca de las diferencias ocasionales o permanentes, con el propósito de obtener una solución argentina que termine con nuestra decadencia y resguardar la dignidad del hombre. Por eso, la Convocatoria no se limita a los partidos políticos, que aquí sólo juegan el rol inaudible de transmisores, orientadores y ejecutores de la opinión pública, porque con ellos no se completa la movilización de la voluntad general, ya que al margen de los propósitos partidarios o más allá de ellos, existen voluntades, criterios, ideas e intereses que completan el conjunto de la voluntad y la conciencia nacional. Con esta idea, se convocará a todos los que coadyuvan de una manera u otra a la realización nacional. Habrá que procurar un cabildo abierto multiplicado por cada población de la República, que reitere, pacífica, solidaria y

esperanzadamente, que el pueblo quiere saber de qué se trata y asumir el protagonismo histórico indelegable. De esta manera damos por iniciada la etapa de transición hacia la democracia, objetivo que constituye nuestra decisión intransferible e irrevocable. Lo hacemos bajo el lema del Episcopado Argentino: la reconciliación nacional”. [9]

Desde algunas distancias encontramos una reivindicación expresa de la democracia como sistema político legítimo y de los partidos como instrumentos claves de la participación ciudadana.

Me parece importante destacar que la reaparición de la cuestión democrática en Argentina, estuvo precedida por dos acontecimientos que han marcado a fuego nuestra historia reciente. Me refiero a los años de plomo y la derrota militar Argentina en Malvinas. La primera contribuyó a devolver en el ideario intelectual argentino y en la vivencia ciudadana, el valor e importancia de la democracia como sistema político y estilo de vida. La segunda, privó a las Fuerzas Armadas del último elemento legitimante del que disponían, frente a su derrota en términos militares frente a Inglaterra. La frase de campaña del Alfonsín, luego Presidente de la República, de que “la democracia no solo se vota, sino que se come y se educa” expresa cabalmente un sentimiento y convicción colectiva. Es real que con los años vendrán nuevas y reaparecerán viejas decepciones, que debilitaron esa confianza, pero nunca se quebró la convicción democrática recuperada. Pienso que esta es una de las claves de interpretación por la que se puede explicar nuestra continuidad democrática, cuando en nuestro pasado en situaciones mucho menos graves como la que se vivió en el vendaval hiperinflacionario del 89 o la crisis del 2001, se buscaron resolver por la intervención del poder militar.

Con un sentido provisorio me atrevo a formular algunas conclusiones, que no pretenden ser definitivas y que debieran servir para una discusión más extensa y profunda. Estas son:

1) La tradición republicana y la tradición democrática, durante mucho tiempo se mantuvieron divorciadas. En efecto la

tradición republicana de los primeros años del ciclo de estado argentino, no estuvo ligada a la tradición democrática.

2) La tradición democrática en su primera experiencia institucional (1912-1930), muchas veces estuvo distante de la tradición republicana.

3) El discurso democrático fue entendido de manera opuesta, durante el periodo peronista (1946-55).

4) La reivindicación democrática basada en el valor libertad, que enarbolo la llamada “Revolución Libertadora”, estuvo en contradicción con la praxis de los vencedores, que excluyeron de la vida política a los vencidos. La prohibición de la utilización de nombres y símbolos peronistas, unida a la proscripción del partido peronista en las elecciones de 1957 (convencionales constituyentes) y las de 1958 (presidenciales), que se repitieron durante varios comicios sucesivos, deslegitimaron el sentido democrático de nuestra vida política.

5) La proscripción sistemática de una importante parte de la ciudadanía, unida al papel tutelar que se auto asignaron las Fuerzas Armadas, contribuyó a vaciar de contenido el discurso republicano y el democrático.

6) Las interrupciones militares producidos por los golpes de 1966 y 1976, mostraron una nueva disociación en nuestra vida política. Al calor de la llamada Doctrina de la Seguridad Nacional, que veía en todo reclamo de justicia, la “amenaza comunista”, que hacía peligrar el orden y en la lectura de los que propiciaban cambios revolucionarios en la sociedad y en el estado, que reclamaban la lucha armada en lugar de la lucha cívica, la democracia desapareció del lenguaje y de la praxis política. Para decirlo de una manera gráfica desde la “derecha, obsesionada por el orden” y desde la “izquierda revolucionaria obsesionada por el cambio de estructuras”, la democracia fue dejada de lado. En el primer caso porque impedía obtener el ansiado orden y el segundo porque impedía la transformación rápida y efectiva de una sociedad injusta. La afirmación maoísta de que “el poder nace del fusil”, inspiró la lucha

revolucionaria, pero también fundamento la presencia de las dictaduras militares que afirmaron como imprescindible la presencia del fusil para vencer la denominada “subversión” y restaurar el orden.

7) La sociedad tampoco lamento demasiado la desaparición de la democracia y solo al calor de los resultados siniestros que se lograron en la “década de plomo”, fue posible el redescubrimiento del valor de la institucionalidad democrática y la vigencia republicana.

8) La reinstalación de un gobierno democrático en 1983, más que “una vuelta a la democracia” fue el comienzo de una etapa casi inédita en la vida argentina, establecer una democracia con república, que deslegitima el rol tutelar del poder militar en la vida política. Todo ello al propio tiempo que coloca la lucha cívica en lugar del ejercicio de la violencia, como forma y fundamento de la obtención del poder. Colocando a los derechos humanos como piedra angular del sistema político.

9) A lo largo de estos treinta cuatro años de democracia en argentina, no es posible afirmar que los sueños de “la vuelta a la democracia” se hayan realizado de manera integral, pero es importante destacar que la crisis políticas y económicas sociales del periodo se lograron procesar dentro del sistema de reglas democrático. La crisis hiperinflacionaria de 1989, la crisis político económica del 2001 y el exasperado debate político del periodo 2003.2015, se resolvieron sin la quiebra del sistema democrático y sin la presencia de la tutela armada.

10) Tras décadas de desencuentros y la vulneración sistemática de los derechos humanos, estos se han convertido en piedra angular del debate político y el funcionamiento de una democracia republicana .La inclusión de los tratados internacionales que garantizan los derechos humanos en la reforma constitucional de 1994, no solo han contribuido a afirmar ese papel angular de los mismos en el proceso institucional, sino que han reforzado la creciente convicción de la sociedad civil, que sin su vigencia y respeto no hay república ni democracia.

Citas

[1] El hombre y el Estado. Jacques Maritain. Ed. Kraft pag. 80.

[2] El hombre y el Estado. Jacques Maritain. Ed. Kraft pag. 130.

[3] Benjamin Villafañe Una Pasión Política. Selección e Introducción de Emilio Villariño, Círculo de Legisladores de la Nación.

[4] La figura política de Leopoldo Lugones en los años veinte Natalia Bustelo Papeles de trabajo. Revista electrónica del Instituto de Altos Estudios Sociales de la Universidad Nacional de General San Martín. ISSN: 1851-2577. Año 2, n° 5, Buenos Aires, junio de 2009.

[5] N° 54, Leopoldo Lugones, El payador y antología de poesía y prosa. Prólogo: Jorge Luis Borges, con la colaboración de Bettina Edelberg. Selección, notas y cronología: Guillermo Ara. Materias: Ensayo s. XX, Narrativa s. XX, Cuento s. XX, Poesía s. XX, Modernismo hispanoamericano. Páginas: XXXVII + 469. País: Argentina.

[6] Con la constitución contra la demagogia: la búsqueda de un nacionalismo republicano (1928 – 1930) Eduardo Toniolli (CONICET – UNR) Lic. en Ciencia Política (UNR). Becario del Conicet. Docente de Problemática del Pensamiento Argentino y Latinoamericano II (Filosofía, UNR).

[7] Estructuras corporativas estatales durante el Onganiato (1966-1970) stelo fragio Estructuras corporativas estatales durante el Onganiato (1966-1970). Publicada por politikon en agosto 9, 2016; febrero 21, 2017. Por Andreina Colombo y Philipp Edling.

[8] Iglesia y Comunidad Nacional. Conferencia episcopal Argentina.

[9] La multipartidaria.

EL ENFOQUE CREATIVO EN LA ENSEÑANZA Y EL APRENDIZAJE DEL ESPAÑOL COMO LENGUA EXTRANJERA

*Sánchez Posuelo Yoandry,
RUDN University, Moscú,
Shabanova Anna Yurievna,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscú*

Resumen. Este artículo analiza la efectividad del uso de música en las clases de español. La música se considera un recurso educativo moderno. Se dan recomendaciones para trabajar con música instrumental, melodías nacionales, así como con textos de canciones populares en español. El uso de la música en el aula crea un clima favorable, hace que las clases sean interesantes y memorables, cualquier material sobre una base musical se asimila mucho más fácil y rápidamente y se almacena en la memoria a largo plazo.

Palabras claves: metodología de la enseñanza de lenguas extranjeras; innovación; motivación; español; música.

THE CREATIVE APPROACH TO TEACHING AND LEARNING SPANISH AS A FOREIGN LANGUAGE

*Sánchez Posuelo Yoandry,
RUDN University, Moscow,
Shabanova Anna Yurievna,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow*

Summary. This article discusses the effectiveness of using music in Spanish lessons. Music is considered a modern educational resource. Recommendations are given for working with instrumental music, National melodies, as well as with texts of popular songs in Spanish. The use of music in the classroom creates a favorable climate, makes classes interesting and memorable, any

material on a musical basis is assimilated much easier and faster and stored in long-term memory.

Keywords: methodology of teaching a foreign language, innovation, motivation, Spanish, music.

Recientemente, la cuestión de encontrar métodos y formas óptimas de enseñanza de lenguas extranjeras se ha planteado cada vez con más frecuencia, sobre la formación, junto con el idioma, también la competencia lingüística y cultural de los estudiantes. Después de todo, «una lengua extranjera se considera un medio para expandir el conocimiento humanitario, desarrollando una percepción emocionalmente sensible del mundo» [3, p. 114]. Para implementar esta tarea en las clases de lenguas extranjeras, se utilizan cada vez más los aspectos socioculturales de los países de la lengua de destino. Nos gustaría detenernos en el aspecto musical con más detalle. Las ventajas metodológicas de la creatividad musical en la enseñanza de una lengua extranjera son evidentes. Se sabe que en la antigua Grecia, muchos textos se desaprendían cantando, y en muchas escuelas de Francia esto se practica ahora. Lo mismo puede decirse de La India, donde el alfabeto y la aritmética ahora se enseñan en la escuela primaria cantando.

Si bien la inclusión de un componente musical es uno de los métodos innovadores más efectivos en la enseñanza de lenguas extranjeras, cabe destacar su papel en la enseñanza del español. La paleta musical de los países de habla hispana es sumamente rica y variada, y el amor por la música española y latinoamericana a menudo se convierte en un factor decisivo para motivar el estudio del idioma español. La música de España y América Latina ofrece un amplio abanico de temas de debate. Además de los aspectos gramaticales y las características léxicas de un país en particular del idioma de destino, las canciones son una especie de enciclopedia que refleja la mentalidad y la riqueza cultural, dan un impulso a la discusión de cuestiones regionales y lingüístico-culturales, así como las peculiaridades del desarrollo histórico y factores étnicos y etnográficos relacionados (que encontraron un brillante reflejo

en el acompañamiento instrumental). Todo ello sienta las bases para el uso de un enfoque lingüístico y cultural, así como algunos aspectos de la etnopedagogía, que, en nuestra opinión, es un factor importante para la formación de especialistas altamente calificados.

Con la ayuda de melodías de diferentes países de habla hispana, puedes darle un toque nacional a la situación de la comunicación. Por ejemplo, para acompañar diálogos en español con ritmos flamencos para crear la atmósfera de España, tango - Argentina, salsa - Cuba, joropo - Venezuela, etc. Pero cualquier canción no es solo una melodía, sino palabras combinadas en un solo texto por las conexiones semánticas. Esto nos abre oportunidades amplias para trabajar con el texto. Evidentemente, a efectos educativos, es recomendable utilizar canciones con letra atractiva. Se debe elegir canciones cuya letra lleve una gran cantidad de información sobre la cultura y la historia del país o de la gente. Entre la rica variedad recomendamos estudiar canciones como “Comandante Che Guevara” (Cuba), “Nuestro cobre” (Chile), “Soberanía” (Panamá), “Simón Bolívar” (Venezuela), “Canto épico” (Carlos Mejilla Godoy, Nicaragua), “Canción con todos” etc. Entonces, la última de las canciones propuestas por nosotros introduce a los países de América Latina y su riqueza. Por ejemplo, “Rostro Bolivia, estaño y soledad” caracteriza a Bolivia como un país rico en estaño pero aislado (sin salida al mar), o “Un verde Brasil” Brasil verde, es decir, un país con rica flora, “pulmones verdes» Planetas, etc.

Son interesantes en términos de ideas y proporcionan un terreno rico para la discusión, incluso desde el punto de vista de la discusión de la filosofía de vida de los autores. Por ejemplo: la canción de la famosa cantante chilena Violeta Parra “Gracias a la vida” (“Estoy agradecida con la vida”) es filosófica y proporciona un terreno rico para la discusión. O la canción “Razón de vivir” (Victor Heredia), cuyo título se traduce como “El sentido de la vida”. - Melódico, muy adaptado a la música y fácil de recordar. Entre la música de los países de habla hispana, hay muchas de esas canciones. De las canciones conocidas, se puede destacar la canción “La bamba”, cuya letra tiene muchos versos intercambiables,

que a menudo varían. También tales canciones son “Guantamera”, “Quizás”, “Bésame mucho”, “Cucaracha” y muchas otras. - Son trabajos lingüísticos y orales de valor propio, ricos en vocabulario interesante, variedad de estructuras gramaticales repetitivas, expresiones figurativas, etc.

Por ejemplo, en la etapa inicial de aprendizaje, la canción “Canción del mariachi” se puede utilizar para consolidar el verbo gustar:

... Me gusta tocar guitarra, me gusta cantar el son ...

Me gusta tomar mis copas, aguardiente es lo mejor ...

Para consolidar el futuro del Futuro de Indicativo el tiempo se puede considerar la canción "Mi gran noche", gracias a cuyo texto se pueden elaborar las formas de los verbos regulares caminaré, descubriré, escucharé:

«Caminaré abrazando a mi amor ...

Descubriré que el amor es mejor ...

... y escucharé los violines cantar ...»

Y las formas de los verbos – excepciones: saldré, podré, habrá, sabrá:

... hoy saldré por la noche

...Podré vivir lo que el mundo nos da cuando el sol ya se esconde

«... ¿Qué pasará, qué misterio habrá?»

«... Y al despertar ya mi vida sabrá...»

Sin embargo, la letra de la canción no es todo.

La canción debe tener cierto ritmo, se debe cantar bien, transmitir el estado de ánimo del país, del pueblo hispano, etc. Consideramos que la popularidad de tal o cual canción es un factor importante, ya que la práctica demuestra que cuando los estudiantes comienzan a entender la letra de canciones famosas y amadas, como “Bésame mucho”, “La bamba”, “Quizás”, esto da un incentivo adicional para aprender el idioma ... Es interesante notar que una de las canciones que recomendamos “Tuna compostelana” dice sobre un dato muy interesante: el rey de España en el siglo XII dictó un decreto para que se crearan grupos musicales (“tunas”) en

cada universidad (recuerde que en nuestro país la primera universidad apareció en 1755). De lo que podemos concluir que la propia historia demuestra la eficacia de utilizar la música en la enseñanza para lograr resultados extraordinarios. En conclusión, me gustaría señalar que el uso de la música alivia el estrés psicológico en el aula, crea un ambiente favorable en el aula.

Las técnicas de manejo de canciones combinadas con otros métodos hacen que la práctica sea fácil, interesante y memorable, creando un efecto novedoso. Cualquier material de base musical se memoriza más fácil y rápidamente, y se deposita en la memoria a largo plazo de los alumnos. Pero la música no es un fin en sí mismo y no es un entretenimiento en el aula, sino un recurso educativo adicional que ayuda a consolidar y perfeccionar el material que se estudia.

BIBLIOGRAFÍA

1. Competencia metodológica del docente: libro de texto / ed. E. I. Passov, E. S. Kuznetsova. – Voronezh: Interlingua, 2002.
2. *Safonova V.V.* Tareas problemáticas en una lección de lengua extranjera. – M.: Evroshkola, 2000.
3. *Solovova E.N.* Métodos de enseñanza de lenguas extranjeras: curso avanzado. – M.: AST: Astrel, 2008.
4. *Ter - Minasova S.G.* Lenguaje y comunicación intercultural. – M.: Editorial de la Universidad de Moscú, 2004.
5. *Shevchenko E.I.* Utilización de material musical en las clases de lengua extranjera. Idiomas extranjeros en la escuela. – 2017. No. 2.
6. *Shabanova A.Y.* Structure and main parameters of the media discourse. / Collection of articles of the X International Scientific and Methodological Conference "Actual problems of Modern Linguistics and Humanities", Moscow: Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, 2018. – pp. 139-146.

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ И СПОСОБОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

*Санчес Посуэло Йоандри,
Российский университет дружбы народов, г. Москва,
Шабанова Анна Юрьевна,
Российский экономический университет
имени Г.В.Плеханова, г. Москва*

Аннотация. Долгое время до начала XX века в обучении иностранным языкам повсеместно применялся переводной метод обучения. Но со временем потребность в эффективной коммуникации на иностранном языке остро поставила проблему адекватных методов обучения. Произошел сдвиг акцента с языковой системы как основного объекта обучения на речевое действие, речевое поведение. Популярность стал набирать структурный метод обучения, во главе которого ставилось подражание устному речевому образцу, его имитация и заучивание. В последствии стали появляться методы, основанные на активной работе мышления, на развитии смысловой догадки. А чуть позже в качестве объекта обучения стали выделять речевые умения. Это породило возникновение коммуникативных методов обучения. Но со временем в методический «обиход» стали включать понятия «межкультурная компетенция» и «межкультурное обучение». То есть изучение языка уже не виделось в отрыве от культуры народов, говорящих на этом языке. В современной методике преподавания иностранных языков широкое распространение получил именно лингвосоциокультурный метод.

Ключевые слова: методы обучения, иностранные языки, эффективное обучение, коммуникация, лингвострановедение.

EVOLUTION OF METHODS AND TECHNICS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

*Sánchez Posuelo Yoandry,
RUDN University, Moscow,*

*Shabanova Anna Yurievna,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow*

Summary. For a long time before the beginning of the XX century, the translation method of teaching was widely used in teaching foreign languages. But over time, the need for effective communication in a foreign language has sharply raised the problem of adequate teaching methods. There was a shift in emphasis from the language system as the main object of training to speech action, speech behavior. The structural method of teaching began to gain popularity, which was led by imitation of an oral speech pattern, its imitation and memorization. Subsequently, methods based on the active work of thinking, on the development of semantic guesswork, began to appear. And a little later, speech skills began to be singled out as the object of training. This gave rise to the emergence of communicative teaching methods. But over time, the concepts of "intercultural competence" and "intercultural learning" began to be included in the methodological "everyday life". That is, the study of the language was no longer seen in isolation from the culture of the peoples who speak this language. In the modern methodology of teaching foreign languages, it is the linguosociocultural method that has become widely used.

Keywords: teaching methods, foreign languages, effective teaching, communication, linguistic and country studies.

История преподавания иностранных языков знает немало подходов к обучению языку. До конца XIX в. в качестве основного объекта при обучении иностранным языкам выступала сама языковая система. «Цель преподавания языка — это

сообщение знаний о его общей структуре», — писал в 1809 г. В. Гумбольдт [1, с.21]. Система языка изучалась посредством переводного метода. Основной целью переводного метода являлось обучение учащихся чтению. Перевод как способ объяснения и усвоения нового материала отвечал цели обучения лексике и грамматике иностранного языка.

Таким образом, в практике преподавания иностранных языков языковая система рассматривалась как глобальный объект обучения, вплоть до первых десятилетий XX века. Целый ряд экономических, политических и социальных причин определили сдвиг акцента с языковой системы как основного объекта обучения на речевое действие, речевое поведение человека на иностранном языке. Потребность в эффективном обучении иностранным языкам на уровне, пригодном для коммуникации, остро поставила проблему адекватных методов обучения.

На смену господствовавшему не одно столетие грамматико-переводному методу пришёл так называемый «прямой» метод. Уже в конце XIX в. в работах Г. Суита, Г. Пальмера – представителей прямого метода обучения, ставится совершенно иная практическая цель — научить учащихся говорить на иностранном языке. В качестве основного метода обучения выступает теперь не перевод, а следование, подражание устному речевому образцу, его имитация и заучивание. Наиболее четко речевая практика, речевые действия на иностранном языке (как основной объект обучения) выступили в концепции крупнейшего лингвиста, основоположника структурализма в языкознании Л. Блумфилда: «Между знаниями о языке и владением им нет никакой связи ... Владение языком — это не вопрос знания... Владение языком — это вопрос практики... В языке навык — все, а знание — ничто».

В то же время, начиная с 20-х годов XX века, психология стала обращать все больше внимания на понятийную и смысловую сторону явлений. Отмечается, что понимание общего принципа выполнения действия и выбор правильной

мотивации являются гораздо более важными факторами в процессе выработки навыка, чем частота повторения. Соответственно, в методике обучения иностранным языкам акцент перемещается на внутренние факторы, определяющие обучение; появляются методы, основанные на активной работе мышления, на развитии смысловой догадки. И хотя в центре внимания зарубежной психологии обучения иностранных языков продолжает фигурировать формирование речевых действий, требование их осмысления находит все больше сторонников (согласно “English Teaching Forum”, 1974).

На основе данных подходов Дж. Кэррол выделил две основные теории обучения. Аудиолингвальную теорию навыков (audiolingual habit theory), признающую первичную роль речи над письмом, и автоматизацию ее навыков. А также когнитивную теорию сознательного овладения кодом (cognitive code-learning theory), согласно которой усвоение языка является процессом приобретения сознательного контроля над фонологическими, грамматическими и лексическими моделями в основном путем сознательного изучения и анализа этих моделей.

Дж. Кэррол призывает к «глубокому переосмыслению имеющихся теорий обучения иностранным языкам в свете современных достижений психологической и психолингвистической теории». В целом ряде работ Дж. Кэррола, П. Пимслера, У. Риверс и других авторов ставится вопрос о переориентации обучения с речевого поведения человека на саму личность обучающегося, на необходимость учета его способностей, интересов, а также мотивов обучения.

По мнению известного психолога и лингвиста И.А.Зимней, именно в советской психологии были созданы все основные предпосылки для теоретического обоснования нового подхода к обучению иностранным языкам. Так, в работах советских психологов (Л.С. Выготского, П.П. Блонского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Л.В. Занкова, П.И. Зинченко и других) разработана общая теория деятельности и теория мыслительной и мнемической деятельности,

в частности. Большое внимание в советской психологии уделялось мышлению, осмыслению, пониманию в познавательной деятельности человека.

Эти психологические работы и лингвистическое учение Л.В.Щербы легли в основу сознательно-сопоставительного и сознательно-практического методов обучения иностранным языкам. В качестве объекта обучения и в том, и в другом направлении выступают речевые умения. Важно подчеркнуть, что именно в нашей стране в практике преподавания иностранного языка была впервые поставлена задача обучения мышлению на этом языке. Как отмечал Б.В. Беляев, «самым главным и основным психологическим принципом этого обучения следует считать, на наш взгляд, принцип обучения мышлению на иностранном языке. Учащихся надо обучать не просто иностранному языку, а мышлению на нем».

Таким образом, были созданы все теоретические предпосылки для третьего перемещения акцента в обучении иностранным языкам – с языка как системы и речи как процесса пользования системой **на речевую деятельность на иностранном языке.**

С 50-х до 80-х в мире существенно изменились методические ориентации, что нашло отражение в ведущих терминах методики, в целевых установках обучения: «обучение языку» сменилось на «обучением языку как средству общения», на смену чему пришло «обучение общению на иностранном языке» или «обучение иноязычному общению».

Иноязычная речевая деятельность как объект обучения иностранным языкам определила возникновение и развитие ряда современных методов, относимых к группе **деятельностно-личностно-коммуникативных** (в практике часто объединяемых под названием коммуникативных).

Коммуникативный подход предполагает усвоение иностранного языка непосредственно в функции общения. Одним из ключевых понятий данного подхода выступает коммуникативная компетенция, отражающая способности человека к

речевому общению. С этой точки зрения язык выступает не просто в виде самостоятельной речевой деятельности, а в функции средства общей деятельности человека. Как полагает Е.И. Вишнеvский, такой уровень владения языком можно рассматривать в качестве коммуникативного поведения.

В рамках такого подхода язык изучается во взаимосвязи со средой, внутри которой он функционирует, при этом принимаются во внимание участники коммуникации, их роли и условия общения.

В центре внимания коммуникативных методик находится формирование коммуникативной компетенции, уделяется большое внимание учету личностных особенностей учащихся, коммуникативной мотивированности учебного процесса.

До 1960-х годов культура присутствовала как самостоятельный элемент, сопряженный со страноведческими знаниями о стране изучаемого языка. Начиная с 70-х годов, этот элемент неразрывно входит в содержание обучения иностранному языку. Основной акцент при этом делается на развитие умений социального поведения в ситуациях повседневного общения.

Начиная с середины 1980-х годов интенсивно разрабатываются идеи интеграции культуры в теорию и практику преподавания предмета. А в начале следующего десятилетия в методический «обиход» уже уверенно входят понятия «межкультурная компетенция» и «межкультурное обучение». Именно в это время коммуникативная методика переходит в новый этап своего развития, связанный с поиском путей взаимосвязанного коммуникативного, социокультурного и когнитивного развития учащегося. Новое направление в развитии коммуникативной методики характеризуется такими понятиями, как «социокультурный подход», «интегрированное страноведение», «культуроведческий подход», «межкультурное обучение».

Как следствие возникает необходимость также рассматривать широкий круг дополнительных наук – социологию, социальную, общую, педагогическую и возрастную

психологию, дидактику, лингвострановедение, лингводидактику, психолингвистику, национально-культурную специфику речевого поведения и ряд других [2, с. 4].

Таким образом, язык не целесообразно рассматривать вне культуры его развития и существования. В современной методике преподавания иностранных языков широкое распространение получил лингвосоциокультурный метод, который рассматривает два аспекта общения - языковой и межкультурный.

Профессор С.Г. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» дает следующее сопоставление данных понятий:

Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира.

Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной литературе, в формах письменной и устной речи.

Язык – передатчик, носитель культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений.

Язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему родным языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т.п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения [3, с. 17].

Лингвосоциокультурный метод объединяет языковые структуры (грамматику, лексику и т.д.) с внеязыковыми факторами. На стыке мировоззрения в национальном масштабе и языка, то есть своего рода способа мышления (не будем

забывать о том, что человек принадлежит к той стране, на языке которой думает), рождается тот богатый мир языка, о котором писал В. фон Гумбольдт: "Через многообразие языка для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем.." [4, с.59]. Лингвосоциокультурная методика базируется на аксиоме: "В основе языковых структур лежат структуры социокультурные" [Там же]. Мы познаем мир посредством мышления в назначенном просвещенном поле и пользуемся языком для выражения своих впечатлений, мнений, эмоций, ощущений.

Наш лексикон пополнился новым словом бикультурная личность - человек, легко ориентирующийся в национальных особенностях, истории, культуре, обычаях двух стран, цивилизаций, миров. Для студента языкового вуза важен не столько высокий уровень чтения, письма, перевода (хотя это отнюдь не исключается), а прежде всего "лингвосоциокультурная компетенция" - способность "препарировать" язык под микроскопом культуры.

Цель изучения языка с помощью данного метода - облегчение понимания собеседника, формирование восприятия на интуитивном уровне. Поэтому каждый студент, должен относиться к языку, как к зеркалу, в котором отражаются география, климат, история народа, условия его жизни, традиции, быт, повседневное поведение, творчество.

Таким образом, иноязычная речевая деятельность как объект обучения иностранным языкам определила возникновение и развитие ряда современных методов, относимых к группе деятельностно-лично-коммуникативных. Одним из ключевых понятий данного подхода выступает коммуникативная компетенция, отражающая способности человека к речевому общению. С этой точки зрения язык выступает не просто в виде самостоятельной речевой деятельности, а в функции средства общей деятельности человека. Такой уровень владения языком можно рассматривать в качестве коммуникативного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.

2. Михеева Н.Ф. Методика преподавания иностранных языков: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: РУДН, 2010. – 73 с.

3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М.: 2000. – 262 с.

4. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

5. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 238 с.

6. Шабанова А.Ю. Современные формы проведения занятий по иностранному языку (на примере испанского языка), / Сб.: Сборник статей V международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук», М.: изд-во Российского университета дружбы народов, 2013. – С. 334-344.

7. Мухина Ю. Средства репрезентации иронии в художественном тексте-LAP, 2011-180 с.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

1. **Андрющенко Ирина Станиславовна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Инженерная академия, Российский университет дружбы народов, г. Москва, andryushchenko-is@rudn.ru

2. **Болотова Римма Шойдоржиевна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Инженерная академия, Российский университет дружбы народов, г. Москва, bolotova-rsh@rudn.ru

3. **Вильегас Санчес Мария А** – Universidad RUDN, Moscú

4. **Вильегас Санчес Рамон Хесус**, Universidad de Cádiz, Instituto Cervantes, Moscú

5. **Гавриленко Наталия Николаевна** д.п.н, профессор кафедры иностранных языков, Инженерная академия, Российский университет дружбы народов, г. Москва, nngavrilenko@narod.ru

6. **Гулиянц Анна Борисовна** – доцент, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой языкознания и переводоведения по учебной работе, saga-2@yandex.ru

7. **Гуреева Анна Андреевна** – к. филол. наук, доцент Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, gureeva@volsu.ru

8. **Должич Елена Анатольевна** – к.филол.н, доцент кафедры иностранных языков, Инженерная академия, Российский университет дружбы народов, г. Москва, dolzhichea@rudn.ru

9. **Ерошкин Антон Андреевич** – аспирант Московского городского педагогического университета, г. Москва, eroshkinaa@mgpu.ru

10. **Корзин Андрей Сергеевич** – лаборант кафедры иностранных языков, Инженерная академия, Российский университет дружбы народов, г. Москва

*11. **Королькова Светлана Азадовна** – к. пед. наук, доцент Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, 400062, проспект Университетский 100, korolkovavolsu.ru*

*12. **Рубини Франческо** – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Инженерная академия, Российский университет дружбы народов, г. Москва, francesco.rubini@mail.ru*

*13. **Сидорова Ирина Геннадьевна** – к.филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, ira.sidorovafomicheva@gmail.com*

*14. **Шалеева Елена Федоровна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Инженерная академия, Российский университет дружбы народов, г. Москва, lenashaleeva@mail.ru*

Научное издание

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Е.Н. Собанина*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 05.08.2022 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 29,76. Тираж 100 экз. Заказ 926.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: 8 (495) 955-08-74. E-mail: publishing@rudn.ru

Для заметок
